

1904.

Годъ 12.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

АСТА

38100

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 5.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1904.

1904.

Годъ 12.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 5.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1904.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 9 ноября 1904 г.

№ 2402.

Ректоръ : Г. Левицкій.

СОДЕРЖАНИЕ.

Научный отдѣлъ.

Стр.

Н. К. Г р у н с к і й. Кіевскіе глаголическіе листки. Выпускъ I. 1— 60

Приложенія.

Сборникъ въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского изданный
Императорскимъ Юрьевскимъ Университетомъ 1—155

Проф. Н. Н. Бѣлявскій. Полицейское право 49— 80

Проф. П. П. Пусторослевъ. Программа лекцій по общей
части русскаго уголовного права съ краткимъ изложе-
ніемъ нѣкоторыхъ понятій и объясненій. Выпускъ I . 49— 80

Н. К. Грунскій.

Київскіє
глаголическіє листки.

Выпускъ I.

Небольшой древне-церковно-славянскій памятникъ, такъ называемые Кіевскіе глаголическіе листки, является однимъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ славянской старины. Значеніе, которое придаютъ слависты изученію этого памятника, обусловливается особыми, характерными чертами языка, выделяющими рѣзко К. Л. изъ среды другихъ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятниковъ, тѣмъ матеріаломъ, который могутъ дать К. Л. для славянской палеографіи и отчасти славянской исторіи (исторіи славянской литургіи).

К. Л. давно уже останавливаютъ на себѣ вниманіе специалистовъ, но ни одинъ изъ нихъ еще не разсматривалъ памятника всесторонне. Изслѣдовались лишь извѣстные вопросы, и для рѣшенія ихъ принимались иногда далеко не всѣ данныя, которыя можно бы извлечь изъ памятника.

Много неясныхъ, темныхъ страницъ представляетъ для насъ время первоначальной церковно-славянской письменности. Много вопросовъ вызываетъ оно въ умѣ изслѣдователя. Здѣсь находится почва и для изслѣдователя исторіи церкви и политическихъ отношеній, здѣсь же возникаютъ вопросы чисто этнографическаго характера и узко лингвистическіе. Несмотря на многочисленные труды, мы все еще витаемъ здѣсь въ области предположеній, иногда очень сомнительныхъ и очень часто противорѣчивыхъ. И для настоящаго времени невозможно представить болѣе или менѣе полной, удовлетворяющей всѣхъ картины эпохи первоначальной церковно-славянской письменности. На это указали

опыты. И зависеть это не отъ изслѣдователей, а отъ недостатка матеріала, и отъ того положенія, въ какомъ находится разработка отдѣльныхъ, частныхъ вопросовъ. Необходимы еще детальныя изслѣдованія тѣхъ немногочисленныхъ сравнительно данныхъ, которыя имѣются. И тогда лишь можно будетъ надѣяться положить конецъ неопредѣленному состоянію хотя нѣкоторыхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ этимъ временемъ.

Въ своемъ трудѣ мы и попытаемся дать болѣе или менѣе всестороннее изслѣдованіе Кіевскихъ глаголическихъ листковъ.

Кіевскіе глаголическіе листки¹⁾ представляютъ собою рукопись изъ семи пергаменныхъ листовъ небольшого размѣра. Первая страница перваго листа содержитъ отрывокъ изъ апостольскихъ чтеній и молитву пресвятой Богородицѣ; на остальныхъ страницахъ рукописи 10 церковныхъ службъ (миссъ): 1 — въ память бл. Климента, 1 — въ память бл. Фелициты, 1 — св. великомученникамъ, 1 — небеснымъ силамъ и 6 — на всѣ дни. Итакъ, по содержанію отъ 1 л. об. рукопись-славянскій миссалъ.

Число строкъ разное:

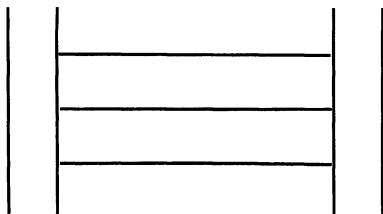
1 л. — 27,	1 л. об. — 22.
2 л. — 22,	2 л. об. — 24.
3 л. — 24,	3 л. об. — 24.
4 л. — 25,	4 л. об. — 24.
5 л. — 24,	5 л. об. — 24.
6 л. — 23,	7 л. об. — 23.
7 л. — 23,	7 л. об. — 23 (не считая посл. слова).

Линевка сдѣлана какимъ-то надавливающимъ инструментомъ, дѣлалась она съ одной стороны листа, черты выходили и на обратную сторону. Тамъ, гдѣ линія была вдавлена, она сохранила свой первоначальный свѣтлый цвѣтъ, на противоположной сторонѣ, будучи возвышенной, она потемнѣла. Общей разлиновкой листа объясняется и то, что строчки на двухъ страницахъ одного и того же листа сходятся обыкновенно, за исключеніемъ 1-й страницы, не относящейся къ миссалу и написанной позже. Впрочемъ, въ началѣ 1-й

1) Даю подробное описаніе рукописи, т. к. этого описанія мы не находимъ въ изданіяхъ памятника.

страницы мы замѣчаемъ попытки писать, соблюдая видимыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ строки противоположной страницы, но затѣмъ это не соблюдается.

Листы разлиnevываются такимъ образомъ:

Разлиневка не вездѣ сдѣлана правильно; пространство, заключающееся между боковыми чертами измѣняется; продольныя черты иногда заходятъ за вертикальныя. Первая колонна предназначена для буквъ большихъ, начинающихся отдѣльныя мѣста.

На второй, долженствовавшей быть свободной, обыкновенно видимъ продолженіе письма.

Буквы пишутся отъ строки, какъ бы висятъ. Что система писать подъ строчкой и надъ строчкой смѣшивалась въ древне-церк.-сл. письменности, на это указываетъ, напр., Псалтирь Синайская, гдѣ практикуются оба способа письма.

Слова пишутся въ большинствѣ слитно, если нѣтъ между ними знаковъ препинанія; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и безъ знаковъ препинанія замѣтно между словами небольшое разстояніе.

Пергаменъ довольно хорошій (качество его на разныхъ листахъ нѣсколько различается), тонкій, такъ что иногда видны слѣды буквъ слѣдующей страницы.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чернило потеряло свой яркій цвѣтъ и сдѣлалось нѣсколько рыжеватымъ.

Начиная съ 1 л. об. употребляется и красное чернило. Краснымъ черниломъ пишутся большія буквы въ заголовкахъ на 1 л. об. и 2 л., а съ 2 — л. об. и послѣ заголовочн. буквъ — большія начальныя буквы.

Такъ, напр.:

1 л. об.	Въ днь климента	(1-я стр.)
„	надъ оплатмъ	(9-я стр.)
„	прѣфациѣ до	(16-я стр.)

а 2 л. об. по въсѣдѣ	(1-я стр.)
„ мышѣ на всѣа дѣни въсего лѣта обѣдѣцѣ	(7-я стр.)
„ Б	(9-я стр.)
„ надѣ оплатѣмъ	(18-я стр.)
„ Б	(19-я стр.)
и т. д.	

Краснымъ черниломъ написаны также кресты на 7 л. (1 стр.) и 5 л. (19 стр.).

Нѣкоторые листы (1 л., 4 л., 5 л.) слишкомъ обрѣзаны наверху, такъ что захвачены болѣе или менѣе или почти уничтожены первыя строки.

Рукопись, являющаяся собственностью Кіевской Духовной Академіи, переплетена вмѣстѣ съ нѣсколькими листками простой бумаги, отчасти исписанной жертвователемъ іерусалимскимъ архимандритомъ Антониномъ. На первомъ листкѣ этой бумаги написано: „Въ Библіотеку Кіевской Духовной Академіи. Іерусалимъ 2 мая 1862“. Затѣмъ идетъ писанный алфавитъ глаголическій съ соотвѣтствующими кирилловскими буквами. Въ этой азбукѣ, написанной арх. Антониномъ, мы замѣчаемъ особенно слѣдующее: буквы глаголическія взяты имъ главнымъ образомъ изъ прилагаемаго памятника (т. е. К. Л.), но есть и изъ другихъ памятниковъ, напр. г, д, ж, е. Вмѣсто **ж** ставится въ кир. транскр. **ю**; **оу** обозн. черезъ **ж** и **ѣ**. На оборотѣ 2 л., параллельно тексту глаголическому, идетъ кирил. транскрипція: **стѣи мари** . . . (съ ошибками).

Первый обратившій вниманіе на разсматриваемый памятникъ былъ ак. Срезневскій, читавшій объ этомъ памятникѣ докладъ на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ 1874 г. Въ первый разъ въ полномъ видѣ К. Л. были изданы тѣмъ же Срезневскимъ въ „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ СПб. 1876 г. Подъ № LXXIII (стр. 490—3) помѣщенъ отрывокъ изъ книги апостольскихъ чтеній (часть 1-й стр. К. Л.). Въ его кирилловской транскрипціи, помѣщенной тамъ же, дѣлаются Срезневскимъ дополненія недостающихъ буквъ по кирилловскому охридскому списку, для сравненія же приводится соотвѣтствующее мѣсто

изъ Македонской книги. Срезневскій замѣчаетъ въ общемъ тамъ же, что „по начертанію буквъ письмо этой страницы подходитъ къ позднѣйшему письму Зографскаго Евангелія; почти то же можно сказать о правописаніи“ (490—1). — Подъ № LXXVII, на стр. 529—45, мы находимъ: описаніе (неполное) и изданіе остальной части рукописи (молитва св. Богородицѣ и миссы) глаголицей и въ кирилловской транскрипціи; нѣкоторыя замѣчанія Срезневскаго объ издаваемомъ памятникѣ, его оригиналахъ, при чемъ приводятся наиболѣе подходящія мѣста изъ латинскихъ миссаловъ и, наконецъ, очень краткія замѣчанія о палеографіи и языкѣ памятника. Въ изданіи Срезневскаго (въ глаголическомъ письмѣ) можно замѣтить довольно опечатокъ.

Въ „Трудахъ третьяго археологическаго съѣзда въ Россіи“ К. 1878 г. Срезневскимъ помѣщены были: „О глаголической рукописи, хранящейся въ Кіевской дух. академіи“ (269—70) и въ приложеніяхъ: Списокъ съ подлинника древняго глаголическаго миссала Кіевской духовной академіи кирилловскими буквами (185—197). Въ первой статьѣ говорится о глаголицѣ, ея памятникахъ, высказываются краткія замѣчанія о К. Л. и ихъ моравскомъ происхожденіи. При изданіи памятника мы находимъ тѣ же почти данныя, что и въ вышеуказанномъ трудѣ Срезневскаго. Въ изданіи этомъ Срезневскій стремился передать и нѣкоторыя палеографическія стороны памятника, но неудачно.

Во многихъ мѣстахъ мы замѣчаемъ неточности, пропуски. Для примѣра приведемъ лишь нѣсколько:

У Срезнев.

Нужно.

подазь

подазь

силоѡ

силоѡ

и

і или и (если руководствоваться его транскрипціей).

его

его

рованиа¹⁾

рованиа

1) По необходимости намъ приходится замѣнять нѣкоторыя недостающія начертанія другими, такъ: малый юсъ А, дръв-лат. d, з-е начертаніе и — і. Тоже относительно значковъ: остроугольный опрокинутый знакъ — такимъ же полукруглымъ.

У Срезнев.

сѡІАТИ

мѡченіѣ

ходатаіацію

сѣмѣ

грѣхѣ

чѣсти

Нужно.

сѡІАТІ (і)

мѡченіѣ

ходатаіацію

симѣ (сѣмѣ)

грѣхѣ

чѣстѣ

и пр.

Особенно Срезневскій не различалъ придыханій и во многихъ случаяхъ придыханія пропускались имъ (ударенія смѣшивались съ придыханіями и знаками долготы); ошибки встрѣчаются часто и въ пунктуации. Не буду перечислять всѣ неточности изданія Срезневскаго. Не представляется это нужнымъ въ виду существованія фототипическихъ снимковъ памятника и гораздо болѣе точнаго (хотя не вполне) изданія по этимъ снимкамъ ак. Ягича.

Еще до изданія „Свѣдѣній . . .“ Коляржъ въ чешскомъ Muzejník'ѣ (75 г. II), на основаніи доклада Срезневскаго на археологическомъ съѣздѣ и по немногочисленнымъ собственнымъ выпискамъ далъ небольшое сообщеніе о К. Л. Въ 1878 г. тотъ же Коляржъ на основаніи изданія Срезневскаго издалъ снова К. Л. въ Časopis'ѣ Musea Království českého (sv. III.) и къ изданію этому присоединилъ нѣкоторыя свои замѣчанія, касающіяся палеографіи и языка памятника. Въ статьѣ Коляржа попадаются крупныя неточности. Такъ, напр. Коляржъ говоритъ, что на всѣхъ страницахъ (за исключеніемъ 1-й) К. Л. по 22 строки. Дѣйствительно, 22 стр. на 1 л. об., а дальше, какъ мы видѣли, число строкъ измѣняется. Коляржемъ, очевидно, были просчитаны только строки на 1 л. об. и 2 л., а затѣмъ сдѣлано невѣрное обобщеніе.

На основаніи изданія Срезневскаго („Свѣдѣній . . .“) были напечатаны отрывки изъ К. Л. ак. Ягичемъ въ его „Образцахъ ц.-сл.“ СПб. 82 г. Изданы были отрывки съ раскрытіемъ титлѣ, современной постановкой знаковъ препинанія и безъ надстрочныхъ знаковъ. Въ изданію попадаютъ также неточности въ постановкѣ нѣкоторыхъ буквъ. Слово до-вѣчны ак. Ягичъ здѣсь раздѣляетъ: до (стойно), вѣчны.

Среди цѣнныхъ снимковъ при извѣстномъ сочиненіи Гейтлера „Die albanesischen und slavischen Schriften“ 83 г.

находились снимки съ 4 страницъ разсматриваемаго памятника. Въ самомъ изслѣдованіи Гейтлеръ удѣлилъ лишь нѣсколько словъ вопросу о происхожденіи памятника и далъ краткое описаніе рукописи и начертаній буквъ.

Въ 1890 г. было выпущено въ свѣтъ фототипическое изданіе всего памятника ак. Ягичемъ (*Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente. W. 1890*). Снимки К. Л. были присоединены здѣсь къ вновь найденнымъ и изданнымъ Вѣнскимъ Листкамъ, при чемъ ак. Ягичъ въ своемъ обширномъ предисловіи къ изданію, высказалъ нѣкоторыя мысли о К. Л., о ихъ родинѣ, о связи съ Вѣнскими листками, привелъ нѣкоторыя свои соображенія относительно славянской литургіи, соображенія, вызванныя обоими памятниками. Въ первомъ приложеніи находится текстъ въ кирилловской транскрипціи съ параллельнымъ латинскимъ текстомъ, взятымъ изъ латинскихъ миссаловъ, или представляющій лишь переводъ славянскаго текста (сдѣланный самимъ ак. Ягичемъ — за неимѣніемъ подобныхъ мѣстъ въ лат. миссалахъ). Въ примѣчаніяхъ къ тексту ак. Ягичъ даетъ указанія на источники, говоритъ о переводѣ, о нѣкоторыхъ формахъ. Тамъ же, въ первомъ приложеніи, говорится и о первой страницѣ К. Л.

Бъ изданіи ак. Ягича (кирил. транск.) мы отмѣчаемъ слѣдующія небольшія неточности:

Напеч.

1 л. об. 19 ^иоутіаже
 „ 5 веселішї
 „ 22 въ,

Слѣдуетъ.

^иоутіаже
 веселішї (черточка надъ і — не удареніе, а, какъ показываетъ знакомство съ рукописью, росчеркъ позднѣйшаго времени).
 въ. (опять фототипія не даетъ яснаго представленія: въ ней какъ бы запятая, а въ рукописи, скорѣе, точка. Если принять значокъ за запятую, то нанижемъ словъ исповѣди не будетъ значка, т. к. нижняя часть тогда будетъ лишь продолженіемъ).

	Напеч.	Слѣдуетъ.
2 л.	11 Фелицитѣи	Фелщѣи
2 л. об.	4	
"	19	
3 л. об.	19 } ^у і	і
4 л. об.	18 } ^у	
6 л. об.	14	
3 л. об.	19 въс ^і ѣдѣ	въс ^і ѣдѣ
"	22 отъ	отъ
4 л.	10 чловѣ	чловѣ
"	12 дазь	дász
"	16 есі	éсі
"	24 отъ	отъ
4 об.	6 оутврьдѣ	оутврьдѣ
"	19 образъмь	образъмь
5 л.	6 ги	гі
5 л. об.	4 нѣи	і нѣи
"	15 нашимъ :	нашимъ : .
"	17 оутврьдѣ	оутврьдѣ
7 л.	3 ѣже	іже
"	15 сіихъ	сі іхъ
"	23 нѣи	нѣи

(кажущійся здѣсь значекъ ничто иное, какъ конецъ верхней буквы і).

Надъ нѣи 2 об. 6 скорѣе, по нашему мнѣнію, значекъ тупого ударенія, а не [^], въ чемъ убѣждаетъ и сравненіе съ написаніями этого слова въ другихъ случаяхъ съ [^] а не съ [^]. Затѣмъ неточности въ постановкѣ точекъ кромѣ уже приведен. случаевъ. Напр., на л. 1 об. ₉ нужно 6 точекъ, а не 5, на 2 л. ₁₀ послѣ г^імь 3 точки, а не одна, на 3 л. об. ₉ послѣ очістѣ 2, 3 об. ₄ — послѣ н а ш ѣ 3, тоже 4 об. ₈ послѣ г^імь (на фототипіи не видно, такъ какъ въ рукописи заклеено) и т. д.

Точка ставится не въ верху строки, а посрединѣ или нѣсколько выше.

О значкѣ надъ отъпáдша 4 об. ₁₉ (хотя мы его и удерживаемъ въ дальнѣйшемъ) трудно сказать, удареніе ли это. Черточка нѣсколько не подходитъ по формѣ къ другимъ по-

добнымъ, да и цвѣтъ чернила отличается отъ нижнихъ буквъ.

Выдѣляемые ак. Ягичемъ заголовки отличаются не величиной буквъ сравнительно съ обыкновенными строчными (что замѣчается лишь на первыхъ страницахъ миссала), а какъ показываетъ подлинникъ, пишутся краснымъ черниломъ, что ихъ рѣзко отдѣляетъ. Напоминаютъ въ этомъ случаѣ К. Л. 2-й пражскій отрывокъ.

На фототипическихъ снимкахъ рукопись представлена въ натуральную величину. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на фототипіи надстрочные значки вышли рѣзче, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, какъ и рѣзче буквенные значки. Говоримъ это о первыхъ страницахъ общій тонъ которыхъ не черный, а рыжеватый.

Въ частности, о снимкахъ замѣтимъ слѣдующее:

1 л. об. 4 твоего — верхній и нижній значки происхожденія новѣйшаго.

Видныя черты на этомъ листѣ и на другихъ представляютъ позднѣйшую заклепку.

2 л. об. 19 Б совершенно ясно краснымъ черниломъ въ словѣ Близъ. Въ фототипіи этой буквы нѣтъ.

„ 24 въ словѣ приносимъ начальныя буквы пр ясно выступаютъ, на фототипіи затемнены.

3 л. 20 ясно е въ словѣ бже.

4 об. 8 Въ словѣ царствѣ первая буква ц выступаетъ только своей половиной (красная). На фототипіи черта этой буквѣ неясна.

5 л. 15 е въ словѣ очищение — ясно.

„ 12 послѣ по всѣмъ собственно одна точка, на фототипіи какъ бы отпечатокъ и второй.

5 об. 17 Въ словѣ всѣмъ на — ясно краснымъ черниломъ вторая половина буквы в. На фототипіи совсѣмъ нѣтъ.

„ 20 ясно краснымъ — мѣшѣ.

6 л. 13 видна палочка (первая половина ѣ) послѣ зашч.

„ 16 — тво — ясно.

Изданіе и изслѣдованіе ак. Ягича послужили толчкомъ для занятій К. Л. Появилось нѣсколько рецензій на трудъ Ягича, между ними нѣсколько довольно обширныхъ. Такъ:

Проф. Флоринскаго — Новое открытіе въ области глаголицы и вопросъ о происхожденіи славянскаго миссала (Университ. Изв. Кіев. 91 г.).

Проф. Калины (рецензія въ *Przegląd Pol.* 91, 18 стр.).

Щепкина (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. 91 № 1).

Проф. Пастернака (*Atheneum* 91 № 8).

Облака (*Ljubl. Zvon* 90.).

Стояновича (Наставникъ № 1).

Проф. Качановскаго (Вѣстникъ Славянства № 91 г.).

Вондрака (*Archiv f. sl. Ph.* Т. 14-й).

Послѣ упомянутаго изданія появилось также нѣсколько небольшихъ изслѣдованій разныхъ ученыхъ и самого Ягича, касавшихся глав. обр. одного вопроса — родины памятника. Разрѣшался этотъ вопросъ на основаніи собственно фонетическихъ сторонъ языка памятника. Въ 1894 г. вышла небольшая статья проф. Пастернака — *Starobylé dz ve slovenských nářečech a hlaholské zlomki kijevské a Pražské* (*Časop. česk. M.* 94 г., LXVIII). Въ *Arch. f. sl. Ph.* XVIII т. напечатана статья Облака — *Zur Provenienz der Kijewer und Prager Fragmente*, служащая возраженіемъ на мнѣніе пр. Пастернака. Тотъ же Облакъ удѣлилъ еще раньше нѣсколько страницъ К. Л. въ своей статьѣ *Zur Würdigung des Altslovenischen* (*Arch. XV*, стр. 358—62, *Die Kijewer Fragmente*; ср. его же „Нѣколко бѣлѣжки върху старословѣнскитѣ паметници. Бол. Сб. за Нар. Ум. 93 г., Т. 9-й). Въ 1898 г. напечатана была статья ак. Соболевскаго. Гдѣ написаны К. Отрывки (Вѣстникъ археологіи и исторіи). Послѣдними, посвященными спеціально К. Л., работами были мои замѣтки въ *Зап. Харьк. Унив.* (1901 № 1 и 4 — вопросу о палеограф. сторонѣ и ударенію; ср. *Рус. Ф. Вѣст.* 901 г. № 1) и небольшая статья Каринскаго относительно удареній (*Зап. Отд. Рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н.* 1901 № 3).

Кромѣ того, К. Л. со стороны языка, вопроса о родинѣ и нѣкоторыхъ иныхъ вопросовъ касались въ другихъ своихъ трудахъ упомянутые ученые, а также и другіе. Укажу здѣсь на слѣдующія работы: Миклошичъ (*Vergl. Grammat.* I), Вондракъ (*Altslov. Wenzelsleg. W.* 92; изд. *Glag. Cloz.* 93 г., *Die altsl. Gramm.*), Ляпуновъ (*Дрѣ Облакъ.* СПБ. 96; Ср. то же *Сборн. Ист. Ф. Общ. Харьк.* 96 г., а также изслѣдованіе о языкѣ синодалън. списка 1-й Новгор. лѣтописа СПБ. 99.), Соболевскій (*Рус. Фил. Вѣст.* 1900. — Церк.-сл.

тексты), Щепкинъ (Разсужденіе о языкѣ Сав. книги), Будиловичъ (Общеслав. яз. II) и особенно Ягичъ (Четыре палеограф. статьи. Приложение къ ломоносов. преміи 83 г. — Сбор. отд. Р. яз. и Сл. Им. А. Н. Т. 33-й), Grškovičev odlomak (Starine XXVI, 93 г.), Einige Streitfragen (Arch. f. sl. Ph. 20-й) и въ новѣйш. изслѣд. Zur Entstehungsgeschichte der kirch. Sprache I—II. Wien. 1900).

Переходя къ изслѣдованію К. Л., мы остановимся первоначально на древнѣйшей части памятника, на миссалѣ.

Прежде всего изученіе графики миссала убѣждаетъ насъ въ необходимости признать существованіе двухъ совершенно различныхъ почерковъ. Мы остановимся подробнѣе на этомъ, т. к. доказательство того, что текстъ миссъ былъ писанъ двумя писцами, можетъ имѣть значеніе и при разрѣшеніи нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ о памятникѣ.

Первымъ писцомъ были написаны 1 л. об., 2 л. и начало 2 л. об. до слова: „мышѣ“ (8 стр.). Далѣе идетъ 2-й почеркъ.

Разница почерковъ доказывается особенно слѣдующими данными:

I. Титла (безъ выноса буквъ).

1 л. об. = 2 л. об. (до 8 строчки). (Ср. фиг. 1.)

Съ 8 стр. 2 л. об. (Ср. 2.)

Съ 8 стр. 2 л. об. измѣняется характеръ титла: въ концахъ своихъ этотъ знакъ дѣлается болѣе заостреннымъ. Характерно въ этомъ случаѣ сравнить эти значки надъ числительными на 1 л. об. (1 строка) и 3 л. (16 стр.). Характеръ титла съ 8 стр. 2 л. об. до конца остается однимъ, измѣненіе замѣчается лишь въ болѣе прямомъ или наклонномъ положеніи горизонтальной и боковыхъ линій.

II. Придыханія.

Надъ гласными, начинающими слова, ставятся въ памятникѣ придыханія 2-хъ родовъ ¹⁾.

1) Относительно придыханій совсѣмъ неточныя свѣдѣнія въ новѣйшей статьѣ Каринскаго (Изв. Отд. Р. яз. и сл. 1901 г. № 3, 281—2). Объ этомъ подробнѣе мы будемъ говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Разница 1-го и 2-го почерка въ начертаніи этихъ придыханій довольно рѣзко бросается въ глаза. Первому принадлежитъ болѣе изящная, закругленная форма, чѣмъ второму. Здѣсь тонкое придыханіе состоитъ изъ закругленной первой части и горизонтальной линіи (ф. 3).

Во 2-мъ первая часть обыкновенно не закруглена, болѣе пряма и гораздо грубѣе (ф. 4).

Густое придыханіе 1-го почерка носить нѣсколько неясную форму (ф. 5.).

Во 2-мъ оно болѣе ясно и опять болѣе грубо (ф. 6.), состоитъ изъ 2-хъ черточекъ, при чемъ первая является обыкновенно въ болѣе или менѣе наклоненномъ положеніи. Въ употребленіи придыханій съ 8 стр. 2 л. об. мы отмѣтимъ дальше нѣкоторую непослѣдовательность, смѣшеніе.

III. Ударенія и другіе надстроч. значки.

Въ обозначеніи удареній — остраго и тупого мы наблюдаемъ разницу. Знакъ тупого ударенія ставится довольно сильнымъ надавленіемъ пера, черта выходитъ довольно рѣзкая. Значекъ же остраго ударенія другого характера: онъ очень тонокъ. Въ начертаніи этого значка 1-го и 2-го почерка очень мало разницы, даже нѣтъ никакой съ перваго взгляда. Гораздо больше разницы въ формѣ другого значка, который, какъ увидимъ дальше, также употребляется для обозначенія ударенія (долгаго) или долготы. У 1-го писца значекъ этотъ преимущественно полукруглый или въ видѣ запятой съ утолщенной нижней частью, у 2-го обыкновенно остроконечный (ф. 7). Говоримъ, что у 1-го преимущественно, потому что видимъ употребленіе и остроконечнаго, какъ у 2-го употребленіе кругловатаго. Можно замѣтить разницу иногда въ постановкѣ этихъ значковъ, надъ ѣи, ѣи. Стоитъ сравнить въ этомъ случаѣ написаніе на 1 л. об. 16 стр. довѣчьныи съ написаніемъ этого же слова въ другихъ мѣстахъ: напр., 3 л. и пр.

Въ другомъ значкѣ, имѣющемъ форму противоположную только что указаннымъ (обращенномъ концами вверхъ), но употребляемомъ также для обозначенія ударенія и долготы (ф. 8), разница не такъ бросается въ глаза, хотя, присмотрѣвшись, мы также ее замѣтимъ. Прежде всего у 2-го писца на первыхъ порахъ мы замѣчаемъ какую-то неуставлен-

ность въ формѣ этого значка — болѣе широкой или болѣе суженной. Затѣмъ, какая-то неувѣренность проглядываетъ и дальше, когда писавшій ставилъ этотъ знакъ между гласной и согласной.

IV. Начертанія буквъ.

Здѣсь я коснусь лишь нѣсколькихъ буквъ, особенно поражающихъ разницей своихъ начертаній у 1-го и 2-го писца.

Въ начертаніи **а** — 2-го почерка нѣтъ такой закругленности въ началѣ поперечной черты. Вертикальная черта заканчивается хвостикомъ вправо, а не влѣво, какъ у **а** 1-го почерка. При чемъ у **а** 1-го п. горизонтальная линія неравномѣрно раздѣляется вертикальной: большая часть справа (ф. 9).

Въ начертаніи **и** (ф. 10) разница тотчасъ же бросается въ глаза. Первымъ почеркомъ правый полукругъ пишется самостоятельно отъ черточки идущей влѣво; во 2-мъ онъ сливается съ этой послѣдней (исключенія рѣдки).

Въ начертаніи **р** 2-го поч. вмѣсто черточки, раздѣляющей горизонтальную линію, видимъ обыкновенно черточку вправо (ф. 11), (то же можно сказать и о буквѣ **х**).

Начертаніе **оу** 1-го п. какъ бы состоитъ изъ 2-хъ глаголич. **о**, — 2-го п. 2-я часть этой буквы иная (ф. 12).

Начертаніе **ц** перв. п. начинается обыкновенно съ вертикальной линіи, 2-я линія выходила уже наклонной. Во 2-мъ п. обѣ линіи наклонны. Характерно въ этомъ случаѣ начертаніе на 3 л. об., 5 стр. въ словѣ: **прѣфаціѣ**.

Въ начертаніи **ч** (ф. 13) 2-го почерка наблюдаемъ развитіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ нижняго закругленія; иногда верхнія черты болѣе прямы, чѣмъ 1-го п.

Начертанія глухихъ 1-го почерка обыкновенно прямыя, — 2-го наклонны.

Замѣчательны начертанія носовыхъ гласныхъ:

1-го п. **а** (ф. 14) 2-я часть меньше первой попадаютъ иногда одинак., напр. **святѣ Іоб₁₁**), **ж** (ф. 15) 2-я ч. тоже меньше первой.

Особенно ярко это въ **по в ѣ с ѣ д ѣ** 2₄ то же въ начерт. **ж** (ф. 16).

2-го п. обѣ части одинаковы и пишутся раздѣльно. Иногда лишь въ начертаніи **а** вторая часть меньше (ф. 17).

V. Заголовки пишутся большими буквами

особенно 1-мъ почеркомъ: напр., по въ сждѣ, прѣфациѣ заполняютъ почти все разстояніе между строчками, въ то время какъ обыкновенныя буквы занимаютъ около $\frac{1}{2}$ междустрочнаго пространства. У 2-го писца эта разница сглаживается: заглавныя буквы занимаютъ не такъ много мѣста, а иногда дѣлается разница въ томъ, что заглавныя буквы пишутся раздѣльно (Ср. 3 л., 3 л. об., 4 об., 5, 7 л. об.). У перваго писца заглавныя буквы благодаря тому, что онѣ должны были раздаться въ высоту, представляются болѣе угловатыми, у 2-го же болѣе круглы. Но все же и у 1-го писца мы не замѣчаемъ въ написаніи заглавныхъ и обыкновенныхъ строчныхъ буквъ такой, напр., разницы, какъ въ Сборникѣ Клоца, гдѣ большая разница обусловливается гораздо болѣшимъ мѣстомъ занимаемымъ заглавными буквами сравнительно съ обыкновенными строчными.

VI. У перваго писца заголовки писаны киноварью, числительныя же въ этихъ заголовкахъ черниломъ (черн.); послѣднимъ писаны и начальныя буквы каждой новой службы. У втораго писца краснымъ черниломъ написаны не только заголовки, но и всѣ упомянутыя начальныя буквы. Числительныя въ заголовкахъ сначала черныя (собств. одно б), а затѣмъ красныя (в, г, д, е).

Надстрочные значки.

Прежде всего поражаетъ въ К. Л. сравнительно съ другими древне-церк.-слав. памятниками изобиліе разнообразныхъ надстрочныхъ значковъ.

Здѣсь употребляются титла безъ выноса буквъ и съ выносомъ буквъ, значки, копирующие греческія придыханія и значки для обозначенія разнообразныхъ удареній и, какъ увидимъ, долготъ. Значки эти мѣняютъ, какъ мы видѣли, нѣсколько свою форму; колеблется также число ихъ на разныхъ страницахъ.

Эта сторона памятника очень важна: она показываетъ на извѣстную школу, на знакомство съ греческими памятниками и на своеобразное подчасъ примѣненіе свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ греческой графики. Эта сторона открываетъ

намъ яснѣе и отношеніе К. Л. къ другимъ др.-ц.-сл. памятникамъ и на нее слѣдовало давно уже обратить вниманіе, прежде чѣмъ говорить о родинѣ памятника, о его судьбахъ. Употребленіе нѣкоторыхъ значковъ и ихъ форма выдѣляютъ К. Л. изъ числа другихъ извѣстныхъ намъ др.-ц.-сл. памятниковъ, дѣлая ихъ въ этомъ случаѣ совершенно *unicum*.

Титла безъ выноса буквъ (ср. начертанія — раньше).

Въ К. Л., въ разбираемой части, при 2-хъ почеркахъ и измѣненіи титла, замѣтна извѣстная твердость, постоянство каждаго писавшаго въ начертаніи титлъ. Здѣсь нѣтъ такого разнообразія, какъ въ другихъ др.-ц.-сл. п., гдѣ титла пріобрѣтаютъ иногда самыя разнообразныя формы. Въ послѣднемъ случаѣ замѣтно уже не такое вниманіе къ этимъ значкамъ, привычка къ широкому ихъ употребленію. Тутъ не при чемъ, конечно, и небольшіе размѣры памятника. Начертаніе титлъ носить вполне уставный характеръ.

Титла, подобныя титламъ 1-го почерка мы находимъ въ Синайскомъ Требникѣ, напр., въ словѣ спниѣ¹⁾, титла 2-го п. отмѣчаемъ въ Синайской Псалтири²⁾, Ассемановомъ Евангеліи³⁾, Сборникѣ Клопа⁴⁾ и въ томъ же Син. Требникѣ¹⁾. Въ Маріинск. Ев. попадаются иногда титла, похожія на титла, К. Л. 1-го почерка, напр., хотя бы, на 9-й стр. 21 строка (см. фототип. изданіе Ев. отъ Луки).

Подъ титломъ въ К. Л. находятся такіа слова:

Бѣ 1 об. 2, 2 об. 10;
 бже 1 об. 18, 2, 13 2 об. 3 31, 3 об. 5, 4, 15 4 об. 2 5 14
 5 об. 7, 6 10 7 об. 15.
 гмѣ 1 об. 9, 15 2 3, 17, 10 2 об. 7 и т. д.
 гѣ 1 об. 10 2, 6, 2 об. 19 3 10 и т. д.
 исм 3 15, исоу 6 11.
 хмѣ 2, 3, 3 8, 3 об. 16 хоу 6 11, хѣ 4 об. 13.
 бѣа 7 4, бѣи 7 об. 16.

1) Снимки у Срезневскаго Древн. глаг. пам. (Таблицы XIV а II, 16 стр.).

2) Снимки при изданіи Гейтлера и при изслѣдованіи его „Die albanesis. und sl. Schriften“.

3) Снимки при изданіи Рачкаго.

4) Снимки при изд. Копитара и Вондрака. Въ этомъ памятникѣ недостаетъ въ титлахъ только задняго загиба.

Въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ мы видимъ постановку титла надъ тѣми словами, которыя въ К. Л. писались цѣликомъ.

Такъвъ Зографск., Маріинскомъ Ев. многочисл. примѣры: аплѣ, блгнѣ, чкѣ, прсѣ прсо, нбсѣѣмѣ, снѣ, отцѣ, дшеж, бжиѣ, срдце, адлѣ.

То же въ Клоц. Сб.: мѣкмѣ, цркѣ, стоумоу, сноу, чска, чкѣ, оцмѣ, спсние, нбо и пр.

Въ Пражскихъ Отр. мы видимъ подъ титломъ такія слова, какъ: вшѣхѣ, стхѣ, стаѣ, апѣтолѣи.

Въ К. Л. мы видимъ иногда пропускъ буквъ (напр. помлмѣ сіа, нашмѣ и пр.), недописанныя слова, но въ этихъ случаяхъ нѣтъ титла, очевидно это послѣднее ставилось въ строго опредѣленныхъ немногихъ словахъ.

Титла съ выносомъ буквы

употребляются очень рѣдко, лишь въ двухъ случаяхъ:

1 л. об.	чѣ ^т сі
2 л.	издѣ ^р шеніѣ

Форма титла такая же, какъ и въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ-закругленная. Ср., напр., на снимкѣ къ Клоц. Сб. (2 снимокъ, 6 строка отъ конца): вѣ^к (въ транскрипціи у Вондр. невѣрно передано черезъ вѣк, 751 строка).

Придыханія.

Придыханія въ К. Л., какъ мы уже видѣли, 2-хъ родовъ — тонкое (ψλή) и густое (δασεια).

Начертанія этихъ придыханій подобны древнѣйшимъ греческимъ. Въ греческихъ рукописяхъ первоначально придыханіе тонкое изображалось \neg , т. е. посредствомъ второй половины буквы Н, а густое \neg . Эти начертанія переходятъ первоначально въ угловатыя, т. е. теряютъ половину вертикальной черточки (нижнюю), а затѣмъ угловатыя переходятъ въ начертанія кругловатыя. Уже въ X в. мы замѣчаемъ въ греческихъ рукописяхъ смѣну древнѣйшихъ начертаній пере-

ходными, хотя древнѣйш. начертанія и чередуются съ новыми въ памятникахъ до XII в. Съ XII в. господство новыхъ формъ (упомянутыхъ угловатыхъ и кругловатыхъ).

Намъ важно отмѣтить, что для греческихъ рукописей VIII—IX вв. типическими начертаніями придыханій являются тѣ же, которыя мы отмѣчаемъ въ К. Л.

Употребленіе \neg въ К. Л.:

а 4¹³; 5^{5, 16} 7 об.²; анделъ 7⁶; апóстолу 1 об.^{20—21};
 апостоль 7 об.¹⁹.
 его 1 об.⁸; его же 1 об.⁶; еси 3 об.^{11, 15} 4 об.^{3, 22}
 6 об.⁶ 6³; есть 6^{7—8}.
 іаже 3 об.¹⁵.

Употребленіе \vdash .

избави 4²⁴; 5 об.¹⁴; избавленіѣ 4¹⁰; изволи 2 об.¹²;
 издрѣшеніѣ 2¹⁰, —ие 5 об.⁹; исповѣди 1 об.²² 2¹.
 іже 4 об.¹⁴; імѣже 3 об.¹⁷.
 і 1 об.^{4, 11, 18}; 2^{5, 16, 19}; 2 об.^{4, 5, 6, 11, 14, 16, 20}; 3^{3, 5, 14, 19}; 3 об.^{6, 9, 10, 22}; 4^{11, 12}; 4 об.^{5, 10, 11, 15};
 5^{9, 15}; 5 об.^{2, 3, 13, 14, 19, 22}; 6^{3, 5, 6, 9, 18, 19};
 6 об.^{9, 13, 14, 19}; 7^{4, 5, 6, 8, 9, 10, 22}; 7 об.^{1, 8, 9, 16, 17, 18, 20, 21}; іже 1 об.^{2, 19}; 2 об.¹⁰; 3 об.^{2—3, 11}; 6²; 7³; ізбави 3²⁴; імамъ 5 об.²; іхъ 6 об.¹⁴;
 7 об.^{3, 10, 23}; іхъже 3⁶; імъ 3⁸; імѣже 5¹¹.
 обидѣѣ 2 об.⁹; образъмъ 4 об.¹⁹; объемъ 2¹⁰;
 обѣта 3 об.¹⁰; обѣщаніѣ 2^{8—9}, —ие 4 об.²³; обѣ-
 цѣлъ 3 об.¹¹; обрати 4 об.¹¹; огрядѣѣ 1 об.¹;
 оплатъмъ 2 об.^{18, 24}; 4⁷; 4 об.¹⁶; 6¹ 7¹⁹ 2¹⁷;
 отъми 5 об.²¹; отъцемъ 4 об.^{14—15}; отъведе
 5 об.^{12—13}; отъ 1 об.¹⁴; 3 об.²² 4^{5, 24}; 5^{9, 21—22};
 5 об.^{12, 21}; 6²⁴; 7 об.¹⁴; отъдѣзь 4 об.¹⁰; отъ-
 плати 7 об.⁴; очішченіѣ 3¹³, —ие 5^{15—16}; очисти
 1 об.¹⁵; 3²⁰; 3 об.^{9, 46}; 5 об.¹³; 7 об.¹²; 4¹³;
 6 об.¹⁷ (съ иной орфогр.); очистити 5¹⁰ —тъ 3 об.²¹.
 оубо 1 об.⁸; оуподобилъ 4 об.^{19—20}; оупъвание
 2 об.²¹; оутъврѣди 2 об.¹⁵; 4 об.⁶; 5 об.¹⁷;

б об. ¹⁹⁻²⁰ — лъ б об. ⁸; оутѣже і об. ¹⁹; оуче-
никъ 2¹.

ѣже 3²⁰, 5¹⁴; ѣкоже 4³, 4 об. ³, 6 об. ⁶, 7¹⁴; ѣкъѣже
5²; 5 об. ².

На стр. 1 л. — 2 об. (до 8 стр.), писанныхъ 1-мъ почеркомъ, пропущено придыханіе і разъ въ словѣ еже на 2⁸. На 1 л. об. ⁹, въ словѣ оплатъмъ, трудно сказать что-либо определенное вслѣдствіе неясности написаннаго.

Замѣнено разъ 1- черезъ √

ѣнокости і об. ³¹⁻³².

На страницахъ, писанныхъ 2-мъ почеркомъ, наблюдается больше случаевъ пропуска придыханій, попадаютъ и случаи (очень немногочисленные) ихъ смѣшенія.

Пропущено 1- въ сл. слов.:

анделъ 7 об. ¹⁸; апостолъ 7⁸; есмь 3 об. ²⁰, 4³; еси
4¹⁶, 18; ѣже 5 об. ⁴; 6 об. ⁶; ѣже 4 об. ¹⁸⁻²⁰.

Замѣнено 1- черезъ 1- въ сл.:

еси 4¹⁶, 3 об. ³.

Пропущено 1-:

исм 3¹⁵; — оу 6¹¹; і 2 об. ²³ 4²³;

ѣже 3 об. ¹⁰; оплатъмъ 6 об. ¹⁰; отъпадшиа 4¹⁹;

оуслѣйши 2 об. ²¹.

(Неясно относительно отъ 4¹⁶⁻¹⁷).

Итакъ, на основаніе приведенныхъ данныхъ мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно придыханій въ К. Л.:

- 1) Форма придыханій въ памятникѣ древнѣйшая.
- 2) Придыханія ставятся только въ началѣ словъ надъ гласными.
- 3) Употребленіе придыханій въ К. Л. своеобразное:
 - а) 1- ставится надъ буквами а, е, іа;
 - б) 1- став. надъ буквами о, оу, ѣ и и (з-якимъ его начертаніемъ).

Эти выводы устраняютъ тѣ невѣрныя наблюденія, которыя были сдѣланы г. Каринскимъ (Изв. отд. р. яз. и слов. 1901 г. № 3, 281—2). Г. Каринскій видитъ въ К. Л. лишь одно придыханіе и говоритъ, что это придыханіе ставится надъ начинающей слово гласной и иногда въ серединѣ слова надъ гласной, непосредственно слѣдующей за другой гласной. Для доказательства г. К. приводитъ достояніи. Но этотъ единственный примѣръ ничего не говоритъ, т. к. здѣсь мы видимъ очевидную ошибку писавшаго, принявшаго і за союзъ.

Нѣкоторую аналогію придыханіямъ К. Л. можно найти въ Изборникѣ в. кн. Святослава Яросл. 73 г. (См. фотолитографическое изданіе Общ. Люб. древ. письм. 80 г.) и Погодинской Псалтири.

Въ Изборникѣ в. к. Св. 73 г. надъ гласными въ началѣ слова и въ серединѣ послѣ другой гласной ставится придыханіе двухъ видовъ — тонкое и густое, при чемъ форма этихъ придыханій часто видоизмѣняется (ф. 18).

Густое придыханіе ставится надъ и, о, оу, надъ остальными гласными — тонкое.

Такъ, напр., на стр. 4:

ста'аго, гако, г'есть, вѣроу'ють, а'плъ и др.

'инаго, 'отвѣтъ, 'о, 'или хотащ'ихъ о'упѣвати и др.

Но тамъ же мы отмѣчаемъ такіе случаи, какъ: нанъ, н'емъ, показывающіе, что значекъ этотъ, кромѣ придыханія употреблялся для обозначенія мягкаго согласнаго. Данный значекъ мы находимъ и надъ ѣр — п'ървы (6 об. I₆₋₇), йсп'ърва (6 об. II_{13, 9}) и пр. Употреблялся онъ и для показанія пропуска буквъ.

Указанное разграниченіе надъ извѣстными буквами придыханій мы наблюдаемъ въ Изборникѣ (за немногими исключеніями), лишь до 86 листа. Съ 86 л. начинается исключительное господство разнообразныхъ начертаній тонкаго придыханія; такимъ образомъ, буквы, стоявшія послѣдовательно подъ густымъ придыханіемъ, теперь также послѣдовательно носятъ придыханіе тонкое. Исключеніе видимъ лишь на большихъ буквахъ, начинающихъ извѣстный отдѣлъ: онѣ, въ большинствѣ, носятъ прежнее придыханіе. Характерно, напр., 126 об. II₁₇.

Такъ идетъ до конечныхъ страницъ ¹⁾, до послѣсловія (263-й). На этихъ послѣднихъ мы наблюдаемъ вначалѣ какъ бы борьбу послѣдующей разстановки съ прежней, а затѣмъ господство послѣдней, т. е. той, которую мы отмѣчаемъ на первыхъ 86 листахъ.

Наши наблюденія надъ Изборникомъ 73 г. могутъ быть поставлены въ связь съ тѣми, которыя были сдѣланы еще въ 1882 г. ак. Шахматовымъ, отмѣтившимъ разницу въ употребленіи значка ' при сочетаніяхъ ѣр, ѣл, ѣр на л. 1—86 и послѣдующихъ ²⁾.

Въ Изборникѣ мы видимъ въ употребленіи значковъ лишь отзвукъ прошлаго: очевидно, для переписчика они не имѣли уже никакого значенія, и онъ рабски подчинялся своимъ оригиналамъ. Значки онъ ставилъ очень часто чисто механически. Это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ мѣстахъ, гдѣ нужно было ему выступить самостоятельно (напр., въ началѣ, въ послѣсловіи) онъ допускалъ или смѣшеніе или пропуски ³⁾.

Въ Погодинской Псалтири мы также отмѣчаемъ присутствіе системы придыханія К. Л., но уже смѣшавшейся, какъ въ Св. Изб.

Отголоски подобнаго же, повидимому, употребленія придыханій мы находимъ въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ древне-ц.-сл.-памятникахъ. Напр., въ „Видѣніи ап. Павла“, изд. Яцимирскаго (Изв. Отд. р. яз. и сл. 99 г. т. IV, 459—62).

То же самое въ Толковомъ Апостолѣ 1220 г. (См. Воскресенскій. Древній слав. ап., 53, 55, 58—9, 63, 64).

Впрочемъ, употребленіе значковъ въ указанныхъ памятникахъ, если они точно воспроизведены, показываетъ, что чутье къ нимъ переписчиковъ притупилось совершенно и значки употреблялись безразлично.

Затѣмъ нѣкоторую аналогію К. Л. относительно придыханій можно подмѣтить въ Синайскомъ Требникѣ, но не въ смыслѣ ихъ постановки, а въ формѣ начертаній.

1) 127 об. только безъ значковъ; на 129 въ заголовкѣ надъ буквами густое придыханіе надъ о и и.

2) Zur Textkritik des Codex Sviatoslai vom J. 1073. Arch. f. sl. Ph. т. 16-й, 593 стр.

3) Слишкомъ поверхностно разобраны надстрочные значки Изборника (и не обращено вниманія на указанную раньше разницу) въ изслѣд. Изб. — Розенфельда (Рус. Фил. Вѣстн. 99 г. № 1—2).

Въ Синайск. Тр. данные надстрочные значки по страницам мѣняютъ нѣсколько свою форму. Преобладающая форма угловатая (болѣе или менѣе остроконечная) ставится въ началѣ надъ гласными и въ словѣ при стеченіи гласныхъ (надъ второй). Надъ нѣкоторыми буквами (особенно а, за-тѣмъ ж, ю, і) этотъ значекъ переходитъ въ фигуру, похожую на древнѣйшую форму греческ. долгаго ударенія.

Кромѣ того въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто указанной преобладающей формы начертаній ясно выступаетъ начертаніе подобное наблюдаемому въ К. Л. Такъ, въ имѣющемся у насъ снимкѣ съ 49 листа.

Иногда мы видимъ начертаніе напоминающее тупое удареніе, вмѣсто указанныхъ выше :

оубоѣвъша, і.

Указанные случаи можно наблюдать и на снимкѣ приложенномъ къ трудамъ Гейтлера (*Die albanesischen und sl. Schriften* и изданіи Требника).

Какъ показываетъ другой имѣющийся у насъ снимокъ, значекъ, вродѣ тупого ударенія, представлялъ собою неудачный переходъ отъ придыханія остроконечнаго къ кругловатому.

Въ Синайской Псалтири встрѣчается значекъ, по начертанію похожій на начертаніе преобладающаго значка придыханія въ Син. Тр. Какъ показываютъ 79—87 стр. изданія Гейтлера, значекъ этотъ ставился на начинающихъ слова гласныхъ, при встрѣчѣ въ словѣ гласныхъ. Ставился онъ и въ такихъ случаяхъ какъ земли 299₁₋₂, земли 300₁₈ (Ср. Введеніе Гейтлера VII), употребляясь какъ показатель смягченія. Въ примѣрѣ многихъ — обозначеніе пропуска послѣ м.

Переходимъ теперь для сравненія къ надстрочнымъ значкамъ въ другихъ древне-ц.-слав. памятникахъ.

Зографское Ев. То, что говоритъ о надстрочныхъ значкахъ З. Ев. ак. Срезневскій въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Древніе глаголич. памятники“ (150 стр.) нѣсколько неточно, какъ показываютъ снимки съ этого Евангелія, приложенные къ труду Гейтлера (*Die albanesischen und sl. Schriften*) и изданію Ев. ак. Ягича и отчасти слова этого послѣдняго. Говорю: „отчасти“ потому, что ак. Ягичъ въ *Prolegomena* къ изд. говоритъ, что *in codice signa varia superposita sunt*,

и затѣмъ говорить о тѣхъ знакахъ, которые онъ употребляетъ въ изданіи. О точкѣ надъ буквами Ягичъ ничего не говорить и ея нѣтъ на снимкахъ, между тѣмъ, какъ Срезневскій замѣчаетъ, что надъ гласными употребляется знакъ, похожій на точку. Къ точкѣ приближается иногда знакъ ъ, но основной обликъ его все же ясенъ. Ягичъ въ Prolegomena (VII) замѣчаетъ, что иногда начертаніе значка неопредѣленно, такъ что можно сомнѣваться, ставить ли апострофъ или другой знакъ. Принимая во вниманіе эти слова, все же нельзя согласиться, какъ убѣждаютъ снимки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ его транскрипціей. Такъ, напр.:

Транскрипція Ягича.

Снимки.

понеже	понѣже
ѣскони	ѣскони
ѣзvoli	ѣзvoli
ѣ	ѣ
тѣофиле	тѣофиле
ѣрода	ѣрода
ослабленоумоу	ѣослабленоумоу
нѣими	нѣими
нѣемъже	нѣемъже

и пр.

Я не могу согласиться съ словами маститаго ученаго, высказанными имъ при изданіи Маріинскаго Евангелія:

„Надстрочные значки — ихъ очень мало — сохранены всѣ въ напечатанномъ текстѣ, хотя можно бы и безъ нихъ обойтись; я признаюсь откровенно, не придаю этого рода точности никакого значенія. Въ рѣдкихъ случаяхъ можно типограф. путемъ вѣрно передать всѣ эти палеографическія мелочи; для нихъ должно быть отведено свое мѣсто въ снимкахъ (418 стр.).

Послѣднія слова совершенно вѣрны. Но все же необходимо установить извѣстную систему и въ этихъ палеографическихъ мелочахъ, чтобы онѣ не могли ввести въ извѣстное заблужденіе. Необходима извѣстная послѣдовательность въ передачѣ ихъ типограф. путемъ, далекихъ, правда, отъ точности.

Изъ приведенныхъ примѣровъ уже можно заключить, что у переписчика въ постановкѣ знаковъ была нѣкоторая неустановленность, шаткость, особенно это нужно сказать о значкѣ для обозначенія мягкости, но въ постановкѣ значка надъ гласными, начинающими слово или слѣдующими за другими гласными, наблюдается довольно послѣдовательное обозначеніе черезъ нѣсколько кругловатый значекъ. Этотъ значекъ, можетъ быть, и возникъ изъ начертанія густого придыханія, обозначаемаго въ текстѣ Ягичемъ, но снимки не даютъ намъ во многихъ случаяхъ права обозначать ихъ.

Тѣмъ болѣе считаемъ правомъ сдѣлать наши эти указанія, что въ транскрипціи издаваемаго Ев. Ягичъ употребляетъ и полукруглый значекъ. Возьмемъ, напр., л. 249. Здѣсь: 'імъ, 'іже и ѡште. Слѣдовательно, есть какая-то разница. Между тѣмъ по снимку этой разницы нѣтъ, во всѣхъ случаяхъ значекъ полукруглый.

Въ Маріинскомъ Ев. надстрочные значки употребляются очень рѣдко. Насколько можно было убѣдиться изъ данныхъ, которыя можно извлечь изъ снимковъ къ трудамъ Ягича, Гейтлера, литографиров. изданію Ев. отъ Луки и нѣсколькихъ страницъ, видѣнныхъ мною въ Вѣнской придворной библіотекѣ, надстрочные значки пріобрѣтаютъ разную форму. Очень часто видимъ значекъ похожій на господствующій въ Зо гр. Ев. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ значекъ пріобрѣтаетъ противоположную форму, напр., надъ **ж** послѣ гласныхъ. Въ общемъ нельзя не видѣть сходства съ Зограф. Ев. и весьма возможно, что въ Маріинск. Ев. мы видимъ лишь жалкіе остатки такой графической системы, которая отмѣчаетъ собою Зограф. Ев.

Хилендарскіе листки. Въ изданіи Срезневскаго (Древніе славянскіе памятники юсов. письма. Сборн. статей, чит. въ отд. р. яз. и сл. Им. Ак. Н., т. III, 68.) значки поставлены въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно произвольно, въ чемъ можно убѣдиться, сличивъ съ фототипическими таблицами изданія Кульбакина (СПб. 1898.). Впрочемъ, иногда въ изданіи Срезневскаго попадаетъ болѣе точная постановка знаковъ, чѣмъ въ транскрипціи, сдѣланной Кульбакинымъ. Укажу на II Аа 8 строка — лести**ж**: у Срезневскаго надъ **ж** есть значекъ , какъ и въ снимкахъ, у Кульбакина — нѣтъ; *ibid.* 8 стр. стѹхнемъ — у Срезневскаго **е** съ точкой наверху, какъ и въ пам., у Кульб. нѣтъ. Въ X. Л. строго нельзя

иногда различить форму значка, болѣе опредѣленные начертанія ' - ' , при чемъ одинъ значекъ переходитъ постепенно къ формѣ другого; очевидно, для переписчика эти значки по значенію своему были совершенно одинаковы, почему иногда трудно опредѣлить будетъ ли это - или . Постановка ихъ такая же, какъ и въ Зограф. Ев. Подобно Зограф. Ев. отмѣчаемъ такіе примѣры:

страшнѣйшѣмъ	і	Ва ₁₈₋₁₉	
въсприимъ	і	Вв ₅	(а не spiritus asper, какъ то въ тран- скрипціи г. Куль- бакина).
и		і	Вв ₈

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Кульбакинъ, мы не видимъ значковъ тамъ, гдѣ ожидали бы — при стеченіи гласныхъ.

Ватиканское или Ассем. Ев. По словамъ Рачкаго (Uvod., VII), въ этомъ памятникѣ находится значекъ, похожій на греческое густое придыханіе, иногда на значекъ краткости или circumplex. Какъ показываютъ снимки при изданіи Рачкаго и трудъ Гейтлера (Die albanesischen . . .) значекъ этотъ принимаетъ не только указанную Рачкимъ форму, но дѣлается мѣстами продолговатой чертой, напоминаетъ острое удареніе, переходитъ иногда чуть ли не въ точку. Писецъ часто, очевидно, не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ постановкѣ значка, не зналъ, что съ нимъ дѣлать. На это указываютъ такіе случаи, какъ, напр., надъ кто значекъ ставился не послѣ к для обозначенія пропуска буквъ, а надъ т. Постановка знаковъ въ общемъ такая же, какъ и въ пред. памятникахъ.

Супрасльская рук. Здѣсь мы видимъ употребленіе многочисленныхъ значковъ и ихъ смѣшеніе по формѣ, но въ то же время извѣстную довольно строгую граф. систему. Тонкое придыханіе (ф. 19) надъ ь рѣже ь въ плавныхъ сочетаніяхъ (У Миклошича въ Prolegomena къ изд. памятника указаны примѣры). Значекъ тонкаго придыханія употребляется для обозначенія пропуска буквы, кромѣ того ставится, наряду съ густымъ, надъ ѣ, и. Миклошичъ въ своихъ замѣчаніяхъ не обращаетъ вниманія на разницу въ начертаніяхъ

тонкаго придыханія, а она наблюдается. Густое придыханіе, имѣющее угольную форму, употребляется надъ гласными въ началѣ слова, въ серединѣ при стеченіи гласныхъ и въ концѣ; наряду съ густымъ очень рѣдко употребляется и тонкое. Такъ, напр. въ сл.: 'и, 'отъ, 'отъгонити. (Таблицы при изданіи, Ср. новое фотограф. изданіе), наряду съ этимъ: вои'нъ, при-з'ваніе и пр. (Ср. 6 Іл. фот. изд. Г'его, но 'емоу, 'отъ и пр.).

Полукруглый (опущен. внизъ) значекъ ставится надъ **оу, и, ю, ѡ**, если имъ предшествуетъ гласная. Этотъ же значекъ употребляется при согласныхъ: л, н, р, к, г, х для обозначенія гл. обр. мягкости.

Охридское Ев. Въ изданіи Срезневскаго (Древ. глаг. пам. СПб. 1866 г.) надъ **і, и** ставится точка. Какъ показывают снимки у того же Срезневскаго (Др. гл. п. 10 листовъ сн.) и у Гейтлера (Die alb. und sl. Schr.) должна стоять не точка, а полукругъ неправильный.

Въ этомъ случаѣ характерно сравнить съ нѣкоторыми особенно листами Зограф. Ев. Образцы фот. изъ л. 117, 155, 249 (при изд. Ягича) даютъ намъ любопытные примѣры того, что сначала исчезали значки надъ гласн. о, е, ѣ, сохраняясь особенно надъ **і**.

Остромирово Ев. Преобладающей формой изрѣдка сохранившихся значковъ является полукруглая. Такіе примѣры, какъ: ан'тоина (263), еѵліе 'іоана (27, 28 и др.), при чемъ значекъ иногда мѣняетъ свою форму на болѣе остро-конечную (или 'ідана — 38), говорятъ намъ о постановкѣ, по значенію родственной предыдущимъ памятникамъ. Какъ и въ другихъ памятникахъ значекъ употреблялся и для обозначенія пропуска буквы (алеѣандроу и пр.). Встрѣчаются примѣры: четвѣр'токъ (35), анна (178), варавѡ (186), н'емь (317) и пр.

Аналогичные примѣры анна Остр. Ев. мы видимъ въ Клоцовомъ Сб. Замѣчательно, что въ этомъ послѣднемъ памятникѣ рѣдко употребляющійся полукруглый значекъ приуроченъ особенно къ **и**. Вотъ любопытные примѣры употребленія въ этомъ случаѣ значка:

пламеннѣ (67 стр., по изд. Вондрака), законнымъ 74, беззаконны 345, ср. также 272, 283, 682; скврѣнны 96 II ср. друг. слова II, 58, 130, 215.

Для насъ важны такіе случаи, какъ ѿи (502), ѿиже (30). Затѣмъ во многомъ аналогію другимъ др.-ц.-сл. памятникамъ представляетъ такая постановка, какъ пасхѣ 322, ткмо, начаткъ 270, многы 379 и н. др. или огнь, ѿиже (107, 235), нынѣ 412.

Слѣдовательно, и въ этомъ памятникѣ, несмотря на нѣкоторое на первый взглядъ отличіе отъ другихъ др.-ц.-сл. памятниковъ, мы видимъ, въ сущности сходство. Здѣсь лишь жалкіе остатки извѣстной системы.

Въ рукописи, содержащей Слова Григорія Бого-слова (см. изслѣд. Будиловича, 6) вмѣсто іотации часто ставится полукруглый значекъ: ѿда, ѿельма; для обозначенія мягкости нѣго; надъ и: йма, йже; для обозначенія пропуска буквы: псати; при стеченіи гласныхъ: отѣажчаѣе.

Въ Болонской Пс. мы видимъ опять этотъ же полукруглый значекъ или надъ нѣкоторыми буквами (ѣ, а) обращенный внизъ. Или онъ принимаетъ видъ запятой или продолговатой линіи. Ставится надъ начальными гласными въ словѣ и при стеченіи гласныхъ. (Пользовались мы снимками, сдѣланными ак. Ягичемъ.)

Въ Саввиной кн., по наблюденіямъ Щепкина (Разсужденіе о Сав. кн. Извѣстія отд. р. яз. и сл. 98 г. № 2, 185), значекъ одинъ — „изыщная запятая, выгнутая влѣво“, при чемъ этотъ знакъ иногда до того малъ, что „легко можетъ быть принять за точку“. Ставится онъ почти въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ.

Точку мы находимъ въ Святослав. Сбор. 76 г.

Пражскіе отрывки. Въ этомъ памятникѣ мы находимъ 2 примѣра постановки знаковъ, при чемъ по формѣ послѣдніе похожи нѣсколько на придыханія К. Л. Это въ словѣ юда (ф. 20)¹⁾. Еще Шафарикъ въ своемъ изслѣдованіи Пр. О. обратилъ вниманіе на эти значки, считая ихъ Tonzeichen (Glagol. Fragm., 50) и указывалъ на сходство съ греческими придыханіями 8—9 вв. Переписчикъ не отдавалъ, очевидно, себѣ отчета, ставя эти значки и, какъ показываютъ начертанія, лишь старательно копировалъ ихъ. Ана-

1) Написаніе этого слова въ литогр. прил. даемъ по рукописи. Какъ видимъ, первый значекъ въ изд. Шафарика нѣсколько неточенъ.

логії по значенію здѣсь, конечно, съ К. Л. нѣтъ никакой. Нѣсколько похожій знакъ (въ значеніи ударенія) мнѣ удалось подмѣтить въ копировкѣ одной рукописи Хв. у Монфакона (ср. стр. 274, надъ словомъ *διαλογος*).

Наблюденія, сдѣланныя нами надъ памятниками древне-церк.-сл. письменности, заставляютъ насъ признать существованіе нѣсколькихъ различныхъ палеографическихъ школъ или, по крайней мѣрѣ, пріемовъ. И изслѣдуемый нами памятникъ сильно разнится отъ большинства другихъ др.-ц.-сл. памятниковъ.

Прежде всего несомнѣнно вліяніе на всѣ др.-ц.-сл. памятники перечисленные греческой палеографіи. Но здѣсь сказались вліяніе системъ разнаго времени и высказывается разное отношеніе заимствователей славянъ.

Внѣшняя форма придыханій К. Л., какъ мы уже сказали, древнѣйшая. Такіе значки по формѣ характеризуютъ собой глав. обр. 8—9 вв. греческой письменности. Въ 10 в. мы уже замѣчаемъ не только употребленіе придыханій, похожихъ какъ бы на нашу запятую и обратный ей по формѣ значекъ, но употребленіе полукруглаго значка, живо напоминающаго значки перечисленныхъ памятниковъ. Особенно также наблюдается это въ рукописяхъ конца 10 в. и дальнѣйшаго времени. Въ этихъ рукописяхъ находимъ и употребленіе древнѣйшихъ значковъ наряду съ ихъ позднѣйшими замѣнами.

Так. обр. придыханія, употребляемые въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ, сравнительно поздняго происхожденія, чѣмъ въ К. Л. Лишь въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаемъ остатки древнѣйшихъ придыханій наряду съ новыми.

Затѣмъ, Кіевскіе Л. отличаются отъ другихъ др.-ц.-сл. памятниковъ тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ придыханій при стеченіи гласныхъ въ словѣ, а только надъ гласными, начинающими слова. Эта черта также, несомнѣнно, говоритъ о ихъ древнѣйшей графикѣ.

Если въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ мы замѣчаемъ въ употребленіи придыханій очень часто недостатокъ сознательнаго отношенія, а лишь факты слѣпого подражанія, то въ употребленіи придыханій въ К. Л. — наоборотъ. Здѣсь замѣчается систематическое употребленіе этихъ значковъ и

при томъ своеобразное. Мы уже отмѣтили, что тонкое придыханіе ставится надъ:

а, е, а (или іа, т. к. одинъ здѣсь знакъ).

Вспомнимъ, что въ кириллицѣ эти самыя буквы въ началѣ словъ употреблялись ютированными и мы, кажется, найдемъ отчасти объясненіе, почему надъ ними ставилось тонкое придыханіе, а надъ остальными густое.

Любопытное разсужденіе относительно тонкаго и густаго придыханія мы находимъ въ одной грамматической статьѣ, приписываемой Максиму Греку, въ которой онъ, говоря о ненужности для русской графики дасіи, уподобляетъ густое придыханіе глухому произношенію ъ, а тонкое — ъ:

А глѣмѣи дж'хы, си рѣ фѣл'и ѡ и' дасіа с, в' началѣ ѡ гласовнаго начинаемы реченіи точію полагаются, посредѣ же и николіже. и' о'вогда оу'бо е'дини полагаются, 'овогда с силами, ли 'о'ѣю ' , ли періспомениу ~, ли вариєю '. такоже и оу' ва рѣсѣ подобае бывати. вѣжъ же, іако оу' ва рѣсѣ фѣл'и и 'единъ мѣсто е, а дасіи нѣ ѡню. Ёллины бо сїи оумыслишїа потребнѣ на разѣленіе разѣма тоже и'менны реченіи, іакоже и' оу' ва рѣсѣ великы ѡ и' малы ѡ раздѣляюся речеа нѣкаа, іако се іадѣ и' сѣ іадѣ (Разсужд. старины о ц.-сл. языкѣ. Изслѣд. по рус. яз. СПб. 95 г. 604, 605).

Для насъ должны бы быть важными разсужденія другого грамматика Константина Констанческаго, потому что для него также образцомъ являлась греческая графика и правильному употребленію значковъ онъ придавалъ огромное значеніе; въ искаженіи послѣднихъ онъ видѣлъ одинъ изъ сильныхъ недостатковъ сербской письменности. Но съ одной стороны,

и самъ онъ сознавался, что и его сочиненія не лишены этихъ недостатковъ; съ другой стороны, его замѣчанія, напр., о дасіи очень темны; тѣ же комментаріи, которые мы находимъ въ позднѣйшихъ спискахъ, говорятъ намъ о совершенно иной системѣ, чѣмъ та, которую мы имѣемъ въ древнѣйшихъ ц.-сл. памятникахъ.

Любопытныя данныя, по нашему мнѣнію, можетъ отчасти дать при выясненіи значенія придыханій въ такихъ памятникахъ, какъ К. Л., и латинская палеографія. Въ латинскихъ памятникахъ, начиная съ 8 вѣка по 13-й, мы видимъ употребленіе значковъ, копирующихъ древнѣйшія греч. придыханія. Правда, система ихъ употребленія совсѣмъ иная, но важны мотивы внесенія ихъ въ латинскую графику. И вотъ какое объясненіе находимъ мы у тогдашнихъ писателей:

И littera sive illam spiritum magis, quam litteram dici oportet. Inferebant eam veteres nostri plerique vocibus verborum firmandis roborandisque, ut sonus earum esset viridior vegetiorque. Atque id videntur fecisse studio et exemplo Atticae.

(Gellius Noct. Att. 1. 2. cap. 3.)

An rursus aliae redundant, praeter illam aspirationis notam, quae si necessaria est, etiam contrariam sibi poscit.

(Quintilianus, lib. I de Inst. or.)

А вотъ какое болѣе подробное объясненіе употребленію ихъ мы находимъ у англо-саксонскаго писателя такъ наз. Бридферта (замѣняемъ, передавая его слова, нѣкоторыя особыя англо-с. буквы латинскими):

Dasia nys na to forgitanne he ys thus geziged aspiratio, thaet ys H. Gif he ahwar byth forgyten thaer he beon sceolde thon sceal man hine thus amerkian and eft. Gif he byth ahwar geset thaer standan ne maeg thonne sceal man hine thus genytherion.

(Выдержку эту мы находимъ въ англо-сак. транскрип. у Wanleii. *Antiquae literaturae septentrionalis* II, 156 стр., изд. 1705 г. Отсюда же мы заимствовали и ранѣе привед. выдержки).

Т. е.:

Дасья — не нужно забывать, называется она аспирацией, это есть Н. Если она не поставлена тамъ, гдѣ должна стоять, то должно такъ обозначить ¹, и наоборотъ — если гдѣ-либо, гдѣ она стоитъ, она не должна стоять, то нужно ее уничтожить (постановкой) ¹.

Итакъ наши наблюденія приводятъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Придыханія въ К. Л. свидѣтельствуютъ о заимствованіи палеографическихъ приемовъ греческихъ рукописей 8—9 вв. При чемъ заимствование это было примѣнено своеобразно къ слав. почвѣ: тонкимъ придыханіемъ хотѣли обозначить мягкость какъ бы закрытость произносимой гласной, густымъ — твердость, извѣстную широту произносимыхъ гласныхъ.

2) Система эта не ограничивалась однимъ памятникомъ; ея слѣды, остатки мы отмѣчаемъ въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ, при чемъ:

3) эти послѣдніе и остальные др.-ц.-сл. памятники по своимъ надстрочнымъ значкамъ примыкаютъ къ палеографическимъ приемамъ греческихъ рукописей 10—11 вв. Въ частности, относительно этихъ памятниковъ можно сказать, что они въ своихъ надстрочныхъ значкахъ не проявляли такой самостоятельности, какую отмѣчаемъ въ К. Л.; въ нихъ замѣчается часто механичность въ постановкѣ, слѣпое подражаніе и копировка и потому часто упадокъ, нарушеніе долженствовавшей быть системы; наряду съ этимъ нужно отмѣтить и стремленіе вложить извѣстное, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, значеніе въ употребленіе надстрочныхъ значковъ, напр., обозначая ими пропускъ буквъ, мягкость согласныхъ или гласныхъ, однозвучность графически видимому двойного звука.

Ударенія.

Въ К. Л. мы находимъ цѣлую систему значковъ для обозначенія удареній краткихъ и долгихъ.

Здѣсь мы видимъ опять-таки заимствованіе изъ греческой графики (древнѣйшей) и своеобразное примѣненіе къ славянской почвѣ.

Ударенія острое и тупое (краткія). — Данныя по листамъ.

	Острое удар.	Тупое удар.
1 л. об.	лѣта, клімента, подазь, силѡѡ, мѣченіѣ, рова- ніѡа, свѡтѣ, апѡстѡлоу, Пѣтроу, чѣстнаго.	да, нѣи').
2 л.	тѣлесе, литіѣ, обѣщѣніѣ, рѣснотѣвѣнаѣ, издѣшеніѣ, подазь, намъ, вѣсепогѣйї, прізьрі.	нѣи (2 раза), наплѣненї.
2 л. об.	вѣсепогы, поствѣ, 2 почеркъ — вѣсѡа, свѡѡ, помілова, спѣсѣненіѣ, намъ, нашьѣ, твоѡѡ, насъ, прѡсімъ, мо- лѣтвѡѡ, оуслѣиши оупъ- ваніе, вѣнѣмѣмъ, тѣбѣ.	нѣи. да.
3 л.	твѡѡа, молімъ, вѣйшнѣмі, вѣчѣнаѣ, твѡѣ, намъ (2 р.), нашѣмъ, прѡсімъ, дѡстоѡні, очѣшченіѣ, вѣра, насъ.	да (3 р.), нѣи (2 р.).

1) Надъ ѣ, ѣи, ѣ, и намъ приходится ставить знаки нѣсколько не на томъ мѣстѣ, какъ въ рукописи, въ силу условій типографскихъ. То же пришлось сдѣлать и раньше съ постановкой значковъ придыханій (даже въ такихъ случаяхъ, когда мы передавали примѣры транскрипціи изъ З о г р. Е в. ак. Яг.).

	Острое удар.	Тупое удар.
3 л. об.	тѣбѣ, ¹ ѣси (2 р.), съпасеніе, ѣси, тѣбе, нашіхъ, ¹ намъ, ѣсмъ, нѣ'и.	да, тѣ'а, ¹ і, небесъсѣ'і.
4 л.	ѣсмъ, тѣбѣ, ¹ избавленіѣ, сѣдравіе, ¹ намъ, дазъ, ¹ ѣси, нашь, отъпадъша.	нѣ'и, сѣ, да.
4 л. об.	дазъ, ¹ намъ (2 р.), нашь, отъдазъ, ¹ насъ, ¹ ѣси, на, наше.	
5 л.	нашмъ, раздрѣшеніе, ¹ намъ, нашѣ.	¹ і, нѣ'и.
5 л. об.	насъ, ¹ намъ (2 р.), подазъ.	нѣ, нѣ'и, ¹ і.
6 л.	тѣбѣ, ¹ ѣси.	нѣ'и, тѣ.
6 л. об.	¹ намъ (2 р.), ¹ ѣси, тѣбѣ, ¹ очисти, оутврьді.	чѣстѣце, нѣ'и (2 р.), ¹ і.
7 л.	твоіхъ, въсѣхъ (3 р.), въсѣхъ, ¹ ѣси, твоѣѣ, дазъ, ¹ намъ, наслѣдовати, твоіа, сѣлѣи.	нѣ'и (3 р.).
7 л. об.	сѣлахъ, въсѣхъ, сѣтвори, дѣстоинѣи, твоіхъ, зашчті.	нѣ'и, марі.

Тупое удареніе, какъ видимъ, употреблялось преимущественно надъ нѣкоторыми односложными словами. Нельзя сказать, чтобы оно было совершенно ненужно и употреблялось какъ графическое лишь подражаніе греческому. Какъ и острое въ многочисленныхъ примѣрахъ ¹насъ и др., оно могло имѣть значеніе не только словарнаго ударенія, но и ударенія логическаго. Подобное удареніе наблюдается, напр., въ рукописяхъ еврейскихъ (ср. Гезеніусъ, Еврейск. грамматика, рус. перев., стр. 69). Когда удареніе падало въ многосложномъ словѣ на послѣдній слогъ, то обозначалось оно не только значкомъ тупого ударенія, но и острого (напр. сѣтвори и др.). Подобное мы наблюдаемъ и въ греческихъ рукописяхъ.

Группируя приведенныя данныя, находимъ :

Удареніе на послѣднемъ слогѣ:

Глаг.: оутврьді́, сътвори́, зашчи́ти, святи́, призьри́, наплънені́,
чѣстѣи́ца.

Прил.: небесѣ́съцѣ́и.

Сущ.: мари́и.

Удареніе на предпослѣднемъ слогѣ (граф.извук.):

Глаг.: 1) да́зь, отьда́зь, пода́зь, вѣ́нмѣмъ, е́смъ.
2) про́симъ (2 р.), мо́лимъ, наслѣ́довати́, поста́ви,
е́си (8 р.), оуслѣ́иши.

Мѣстоим.: 1) всѣ́хъ (4 р.), всѣ́хъ (1 р.), твои́хъ (2 р.); мно́г.
прим.: на́мъ, на́съ.

2) сво́ѣхъ, твоѣ́хъ, тебѣ́ (5 р.), те́бе, на́шихъ, тво́ѣ,
всѣ́а, тво́иа, на́ше, на́шимъ, на́шѣ.

Существ.:

им. сущ., оканчивающіяся на **иѣ**, въ разныхъ падежахъ:

„ съ оконч. **иѣ**: мѣ́чениѣ́, обѣ́щѣ́ннѣ́, издрѣ́шеннѣ́,
о́чи́щеннѣ́, изба́вленнѣ́;

„ „ „ **иѣ**: оупѣ́ваніѣ́, съпа́сеніѣ́;

„ „ „ **иѣ**: съдра́віѣ́;

„ „ „ **иѣ**: ровані́ѣа (?);

„ ж. р. на **иѣ**: лити́ѣ.

Друг. существ.: лѣ́та, пе́троу, вѣ́ра, си́лѣи, си́лѣхъ.

Прил. и прич.: вѣ́чнѣа́, отьпа́дѣшиа́.

Удареніе на 3-мъ слогѣ отъ конца:

Глаг.: помѣ́лова.

Сущ.: кли́мента, тѣ́лесе, апо́столу.

Прил.: чѣ́стѣнаго, вѣ́ишнѣи.

Удареніе на 4-мъ слогѣ отъ конца:

Сущ.: съпа́сениѣ́.

Прил.: вѣ́сеомѣ́и, вѣ́сеомѣ́и, рѣ́снотѣ́внѣа́, до́стои́и.

Среди приведенныхъ примѣровъ мы видимъ слова съ нѣсколькими удареніями:

обѣцѣнїѣ, издрѣшенїѣ, очїшченїѣ.

Эти примѣры, а затѣмъ примѣры — съпасенїѣ и съпасенїе — свидѣтельствуютъ, на первый взглядъ, о какой-то неувѣренности въ этихъ случаяхъ въ разстановкѣ ударенїа. Разставлявшій какъ бы сомнѣвался, гдѣ ставить, и обозначалъ ударенїемъ нѣсколько слоговъ или ставилъ въ разныхъ случаяхъ разныя ударенїа.

Принимая во вниманїе то, что двойное, тройное (рѣже) ударенїа встрѣчаются въ другихъ (позднѣйшихъ) ц.-слав. рукописяхъ (ср., напр., описанїе Румянц. муз., 131—140 и др.; Пересопицкое Ев.-труды 3-го арх. съѣзда; болгар. Ев. 15 в. Starine 87 г., 19-й т. и др.), затѣмъ то, что въ словахъ, кромѣ главнаго ударенїа, могли быть второстепенныя, можно признать рациональность постановки нѣсколькихъ ударенїй въ одномъ словѣ въ К. Л.

Въ южно-славянскихъ памятникахъ и современныхъ южно-слав. нарѣчїяхъ мы находимъ любопытныя аналогїи приведеннымъ словамъ съ ударенїями изъ К. Л.

Примѣры изъ текстовъ, изданныхъ Сырку¹⁾:

К. Л.	Свитокъ.	Служебникъ п. Евфимїа.	Приложенїе къ служ.
мóлимъ	мóлимса, стр. 15, 14		
сътвори́	сътвори́и, 21	сътвори́и, 34, 36,	
ѣси́		ѣси́, 34, 43, 48, 95 и др.	
тѣбѣ́		тѣбѣ́, 40, 42	
твоѣѣ́		твоѣѣ́, 43	
лѣ́та			лѣ́та
чѣ́стїацѣ́			причащѣ́шесѧ

Въ болгарскомъ „Сборникъ за народни умотворенїа, наука и книжнина“ 1900 года помѣщено была первоначально любопытная статья проф. Соболевскаго „Черковнославянскитѣ

1) Къ исторїи исправленїа кн. въ Болгарїи II.

стихотворения отъ IX—X вѣкъ и тѣхното значеніе за церковнославянскій языкъ“. Въ ней авторъ даетъ цѣнныя указанія удареній въ трехъ церковнослав. стихотвореніяхъ — азбучной молитвы Константина, азбучной молитвы въ русскомъ Сборникѣ Яросл. Спасо-Преоб. монастыря, Похвалы царю Симеону, а также для сравненія ударенія изъ нѣкоторыхъ среднеболг. текстовъ. Отмѣчая сходство въ общемъ удареній въ упомянутыхъ стихотвореніяхъ въ 1-хъ съ удар. въ древне-русскихъ и среднеболгар. текстахъ, во 2-хъ различія отъ древне-русс. и сходство, съ средне-болг., Соболевскій, наконецъ, замѣчаетъ: „Третата часть за мене е нѣщо ново: въ'си (им. множ.), при въсѣхъ, въсѣмъ, въ заповѣдхъ' ти, невидимымъ (дат. мн.) и др. Но возможно е, лица, подготовлени отъ мене по срѣдно-българскія езикъ, да посочватъ въ паметниците на тоя езикъ сходни ударения. Както и да е, но тая трета часть отъ ударения прѣдставля особна важность и интересъ за лингвиста“ (отдѣл. отт., 4). Ударенія этой группы, такъ и другія, отмѣченныя пр. Соболевскимъ въ упомянутыхъ текстахъ, находятъ себѣ аналогіи въ К. Л.

Кіев. глагол. л.	Азбучн. мол. Констант.	Похвала Симеону	Яросл. сб.	Средне-болг. тексты
въ'сія, въ'семо҃гъи	въ'си			
въсѣхъ	въсѣмъ	въсѣхъ		
тѣбе	тѣбе		тѣбе	
тѣбѣ			тѣбѣ	тѣбѣ
своѣѣ, твоѣ, твоѣа		своѣ		твоѣи
въ окон. им. сущ. ср. р. на -іе въ род. п. ед. ч. и вин. мн. ч. -иѣ:	-иѣ			
мѣчениѣ, обѣцѣниѣ, издрѣшениѣ, очишчениѣ, избавлениѣ	дыханія	дат. п. ію псанію некъчи нѣвъдію		

Кіев. глагол. л.	Азбучн. мол. Констант.	Похвала Симеону	Яросл. сб.	Средне- болг. тексты
им. п., вин. ед. ч. оупъваніе, съдра- віе, съпасеніе, раз- дрѣшеніе отъдазь, подазь вѣчнаѣ (сред. р. мн. ч. вин. п.)			рыданіе подаждь тайнаѣ (сред. р. в. п.)	орѣжіе копіе также ве- селиемъ
сілѣи	сілѣ			

Къ удареніямъ въ повелительномъ наклоненіи можно привести въ параллель изъ средне-болг. текстовъ, какъ: призрѣи, оставѣи, призовѣи (Лавровъ, Оозоръ звук. ф. б. яз., 227—8).

Примѣры изъ рукописи XVIII в., изданной Качановскимъ (Памятн. болг. народн. творч., СПб. 82.):

тѣбе, себѣ, твоѣ, свѣго 25, 39,
сотвори, оуслиши 31, 26,
Пѣтра, Пѣтре 27—8,
покаа'ніе 33, долготернѣніе, терпѣніе 34, поучѣніе,
ѡліе 38, украшеніе 26.

Обозначеніе Пѣтра, Пѣтроу мы находимъ во многихъ ц.-сл. текстахъ. Въ этомъ словѣ, какъ и въ словахъ апостолау, литиѣ¹⁾ сказывалось вліяніе греческихъ оригиналовъ.

Характерно какъ бы перенесеніе ударенія съ одного слова на близъ находящійся предлогъ: 4 об. 21 — на́бальство. На предлогъ „на“ поставлено не тупое удареніе, какъ мы могли бы ожидать, а острое. Подобное явленіе, т. е. перенесеніе ударенія наблюдается и въ современныхъ славянскихъ языкахъ, можно отмѣтить его и въ средне-болгарскихъ текстахъ: по главѣ, на двое и т. д. (ср. Лавровъ, Обзоръ, 228).

1) Характерно, что въ словѣ прѣфаціѣ, соотвѣст. лат. p r a e - f a c i o , ударенія нѣтъ на ѣѣ.

Примѣры, какъ тѣлесе, находимъ отмѣченными Новакови-чемъ въ Черногор. псалтири 15 в. (Акценти штампаних серпско-слов. книга, Гласник., кн. 44, стр. 57). Тамъ же отмѣчены примѣры іеси, тебе, тѣбѣ. Затѣмъ форму тѣлеси 135 (но и тѣлѣси 165 об., наряду съ чюдесь 139 об.) находимъ въ рукоп. Сборн. Вѣнской Придв. Биб. за № 6 (Дѣянiя апостольск.).

Аналогію любопытному примѣру силѡѡ намъ удалось найти въ Тріоди 1435 г. (серб. изъ народн. библиот. въ Бѣлградѣ № 428; снимокъ фотогр. съ одного листа мы видѣли у ак. Ягича).

Примѣры, какъ намъ, насъ и т. д. мы не отмѣчаемъ, т. к. они очень часты въ рукописяхъ.

Прежде чѣмъ говорить о другихъ типахъ ударенiя въ К. Л., я позволю себѣ нѣсколько остановиться на научной постановкѣ вопроса объ ударенiяхъ въ К. Л. На ударенiя въ К. Л. было уже обращено вниманiе мною, а затѣмъ г. Каринскимъ. Мною была помѣщена небольшая замѣтка, вызванная наблюденiями ак. Соболевскаго, ранѣе указанными. Я далъ лишь нѣкоторыя возможныя сопоставленiя съ тѣмъ, что приводилось ак. Соболевскимъ. Въ заключенiи я сказалъ, что тамъ, гдѣ стоитъ нѣсколько ударенiй, тамъ, можетъ быть, выражалось желанiе отмѣтить долготу гласной или отгнѣнить при чтенiи нараспѣвъ нѣкоторые слоги (см. Рус. Фил. Вѣстн. 1901 г. № 1—2). Г. Каринскій, посвятившій небольшую статью ударенiямъ К. Л. (Изв. отд. рус. яз. и сл. Им. Ак. Н. 1901 г. № 3), въ примѣчанiи заявляетъ, что онъ не согласенъ ни съ моимъ методомъ (!) изслѣдованiя, ни съ нѣкоторыми (?) моими выводами. Мой методъ былъ сопоставленiе, каковымъ пользуется и въ своей статьѣ Каринскій; только, какъ увидимъ дальше, я сопоставлялъ, что было возможно, а онъ сопоставляетъ невозможное и приходитъ къ невозможнымъ совершенно, по нашему мнѣнiю, выводамъ. Мы не ограничимся этой общей фразой, а въ дальнѣйшемъ подкрѣпимъ ее доказательствами. Скажемъ еще здѣсь также, что и въ предыдущемъ мы пришли уже къ

совершенно инымъ выводамъ, чѣмъ тѣ, которые даны въ статьѣ г. Каринскаго. Здѣсь имѣемъ въ виду придыханія. Ту же поспѣшность въ выводахъ г. Каринскаго мы отмѣтимъ и относительно ударенія. Это будетъ служить также отвѣтомъ на упрекъ г. Каринскаго, почему мы не сопоставляемъ и не могли сопоставлять слова изъ К. Л. съ значкомъ такъ наз. *περισπωμένη* съ данными, приводимыми ак. Соболевскимъ.

Значки для обозначенія долгаго ударенія.

Прежде всего остановимся на значкѣ, который имѣетъ форму преимущественно остроконечную, въ видѣ двухъ сторонъ треугольника, и иногда переходитъ въ болѣе круглую форму съ утолщеніемъ. Этотъ значекъ ничто иное, какъ подражаніе греческому долгому ударенію (*περισπωμένη*). И начертаніе этого значка, господствующее въ К. Л., отмѣчаемое отчасти у 1-го писца и очень часто у 2-го есть форма древнѣйшаго долгаго ударенія греческаго¹⁾. Это удареніе въ своей первоначальной формѣ и имѣло начертаніе какъ бы сложенныхъ двухъ удареній — острого и тупого (см. Gardthausen. Griech. Palaeogr., 287). Затѣмъ эта остроконечная форма переходитъ въ болѣе круглую и обращается затѣмъ въ позднѣйшую кругловато-изогнутую. Эта послѣдняя форма замѣчается уже въ 12 в., особенно въ случаяхъ сліянія тонкаго и густаго придыханія съ долгимъ удареніемъ. Въ 3-хъ случаяхъ въ К. Л. мы видимъ какъ бы подобный знакъ, но на самомъ дѣлѣ онъ сильно разнится отъ указанной формы.

Это въ словахъ: въжлюбленѣѣа 5₃; противѣцѣхъ 6 об.₁; прѣмѣ 6 об.₁₀. Здѣсь мы видимъ тотъ же значекъ ^ при чемъ дальше росчеркъ пера. Транскрибируемъ мы его ^, а не ˇ, какъ дѣлаетъ ак. Ягичъ, т. к. послѣдній значекъ, употре-

1) Г. Каринскій говоритъ, что находитъ сходство въ данномъ значкѣ, какъ и въ остромъ и туп. удареніи, съ подобными же значками греч. рук. XI в. и ссылается на снимки 2-хъ рук. (№ 63 и 81 извѣст. изд. англ. общ.: The Palaeogr Soc. (см. изв., 282 прим.). Но № 81, снимокъ съ рукописи 9 вѣка (896 г.), а 63 даже, можетъ быть, 8-го (недатировано)!

бляемый, какъ увидимъ, въ К. Л., не можетъ быть примѣненъ въ этомъ случаѣ.

Вотъ случаи употребленія знака долгаго ударенія:

- 1 л. об. милостивѣ, рованіѣ, грѣхъ, довѣчнѣ¹), блаже-
ноумоу.
- 2 л. прѣдрагѣѣ, блаженѣѣ, радѣ (2 р.), мѣченицѣ,
твоеѣ, фелштѣѣ.
- 2 л. об. всемогѣ, бѣди, дѣлѣ.
- 3 л. вѣчнѣ (2 р.), сілѣ, свѣтѣ, бѣдемѣ, всемогѣ,
грѣхѣ.
- 3 л. об. принесенѣ, прѣмѣ, твоѣѣ, дѣлѣ, тѣлесѣ, свѣтѣ,
грѣхѣ.
- 4 л. всемогѣ, грѣхѣ, принесенѣ, довѣчнѣ¹), всѣ,
грѣхъ²).
- 4 л. об. всемогѣ, небескѣѣ (значекъ между н и ѣ съ
выносной и, очевидно пропущеннаго по ошибкѣ);
пѣѣ, прѣзрѣ, поганскѣѣмѣ, нѣѣ.
- 5 л. непрѣзнѣнѣ дѣлѣ, всемогѣ.
- 5 л. об. довѣчнѣ, нѣѣ.
- 6 л. принесенѣ, радѣ, твоѣѣ, довѣчнѣ.
- 6 л. об. мѣченикѣ, — ікѣ, примѣ, принесенѣ, свѣтѣѣхъ, не-
бескѣѣхъ, радѣ, заповѣдѣ, свѣтѣѣмѣ, прѣмѣ.
- 7 л. радѣ (3 раза), блаженѣѣ, прѣснотѣѣѣ, бѣѣ, марѣѣ,
блаженѣѣхъ, анделѣ, апостолѣ, мѣченикѣ, прѣпо-
добнѣѣхъ, чѣстѣѣхъ, дѣѣѣ, свѣтѣѣхъ (3 р.), не-
бескѣѣѣ, принесенѣѣ, небескѣѣѣхъ, сілѣ.
- 7 л. об. правѣѣѣѣхъ, радѣ (2 р.), небескѣѣѣхъ, свѣтѣѣѣхъ (2 р.),
дѣлѣ, грѣхѣ, причѣстнѣѣ, свѣтѣѣ, анделѣ, апостолѣ,
мѣченикѣ, дѣѣѣ.

1) Въ транскрипціи этого слова мы уклоняемся отъ ак. Ягича, кот. пишетъ **до** отдѣльно (параллельно латин. *usque*).

2) Указанное отличие 2-го почерка ставить значек иногда между двумя граф. начертаниями, сказывается и въ данныхъ случаяхъ.

И къ этимъ же примѣрамъ относимъ 3 ранѣ упомянутые (на 5 и 6 л.).

Значекъ остроконечный, какъ сказано раньше, замѣняемъ по необходимости въ транскрипціи полукруглымъ.

Группируя по грамматич. категоріямъ, получаемъ:

Имена сущ. ж. р., род. п. ед. ч.: ма^рп^а, б^ци^а, м^жчени^ца,
пи^ца, пр^снодѣ^вѣ^и, фел^ищ^ит^и.

Им. прил. и мѣст. ж. р. род. п.: блажен^ти^а, прѣдраг^ии^а,
тво^еи^а, то^азе, небес^ьск^ии^а.

Им. прил. м. и ж. р. дат. п. ед. ч.: блаженоу^моу, св^ат^ы.

Звательн., винит., имен. п. ед. ч. прил. и прич.: млостив^ы,
довѣ^чн^ы, всемо^гы, пр^несен^ы, св^ат^ы.

Им. над. ср. рода мѣст.: всѣ^ѣ.

Им. сущ. род. п.: грѣх^ъ, дѣл^ъ, дѣв^ъ, м^жчени^къ, сил^ъ, андел^ъ
(и прил. усѣ^ч. непрѣзн^ѣи^ѣ), апостол^ъ, заповѣ^ды.

Им. прилагат. род. п.: св^ат^ых^ъ, небес^ьск^их^ъ, прѣпо-
добн^ых^ъ, чист^ых^ъ, поган^ьск^их^ъ (дательн.: поган^ь-
ск^имъ), правд^ын^ых^ъ.

Им. сущ. ж. р., прилаг. и мѣст. — винит. п. мн. ч.: ро-
ва^ни^а, нѣ^и, причастн^и, сѣл^и.

Им. сущ. муж. и сред. р. твор. множ.: грѣх^ъи, тѣл^{ес}и.

Им. пр. " " " " " " св^ат^ыи^м.

Затѣмъ въ отдѣльныхъ словахъ: рад^и, б^ждемъ, б^жд^и, пр^ии^ми,
пр^ии^ми, пр^из^ыр^и.

У г. Каринскаго невѣрно даны указанія, что значекъ этотъ надъ ж и іа употр. 12 р. (на самомъ дѣлѣ 13); надъ ѣ — 1 р., а у г. К. — 2 р.; вѣроятно, г. К. посчиталъ надъ ѣ, о которомъ онъ ничего не говоритъ, но тогда уже скорѣе значекъ этотъ отнести можно къ і, потому что поставленъ онъ посерединѣ; надъ і и ї не 12 р., а 15 р. О постановкѣ надъ оу и ы г. К. даже не упоминаетъ.

Затѣмъ совершенно невѣрно соединеніе, дѣлаемое

г. К., ѣи и ѣѣ: ѣи и ѣѣ совершенно не тождественны по звуковому значенію.

Постановка значка преимущественно надъ такими сочетаніями, какъ ѣи, ѣѣ или графически, повидимому, двойнаго іа заставила меня первоначально признавать за этимъ значкомъ графическое значеніе (ср. Зап. Хар. Имп. Ун. 91 г. № 1), но затѣмъ дальнѣйшія занятія памятникомъ убѣдили, что значекъ этотъ обозначаетъ отчасти удареніе (долгое) и преимущественно (ср. Зап. Х. Им. Ун., № 4) долготу. Говорю обозначаетъ, потому что употреблялся онъ въ подражаніе греческому ударенію и имъ хотѣли обозначить также лишь долгое слав. удареніе. Мнѣніе это высказанное вкратцѣ я постараюсь подтвердить данными. Т. обр. я совершенно несогласенъ съ мнѣніемъ г. Каринскаго (стр. 285), что „постановка того или другого знака (остраго, тяжелаго или облеченнаго) не зависѣла отъ отгѣнковъ въ произношеніи буквы, надъ которой онъ ставился. Писцы, разставляя знаки, руководились опредѣленными правилами орѣографіи, которая отчасти стояла въ связи съ греческой“. Отрицать вліяніе въ этомъ случаѣ греческой орѣографіи нельзя, такъ, напр., надъ е, о (впрочемъ также и надъ а, что не относится уже къ вліянію гр. орѣ.) не ставился этотъ значекъ; затѣмъ также отмѣчаемъ, что значекъ этотъ, какъ въ греч. яз., ставился не далѣе второго слога отъ конца. Но кромѣ вліянія греческой орѣографіи было нѣчто и другое, которое говоритъ о болѣе интересномъ о вліяніи языка ставившихъ значки. Почему, напр., писецъ не написалъ вѣра (а вѣра, ср. серб. вјера, но чешск. víra), вѣдь надъ ѣ онъ ставилъ этотъ значекъ, а затѣмъ послѣдній слогъ былъ графически краткій, т. к. надъ а мы ни разу не видимъ ^ (какъ увидимъ дальше и а могъ быть долгимъ)? И напротивъ (ср. дальше) написалъ плѣнъ (ср. серб. плѣн., но чешск. plen). Чѣмъ руководствовался наконецъ писецъ, ставя всѣхъ — всѣхъ и т. д.

Почему, напр. надъ і, ї въ однихъ случаяхъ мы видимъ острое, въ другихъ облеченное удареніе? „Замѣчательно, говорить К., что большинство случаевъ постановки ^ (болѣе $\frac{3}{4}$ всѣхъ случаевъ (падаетъ на буквы: ѣ, и (і) и ѣи (ѣѣ)). „ѣи“ по начертаніи въ рукописи состоитъ изъ двухъ буквъ ѣ и и (і), и на эту букву, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, разставлявшій

ударенія смотрѣлъ какъ на двѣ буквы. Итакъ здѣсь особенно ясно видно, что начертаніе буквъ имѣло значеніе при рѣшеніи вопроса, какой знакъ ставить ' или ^ (283). Но вѣдь надъ ъ употребленъ значекъ 20 р. послѣдовательно въ род. п. мн. ч., а вѣдь ъ графически даже одинарная буква, то же самое надъ і—і5 р., такъ что это одно уже показываетъ невозможность объяснить здѣсь путемъ графики только. А что касается до словъ г. К. относительно того, что разставлявшій видѣлъ въ ъи двѣ буквы, т. к. ставилъ удареніе посерединѣ ихъ, можно сказать, что здѣсь выразилось вліяніе греческой графики: въ греческихъ рукописяхъ въ дифтонгахъ мы видимъ постановку ударенія между двумя графическими знаками, что видимъ и въ К. Л., но не на всѣхъ страницахъ, а преимущ. во 2-мъ почеркѣ. Г. Каринскій, отмѣчая послѣдовательность въ употребленіи ударенія, смотритъ на такіе примѣры, какъ сѣлѣи и сѣлѣи, сѣлахъ, силѣѣ, какъ на исключенія, постановку нѣсколькихъ удареній объясняетъ или сложностью слова или въ нѣкот. сл. видитъ, можетъ быть отраженіе разныхъ эпохъ, разныхъ говоровъ. Такіе случаи, какъ блаженѣиѣ, онъ говоритъ, могутъ указывать на старое написаніе блаженѣи еѣ. „Впрочемъ, замѣчаетъ онъ въ примѣчаніи, едва ли не вѣроятнѣе даже предполагать, что вторая изъ двухъ рядомъ стоящихъ гласныхъ во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ отмѣчается значкомъ, ничего не имѣющимъ общаго со знаками ударенія по смыслу, но сходнымъ съ нимъ по начертанію. Такое употребленіе разбираемыхъ значковъ вмѣсто знаковъ придыханія намъ приходилось наблюдать во многихъ старыхъ болгарскихъ и русскихъ рукописяхъ . . .“ (284). И первыя объясненія и послѣднія особенно показываютъ, на какой ложной дорогѣ находится г. Каринскій. Немного болѣе вдумчивое изученіе (но при томъ сравнительное съ др. древ.-ц.-сл. памятн.) убѣдило бы его, что данный значекъ К. Л. нельзя сравнивать съ подобнымъ же значкомъ по формѣ въ другихъ рукописяхъ (о подобн. значкѣ см. раньше).

Мы позволили себѣ нѣсколько отвлечься отъ прямой нашей задачи. Но думаемъ, что критика тѣхъ положеній, которыя находимъ въ статьѣ г. К., расширяетъ въ этомъ случаѣ нужный намъ путь.

Возьмемъ такіе примѣры:

апосто́лу	—	апосто́ль	} (род. мн.)
„		анде́ль	
тѣ́лесе	—	тѣ́леси	
си́лѣи	—	си́лѣи — си́лѣ	

Если считать, что ^ здѣсь простое удареніе, то станетъ непонятнымъ, какъ его въ этихъ случаяхъ объяснить. Почему изъ греческаго сл. апосто́ль род. мнж. будетъ апосто́ль и пр. Непонятно намъ будетъ и обозначеніе въ сл. прѣ́мѣ, фелѣ́тъ и пр. (какъ увидимъ дальше зашѣ́ті, свѣ́аты и пр.). Начертаніе ^ надъ ѣ мы находимъ послѣдовательно обозначеннымъ 20 разъ и все въ родит. пад. множ. ч. Кромѣ упомянутыхъ апосто́ль, анде́ль, си́лѣ, мы находимъ этотъ значекъ въ такихъ словахъ, какъ дѣ́вѣ, грѣ́хѣ, дѣ́лѣ, непрѣ́зніи, мѣ́ченикѣ.

Постановку даннаго значка мы не можемъ сопоставить здѣсь съ облеченнымъ въ греческихъ текстахъ, какъ дѣ́лаетъ это г. К. Здѣсь нѣтъ ничего общаго, т. к. въ греч. далеко, вѣ́дь, не всегда было удареніе на ων¹⁾, да и въ такомъ случаѣ мы ожидали бы дѣ́лѣ, дѣ́вѣ и т. п.

Мы же сопоставляемъ постановку даннаго значка въ этомъ случаѣ съ попытками въ позднѣйшихъ памятникахъ обозначить въ тѣхъ же падежахъ долготу, протяженность конечнаго гласнаго или, можетъ быть, желаніе обозначить произносимость этого ѣ. Въ сербскихъ кирилловскихъ памятникахъ мы постоянно видимъ такое обозначеніе род. п. мн. ч.: проро́къ, царь и т. д. съ окончаніемъ 2-хъ ѣ. Или наблюдаемъ въ этихъ же памятникахъ еще болѣе для насъ любопытные примѣры:

за дѣ́лѣ, роу́кѣ (упомин. раньше Тріо́дь 1435), си́ль, се́ль, праро́дитель, ро́дитель, се́ль, ро́дителей, брьѣ́ѣ, работѣ и пр. (См. описаніе древ. серб. Аѳон. Горы. Абрамовича. Беогр. 47).

1) Если же г. Каринскій имѣетъ въ виду такіе случаи какъ θεωρημάт (см. θεωρημάτων) и т. д., такъ здѣсь вѣ́дь цѣ́лое сокращеніе и рѣ́чи быть не можетъ объ аналогіи.

Противъ употребленія [^] въ значеніи долготы надъ ъ можно привести теорію объ основной краткости этого звука. Можно также сказать, что приведенные примѣры род. п. множ. ч. изъ сербскихъ памятниковъ свидѣтельствуютъ о позднѣйшемъ времени, что эти примѣры не даютъ еще права видѣть въ нихъ позднѣйшее серб. а въ род. мн. Все это такъ. Но въ то же время можно сказать, что количество гласныхъ въ древнецерк. слав. нарѣчійхъ темный вопросъ, не вполне разъяснено и „вторичное“ (позднѣйшее) происхожденіе сербскаго а.

Считая [^] долготой здѣсь мы поймемъ и объяснимъ цѣлесообразность написаній апóстолоу и апостолѣ, тѣлесе-тѣлеси. Писецъ могъ бы обозначить и апóстолѣ, тѣлеси. Намъ понятны будутъ тогда и написанія сѣлѣи и сѣлѣи. Относительно послѣднихъ случаевъ, какъ сѣлѣи или подоб. бѣа¹⁾ можно бы привести изъ серб. древн. памятниковъ: *dobroté, glavee* (Даничичъ, Rad. 20, 170).

Такъ же послѣдовательно, какъ надъ ъ въ оконч. род. п. мн. ч., ставится [^] надъ ѣ въ оконч. зват. п. прил. какъ, напр., довѣчнѣи и пр. и не такъ послѣдовательно надъ ѣи въ окончаніи другихъ пад. Здѣсь, дѣйствительно, соблазнительно было бы, какъ и дѣлаетъ въ своей статьѣ г. Каринскій, сопоставить съ такими примѣрами, какъ вѣчнѣю, вѣчнѣіе, новѣи (Нов. З. XIV в.), лѣвѣю, трезвѣмъ (*ibid.*; Кар. 286—287), или съ тѣми, которые находимъ у Лаврова (Обзоръ) — чрѣмнѣ (или еще прибавимъ: жзкѣіми, многѣа, *ibid.*, 226, Обзоръ).

Трудно сказать можно ли принять другіе приводимые примѣры г. К. блжнѣи, правдѣнѣихъ, праведнѣи, не есть ли это, какъ показываетъ послѣдній примѣръ значекъ графическій, что очень часто бываетъ въ рукописяхъ позднѣйшихъ. Впрочемъ, не отрицая возможности существованія ударенія въ подобныхъ случаяхъ и на концѣ иногда, тѣмъ не менѣе нельзя видѣть въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ К. Л.

1) Послѣдній примѣръ и мѣченціа г. Кар. сопоставляетъ съ птица Пс. 15—16 в. Въ словѣ мариа можно видѣть совпаденіе ударенія и долготы — на удареніе здѣсь указываетъ и ф. Мариі. Ф. Мариа можно сблизить съ попад. въ слав. рук. Мариам (напр. рук. Вѣн. придв. б. № 6, 141).

также ударенія. И вотъ почему: мы видѣли раньше примѣръ въ'семогъи съ удареніемъ на въ'; правда, это слово сложное; но есть, напр., чь'стьнаго. Значекъ надъ аго соотвѣтствуетъ, какъ увидимъ ^, но все равно и форма чь'стьнаго предполагаетъ чь'стьныи, а не чь'стьны'и. Соотвѣтственно формѣ чь'стьнаго мы могли бы предположить и блаже́ноумоу, блаже́нѣа; послѣднюю форму безъ ударенія мы и находимъ въ К. Л. Наше предположеніе, что здѣсь обозначена также долгота ¹⁾ не исключаетъ возможности, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ долгота могла совпасть съ удареніемъ, какъ бывали и случаи смѣшенія значковъ (напр. призьри и призьри).

Въ извѣстной работѣ Даничича (Prilog za istoriju akcentuacije hrv. ili srp. Rad 20 кн.) можно видѣть аналогичные примѣры долготы изъ серб. памятниковъ XIII—¹/₂XVII в., напр., dóbrii, dóbri, drugii, pravednóga, hudómu, дрѣgowга, дѣбровачкоомѣ и пр. Можно оспаривать иногда — долгота или удареніе находится въ отмѣчаемыхъ Даничичемъ примѣрахъ. Сравн. также соврем., напр., серб. m'lostiví, dúhovní и пр. (Daničić. Akcenti i adjektiva, Rad 14, 102—103).

Характерны для насъ примѣры повел. наклон. отъ гл. приати. Форма эта встрѣчается въ К. Л. нѣсколько разъ въ такомъ видѣ:

прѣи́и 3 об. ₃, прѣи́и 8 ₈, прѣи́и 4 ₁₄ и прѣи́и 6 об. ₁₀.

Сравнимъ первые слоги и увидимъ, что 3 послѣдовательно употребленнымъ формамъ съ 2-мя и соотвѣтствуетъ одна съ i и обозначеннымъ рассматриваемымъ значкомъ. Съ другой стороны, гдѣ настоящее удареніе слова показываютъ i и 4-я формы.

Слово радѣ 9 разъ написано радѣи и 9 разъ безъ значка. Радѣи находитъ себѣ нѣкоторую аналогію во многихъ другихъ памятникахъ. Находимъ радѣи, радѣи, напр., въ средне-болг. служебникѣ 14 в. (ср. Плотниковъ, Фил. Зап. 90 г. III, 39), службѣ Вас. Вел. (изъ служ. патр. Евфимія —

1) Можно сомнѣваться также, будетъ ли ^ удареніемъ въ бѣди, бѣдемъ, не будетъ ли долгота, т. к. въ другихъ пам. повел. накл. очень часто бѣди, бѣдемъ.

Сырку Ор. cit, 63), житіи преп. отцевъ, сост. въ Зограф. М. (Радченко. Отчетъ. Кіев. Ун. Изв. 98 № 9, 116—117), житіи великом Ирины, 15 в. (Яцимирскій, Мелкіе тексты и замѣтки. Изв. р. яз. и сл. Им. Ак. Н. 1900, № 4, 1266, 68) и др. Было ли въ этомъ случаѣ удареніе только или долгое удареніе, или даже опять таки долгота — трудно сказать¹⁾. Приводимая Миклошичемъ въ этимологическомъ словарѣ старо-персидская форма *gādij* могла бы указывать и на возможность долготы послѣдняго слога, но съ другой стороны существующія современныя формы серб. и слов. *gādi* говорятъ о краткости.

Въ заповѣдѣи могла свободно совпасть долгота и удареніе; ѣ произносилось какъ долгое, очевидно, и, протяженно, почему ѣ сочтено было какъ бы за дифтонгъ.

Другой значекъ, имѣющій форму по направленію противоположную предыдущему, нѣсколько полукруглый и обращенный концами къ верху ъ, употребленъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

- 1 л. об. ходатаіацѣ, симъ, чь'стнаго, законьника, мѣченка, оутіаже, інокости.
- 2 л. намѣстникъ, наслѣдникъ, просімъ носімъ, въ'семо-гъиі, тоіазе, зашчѣти, чьстімъ, вѣчньмъ.
- 2 л. об. молимъ.
- 3 л. небескѣиа, просімъ, вѣишніи, подасъ, свіатѣ, въздрасетъ.
- 3 л. об. їмъже.
- 4 л. просімъ.

1) Впрочемъ, о долготѣ и удареніи могутъ свидѣтельствовать и примѣры изъ рукоп. сборника Дѣяній Апост. (Рук. Вѣн. Пр. Б. № 6), о которомъ мы уже упоминали. Здѣсь можно замѣтить иногда желаніе отмѣтить, подражая греческому, долготу ударенія: ради (138 и др), тако (158 об.), всѣ (146 об.).

- 4 л. об. тоузѣмъ, плѣнъ.
 5 л. сѣтъ, слоужьбѣи, въжлюбенѣиѧ, такѣже, ѣмъже,
 очищение.
 5 л. об. самъ, тѣмънѣихъ.
 6 л. тѣмъ.
 7 л. чѣстѣмъ, присно.
 7 л. об. хвалѣ, сѣмъ.

Что обозначалъ этотъ значекъ, показываютъ намъ слѣдующія сопоставленія:

подасъ — подазъ — дазъ
 очищение — издрѣшеніе
 небескѣиѧ } — блаженѣиѧ
 въжлюбенѣиѧ }
 тѣмънѣихъ — правдѣнѣихъ
 вѣишнѣи — протѣиѧцѣихъ
 въсемогѣи — въсемогѣи
 1) чѣстнаго — блаженоумоу
 тоѧзе — твоѧ

Итакъ мы видимъ извѣстное смѣшеніе этого значка съ острымъ удареніемъ и знакомъ долгаго ударенія, при чемъ первыя смѣшенія гораздо рѣже. Мы находимъ, впрочемъ, и інокості, гдѣ ѣ поставлено вмѣсто придыханія, можетъ быть. При томъ рѣдкія случаи смѣшенія и предыдущихъ значковъ (ѣ и ѣ) мы отмѣтили. Большое число смѣшеній съ ѣ, затѣмъ также то обстоятельство, что значекъ данный не ставился, какъ и ѣ надъ о и е говоритъ намъ уже объ ихъ болѣе аналогіи. Т. обр., выходя изъ этого мы должны предположить, что и этотъ значекъ ставился также преимущественно для обозначенія долготы.

1) Характерно сравнить съ данными извлекаем. изъ одного серб. апостола 15 в. (рук. Бѣлгр. Н. Б. № 331): нечѣстѣиѧ, виновнѣа, діаволѣихъ и пр.

Характерны сопоставленія слѣдующихъ написаній:

- и { $\begin{cases} \text{прѡсѣмъ 2 об. 19-20, 3}_{10} \\ \text{просѣмъ 3}_3, 2_7 \end{cases}$
- и { $\begin{cases} \text{мѡлимъ 3}_3 \\ \text{молимъ 2 об.}_2 \end{cases}$
- и { $\begin{cases} \text{зашчѣтѣ (пов. н.) 2}_{17} \text{ (совр. серб. заштѣтити долгое уд.)} \\ \text{зашчѣтѣ (пов. н.) 7 об. 23.} \end{cases}$

Затѣмъ характерны написанія: чѣстнаго 1 об. 17, вѣишніи 34. Эти примѣры показываютъ сознательное стремленіе провести разницу въ употребленіи ѣ и ѣ̣. И долготу въ так. случаяхъ, какъ молимъ подтверждаетъ, напр., серб., чеш., словѣнскій яз. (Ср. также примѣры изъ упт. труда Даничича — *molim*, — *imo*, *prossimo*, Rad. *ibid*, 187) (Ср. совр. серб. ф. хва^ѣлим^ѣо. Budmani. Gram. d. lin. s-cr., 70; Ср. совр. чешск. ф. на ім Gebauer. Hist. M. III. 2. 298 и сл.).

Возможно предположеніе о совпаденіи долготы и ударенія, т. е. о постановкѣ долгаго ударенія въ такихъ случаяхъ, какъ ходатаѣ^ѣа^ѣцю, мѣ^ѣченѣ^ѣка и др. сл. на іѣ^ѣка, хва^ѣлѣ^ѣж, прѣ^ѣсно, вѣ^ѣзрастетъ.

Въ одномъ изъ списковъ Златоструя (см. 2-й снимокъ при изслѣдованіи Малинина) мы находимъ почита^ѣюще; ср. въ текстѣ скоромина^ѣющимъ (46), погыба^ѣющаа, пита^ѣющиса, невѣроу^ѣющимъ (50). То же въ службѣ Петра (изд. Сырку, ор. cit), помина^ѣюще, оупова^ѣющихъ (226, 227). Это можно сопоставить съ ходатаѣ^ѣа^ѣцю.

Ударяемый суффиксъ ѣ^ѣкъ мы находимъ въ нѣкот. памятникахъ. Такъ, напр., жрѣ^ѣтъвнѣ^ѣка (Сырку, *ibid*. 37, 53. Ср. 227), кравнѣ^ѣкъ, зависнѣ^ѣкъ (Слово объ Андреѣ-прил. къ труду Лаврова-Обзоръ, 4), *duhovnik*, *dušnik*, *gazbojnik* — наряду съ написаніями — *duhovniiku* и пр. (Даничичъ, Rad, ор. cit., 164, 157, 166 и др.). Серб. совр. слова всецѣло

свидѣтельствуютъ о долготѣ ѡ, напр.: *ispovjèdnik*, *ùgodnik*, *nàrednik* и пр. (См. Pavić. *Studje*, 6, 62, 59.)

Къ хвѣла можно привести слѣд. данныя:

хваалоу, *hvàlla*, *hvàla* и пр. (Даниичъ, О. с. 158, 162).

совр. серб. (шток.) хвѣла

„ „ чак. *fàla* (ср. Лескинъ. *Untersuchungen* II, 545).

слов. *hvàli* (Valjavec, *Rad*, 102, стр. 99).

Къ присно, Данич.: приисни (175).

„ възрастетъ, Дан.: *raastu*, *ràste* и пр. (160).

„ свѣтъ. Дан. *svèti*, *sveeta*, *svèti*, *svèti* (162 и *Rad* 14-й, 110).

слов. *svèti* (Вальев. *ibid.*, 166).

Замѣчательна послѣдовательность: ѣмъ же, сѣмъ, вѣишнѣмъ, тѣмъ, вѣчнѣмъ. Ср. современ. серб. нѣмъ, тимъ, жутимъ (*Budmani*, *Grammatica della lingua serbo-scroata*, 54, 56, 47). Жутимъ, шуплѣмъ и т. д. можно привести въ параллель къ тоузѣмъ. Самъ — въ наст. вр. въ серб. тоже самъ (ср. *Budmani*, *ibid.*, 57). Къ сѣтъ можно привести въ пар. долготу окончанія 3-л. мн. ч. серб. глаголовъ.

Всѣ приведенныя данныя позволяютъ намъ сдѣлать заключение о внутреннемъ единствѣ значенія разбираемыхъ значковъ ^ и ˇ. Какъ тотъ, такъ и другой обозначаютъ собственно долготу. Теперь, какая же между ними разница въ употребленіи? Отъ буквъ, надъ которыми ставились значки эта разница не зависѣла. Правда, мы видимъ, что надъ ѣ ˇ не употребленъ ниразу, надъ ѣи только 3 раза (когда ^ 29 р.). Употребленіе ^ надъ ѣ и ѣи могло бы повести къ заключенію, что этотъ значекъ могъ показывать и графическое соединеніе, но это невѣрно уже прежде всего потому, что ^ употребленъ и 20 разъ надъ ѣ (гдѣ не могло

быть и рѣчи о такомъ соединеніи), а \sim надъ ъ ниразу. Въ этомъ случаѣ, вся разница обусловливалась, повидимому, тѣмъ, гдѣ ставился значекъ — на концѣ ли слова или нѣтъ. Значекъ \sim мы ниразу не видимъ на концѣ слова; значекъ \wedge главнымъ образомъ ставился на концѣ слова — въ этомъ разница во внѣшнемъ употребленіи данныхъ значковъ. Мы говоримъ „главнымъ образомъ“ потому, что все же есть исключенія, хотя большинство этихъ исключеній съ ъи и объясняются вліяніемъ слова съ конечнымъ подобнымъ слогомъ (такъ, напр., принесенъи — принесенъихъ и пр.).

Интереснымъ представляется вопросъ прежде всего, откуда взять значекъ \sim . Значекъ \sim мы находимъ въ нотной системѣ древнихъ греко-славянскихъ рукописей наряду съ многочисленными другими нотными значками. Данные, приводимыя нами, а затѣмъ и то, что эти знаки подобны лишь по формѣ одному изъ многочисленныхъ нотныхъ знаковъ, исключаютъ возможность говорить здѣсь о связи значенія этого значка со значеніемъ нотныхъ значковъ (см. снимки при трудѣ Срезневскаго. Древніе памятники рус. письма. Изв. Ак. Н. 2 отд. X т. Ср. замѣтки и пам. привед. Купріяновымъ Изв. IV. 254—7). Тѣмъ менѣе еще, конечно, можно проводить съ однимъ изъ $\chi\rho\acute{o}\nu\alpha\iota$ (именно $\beta\rho\alpha\chi\epsilon\iota\alpha$). Въ греческихъ рукописяхъ и многочисленныхъ снимкахъ съ разныхъ гр. рукописей, которые мнѣ приходилось просматривать, я не нашелъ употребленія значка подобного разбираемому съ подобными же значеніями. Мнѣ удалось, однако, констатировать факты существованія такого значка, могущаго объяснить отчасти возникновеніе нашего. Въ комментаріяхъ Баста къ извѣстному грамматикѣ Григорію Коринѣскому отмѣчается, что въ одной изъ рукописей Одиссеи $\eta\mu\alpha\varsigma$; и Бастъ дважды говоритъ, что здѣсь значекъ \sim (Gregorii Corinthiis et aliorum grammaticorum libri de dialectis I. gr., Лейпцигъ 1811 г. стр. 64 и 889). Т. обр. и здѣсь мы можемъ говорить (правда, не съ такой увѣренностью какъ о другихъ значкахъ) о заимствованіи изъ греческой палеографіи и также о своеобразномъ примѣненіи этого заимствованія.

Въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ мы находимъ также значки, по формѣ подобные разобраннѣмъ [^] [˘], но употребленіе ихъ, ихъ значеніе, совсѣмъ не то, что въ К. Л. (съ этими значками мы встрѣчались раньше, когда говорили о придыханіяхъ), такъ что правъ былъ прежде Миклошичъ, замѣтившій: „Was, das Altslovenische anlangt, so haben wir von der Quantität der Vocale dieser Sprache keine historische Kunde“ (Ueber die langen Vocale in den sl. Spr. Denkschriften d. W. Ak. 29, 125).

Мнѣ удалось подмѣтить употребленіе [˘] довольно послѣдовательно въ значеніи долготы въ одной сербской псалтири 14 в. (собств. Букарестской библ. № 421; имѣлъ я эту рукопись благодаря любезности ак. Ягича, который пользовался ею при изданіи Болонской пс.)

Хотя въ этомъ памятникѣ данный значекъ употребляется иногда въ качествѣ придыханія, особенно надъ и, но сравненіе значковъ употребляемыхъ здѣсь показываетъ, что исконное значеніе его не придыханіе, и что дѣлался онъ таковымъ въ силу родственности начертаній и забвенія первоначальнаго значенія. Я отмѣчу здѣсь такіе, напр., случаи употребленія этого значка:

поющаго 3 об., та, творахоу, зла, тако 5, господскаго 7 об., отпадоуть 12; сьгореще (вин. п. м. р.) 14 об., сьсоущихъ 15, соущимъ 16, како 17, падшоусе 17, гьскаго, ть, ть, твораше, работавше 19 об., люкавомоу 23, приимоуть 38 об., съ 83, живоущоумоу 89 об., врачъ волны 112, вси боещи 164, аврамоу (наряду съ авраамоу) 285, градъ нбсны 289, вѣрны члвкъ 319 об. (и вѣрный члвкъ 329).

Изъ древнѣйшихъ ц.-слав. памятниковъ разстановку удареній (подъ которыми иногда можно подразумѣвать долготу) мы наблюдаемъ лишь въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ, памятникѣ, являющемся представителемъ словѣн. редакціи, писанномъ латинницей. Удареніе ставится здѣсь далеко не надъ всѣми словами, какъ въ К. Л. При томъ, знаки ударенія мы наблюдаемъ глав. обр. въ I отр., отчасти лишь во II и въ III. Употребляются 2 значка. Форма перваго

значка, употребляемого въ I и II отр., двойка: или прямая черточка или черточка съ загнутой внизъ верхушкой. Особенной разницы въ употребленіи этихъ разныхъ начертаній мы не видимъ и весьма вѣроятно, что форма одна была лишь упрощеніемъ другой. Впрочемъ, есть данныя думать, что значекъ этотъ употребленъ для разныхъ цѣлей — иногда не для обозначенія ударенія. Въ I отр. прежде всего бросается въ глаза, что значекъ этотъ очень часто ставится надъ союзомъ *i*. Въ памятникѣ, гдѣ разстановка удареній вызывалась практическими требованіями, такая постановка являлась сама по себѣ лишней. Здѣсь невольно является желаніе провести параллель съ постановкой значковъ надъ *i* въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ ¹⁾. Можетъ быть значекъ этотъ, сохранявшійся особенно надъ *i*, началъ играть роль отдѣлительную въ этомъ случаѣ. Правда, противъ этого можно привести то, что писецъ I отр. писалъ слова раздѣльно; но есть основанія, намъ кажется, думать, что первоначально текстъ, послужившій основой для Ф. Отр. былъ написанъ съ нераздѣленными словами. Въ этомъ насъ убѣждаетъ слѣдующее: 1) во II и III отр. *i* пишется вмѣстѣ съ другими словами, хотя слова и отдѣляются другъ отъ друга; 2) во II отр. есть написаніе *ím*, представляющее союзъ *i* + мѣст. *ím*; 3) писецъ I отр. не особенно удачно отдѣлялъ слова другъ отъ друга, напр.: *í meti* онъ писалъ *í me tí*, *devuam* — *de vuam* и пр. Нѣтъ нужды въ постановкѣ ' надъ *ím* видѣть вліяніе нѣмецкой графики, какъ то дѣлаетъ авторъ спеціальнаго изслѣдованія о Фр. отр. — Вондракъ (*Frisinské památky*, 35). Въ нѣмецкой графикѣ этотъ значекъ при *ii*, *ii* употребленъ для различенія одинаковыхъ или схожихъ по начертанію буквъ. Въ постановкѣ значка надъ союзомъ *i* г. Вондракъ отмѣчаетъ желаніе писца показать, что это союзъ *i*, а не *j*. Но такое желаніе врядъ ли допустимо при упомянутомъ не особенно сознательномъ отношеніи переписчика къ тексту.

Въ параллель къ К. Л. изъ I Ф. Отр. можно привести слѣдующее:

milostiví (значекъ надъ *i* нѣсколько кругловато ломан.), *zúeta* — *zvetím*, *ýse*, *ýzem*, *vúez*.

1) Впрочемъ, замѣтимъ, что и въ латин. графикѣ конца 12 столѣтія обозначалось черточкой одно *i*, безъ соед. съ *ii*, *ii*.

Изъ II отр.: neprigemlŏki.

Во II и III отр. мы встрѣчаемъ рѣдкое употребленіе другого значка, напоминающаго встрѣчаемый въ К. Л. изогнуто закругленный ~, въ словахъ *tĭgesemosem* (*tije že možem*), *nĭkŭse* и III — *bdě*. „Zde, замѣчаетъ Вондракъ *nemůže míti znamenka to jiného významu, neboť zde není žádná litera vynesčana, která by se byla takto naznačila* (37)“. Мы же въ этомъ значкѣ видимъ полную аналогію значку, обозначающему долготу въ К. Л.¹⁾

Такимъ обр. здѣсь мы видимъ одно изъ свидѣтельствъ, говорящихъ въ пользу мнѣнія о зависимости этого памятника, писаннаго латинницей, отъ письменности древ.-ц.-славянской.

Съ данными, извлекаемыми нами изъ К. Л. благодаря усвоенію надстрочныхъ значковъ, въ частности ударенія и обозначенія долготы, мы еще встрѣтимся при характеристикѣ языка памятника.

Мы посвятили довольно мѣста вопросу о надстрочныхъ значкахъ въ К. Л., въ связи съ другими древне-церковно-сл. памятниками, въ виду того, что вопросъ этотъ совершенно неразработанъ, а то что писалось о надстрочныхъ значкахъ неполно и неточно. Между тѣмъ, разрѣшеніе нѣкоторыхъ данныхъ можетъ вести къ важнымъ заключеніямъ. Въ нашей небогатой литературѣ по ц.-сл. палеографіи утвердилось мнѣніе, что первоначально славянскія рукописи не имѣли надстрочныхъ значковъ, въ особенности удареній. Ср. невискій, напр.²⁾, замѣчалъ, что письменность славянская „млу-

1) Въ латинскомъ текстѣ, написан. послѣ Фр. отр. въ той же рукописи изрѣдка встрѣчающіеся значки не совсѣмъ похожи на разбираемые и само ихъ употребленіе совсѣмъ другое. Характерно присутствіе греческаго текста передъ латинской проповѣдью въ рукописи, гдѣ находятся Ф. Отр. Ср. мой отзывъ объ изданіи и изслѣдованіи Вондрака — отд. отт. изъ Изв. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., 98 г., стр. 11—12.

2) Изв. Ак. Н. по отд. р. яз. и сл. IX, 161—7; труды 1 арх. с. (XV—XXII). Еще раньше А. Майковъ (въ своемъ изслѣдованіи „Исто-

чила свое начало въ VI, VII вв., когда въ греческомъ письмѣ не было никакихъ еще значковъ надстр. Мысль эта новѣйшимъ палеографомъ проф. Карскимъ, хотя и отрицается, но вотъ, что мы читаемъ у него: „Они (т. е. придыханія и ударенія) появляются позже; стало быть въ первоначальномъ письмѣ славянскомъ также не было удареній“ (Рус. Филол. Вѣст. 96, II, 146). Ту же мысль мы отмѣчаемъ въ раньше еще напечатанной небольшой статьѣ проф. Будде¹⁾, посвященной всецѣло надстрочнымъ значкамъ въ ц.-сл. и русской письменности (Фил. Зап. 87 г. № 5). Въ статьѣ этой (одной изъ раннихъ работъ автора) нѣтъ подробнаго разсмотрѣнія даннаго вопроса, подробнаго анализа въ этомъ отношеніи разныхъ памятниковъ, а затѣмъ и нельзя согласиться съ общими положеніями. Приведенныя нами данныя изъ памятниковъ заставляютъ насъ высказать мысль совершенно противоположную той, которую мы находимъ у упомянутыхъ ученыхъ. Эти данныя убѣждаютъ насъ всецѣло въ томъ, что древнѣйшіе памятники имѣли надстрочные значки, что въ этихъ памятникахъ въ употребленіи надстрочныхъ значковъ замѣчаются извѣстныя системы, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтенъ уже упадокъ этихъ послѣднихъ.

К. Л., какъ намъ кажется, являются пока единственнымъ памятникомъ, въ которомъ мы наблюдаемъ извѣстное внутреннее значеніе надстрочныхъ значковъ во всемъ ихъ объемѣ, сознательное въ этомъ отношеніи заимство-

рія с юбскаго языка. М. 57) высказалъ мысль, что въ первоначальной ц.-сл. письменности надстрочныхъ значковъ не было „Но писцамъ, забывшимъ тѣ правила, которыми руководствовался составитель азбуки, забывшимъ значеніе буквенныхъ начертаній и ихъ отношеніе къ существеннымъ измѣненіямъ членораздѣльныхъ звуковъ, писцамъ, увлекшимся мелочами, спустя вѣкъ или два послѣ св. Кирилла, азбука имъ изобрѣтенная, показалась уже недостаточной, и они рѣшились дополнить ее“ (322). На частныхъ наблюденіяхъ Майкова, иногда совершенно невѣрныхъ, въ его многословномъ отдѣлѣ, посвященномъ значкамъ въ серб. письменности, мы, конечно, не находимъ нужды здѣсь останавливаться.

1) „Намъ кажется, говоритъ авторъ (2—3), что съ большей или меньшей вѣроятностью можно настаивать на томъ, что первыя слав. книги были написаны вовсе безъ надстрочныхъ значковъ“.

ваніе изъ греч. графики и своеобразное примѣненіе къ славянской письменности. И древность приѣмовъ графич. въ К. Л. несомнѣнна. Разобранная сторона памятника можетъ, намъ кажется, пролить извѣстный свѣтъ на творческую дѣятельность первыхъ насадителей славянской письменности. Подмѣченные данныя очень важны принципиально, уясняя намъ характеръ этой дѣятельности. Нужно думать, что въ отношеніи данной системы значковъ К. Л. являлись далеко не единственнымъ памятникомъ, а служатъ для насъ остаткомъ лишь, уцѣлѣвшимъ представителемъ цѣлой группы памятниковъ, не дошедшихъ до насъ. Эта система, какъ видѣли мы, но уже въ смѣшеніи съ позднѣйшими системами отмѣчается въ Святослав. Изб. 73 г., Погодинской Пс. и др. памятникахъ. Она теряетъ здѣсь свое прежнее значеніе и превращается лишь въ извѣстный механический приѣмъ. Легко себѣ вообразить путь, по которому получается новая графическая система, характеризующая большинство древне-ц.-сл. памятниковъ, система обозначенія не только начальной гласной, но и гласной послѣ другой гласной въ словѣ. Этого приѣма не знаетъ греческая письменность и онъ выработался постепенно на славянской почвѣ механически, а не вовсе изъ желанія обозначить іотацію. Къ этому располагала scriptio continua, частыя встрѣчи съ подобными написаніями, когда встрѣчались двѣ гласныя, такія случаи, какъ пріимѣте, гдѣ чувствовалось имѣте, которое привыкли писать съ придыханіемъ, тоже достоинъихъ, достоинъимъ и пр. Затѣмъ, можетъ быть, здѣсь сыграли и извѣстную роль значки \sim и \wedge , которыя также несомнѣнно употреблялись въ древнѣйшей ц.-сл. письменности, но только не въ значеніи придыханій, а совсѣмъ иномъ, какъ указано нами. Форма чьстнаго, превратившись въ новомъ написаніи въ чьстнааго, могла удерживать прежній значекъ, но уже безъ его прежняго значенія. Такое обозначеніе, какъ блаженъіа и пр. могли повліять на возникновеніе значка, напр. въ Мар. Ев. то же подобнаго надъ ж и значекъ ужъ этотъ имѣлъ значеніе болѣе графическое. Понятно также, что эти памятники, наслѣдуя старыя системы, могли употреблять ихъ иногда приспособливая къ новымъ цѣлямъ. Несомнѣнно также и то, что не только форма начертаній въ надстр. значкахъ разобранныхъ памятниковъ говоритъ о позднѣй-

шемъ времени, о томъ же говорятъ, кромѣ ранѣе указаннаго, и другіе приемы, напр., обозначать надстрочными значками пропускъ глухихъ, смѣшивая къ тому же для этого апострофы съ придыханіями.

Междустрочные значки.

Въ употребленіи междустрочныхъ значковъ — 1, 2, 3, 4, 5 точекъ — мы замѣчаемъ нѣкоторую разницу по страницамъ, такъ: на 1 л. об. — числительное не отдѣлено никакимъ знакомъ, тогда какъ на 3, 4, 4 об., 5, 5 об., 7 числительныя отдѣляются или точкой или нѣсколькими точками. Точки въ разныхъ своихъ соединеніяхъ употреблены главнымъ образомъ въ синтаксическомъ значеніи (иногда очень удачно, иногда несовсѣмъ). По нѣкоторымъ мѣстамъ можно даже прослѣдить, что количество точекъ свидѣтельствовало о большей или меньшей продолжительности остановки, такимъ образомъ устанавливалась какъ бы извѣстная градація въ употребленіи этихъ знаковъ. Отдѣлительное значеніе могли имѣть точки особенно въ заголовкахъ.

Несовсѣмъ точны так. обр. слова Вондрака въ его предисловіи къ Клопову Сборнику о междустроч. знак. К. Л. (34—35): V Kijevských listech byva tečka, řidče dvoutečka v textu, po napisech a jednotlivých odstavcích tři tečky, ano i pět puntiků.

На 1 л. об. мы встрѣчаемъ въ качествѣ раздѣлительнаго знака начертаніе греч. *διαστολή*.

Сравнивая междустрочные знаки К. Л. съ подобными же другихъ древнѣйшихъ церк. слав. памятниковъ, мы должны сказать, что особенной разницы (по существу) мы не находимъ. Употребленіе точки и соединеній точекъ въ синтаксическомъ главнымъ образомъ отношеніи мы находимъ и въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ. Въ Евангеліяхъ преобладаетъ въ текстѣ точка, въ концахъ извѣстныхъ отдѣловъ нѣсколько точекъ, т. обр. то же, что и въ К. Л. Разница, конечно, могла обуславливаться самимъ теченіемъ текста, болѣе непрерывнаго. Въ Синайск. Псалт. преобладаютъ 2 точки,

иногда встрѣчаются 3 (предъ новой строчкой). Въ Пражскихъ отр. мы находимъ глав. обр. 2 точки, иногда по угловатостямъ можно считать ихъ черточками. Преобладаніе одной точки и присутствіе 2-хъ характеризуютъ Клоцовъ Сб. 2 точки въ Кл. Сб. ставятся на концѣ и поперекъ ихъ значекъ вродѣ недоконченнаго титла (см. 2-й снимокъ при изданіи Вондрака послѣ слова аминь или послѣ бывшію). Хотя точка въ Кл. Сб. ставится, какъ отмѣчаетъ Вондракъ, тамъ, гдѣ ненужно или пропускается тамъ, гдѣ нужно, но въ постановкѣ ея (какъ можно заключить по снимкамъ; въ изданіи памятника знаки измѣнены) замѣчается сознательное желаніе отдѣлять предложенія.

Итакъ, наблюденія надъ употребленіемъ точекъ въ древнѣйшихъ ц.-сл. памятникахъ убѣждаетъ, что значеніе ихъ было главнымъ образомъ первоначально синтаксическое¹⁾.

1) Прошу исправить слѣдующія замѣченныя неточности: пропуски — на стр. 16 (послѣ и, 36 строка) ж и ж; на стр. 20: їсь-вѣстоуемъ (вмѣсто ї¹ 6₆; сообразно съ этимъ дополненія къ стр. 11 относит. транскр. Яг.); тамъ же о 3₁₆, 4 об.₇, 5₁₉, 7₁ и на 21 стр. (строка 16) о 4₁, 6 об.₃; на стр. 11 (29) чит.: нужно не б т., а 5; тамъ же (31) нашъ вм. нашъ. Вмѣсто довѣчны прошу читать вѣчны (стр. 15, 42, 43, 47), т. обр. согласно транскрипціи Ягича (т. обр. уничт. і прим. 42 стр.).

1. — — —

2. — —

3. (зучое пр.) > > >

4. > > > >

5. (тонк. пр.) > >

6. > >

7. > > > >

7. ^ ^ ^ ^

8. ~ ~ ~

8. ~ ~ ~

9. † † † †

9. † † † †

10. P P

10. P

11. b

11. b

12. g g

12. g g g g

13. h

13. h h

14. k

15. g

17. g

16. h

17. h

18. > > > > > > > > > > /

19. > >

20. ^ ^ ^

СБОРНИКЪ

ВЪ ПАМЯТЬ

Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского

изданный

**Императорскимъ Юрьевскимъ
Университетомъ.**

Настоящій сборникъ заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Юрьевскаго университета, въ память пятидесятилѣтія со дня смерти Гоголя, 21 февраля 1902 года. Статья, посвященная Жуковскому, по поводу однороднаго воспоминанія (12 апрѣля 1902 года), была прочитана авторомъ въ торжественномъ собраніи Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 7 апрѣля 1902 года.

Содержаніе.

	Стр.
1) Е. В. Пѣтуховъ. Гоголь и Жуковскій	1— 44
2) Е. В. Пѣтуховъ. В. А. Жуковскій въ Дерптѣ (1815—1817)	45— 89
3) Приложенія къ статьѣ: „В. А. Жуковскій въ Дерптѣ“	90—101
4) В. Ф. Чижъ. Плюшкинъ, какъ типъ старческаго слабоумія	102—119
5) А. М. Германъ. Гоголь въ эстской литературѣ .	120—123
6) Я. И. Лаутенбахъ. Гоголь въ латышской лите- турѣ	124—131
7) Л. К. Мазингъ. Переводы сочиненій Гоголя . .	132—155

Гоголь и Жуковскій.

Въ кругу друзей Гоголя особое, въ своемъ родѣ даже единственное, мѣсто принадлежитъ Жуковскому. Эти дружескія отношенія между двумя далеко не равными по возрасту писателями, въ характерахъ которыхъ рядомъ съ нѣкоторымъ сходствомъ было еще болѣе различія, продолжались свыше двадцати лѣтъ и обнимали всю литературную жизнь великаго юмориста; личныя и письменныя сношенія ихъ прерывались лишь въ силу постороннихъ обстоятельствъ и на непродолжительное время. Жуковскій явился въ жизни Гоголя одною изъ самыхъ устойчивыхъ опоръ его нравственнаго существованія и, чуждый эгоизма, доброжелательный, отзывчивый и чуткій, сыгралъ въ жизни Гоголя поистинѣ выдающуюся роль. Вотъ почему прослѣдить шагъ за шагомъ различные моменты этой роли и дать имъ соотвѣтствующее объясненіе составляетъ задачу, любопытную въ психологическомъ и историко-литературномъ отношеніи и далеко не безынтересную для біографіи автора „Мертвыхъ Душъ“ и „Ревизора“.

I.

Первое знакомство Гоголя съ Жуковскимъ. — Отношеніе Гоголя къ Пушкину и Жуковскому. — Содѣйствіе Жуковскаго Гоголю въ полученіи профессуры. — Отъѣздъ Гоголя въ 1836 году за границу.

Имя Жуковскаго, какъ писателя, сдѣлалось знакомо Гоголю еще на ученической скамѣ (1821—1828), вмѣстѣ съ именемъ Пушкина. Въ концѣ 1828 года Гоголь явился въ Петербургъ искать счастья въ служебной карьерѣ, быть можетъ совсѣмъ не предвидя, что судьба готовила ему въ будущемъ исключительно писательское поприще. Впрочемъ, стремленіе къ сочинительству нашло себѣ выраженіе у Гоголя еще въ Нѣжинской Гимназіи и печатно обнаружилось въ неудачномъ „Гансѣ Кюхельгартенѣ“, сожженномъ самимъ авторомъ почти непосредственно по выходѣ его въ свѣтъ, въ 1829 году. Эта неудача однако не остановила его писательскихъ попытокъ, обративши ихъ отъ стиховъ къ прозѣ и отъ предметовъ искусственно придуманныхъ и чуждыхъ къ знакомой ему по непосредственнымъ впечатлѣніямъ малороссійской жизни. При всемъ своемъ раннемъ житейскомъ практицизмѣ, находясь подъ вліяніемъ оставшейся на родинѣ семейной среды и пользуясь помощью нѣкоторыхъ родственныхъ связей въ столицѣ, даровитый юноша хотя и прилагалъ видимыя старанія къ устройству себя на „службѣ“, но литературные интересы, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе, тянули его въ другую сферу: вотъ на этомъ-то распутии, въ этотъ критическій моментъ своей жизни, Гоголю и посчастливилось встрѣтить Жуковскаго.

Есть предположеніе, что съ Жуковскимъ Гоголь познакомился черезъ Дельвига, въ изданіяхъ котораго „Сѣверные Цвѣты“ и „Литературная Газета“ Гоголь помѣстилъ свои первыя произведенія¹⁾; во всякомъ случаѣ это знакомство произошло не ранѣе конца 1830 года, при обстоятельствахъ

1) Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя, I. 297.

въ точности намъ неизвѣстныхъ ; если принять сообщеніе, которое нѣтъ возможности провѣрить, одного изъ первыхъ біографовъ Гоголя ¹⁾, то онъ „досталъ отъ кого-то рекомендательное письмо къ В. А. Жуковскому, который сдалъ молодого человѣка на руки П. А. Плетневу, съ просьбой позаботиться о немъ“ ; очевидно, мотивомъ для знакомства было пока желаніе получить покровительство по службѣ, и именно педагогической, такъ какъ Плетневъ вскорѣ же, въ началѣ февраля 1831 года, устроилъ Гоголя преподавателемъ исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ, гдѣ онъ самъ былъ инспекторомъ классовъ. Но талантливый юноша, имѣвшій за собой уже нѣкоторые литературные опыты, не ускользнулъ отъ вниманія Жуковскаго также и съ этой стороны.

Въ эту пору Жуковскій былъ въ апогеѣ своей литературной славы и жизненныхъ успѣховъ, любимый и уважаемый въ высшихъ кругахъ столицы и близкій человѣкъ при дворѣ, какъ наставникъ будущаго наслѣдника престола. Онъ былъ одной изъ самыхъ видныхъ фигуръ въ тѣсной семьѣ тогдашнихъ русскихъ писателей и, по присущему ему душевному настроенію, весьма охотно оказывалъ покровительство всякому признаку литературнаго таланта. Гоголь былъ имъ сразу введенъ въ тотъ литературный кружокъ, который собирался у Жуковскаго въ его квартирѣ, въ такъ наз. „Шепелевскомъ дворцѣ“ (теперешнемъ Эрмитажѣ). Тутъ собирались кн. П. А. Вяземскій, А. И. Тургеневъ, Пушкинъ, кн. В. Ө. Одоевскій, Крыловъ, Гнѣдичъ, Хомяковъ ; кружокъ этотъ имѣлъ тѣсныя сношенія съ фрейлиной А. О. Россетъ, впоследствии близкимъ другомъ Гоголя, и видѣлъ въ своей средѣ немало высокопоставленныхъ лицъ, въ томъ числѣ великаго князя Михаила Павловича. Въ кружкѣ царили недавнія преданія „Арзамаса“, господствовало оживленіе и веселье, и особое вниманіе привлекали къ себѣ интересы

1) (Кулишъ, П. А.) Записки о жизни Гоголя, I. 84.

литературы и искусства; животворящимъ центромъ этого кружка былъ Пушкинъ, геніальное остроуміе и поэтическое настроеніе котораго находили здѣсь себѣ свободное и блестящее примѣненіе. Если принять въ соображеніе, что до вступленія въ кружокъ этотъ Гоголь былъ лишь неизвѣстнымъ искателемъ скромнаго положенія на канцелярской службѣ и начинающимъ, совершенно неизвѣстнымъ литераторомъ, то можно сказать, что сдѣланный имъ, при помощи Жуковскаго, шагъ былъ дѣйствительно „гигантскимъ“, сразу поставившимъ его въ условія, необычайно выгодныя для его будущей литературной дѣятельности; конечно, положеніе Гоголя въ этомъ кружкѣ на первое время не было совершенно равноправно съ другими его, отчасти уже названными, членами, что и было вполнѣ естественно, но оно уравнивалось и наилучшимъ образомъ опредѣлялось тѣмъ поистинѣ братскимъ отношеніемъ, которое установили на него, безъ дальнихъ колебаній, тогдашніе корифеи литературы во главѣ съ Жуковскимъ; здѣсь Гоголь впервые повѣрилъ въ свои писательскія силы, для которыхъ нашелъ просвѣщенныхъ и авторитетныхъ цѣнителей; здѣсь же въ первый разъ проявилъ онъ и свой оригинальный талантъ чтеца собственныхъ литературныхъ произведеній¹⁾. Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, Гоголь, въ одномъ письмѣ къ Жуковскому (отъ 22 декабря 1847 года), такъ вспоминалъ объ этомъ моментѣ своей жизни: „Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, едва вступавшій въ свѣтъ юноша, пришелъ въ первый разъ къ тебѣ, уже совершившему полъ-дороги на этомъ поприщѣ. Это было въ Шепелевскомъ дворцѣ. Комнаты этой уже нѣтъ. Но я ее вижу какъ теперь, всю, до малѣйшей мебели и вещицы. Ты подаль мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно-любовень твой взоръ! . . . Что насъ свело неравныхъ годами?

1) Шенрокъ, I. 298—299; III. 65.

Искусство. Мы почувствовали родство, сильнѣйшее обыкновеннаго родства. Отъ чего? Отъ того, что чувствовали оба святыню искусства“¹⁾).

Продолженіемъ этихъ быстро сложившихся отношеній явилось пребываніе Гоголя лѣтомъ 1831 года въ Павловскѣ, въ качествѣ наставника при малолѣтнемъ князѣ В. А. Васильчиковѣ. Сообщение отсюда со столицей, по случаю холеры, было весьма затруднительно; Жуковский и Пушкинъ жили по сосѣдству въ Царскомъ Селѣ, и Гоголь имѣлъ возможность ближе сойтись съ обоими поэтами, такъ что даже письма и посылки къ себѣ просилъ адресовать на имя Пушкина. Вернувшись осенью въ Петербургъ, Гоголь такъ писалъ своему другу и школьному товарищу А. С. Данилевскому (2 ноября 1831 года): „Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. . . Почти каждый вечеръ собирались мы: Жуковский, Пушкинъ и я. О, еслибъ ты зналъ, сколько прелестей вышло изъ-подъ пера сихъ мужей“²⁾. При всей наивности этого горделиваго сопоставленія Гоголемъ своего имени съ именами Пушкина и Жуковского, мы не имѣемъ основанія отвергать фактическую достовѣрность приведеннаго тутъ сообщенія. Что же касается вообще сравнительныхъ отношеній Гоголя къ Пушкину и Жуковскому, то можно думать, что уже въ эту пору Гоголь довольно отчетливо опредѣлилъ ихъ, присоединяясь отчасти къ общему мнѣнію того литературнаго кружка, членомъ котораго онъ недавно явился: Пушкинъ былъ для него предметомъ безусловнаго поклоненія и удивленія, неисчерпаемымъ источникомъ поэтической силы и вдохновенія, человѣкомъ несравненнаго ума и гениальности, тогда какъ Жуковский представлялся ему въ чертахъ болѣе реальныхъ и близкихъ, просто какъ первоклассный писа-

1) Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока (Спб. 1901), IV. 135.

2) Письма Н. В. Гоголя, I. 196.

тель и превосходный, добрый человекъ ; во всякомъ случаѣ, и Пушкинъ и Жуковский были уже при началѣ знакомства съ ними Гоголя близкими ему людьми, но близость къ первому изъ нихъ была главнымъ образомъ въ сферѣ поэтическихъ интересовъ, а ко второму — въ сферѣ интересовъ общественныхъ и житейскихъ.

Приходится очень пожалѣть, что мы имѣемъ слишкомъ недостаточныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Гоголя къ Жуковскому, а равно и Пушкину, въ послѣдующія пять лѣтъ, до отъѣзда Гоголя въ 1836 году за границу, такъ какъ эти годы были чрезвычайно важной порой въ развитіи творческихъ стремленій будущаго великаго писателя. Однако извѣстно, что Гоголь успѣлъ за это время пріобрѣсти уже литературное имя и сдѣлаться авторомъ „Вечеровъ“, „Миргорода“ и „Ревизора“, пользовался радушнымъ пріемомъ въ литературномъ кружкѣ Жуковского и посѣщалъ въ 1833—34 годахъ его извѣстные субботніе вечера, большею частію съ прежнимъ составомъ участниковъ ; тутъ Гоголь, какъ писатель, занималъ уже болѣе самостоятельное мѣсто. Жуковский по прежнему являлся ему въ роли покровителя. Помощь Жуковского Гоголю сказывалась не въ однихъ только литературныхъ, но и въ иныхъ отношеніяхъ : между прочимъ, онъ охотно поддерживалъ притязанія Гоголя на профессуру въ Кіевѣ и затѣмъ, когда это дѣло не получило успѣха, помогалъ Гоголю получить въ 1834 году каѳедру всеобщей исторіи въ Петербургскомъ университетѣ и даже лично присутствовалъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, на двухъ лекціяхъ молодого адъюнкта-профессора. Эта затѣя Гоголя, не имѣвшая подъ собою внутреннихъ основаній ни въ предшествующей научной подготовкѣ Гоголя, ни въ самомъ характерѣ его склонностей, окончилась, какъ извѣстно, весьма быстро и неудачно. Нельзя не согласиться съ авторитетнымъ указаніемъ біографа Гоголя, что Жуковский поступилъ въ данномъ случаѣ весьма опрометчиво, поощряя его сдѣлать очевидно ложный шагъ ; ему представляется даже это об-

стоятельство „темнымъ и загадочнымъ, при всемъ извѣстномъ благодушіи Жуковского“ ¹⁾, но намъ думается, что именно эта ссылка на „благодушіе“ Жуковского является достаточно полнымъ объясненіемъ всего его дѣйствительно ошибочнаго отношенія къ притязанію Гоголя на прохожденіе ученой карьеры. Самъ Жуковскій, при всемъ своемъ весьма солидномъ литературномъ образованіи, былъ все-таки чуждъ этой сферы жизни; но если припомнить, что даже такіе присяжные ученые, какъ И. И. Срезневскій и М. П. Погодинъ, относились съ подобнымъ же довѣріемъ къ научнымъ замысламъ Гоголя, и что въ 1830-хъ годахъ университетскія кафедры нерѣдко замѣщались у насъ лицами мало къ тому подготовленными, то содѣйствіе Жуковского Гоголю не будетъ заключать въ себѣ ничего особенно загадочнаго и необъяснимаго. Безъ сомнѣнія, съ той же надеждой на постоянное сочувствіе къ себѣ Жуковского Гоголь обращался къ нему лѣтомъ 1835 года изъ Полтавы, съ просьбой предотвратить угрожавшее ему удаленіе отъ должности преподавателя Патріотическаго Института, за неисправное отношеніе къ своимъ обязанностямъ ²⁾.

Но внутренній душевный переломъ въ Гоголѣ, постепенно совершавшійся въ эти поистинѣ счастливые годы для его литературнаго развитія, привелъ его однако же къ болѣзненной рѣшимости уѣхать лѣтомъ 1836 года на долгое время за границу, чтобы вдали отъ родной среды отдаться совершенію труда надъ „Мертвыми Душами“, которому Гоголь придавалъ огромное, несоотвѣтственное, почти фантастическое значеніе, какъ средству нравственнаго самоочищенія и какъ высокому гражданскому подвигу. Мы не имѣемъ указаній на то, чтобы друзья Гоголя, и въ томъ числѣ Жуковскій, оказали противодѣйствіе этому рѣшенію. Гоголь уѣхалъ даже не простившись ни съ Жуковскимъ,

1) Шенрокъ, II. 281—282.

2) Письма Н. В. Гоголя, I. 348—349.

ни съ Пушкинымъ; но первымъ его откликомъ съ чужбины было именно письмо къ Жуковскому (отъ 16 юня 1836 года, изъ Гамбурга), гдѣ онъ, между прочимъ, такъ говоритъ по поводу того, что ему „не удалось“ передъ отъѣздомъ проститься съ Жуковскимъ: „Разлуки между нами не можетъ и не должно быть, и гдѣ бы я ни былъ, въ какомъ бы отдаленномъ уголкѣ ни трудился, я всегда буду возлѣ васъ. Каждую субботу я буду въ вашемъ кабинетѣ, вмѣстѣ со всѣми близкими вамъ. Вѣчно вы будете представляться мнѣ слушающимъ меня читающаго. Какое участіе, какое заботливо-родственное участіе видѣлъ я въ глазахъ вашихъ! Низкимъ и пошлымъ почиталъ я выраженіе благодарности моей къ вамъ“. . . Впрочемъ, въ этомъ же письмѣ, нѣсколько далѣе, Гоголь благодаритъ Жуковскаго „за хлопоты“ доставить ему „отъ императрицы на дорогу“¹⁾.

II.

Первое путешествіе Гоголя за границу въ 1836—1839 годахъ. — Гоголь и Жуковскій въ Римѣ. — Письма и просьбы Гоголя къ Жуковскому изъ заграницы. — Возвращеніе Гоголя въ Россію и житіе у Жуковскаго. — Гоголь въ Москвѣ и просьбы его къ Жуковскому о деньгахъ и должности въ Римѣ. — Второе заграничное путешествіе Гоголя въ 1840—1841 годахъ. — Окончательное уравниеніе отношеній Гоголя къ Жуковскому и наставительный тонъ къ послѣднему въ письмахъ.

Первое заграничное путешествіе Гоголя, если не считать кратковременной и весьма странной поѣздки его въ Любекъ и Травемюнде въ 1829 году, продолжалось нѣсколько болѣе трехъ лѣтъ: выѣхавши въ юнѣ 1835 года изъ Петербурга, онъ въ сентябрѣ 1839 года вернулся въ Россію. Гоголь побывалъ въ Германіи, Франціи, Швейцаріи, Австріи, но большую часть времени провелъ въ Римѣ; главное его вниманіе сосре-

1) Письма Н. В. Гоголя, I. 383. 385.

доточено было на лѣченіи себя частію отъ дѣйствительныхъ, частію воображаемыхъ болѣзней, а также на созданіи I тома „Мертвыхъ Душъ“, работа надъ которымъ, въ виду тяжелаго душевнаго настроенія Гоголя, тоже была процессомъ не только въ своемъ родѣ болѣзненнымъ, но и весьма мучительнымъ. Смерть Пушкина въ 1837 году была едва ли не самой чувствительной изъ душевныхъ ранъ Гоголя за это время, и послѣ нея онъ еще ближе почувствовалъ себя къ Жуковскому, имя котораго тѣсно связывалъ онъ съ именемъ Пушкина. Впрочемъ, переписка ихъ не была особенно оживленной. Второе письмо Гоголя, послѣ упомянутаго уже перваго, послѣдовало мѣсяцевъ черезъ пять (отъ 12 ноября 1836 года, изъ Парижа) и начиналось такъ: „Я давно не писалъ вамъ; я ждалъ, чтобы минуло лѣто, потому что въ это время обыкновенно какъ-то мало вспоминается объ отсутствующихъ. Къ тому же у меня не было ничего достойнаго писать къ вамъ. Но я знаю, что вы меня любите и что съ наступленіемъ осени вы вспомните обо мнѣ, обо мнѣ, который каждую минуту васъ видитъ передъ собой“; далѣе Гоголь сообщаетъ, что въ совершенномъ имъ путешествіи по Швейцаріи онъ постоянно вспоминалъ, при видѣ тѣхъ или иныхъ мѣстъ, Жуковского, и затѣмъ просить послѣдняго прислать ему свой портретъ, обѣщая въ обмѣнъ собственный портретъ, а также обращается съ просьбой о присылкѣ фактическаго матеріала для поэтической обработки сюжета о покупкѣ мертвыхъ душъ¹⁾. Въ апрѣлѣ 1837 года Гоголь, изъ Рима, просилъ Жуковского выхлопотать ему матеріальную поддержку отъ Государя²⁾, и когда старанія Жуковского увѣнчались успѣхомъ, благодарилъ его, восклицая: „Вы! все вы! Вашъ исполненный любви взоръ бодрствуетъ надо мною!“³⁾. Въ декабрѣ 1838 года въ

1) Письма Н. В. Гоголя, I. 413. 416.

2) Тамъ же, I. 441—444.

3) Тамъ же, I. 459.

Римъ, гдѣ въ то время находился Гоголь, пріѣхалъ и самъ Жуковский, сопровождавшій наслѣдника престола въ путешествіи по Европѣ. Гоголь былъ необыкновенно обрадованъ этимъ пріѣздомъ, и съ восторгомъ извѣщалъ о немъ своихъ друзей въ Россіи. „Я такъ теперь счастливъ пріѣздомъ Жуковского — писалъ онъ княжнѣ В. Н. Репниной 18 января 1839 года — что это одно наполняетъ меня всего. Свиданіе наше было очень трогательно. Первое имя, произнесенное нами, было Пушкинъ. . . Мы почти весь день вмѣстѣ осматривали Римъ съ утра до ночи, исключая тѣхъ дней, въ которые онъ обязанъ дѣлать этотъ курсъ съ Наслѣдникомъ. Онъ весь упоенъ Римомъ и только жалѣетъ на короткость времени. Появленіе его здѣсь для меня точно сновидѣніе. Наслаждаюсь своимъ сномъ и боюсь и подумать о пробужденіи“ ¹⁾. Они не только осматривали вмѣстѣ Римъ для знакомства съ его художественными сокровищами и древностью, но и дѣлали совмѣстныя прогулки по Риму и его окрестностямъ съ цѣлю рисовать съ натуры. Въ эти дни пребыванія Жуковского въ Римѣ произошло, повидимому, болѣе тѣсное сближеніе его съ Гоголемъ; не смотря на значительную разницу лѣтъ, послѣдній окончательно становится въ равныя съ нимъ товарищескія отношенія, что уже началось и въ Петербургѣ, но прервано было отъѣздомъ Гоголя за границу. Въ Римѣ ихъ сблизили съ одной стороны петербургскія воспоминанія, особенно о Пушкинѣ, память котораго для обоихъ ихъ была святыней, а съ другой — Римъ и его художественныя богатства, которымъ они оба поклонялись, хотя и не одинаковымъ образомъ; не безъ вліянія на это сближеніе осталось, вѣроятно, и то мистическое настроеніе, которое такъ сродно было душѣ Жуковского и проявленія котораго въ иномъ, не столь свѣтломъ, поэтическомъ видѣ, уже хорошо были знакомы Гоголю и

1) Письма Н. В. Гоголя, I. 560—561.

входили составною частію въ его тогдашнее душевное состояніе. Кромѣ того, послѣ смерти Пушкина, Жуковскій сдѣлался для Гоголя неизмѣннымъ и авторитетнымъ повѣреннымъ въ его литературныхъ замыслахъ и трудахъ. Поэтому, когда Жуковскій вскорѣ оставилъ Римъ, Гоголь затосковалъ. „Вотъ уже недѣля — писалъ онъ Жуковскому изъ Рима, въ февралѣ 1839 года — какъ васъ нѣтъ въ Римѣ, а я все еще нахожусь въ такомъ состояніи, какъ будто бы вы уѣхали только сегодня по утру, т. е. разинувъ ротъ, глупо глядя въ слѣдъ уѣзжающей вашей каретѣ и не зная потомъ, куда направить шаги свои. Два первые дня рѣшительно не зналъ, за что приняться“. Обращаясь далѣе къ прелестямъ римской природы, Гоголь восклицаетъ: „Чудное время! Я былъ бы счастливъ совершенно, если бы въ мое наслажденіе не вмѣшалось нѣсколько изъ того томительнаго чувства которое чувствуетъ школьникъ, когда учитель его отправится гулять за городъ съ его товарищами, а его оставить за лѣнность одного въ маленькомъ школьномъ садикѣ, и онъ видитъ пропадающій вечеръ и видитъ сквозь него, глазами воображенія, вдали лугъ, на немъ свѣтъ солнца, кучу товарищей, летящій вверхъ мячъ, веселые крики“. И наконецъ — объ ихъ прогулкахъ для рисованія съ натуры: „Доживу ли я до того времени, когда мы вновь сядемъ вмѣстѣ, оба съ кистями? Вѣрите ли, что иногда, рисуя, я, позабывшись, вдругъ оборачиваюсь, чтобъ сказать слово вамъ, и оборотившись, вижу и какъ будто слышу пустоту, по крайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ, въ землѣ, гдѣ всякое мѣсто наполнено и гдѣ нѣтъ пустоты“ ¹⁾. Но письма Гоголя къ Жуковскому имѣли иногда и другой тонъ, также драгоцѣнный для характеристики его отношеній къ своему вліятельному другу: послѣдній нуженъ былъ ему не только какъ судья его произведеній и какъ близкая душа,

1) Письма Н. В. Гоголя, I. 567—568. 570.

но и какъ посредникъ денежныхъ милостей отъ двора и вообще какъ опора въ затрудненіяхъ матеріальныхъ. Таково, напр., его письмо къ Жуковскому, при возвращеніи въ Россію, отъ 12 сентября 1839 года, изъ Варшавы, въ которомъ онъ выражаетъ сожалѣніе о неполученіи писемъ отъ Жуковского, и затѣмъ обращается къ нему съ просьбой исплотать пособие въ пять тысячъ рублей на устройство его сестеръ при предстоявшемъ выпускѣ ихъ изъ института, припоминая при этомъ данное ранѣе Жуковскимъ обѣщаніе. Конецъ письма производитъ впечатлѣніе наивнаго эгоизма, неискренности, риторики: „Если бы вы знали, чего мнѣ стоило бросить Римъ, хотя я знаю, что это не больше, какъ на два-три мѣсяца. Но клянусь, еслибъ мнѣ предлагали милліоны, и эти милліоны помножить еще на милліоны и потомъ удесятерить эти милліоны, я бы не взялъ ихъ, если бы это было съ условіемъ оставить Римъ, хотя на полгода. Но вы меня понимаете; вы знаете его, этотъ прекрасный рай, вознесшійся на семи холмахъ со всеми его чудесами, исполинами-развалинами, соснами куполообразными, тѣми кипарисами, которые мы рисовали на этомъ божественномъ воздухѣ. . . О, я ѣду за вами и вашимъ, даннымъ вами словомъ, какъ Вельзевулъ, которому дана рукописная и рукокровная клятва. Я слѣжу васъ и не выпущу“¹⁾.

Въ сентябрѣ 1839 года Гоголь уже былъ въ Россіи, но его пребываніе здѣсь затянулось долѣе предполагаемаго имъ срока, вмѣсто двухъ-трехъ мѣсяцевъ около девяти. Большую часть этого времени провелъ онъ въ Москвѣ, но ѣздилъ и въ Петербургъ, гдѣ останавливался у Плетнева, а затѣмъ у Жуковского въ его дворцовой квартирѣ. Объ одномъ изъ посѣщеній его здѣсь, 27 ноября 1839 года, весьма интересно рассказываетъ С. Т. Аксаковъ: „(Жуковский) провелъ меня черезъ внутреннія комнаты къ кабинету Го-

1) Письма Н. В. Гоголя, II. 5—6.

голя, тихо отперъ и отворилъ дверь. Я едва не закричалъ отъ удивленія. Передо мной стоялъ Гоголь въ слѣдующемъ фантастическомъ костюмѣ: вмѣсто сапогъ длинныя шерстяныя русскіе чулки, выше колѣнъ; вмѣсто сюртука, сверхъ фланелеваго камзола, бархатный спензеръ; шея обмотана большимъ разноцвѣтнымъ шарфомъ, а на головѣ бархатный, малиновый, шитый золотомъ кокошникъ, весьма похожій на головной уборъ мордовокъ. Гоголь писалъ и былъ углубленъ въ свое дѣло, и мы очевидно ему помѣшали. Онъ долго не зря смотрѣлъ на насъ, по выраженію Жуковского, но костюмомъ своимъ нисколько не стѣснялся ¹⁾. Вернувшись въ Москву, Гоголь, въ январѣ 1840 года, обратился къ Жуковскому съ письмомъ, въ которомъ изложилъ, съ большимъ практическимъ пониманіемъ, положеніе своихъ денежныхъ дѣлъ. Вопросъ шелъ о продажѣ Смирдину права на изданіе сочиненій Гоголя, который находилъ предложенія Смирдина слишкомъ скромными для себя и невыгодными. Чтобы представить дѣло въ наиболѣе желательномъ для себя свѣтѣ передъ Жуковскимъ, Гоголь не остановился даже передъ выдуманной имъ пропажей готовой комедіи „Женихи“ — такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Н. С. Тихонравовъ ²⁾ — и заключилъ письмо такой просьбой: „Итакъ, рѣшился не продавать моихъ сочиненій, но употребить и поискать средствъ, если не отразить, то хоть отсрочить несчастное теченіе моихъ трудныхъ обстоятельствъ. Какъ-нибудь на годъ уѣхать скорѣй какъ можно въ Римъ, гдѣ убитая душа моя воскреснетъ вновь, какъ воскресла прошлую зиму и весну, приняться горячо за работу и, если можно, кончить романъ (т. е. „Мертвыя Души“) въ одинъ годъ. Но какъ достать на это средства и денегъ? Я придумалъ вотъ что: сдѣлайте складку, сложитесь всѣ тѣ,

1) С. Т. Аксаковъ. Исторія моего знакомства съ Гоголемъ. „Русскій Архивъ“, 1890, VIII. 28.

2) Соч. Гоголя, изд. 10, II. 701.

которые питають ко мнѣ истинное участіе; составьте сумму въ 4000 р. и дайте мнѣ въ займы на годъ“¹⁾. Деньги были Жуковскимъ немедленно добыты и доставлены Гоголю. Непосредственно за этимъ, въ благодарственномъ письмѣ къ Жуковскому, Гоголь выражаетъ ему полу-просьбу, въ видѣ мечты, получить въ Римѣ какую-либо казенную должность или „официальное порученіе“, которое могло бы обезпечить его для продолжительной литературной работы въ вѣчномъ городѣ: „Благодарю васъ за все, за любовь вашу ко мнѣ. Подумайте обо мнѣ съ кѣмъ-либо изъ людей должностныхъ, не придумается ли какое средство?“²⁾. Болѣе конкретную форму просьба эта получила въ новомъ письмѣ Гоголя къ Жуковскому, отъ 3 мая 1840 года изъ Москвы, не задолго передъ выѣздомъ его за границу; онъ именно просилъ дать ему мѣсто секретаря при только что назначенномъ начальникѣ русскихъ художниковъ въ Римѣ П. И. Кривцовѣ: „вашъ и до гроба и за гробомъ, и по эту и по ту сторону жизни“, подписался подъ этимъ письмомъ Гоголь³⁾. Но мѣсто это Гоголемъ не было получено.

Во время второго своего пребыванія за границей (въ 1840—1841 годахъ), на которое Гоголь получилъ возможность главнымъ образомъ благодаря упомянутому уже займу, предоставленному для него Жуковскимъ, онъ дважды обращался къ Жуковскому съ просьбами, но не для себя: первый разъ просилъ онъ за извѣстнаго художника А. А. Иванова, а второй — за художника А. Т. Маркова; въ послѣднемъ письмѣ Гоголь, между прочимъ, писалъ: „Что вы дѣлаете? здоровы ли вы? веселы ли? думаете ли о мнѣ? Я ничего не знаю и не слышу о васъ — это грустно. Я не скажу, что я здоровъ; нѣтъ, здоровье можетъ быть еще хуже, но я болѣе нежели здоровъ. Я слышу часто чуд-

1) Письма Н. В. Гоголя. II. 25—29.

2) Тамъ же, II. 31—32

3) Тамъ же, II. 42.

ныя минуты, чудной жизнью живу, внутренней, огромной, заключенной во мнѣ самомъ, и никакого блага и здоровья не взялъ бы. Вся жизнь моя отнынѣ одинъ благодарный гимнъ. Не пѣняйте, что я до сихъ поръ не уплачиваю вамъ взятыхъ у васъ денегъ. Все будетъ заплочено, можетъ быть нынѣшней же зимою. Наконецъ, не съ потупленными очами я предстану къ вамъ; и теперь я живу и дивлюсь самъ, какъ живу, во всѣхъ отношеніяхъ ничѣмъ, и не забочусь о жизни и не стыжусь быть нищимъ¹⁾.” Эти строки, написанныя отъ сердца, способны примирить наблюдателя жизни Гоголя и съ его подчасъ слишкомъ настойчивыми просьбами о себѣ, и съ неискренностью въ извѣстныхъ случаяхъ, даже передъ лучшими его друзьями, и съ его наивнымъ эгоизмомъ; онѣ же даютъ и извѣстную оцѣнку стараніямъ Жуковского и его постоянной готовности прійти къ Гоголю на помощь, не взирая на странности и многія несимпатичныя стороны этой крайне сложной и болѣзненной душевной организаціи. Взаимныя отношенія между этими двумя лицами не только сдѣлались вполне равными, но Гоголь началъ и къ Жуковскому обращаться съ тѣмъ же религіозно-возвышеннымъ и поучительнымъ тономъ, который все болѣе и болѣе принималъ онъ въ обращеніяхъ съ людьми. Такъ, готовясь, послѣ второй заграничной поѣздки, отправиться въ третью, Гоголь писалъ Жуковскому изъ Москвы, 10 мая 1842 года: „Здоровы ли вы? что дѣлаете? я буду къ вамъ; ждите меня! Много расскажу вамъ прекраснаго. Если вы смущаетесь чѣмъ-нибудь и что-нибудь земное и преходящее васъ беспокоить, то будете отнынѣ тверды и свѣтлы вѣрою въ грядущее. Все въ мірѣ ничто передъ высокою любовью, которую содержитъ Богъ къ людямъ“²⁾.

1) Письма Н. В. Гоголя, II. 121—122.

2) Тамъ же, II. 169.

III.

Третье путешествіе Гоголя за границу въ 1842—1848 годахъ. — Письма къ Жуковскому. — Свиданія въ Дюссельдорфъ и Франкфуртъ; литературныя бесѣды обоихъ писателей и труды; общность настроенія. — Отношеніе Жуковского къ изданію „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“. — Новое свиданіе во Франкфуртъ. — Отъѣздъ Гоголя въ путешествіе на востокъ и письма его оттуда къ Жуковскому.

Въ іюнѣ 1842 года, немедленно послѣ выхода въ свѣтъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь отправился въ третье, послѣднее и самое продолжительное, свое путешествіе за границу, откуда вернулся въ Россію лишь въ апрѣлѣ 1848 года, черезъ Одессу. За исключеніемъ двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ, употребленныхъ на путешествіе въ Палестину, Гоголь по прежнему провелъ все время въ разныхъ городахъ Западной Европы, влекомый изъ мѣста въ мѣсто болѣзненной страстью къ постоянному передвиженію, совѣтами докторовъ и мѣстопребываніемъ своихъ русскихъ друзей въ томъ или другомъ европейскомъ уголкѣ. Но Римъ, какъ и раньше, удержалъ надъ нимъ свою притягательную силу: въ немъ онъ чувствовалъ себя всего лучше и къ нему онъ постоянно стремился. Другимъ пунктомъ, къ которому въ эту пору тяготѣлъ Гоголь, былъ Жуковский, переселившійся въ 1841 году, послѣ женитьбы, окончательно за границу; Гоголь дважды провелъ съ нимъ болѣе или менѣе продолжительное время: одинъ разъ съ августа по декабрь въ 1843 году въ Дюссельдорфѣ, а другой разъ — во Франкфуртъ на Майнѣ, въ осенніе и зимніе мѣсяцы 1844 года. Отношенія ихъ въ эту пору сдѣлались еще тѣснѣе, чѣмъ прежде; старая дружба окрѣпла, и оба они еще болѣе стали чувствовать нужду другъ въ другѣ, не смотря на то, что Жуковский къ этому времени окружилъ себя обстановкой собственной семейной жизни, а Гоголь по прежнему оставался бездомнымъ скитальцемъ и искалъ себѣ утѣшенія въ религіозно-поэтическихъ созерцаніяхъ, въ

стремленіи къ нравственному совершенствованію и въ надеждѣ на окончаніе своего великаго подвига, какимъ представлялась ему работа надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“. Скитаясь по разнымъ мѣстамъ заграницей, Гоголь въ эти годы получалъ письма отъ своихъ русскихъ друзей и знакомыхъ главнымъ образомъ черезъ посредство Жуковского, съ которымъ онъ находился въ наиболѣе непрерывныхъ сношеніяхъ.

Едва выѣхавъ за границу, Гоголь изъ Берлина, отъ 26 іюня 1842 года, написалъ Жуковскому длинное письмо. О себѣ онъ говорилъ такъ: „Скажу только, что съ каждымъ днемъ и часомъ становится свѣтлѣй и торжественнѣй въ душѣ моей, что не безъ цѣли и значенья были мои поѣздки, удаленья и отлученья отъ міра, что совершалось незримо въ нихъ воспитанье души моей, что я сталъ далеко лучше того, какимъ запечатлѣлся въ священной для меня памяти друзей моихъ, что чаще и торжественнѣй льются душевныя мои слезы, и что живетъ въ душѣ моей глубокая, неотразимая вѣра, что небесная сила поможетъ взойти мнѣ на ту лѣстницу, которая предстоитъ мнѣ, хотя я стою еще на низайшихъ и первыхъ ея ступеняхъ. Много труда и пути, и душевнаго воспитанія впереди еще! Чище горняго снѣга и свѣтлѣй небесъ должна быть душа моя, и тогда только я приду въ силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрѣшится загадка моего существованія.“ Эта тирада является чрезвычайно типической для характеристики тогдашняго душевнаго состоянія Гоголя. Она находится въ полномъ соотвѣтствіи съ призываемымъ далѣе благословеніемъ на Жуковского, съ просьбой сообщить какъ можно подробнѣе и строже свои замѣчанія на „Мертвыя Души“ и съ назиданіемъ не падать духомъ: „Будьте свѣтлы, ибо свѣтло грядущее; и чѣмъ темнѣй помрачается на мгновенье небосклонъ нашъ, тѣмъ радостнѣй долженъ быть взоръ нашъ, ибо потемнѣвшій небосклонъ есть вѣстникъ свѣтлаго и торжественнаго проясне-

нія“¹⁾. Можно сказать, что съ этого тона какъ въ отношеніи себя, такъ и Жуковскаго Гоголь не сходилъ уже въ сношеніяхъ съ послѣднимъ до конца своей жизни. Въ послѣдующихъ письмахъ, отъ 20 іюля изъ Гастейна и 1 ноября 1842 года изъ Рима, съ особенной настойчивостью повторяется просьба о замѣчаніяхъ на „Мертвыя Души“²⁾. Весной 1843 года Гоголь писалъ Жуковскому изъ Рима о своемъ желаніи пріѣхать къ нему въ Дюссельдорфъ и пожить съ нимъ вмѣстѣ нѣкоторое время: „Мысль эта занимаетъ меня сильно; мы тамъ въ совершенномъ уединеніи и покоѣ займемся работой; вы „Одиссеей“, а я „Мертвыми Душами“³⁾. Жуковский между тѣмъ медлилъ отвѣтомъ какъ на этотъ проектъ Гоголя, такъ и вообще на его письма, что очень тревожило Гоголя и внушало даже ему мысль, что Жуковский „разлюбилъ“ его. Издатель писемъ Гоголя полагаетъ, что „Жуковский былъ въ это время не вполне доволенъ Гоголемъ — всего вѣроятнѣе за частыя и слишкомъ настойчивыя просьбы Гоголя то за себя, то за Иванова“⁴⁾. Намъ думается, что для такого предположенія нѣтъ достаточныхъ основаній. Именно въ это время Гоголь не обращался къ Жуковскому ни съ какими просьбами, да и Жуковский, со своей стороны, въ теченіе всей своей жизни былъ неизмѣнно послѣдователенъ въ чрезвычайно благосклонномъ отношеніи къ просьбамъ Гоголя. Причина неполученія нѣкоторое время отвѣта отъ Жуковскаго лежала, вѣроятнѣе всего, въ томъ, что Жуковский былъ менѣе дѣятеленъ въ перепискѣ съ Гоголемъ, чѣмъ послѣдній; кромѣ того, онъ переживалъ первый годъ своей новой, семейной жизни и, быть можетъ, искалъ уединенія въ тѣсномъ, родственномъ кругу; къ тому же его жена въ эту пору была больна, послѣ первыхъ родовъ, и это

1) Письма Н. В. Гоголя, II. 184—186.

2) Тамъ же, II. 186—187. 229.

3) Тамъ же, II. 285.

4) Тамъ же, II. 294, прим. 2.

чрезвычайно волновало и тревожило Жуковского. „Не сердитесь на мое молчаніе — писалъ Жуковскій 2 ноября 1842 года изъ Дюссельдорфа — не толкуйте его криво и вѣрьте моей искренней къ вамъ дружбѣ съ письмами отъ меня и безъ писемъ“ ¹⁾. Впрочемъ, желанный отвѣтъ на вопросы Гоголя все-таки пришелъ и вызвалъ, отъ 5. мая 1843 года, изъ Флоренціи, радостный откликъ Гоголя, который предвкушалъ удовольствіе свиданія и возможность поговорить о „Мертвыхъ Душахъ“, что обѣщалъ ему и Жуковскій ²⁾. Давно ожидаемое свиданіе въ самомъ дѣлѣ состоялось. Эти мѣсяцы дюссельдорфской жизни Гоголя, вблизи Жуковского и его семейства, конечно, представляли для Гоголя большую душевную отраду; тутъ, повидимому, впервые въ продолжительныхъ и неоднократныхъ бесѣдахъ между собою, Гоголь и Жуковскій тѣсно прикоснулись другъ къ другу тѣми сходными мистическими сторонами своего настроенія, которое оба они питали въ душѣ, хотя не вполне одинаково; но вмѣстѣ съ тѣмъ Жуковскій, постоянно волнуемый въ это время семейными горестями, въ видѣ болѣзни близкихъ себѣ людей, не могъ оказать того оздоравлиющаго, бодрого вліянія на душу Гоголя, въ которомъ тотъ нуждался для продолженія своего поэтического труда; послѣдній подвигался очень вяло, но тѣмъ болѣе росли у автора надежды на продолженіе и окончаніе его въ будущемъ. Съ этой мыслью и съ желаніемъ снова сѣхаться съ Жуковскимъ во Франкфуртѣ, Гоголь отправился въ Ниццу, чтобы провести тамъ остатокъ зимы 1843—1844 года.

Первымъ откликомъ Гоголя по приѣздѣ въ Ниццу было его письмо къ Жуковскому, отъ 2 декабря 1843 года, а за нимъ послѣдовало отъ 8 января 1844 года второе, въ ко-

1) Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности за 1891 годъ. М. 1891, стр. 15.

2) Письма Н. В. Гоголя, II. 295—296.

торомъ, какъ и въ первомъ, Гоголь говоритъ о своихъ „Мертвыхъ Душахъ“ и спрашиваетъ Жуковского о ходѣ его работы надъ переводомъ „Одиссеи“ : „Подумываю съ удовольствіемъ, когда мы будемъ читать другъ другу дѣла свои“, говоритъ Гоголь, имѣя въ виду объ эти литературныя работы ¹⁾.

Что Жуковскій вообще не имѣлъ неудовольствія на Гоголя за его просьбы о себѣ и о другихъ, видно изъ новой и весьма существенной помощи, которую онъ оказалъ въ 1844 году Гоголю, и повидимому неожиданно для послѣдняго : онъ испросилъ у Наслѣдника позволеніе выплатить 4000 р., которые былъ ему долженъ Жуковскій, — не ему, а Гоголю. Гоголь, разумѣется, былъ обрадованъ этимъ ; однако, будучи уже давно долженъ Жуковскому такую же именно сумму, просилъ его принять упомянутыя деньги въ уплату этого долга : „Я знаю, что это вамъ будетъ немножко досадно — писалъ Гоголь Жуковскому (отъ 29 мая 1844 года, изъ Баденъ-Бадена) объ этомъ нѣсколько двусмысленно и, кажется, не безъ задней мысли — но нечего дѣлать, нужно покориться обстоятельствамъ“ ²⁾; но Жуковскій не принялъ, конечно, такой комбинаціи, и Гоголь сполна получилъ отъ него эти деньги въ разные сроки.

Между тѣмъ приближалось новое продолжительное свиданіе Гоголя съ Жуковскимъ во Франкфуртѣ, которое казалось ему „весьма нужно и полезно“ для его „занятій“, какъ онъ писалъ объ этомъ Н. М. Языкову ³⁾. По характеру своему и по послѣдствіямъ, франкфуртское свиданіе было болѣе или менѣе однородно съ дюссельдорфскимъ. Въ смыслѣ литературной работы Жуковскій оказался въ это время, не смотря на свои годы и отвлеченіе въ сторону семейныхъ обязанностей, продуктивнѣе Гоголя ; у послѣдняго

1) Письма Н. В. Гоголя, II. 373.

2) Тамъ же, II. 447.

3) Тамъ же, II. 476.

работа попрежнему шла туго, и онъ охотнѣе писалъ длинныя письма своимъ московскимъ друзьямъ, чѣмъ двигалъ впередъ „Мертвыя Души“. Въ одномъ изъ нихъ, къ С. П. Шевыреву отъ 14 декабря 1844 года, Гоголь, между прочимъ, писалъ: „Скажи ему (Кирѣевскому), что хотя я и не даю никакой статьи въ „Москвитянина“, по причинѣ нищенства, но что Жуковскій мною заставленъ сдѣлать для „Москвитянина“ великое дѣло, котораго, безъ хвастовства, побудителемъ и подстрекателемъ былъ я“ ¹⁾. Это были именно „Двѣ повѣсти“ (изъ Шамиссо и Рюккерта), дѣйствительно напечатанныя въ 1 № „Москвитянина“ за 1845 годъ. Характернымъ для отношеній Гоголя къ Жуковскому въ эту пору является письмо перваго изъ нихъ ко второму, писанное Гоголемъ во время ихъ совмѣстной жизни, изъ другой комнаты, въ одной и той же квартирѣ, какъ предполагаетъ одинъ изъ биографовъ Жуковского ²⁾. Оно начинается такъ: „Отъ всей души поздравляю васъ съ новымъ годомъ и подношу вамъ лучший подарокъ, какой только могъ придумать. Для меня изъ всѣхъ подарковъ лучший есть упрекъ, а потому дарю и васъ упрекомъ. Вы уже догадываетесь, что упрекъ будетъ за излишнее приниманіе къ сердцу всѣхъ мелочей и даже самыхъ малѣйшихъ непріятностей въ соединеніи съ безпокойствомъ и раздражительной боязнью духа“. Дѣло въ томъ, что въ это время, въ ожиданіи новыхъ родовъ жены, Жуковскій страшно волновался и падалъ духомъ. Гоголь старался представить ему исключительно счастливое его положеніе и въ семейной жизни, и въ той умственной бодрости, которая подвигала его на новые поэтическіе труды „въ такой періодъ жизни, когда въ другомъ поэтѣ все это охладѣваетъ и мерзнетъ“; онъ внушалъ Жуковскому мысль, что не сокрушаться, а благодарить Бога долженъ

1) Письма Н. В. Гоголя, II. 540.

2) К. К. Зейдяицъ. Жизнь и поэзія В. А. Жуковского. Спб. 1883, стр. 202.

онъ за полученныя уже блага, и тогда наступающій новый годъ будетъ для него „плодотворнѣйшимъ изъ всѣхъ дотоѣ бывшихъ“ : „и съ нимъ поздравляю васъ еще разъ, мой другъ, благодѣтель, наставникъ и виновникъ многихъ прекрасныхъ минутъ въ моей жизни“, заканчиваетъ свое письмо Гоголь¹⁾. Но въ сущности такими взглядами проникнуть былъ и самъ Жуковскій въ болѣе спокойномъ состояніи духа, и, между прочимъ, такъ писалъ 18 іюля 1845 года Гоголю, покинувшему уже Франкфуртъ и снова скитавшемуся по докторамъ въ Берлинъ, Дрезденъ и Карлсбадъ для опредѣленія сущности своей болѣзни и способовъ ея излѣченія : „чѣмъ болѣе думаешь, тѣмъ яснѣе становится одно, что мы должны покоряться и во всемъ, что бы съ нами ни случилось, видѣть добро, добро не потому, что оно намъ такимъ кажется, а потому, что все выходитъ изъ воли одного и того же любящаго Бога, который во всякое мгновеніе жизни нашей съ нами, что на свѣтѣ есть Его воля и что Его воля есть благо, въ чемъ бы оно ни проявлялось намъ. Итакъ, покорность!“²⁾. Годы и старые тѣлесные недуги самого Жуковского, заставлявшія его также ѣздить по докторамъ и курортамъ, дѣлали еще болѣе естественной эту душевную гармонію его съ Гоголемъ, съ которымъ онъ желалъ новыхъ свиданій и совмѣстной жизни, приглашая его снова пріѣхать во Франкфуртъ „непремѣнно“, гдѣ Гоголя будетъ ждать „пріютъ родной“, и гдѣ ему будетъ „спокойно и беззаботно“³⁾; но Гоголь не могъ послѣдовать этому приглашенію, стремясь въ Римъ⁴⁾. Тогда Жуковскій писалъ Гоголю изъ Франкфурта, 6 октября 1845 года : „Теперь начинаю вести жизнь по старому. Принимаюсь за свои

1) Письма Н. В. Гоголя, III. 6—8.

2) Письма В. А. Жуковского къ Н. В. Гоголю. Отчетъ Императорской Публичной бібліотеки за 1887 годъ. Спб. 1890, приложенія, стр. 37.

3) Сборникъ Общ. Люб. Росс. Слов. на 1891 годъ, стр. 17.

4) Письма Н. В. Гоголя, III. 98—99.

переводы. . . Но при этих работах не раз придется вздохнуть о васъ и о нашихъ сходкахъ на моихъ антресоляхъ. Весьма надѣюсь, что Богъ позволить намъ возобновить ихъ нѣкогда на Руси, подъ небомъ Москвы или на берегахъ Невы, а можетъ быть гдѣ-нибудь у меня, въ моемъ лифляндскомъ домикѣ“ ¹⁾.

Гоголь вполне сочувствовалъ мысли Жуковского возвратиться въ Россію, гдѣ, по его словамъ, Жуковскому „будетъ радостнѣе, чѣмъ гдѣ-либо“ ²⁾. Но этому желанію Жуковского не суждено было осуществиться. А между тѣмъ самъ Гоголь, мало-по-малу приходившій къ вѣрной мысли, что болѣзнь его заключается главнымъ образомъ „въ нервахъ и во всеобщемъ расслабленіи и изнуреніи силъ“, замышлялъ новое обширное путешествіе: „Путешествіе и дорога — писалъ онъ 16 марта 1846 года изъ Рима Жуковскому — мнѣ помогли доселѣ лучше всякихъ средствъ и лѣченій, а потому весь этотъ годъ я осуждаю себя на странствіе. Лѣтомъ объѣду всю Германію, заѣду въ Англію, которой не знаю, и въ Голландію, которой тоже не видѣлъ; осенью объѣду Италію, зимою берега Средиземнаго моря, Сирію, Грецію, Іерусалимъ и черезъ Константинополь, если благословитъ Богъ, въ Россію“; но предварительно онъ желалъ повидаться съ Жуковскимъ ³⁾. Жуковскій вообще отнесся съ сочувствіемъ къ плану путешествія, но совѣтовалъ Гоголю ограничить его Европой и не пускаться на востокъ: „съ вашими нервами затруднительныя путешествія по горамъ, по степямъ, посреди препятствій и опасностей всякаго рода, никуда не годятся“, и далѣе: „думайте во все это время только объ одномъ Богѣ и пользуйтесь вполне свободою — это будутъ счастливыя минуты, цѣлительныя для души и тѣла“ ⁴⁾.

1) Отчетъ, стр. 40.

2) Письма Н. В. Гоголя, III. 108.

3) Тамъ же, III. 155—156.

4) Отчетъ, стр. 44.

Свиданіе Гоголя съ Жуковскимъ дѣйствительно состоялось на короткое время въ Швальбахѣ, въ іюлѣ 1846 года, гдѣ лѣчился Жуковский, а потомъ во Франкфуртѣ въ октябрѣ того же года; въ это время онъ усердно занимался подготовленіемъ къ изданію „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“. Гоголю пришлось значительно сѣздить рамки своего предполагаемаго путешествія; но отъ поѣздки на востокъ онъ не отказался, проводя передъ ней зиму 1846—1847 года въ Неаполѣ; все это время онъ находился въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ Жуковскимъ, который попрежнему былъ его единственнымъ посредникомъ при полученіи писемъ изъ Россіи. Письма Гоголя къ Жуковскому изъ Неаполя въ 1847 году отличаются особой дружеской нѣжностью какъ по содержанію, такъ и по тону; до того времени они обращались другъ къ другу на „вы“, но съ весны 1847 года уже на „ты“, причемъ, сколько можно прослѣдить по письмамъ, Жуковский первый вызвалъ своего друга на эту перемену письмомъ отъ 6 февраля по ст. ст., и Гоголь отвѣтилъ тѣмъ же въ письмѣ 6 марта 1847 года.

Какъ извѣстно, въ началѣ 1847 года вышла изъ печати книга Гоголя „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, составляющая единственное сколько-нибудь цѣльное выраженіе литературныхъ стремленій Гоголя во время его третьяго пребыванія за границей; вмѣстѣ съ этимъ, она составляетъ и наилучшую характеристику душевнаго состоянія Гоголя за это время. Отношеніе Жуковского къ этому сочиненію было ближе, чѣмъ къ какому бы то ни было другому литературному труду Гоголя; но характеръ и степень этого отношенія въ точности опредѣлить не легко.

Несомнѣнно, что въ послѣднее свиданіе во Франкфуртѣ и Швальбахѣ Гоголь совѣщался съ Жуковскимъ о нѣкоторыхъ частяхъ предполагаемой къ изданію книги, напр. „Предисловіе“, „Завѣщаніе“, „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность“ и

„Свѣтлое Воскресеніе“, тогда какъ другія, и въ томъ числѣ имѣющія прямо форму „писемъ“ къ Жуковскому („О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“ и „Просвѣщеніе“), остались видимому для него неизвѣстными до появленія ихъ въ печатномъ видѣ или извѣстными лишь отчасти и въ иной редакціи. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что въ предварительныхъ совѣщаніяхъ по поводу „Выбранныхъ мѣстъ“ Жуковскій олицетворялъ собою сдерживающее начало и старался удержать Гоголя отъ слишкомъ крайнихъ выводовъ и парадоксовъ, предвидя возможность рѣзкаго отношенія къ этому со стороны критики; но, вѣроятно, Гоголь, имѣвшій на приготовляемую книгу совершенно особую точку зрѣнія, мало былъ склоненъ прислушиваться къ трезвымъ совѣтамъ Жуковского. Какъ бы то ни было, но Жуковскому одному изъ первыхъ былъ доставленъ экземпляръ выпедшей изъ печати книги. По поводу этой полочки Жуковскій написалъ Гоголю весьма интересное письмо, отъ 6 февраля 1847 года, въ которомъ о книгѣ говоритъ такъ: „Хочу только сказать, что твоя книга теперь въ моихъ рукахъ, что я ее уже всю прочиталъ или почти всю, то есть кромѣ двухъ послѣднихъ статей, уже мнѣ извѣстныхъ; что я въ ней нашелъ два письма ко мнѣ, которыя сдѣлали большой крюкъ въ Петербургѣ, дабы изъ типографіи департамента внѣшней торговли дойти до меня въ печатномъ образѣ“. Далѣе Жуковскій признаетъ, что хотя книга, въ отношеніи слога, явилась „въ такомъ неопрятномъ видѣ“ и далеко не лишена недостатковъ по содержанію, но что она „должна произвести и произведетъ всеобщее сильное и благотворное дѣйствіе“; онъ обѣщаетъ Гоголю написать по поводу ея свои замѣчанія, которыя, въ свою очередь, также могутъ составить книгу, и при этомъ дѣлаетъ весьма любопытное и цѣнное признаніе о характерѣ своего собственнаго литературнаго творчества: „Я часто замѣчалъ, что у меня наиболѣе свѣтлыхъ мыслей тогда, какъ ихъ надобно импровизировать въ выраженіе или въ дополненіе чужихъ мыслей.

Мой умъ — какъ огниво, которымъ надобно ударить объ камень, чтобъ изъ него выскочила искра. Это вообще характеръ моего авторскаго творчества; у меня почти все или чужое или по поводу чужого — и все однако мое.“ Наконецъ, Жуковскій досадуетъ, что книга издана Гоголемъ слишкомъ поспѣшно: „И на что была нужна эта поспѣшность, понять не могу. Если бъ вмѣсто того, чтобы скакать въ Неаполь, ты мѣсяца два провелъ со мною во Франкфуртѣ, мы бы все вмѣстѣ переживали, и книга бы была избавлена отъ многихъ пятенъ литературныхъ и типографскихъ, которыхъ теперь съ нея не снимешь“ ¹⁾. Это письмо Жуковского и его намѣреніе писать замѣчанія на „Выбранныя мѣста“ очень обрадовали Гоголя, равно какъ пришлось ему по душѣ и общій отзывъ о его книгѣ со стороны Жуковского: „Я размахнулся въ моей книгѣ — писалъ онъ ему въ отвѣтъ, изъ Неаполя отъ 6 марта 1847 года, — такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее; но тѣмъ не менѣе книга эта отнынѣ будетъ лежать всегда на столѣ моемъ, какъ вѣрное зеркало, въ которое мнѣ слѣдуетъ глядѣться, для того чтобы видѣть все свое неряшество и меньше грѣшить впередъ. . . Признаюсь, радостнѣй всего мнѣ было услышать вѣсть о благодатномъ замыслѣ твоёмъ — писать письма по поводу моихъ писемъ“ ²⁾.

Между тѣмъ Гоголю пришло на мысль отложить нѣсколько путешествіе на востокъ и передъ тѣмъ съѣздить на морскія купанья въ Остенде, а оттуда заѣхать во Франкфуртъ къ Жуковскому; послѣднее предполагалъ онъ на іюнь 1847 года. Жуковскій съ радостью встрѣтилъ это намѣреніе Гоголя — тѣмъ болѣе, что и самъ, вслѣдствіе болѣзни жены и другихъ семейныхъ обстоятельствъ, имѣлъ въ виду отложить нѣсколько свой предполагавшійся отъѣздъ

1) Отчетъ, стр. 53—55.

2) Письма Н. В. Гоголя, III. 397—398.

въ Россію и ждалъ только разрѣшенія на это изъ Петербурга: „изъ этого слѣдуетъ — писалъ Жуковскій въ письмѣ отъ 12 марта 1847 года — что мы могли бы еще и пожить если не въ одномъ домѣ, то въ одномъ мѣстѣ, и мои критико-философическія письма шли бы не черезъ почту, а передавались бы изъ рукъ въ руки“¹⁾. Свиданіе это въ самомъ дѣлѣ состоялось, и именно приблизительно въ назначенное Гоголемъ время; только поѣздка въ Остенде предпринята была Гоголемъ не до свиданія съ Жуковскимъ, а послѣ этого, въ августѣ и сентябрѣ 1847 года; затѣмъ, осенью и зимой того же года, мы видимъ Гоголя снова въ Италіи. Быть можетъ, свиданіе Жуковского съ Гоголемъ во Франкфуртѣ въ іюнѣ и іюлѣ 1847 года, которое было ихъ послѣднимъ личнымъ свиданіемъ, и бесѣды, веденныя по поводу „Выбранныхъ мѣстъ“ съ ихъ авторомъ, нѣсколько ослабили въ Жуковскомъ желаніе написать предполагаемый имъ къ изданію „Отрывки изъ писемъ къ Гоголю, писанные къ нему о его книгѣ“; не безъ вліянія на это могли оказаться и семейныя осложненія у Жуковского и его собственная болѣзнь, особенно начинавшаяся слабость зрѣнія, препятствовавшая литературной работѣ; во всякомъ случаѣ мысль Жуковского не была осуществлена имъ въ полномъ видѣ, а только отчасти; именно, имъ написано три „письма“ къ Гоголю: одно „О смерти“, выше упомянутое и писанное въ два пріема, отъ 20 февраля и 12 марта 1847 года, другое — „О молитвѣ“ и третье „Слава поэта — дѣла поэта“, помѣченное 29 января 1848 года²⁾. Но это, конечно, было не то, чего хотѣлось, но не удавалось исполнить Жуковскому, и чего ожидалъ Гоголь. Можно однакоже съ большою вѣроятностью утверждать, что то особенно тѣсное душевное общеніе между Жуковскимъ и Гоголемъ, къ которому подала поводъ книга „Выбранныя мѣста изъ переписки

1) Отчетъ, стр. 62.

2) Соч. В. А. Жуковского. Изд. 8, т. VI, стр. 81—105.

съ друзьями“, имѣло и еще одно литературное послѣдствіе, именно письмо Гоголя къ Жуковскому отъ 22 декабря 1847 года, имѣвшее по содержанію и даже въ нѣкоторыхъ частяхъ по формѣ ближайшую связь съ „Авторской Исповѣдью“¹⁾; собираясь въ будущемъ выпустить второе, измѣненное изданіе „Выбранныхъ мѣстъ“, Гоголь имѣлъ въ виду помѣстить его тамъ на мѣсто „Завѣщанія“ и дать ему заглавіе: „Искусство есть примиреніе съ жизнью“; но мысли о второмъ изданіи „Выбранныхъ мѣстъ“ не суждено было осуществиться. Въ этомъ письмѣ есть одно любопытное мѣсто, гдѣ Гоголь, говоря о своихъ будущихъ, болѣе совершенныхъ трудахъ, сопоставляетъ мимоходомъ себя съ Жуковскимъ, какъ писателя: „Можетъ быть, будущій уѣздный учитель словесности прочтетъ ученикамъ своимъ страницу будущей моей прозы непосредственно вслѣдъ за твоей, примолвивши: оба писателя правильно писали, хотя и не похожи другъ на друга“; въ концѣ письма Гоголь выражаетъ мечту когда-нибудь снова пожить съ Жуковскимъ „въ Москвѣ, вблизи другъ отъ друга“. Мысль объ извѣстномъ сходствѣ своихъ литературныхъ стремленій со стремленіями Жуковского, не съ внѣшней только стороны, но и по внутреннему содержанію, выразилъ Гоголь въ другомъ письмѣ къ Жуковскому, отъ 16 февраля 1848 года, изъ Іерусалима, а равно и повторилъ мысль о желаніи пожить вмѣстѣ въ Москвѣ²⁾. Конечно, это сходство должно быть понимаемо въ болѣе или менѣе общемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ субъективномъ смыслѣ, какъ его, очевидно, принималъ и Жуковскій, писавшій 7 апрѣля 1848 года Гоголю, изъ Ганау: „Мы можемъ еще рука въ руку пройти по одной дорогѣ, имѣя передъ глазами цѣль высокую и святую, для пользы души нашей, а съ нею и для

1) Письма Н. В. Гоголя, IV. 134—142.

2) Тамъ же, IV. 172—173.

пользы нашего отечества“¹⁾; но въ смыслѣ объективномъ и не столь общемъ между литературными замыслами и средствами Гоголя и Жуковского была большая разница: даже при концѣ своей литературной дѣятельности Жуковскій, обладая въ несравненно большей степени душевнымъ здоровьемъ, чѣмъ Гоголь, усердно и весьма успѣшно работалъ надъ переводомъ Гомера, тогда какъ Гоголь все болѣе и болѣе запутывался въ собственныхъ литературныхъ планахъ и явнымъ образомъ терялъ способность къ здоровому поэтическому творчеству.

Путешествіе въ Палестину было совершено Гоголемъ весьма поспѣшно и для Жуковского неожиданно²⁾; кромѣ упомянутаго уже письма къ Жуковскому изъ Іерусалима, отъ 16 февраля 1848 года, онъ отозвался Жуковскому короткимъ письмомъ оттуда же, отъ 19 февраля 1848 года, увѣдомляя его о скоромъ приѣздѣ въ Россію и прося молиться о себѣ: „о васъ поручилъ (въ Іерусалимѣ) молиться тѣмъ, которые умѣютъ получше моего молиться“, прибавлялъ Гоголь³⁾; въ записной его книжкѣ, въ самомъ дѣлѣ, было записано имя Жуковского среди тѣхъ немногихъ, „чи имена вспомнить у Гроба Святого“⁴⁾. Покинувъ Іерусалимъ, Гоголь, уже на пути въ Россію, написалъ Жуковскому еще небольшое письмо изъ Бейрута, отъ 6 апрѣля 1848 года, съ разсказомъ о своемъ причащеніи у Гроба Господня въ Іерусалимѣ⁵⁾.

1) Отчетъ, стр. 66.

2) Отчетъ, стр. 64.

3) Письма Н. В. Гоголя, IV. 170.

4) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10, т. VI, стр. 532.

5) Письма Н. В. Гоголя, IV. 176—177.

IV.

Отношенія Жуковского и Гоголя въ послѣдніе четыре года ихъ жизни (1848—1852). — Просьба Жуковского къ Гоголю о „локальныхъ краскахъ“ Палестины и отвѣтъ Гоголя. — Смерть Гоголя и впечатлѣніе, произведенное ею на Жуковского. — Смерть Жуковского.

Путешествіе Гоголя въ Палестину было концомъ его заграничныхъ странствованій, и послѣдніе четыре года своей жизни (1848—1852) онъ провелъ въ Россіи.

Едва вступивши на родную почву по возвращеніи изъ Палестины, Гоголь въ Одессѣ прочелъ напечатанное въ № 4 „Москвитянина“ за 1848 годъ адресованное къ нему ранѣ упомянутое письмо Жуковского „Слова поэта — дѣла поэта“: „Оно очень, очень дѣльно, — писалъ по этому поводу Гоголь Жуковскому 15 іюня 1848 года изъ Полтавы — понравилось многимъ, а меня освѣжило. Никогда еще такъ вѣрно и такъ прекрасно не было сказано о долгѣ писателя; никогда еще, можетъ быть, не было такъ нужно сказать это, какъ въ нынѣшнее время“. Мысли Жуковского, выраженныя въ этомъ письмѣ, о возвышенныхъ и вѣчныхъ цѣляхъ поэзіи, объ обязанностяхъ поэта къ самому себѣ и къ дѣлу, которому онъ служить, о его духовномъ величій и свободѣ Гоголь, въ упомянутомъ письмѣ, дополняетъ замѣчаніями, характерными для его собственныхъ воззрѣній на задачи поэтического творчества и роль писателя въ эту пору его жизни: „Что намъ до того, производятъ ли вліяніе слова, слушаютъ ли насъ? Дѣло въ томъ, остались ли мы сами вѣрны прекрасному до конца дней нашихъ, умѣли ли возлюбить его такъ, чтобы не смутиться ничѣмъ, вокругъ насъ происходящимъ, и чтобы пѣть ему безустанно пѣснь и въ ту минуту, когда бы валился міръ и все земное разрушалось. Умереть съ пѣніемъ на устахъ — едва ли не таковъ неотразимый долгъ для поэта, какъ для воина умереть съ оружіемъ въ рукахъ“¹⁾.

1) Письма Н. В. Гоголя, IV. 201—202.

Въ послѣдніе годы переписка Гоголя и Жуковскаго шла довольно вяло. Гоголь, живя въ Россіи и среди своихъ московскихъ друзей, чувствовалъ менѣе потребности въ обмѣнѣ письмами со своимъ заграничнымъ другомъ, нежели Жуковскій, здоровье котораго окончательно разрушалось, и ускользали послѣднія надежды вернуться когда-нибудь въ Россію; онъ упрекалъ Гоголя за молчаніе, и тотъ въ отвѣтъ на это, отъ 14 мая 1849 года, писалъ изъ Москвы: „Я много изстрадался за это время. Много было слезъ. Бесплодную землю сердца моего нужно было много оросить, чтобы она въ силахъ была произвести что-либо. Жду нетерпѣливо прочесть тебѣ все, что среди колебаній и тревогъ удалось создать“²⁾. Затѣмъ, опять послѣ довольно значительнаго промежутка, Гоголь пишетъ, изъ Одессы, Жуковскому на новый годъ 1850 годъ, выражая надежду на его возвратъ въ Россію и желаніе повидаться съ нимъ „въ Ревелѣ, Ригѣ или гдѣ индѣ“³⁾. Жуковскаго въ это время особенно занимала обработка поэтическаго сюжета „Вѣчный Жидъ“, и онъ обратился къ Гоголю, для скорѣйшаго и болѣе успѣшнаго окончанія этой своей „лебединой пѣсни“, за „локальными красками Палестины“, составлявшей мѣсто дѣйствія поэмы Жуковскаго; онъ просилъ его набросать „нѣсколько живыхъ картинъ“ Палестины „безъ всякаго плана, какъ вспомнится, какъ напишется“, увѣряя, что это будетъ ему „несказанно полезно и даже вдохновительно“ для его поэтическаго труда⁴⁾. Эта просьба вызвала со стороны Гоголя весьма замѣчательное и длинное письмо изъ Москвы, отъ 28 февраля 1850 года. Тутъ сказалась вся, отчасти уже указанная, разница во взглядахъ Жуковскаго и Гоголя на приемы и средства поэтической

1) Письма Н. В. Гоголя, IV. 255.

2) Тамъ же, IV. 293.

3) Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 7, т. VI, стр. 613; Сборникъ Общ. Люб. Росс. Слов. на 1891 годъ, стр. 21—22.

работы, какъ оба они понимали ее въ это время. Просьба Жуковского была въ извѣстномъ смыслѣ естественна и понятна: онъ желалъ получить впечатлѣнія Гоголя отъ Палестины, какъ внѣшній матеріалъ, который могъ бы ему въ его работѣ замѣнить, до извѣстной степени, недостатокъ его собственныхъ впечатлѣній, обогатить его поэтическое воображеніе реальными чертами живого наблюдателя палестинской природы. Но Гоголь взглянулъ на дѣло не съ внѣшней, а именно съ внутренней стороны, и эту точку зрѣнія признавалъ для себя единственно возможной въ данномъ случаѣ: „Другъ, сообразилъ ли ты, чего просишь, прося отъ меня картинъ и впечатлѣній для той повѣсти, которая должна быть вмѣстѣ и внутренней исторіей твоей собственной души. Нѣтъ, всѣ эти святые мѣста уже должны быть въ твоей душѣ. Соверши же, помолясь жаркой молитвой, это внутреннее путешествіе, — и всѣ святые окрестности возстанутъ передъ тобою въ томъ свѣтѣ и колоритѣ, въ какомъ они должны возстать“ ¹⁾. Впрочемъ, не смотря на это разсужденіе, Гоголь, уступая желанію Жуковского, далъ все-таки прекрасный очеркъ своихъ впечатлѣній отъ Святой Земли, полный живыхъ и поэтическихъ красокъ; въ этой части письма Гоголя въ немъ проснулся, противъ желанія, гениальный художникъ, оказавшійся еще въ силахъ на минуту выйти изъ того мистическаго тумана, который уже вполне безнадежно окутывалъ его прежніе поэтическіе замыслы и надежды; тутъ Гоголь сталъ въ самое очевидное противорѣчіе съ самимъ собою, какъ художникъ съ одной стороны и мистикъ-аскетъ съ другой. Кромѣ того, Жуковскій легко бы могъ привести возраженіе Гоголю, по поводу его разсужденій о безполезности внѣшнихъ впечатлѣній, изъ собственнаго письма Гоголя къ нему отъ 15 іюня 1848 года, гдѣ Гоголь выражалъ

1) Письма Н. В. Гоголя, IV. 302.

намѣреніе съѣздить не только въ Москву и въ Петербургъ, но и свернуть съ дороги куда-нибудь въ сторону „вовнутрь Руси, чтобы освѣжить свою память и все-таки набраться кое-какихъ нужныхъ матеріаловъ“¹⁾. Такимъ образомъ, тѣ внѣшнія впечатлѣнія, полезность и важность которыхъ Гоголь отвергалъ по отношенію къ Жуковскому, вполне правильно считалъ онъ важными для своего собственнаго поэтического труда (второго тома „Мертвыхъ Душъ“), глубокое внутреннее значеніе котораго онъ объединялъ такъ охотно съ поэтическими работами Жуковскаго на склонѣ его жизни: съ такой внутренней борьбой уступалъ въ Гоголѣ мало по малу мѣсто художникъ религіозному мистикъ и аскету.

На слѣдующій новый годъ, уже послѣдній въ жизни обоихъ поэтовъ, Гоголь привѣтствовалъ Жуковскаго опять коротенькимъ письмомъ отъ 20 декабря 1851 года, изъ Москвы²⁾. Это письмо весьма обрадовало уже тогда почти слѣпого Жуковскаго, написавшаго Гоголю послѣднее отвѣтное письмо отъ 4 января 1852 года, изъ Баденъ-Бадена. Поздравляя Гоголя съ новымъ годомъ, Жуковскій писалъ: „Дай Богъ тебѣ къ концу его дать жизнь „Мертвымъ Душамъ“ твоимъ; много писать тебѣ не могу, да и не о чемъ: слѣпота не обильная матерія для переписки“³⁾. Послѣднее письмо Гоголя Жуковскому, чрезвычайно теплое и въ тонѣ самой искренней дружбы, написано было Гоголемъ изъ Москвы, отъ 2 февраля 1852 года, за три недѣли до смерти: „Что вспоминаю о тебѣ часто въ моихъ грѣшныхъ молитвахъ, объ этомъ бы не слѣдовало и писать. Горячѣй бы гораздо мнѣ слѣдовало о тебѣ молиться, какъ о человѣкѣ, которому я много долженъ. . . О себѣ что сказать? Сижу по прежнему надъ тѣмъ же, занимаюсь тѣмъ же. Помолись обо мнѣ, чтобы работа моя была истинно

1) Письма Н. В. Гоголя, IV. 202.

2) Тамъ же, IV. 414.

3) Отчетъ, стр. 67.

добросовѣстна, и чтобы я хоть сколько-нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной. Будь здоровъ, и Богъ тебѣ въ помощь, милый, близкій душѣ братъ“! ¹⁾).

Такова была послѣдняя просьба, обращенная Гоголемъ къ Жуковскому, который постоянно съ охотой шелъ на встрѣчу просьбамъ своего меньшого литературнаго собрата. Оба они дожили до того момента, когда имъ ничего не казалось нужнымъ, кромѣ молитвы; тутъ слились ихъ желанія въ единый, гармоническій аккордъ.

Смерть уже стояла у изголовья обоихъ поэтовъ, и первой жертвою ея сдѣлался Гоголь (21 февраля 1852 года). Получивъ извѣстіе о смерти Гоголя, чрезвычайно пораженный этимъ Жуковский писалъ П. А. Плетневу 5 марта 1852 года, изъ Бадена: „И вотъ уже его нѣтъ! Я жалѣю о немъ несказанно собственно для себя: я потерялъ въ немъ одного изъ самыхъ симпатическихъ участниковъ моей поэтической жизни и чувствую свое сиротство въ этомъ отношеніи; теперь мой литературный міръ состоитъ изъ четырехъ лицъ — изъ двухъ мужескаго пола и изъ двухъ женскаго: къ первой половинѣ принадлежите вы и Вяземскій, къ послѣдней двѣ старушки — Елагина и Зонтагъ. Какое пустое мѣсто оставилъ въ этомъ маленькомъ мірѣ мой добрый Гоголь! Жалѣю объ немъ еще для его начатыхъ и неоконченныхъ работъ; для нашей литературы онъ потеря незаменимая. . . Настоящее его призваніе было монашество; я увѣренъ, что если бы онъ не началъ свои „Мертвыя Души“, которыхъ окончаніе лежало на его совѣсти и все ему не давалось, то онъ давно бы былъ монахомъ, и былъ бы успокоенъ совершенно, вступивъ въ ту атмосферу, въ которой душа его дышала бы легко и свободно“ ²⁾.

1) Письма Н. В. Гоголя, IV. 421—422.

2) Сочиненія и переписка П. А. Плетнева. Издалъ Я. Гротъ. Т. III. Спб. 1885, стр. 732.

Приблизительно через полтора мѣсяца (12 апрѣля 1852 года) вслѣдъ за Гоголемъ покинулъ земное поприще и Жуковский.

V.

Поясненія и выводы. — Несоизмѣримость обоюднаго другъ для друга значенія Гоголя и Жуковского. — Разница ихъ духовнаго склада и внѣшнихъ условій жизни. — Истинный характеръ благодѣяній Жуковского Гоголю. — Вліяніе Жуковского на собственно литературную карьеру Гоголя. — Общее у Гоголя и Жуковского : юморъ, мистицизмъ ; взглядъ обоихъ ихъ на молитву. — Оцѣнка поэтической дѣятельности Гоголя Жуковскимъ и поэтической дѣятельности Жуковского Гоголемъ.

Мнѣ остается теперь сдѣлать нѣкоторыя поясненія и выводы.

Какъ можно видѣть изъ сказаннаго, отношенія Гоголя къ Жуковскому являются въ общемъ непрерывными со времени ихъ знакомства въ концѣ 1830 года и кончая смертью Гоголя, т. е. въ теченіе почти 22 лѣтъ, обнимающихъ всю литературную жизнь великаго юмориста : вотъ почему разсказъ объ этихъ отношеніяхъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и краткій очеркъ цѣлой половины жизни Гоголя, всего зрѣлаго ея періода. Мѣсто, занимаемое Гоголемъ въ жизни Жуковского, не можетъ быть соизмѣримо съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣлъ Жуковский въ жизни Гоголя уже по одному тому, что начало ихъ личныхъ отношеній совпало для юнаго тогда Гоголя съ первыми шагами его литературной карьеры, между тѣмъ какъ Жуковский, бывшій въ то время на склонѣ пятаго десятка лѣтъ, являлся писателемъ признаннымъ, опредѣлившимся и обладавшимъ независимымъ и вліятельнымъ положеніемъ. Но разница ихъ взаимныхъ отношеній не ограничивалась этими внѣшними и хронологическими данными ; она имѣла и глубокія вну-

твеннiя основанiя. Жуковскiй обладалъ отъ природы значительнымъ физическимъ и духовнымъ здоровьемъ, которое, въ связи съ условiями его воспитанiя и жизненной обстановки, обезпечило ему не только долгую жизнь, но и непрерывную свѣжесть мысли, живую способность къ работѣ, душевную уравновѣшенность и свѣтлый оптимистическiй взглядъ на жизнь; и на этой основной почвѣ ни тяжелыя душевныя испытанiя, выпавшiя на долю Жуковского, ни глубокия впечатлѣнiя отъ литературныхъ влiянiй не могли произвести въ его духовномъ складѣ существенныхъ колебанiй или отклоненiй. Гоголь не обладалъ этими счастливыми данными. При неособенно здоровой физической организацiи, нервный и самолюбивый, принужденный самъ пробивать себѣ дорогу въ жизни съ большимъ трудомъ и не безъ лишенiй, Гоголь, въ теченiе своего жизненнаго и литературнаго поприща, не мало колебался, падалъ и вставалъ, торжествовалъ и впадалъ въ унынiе; разъ вступивъ на литературную дорогу и найдя на ней свое подходящее мѣсто, Гоголь, при тогдашнихъ условiяхъ литературнаго труда и при своей болѣзненной и дорого стоившей страсти къ перемѣнѣ мѣстъ, постоянно нуждался въ средствахъ и болѣе или менѣе находился въ зависимости отъ тѣхъ лицъ, которыя могли ихъ ему предоставить; хотя въ ту пору царскими щедротами, въ видѣ подарковъ, пользовались, помимо Гоголя, и многiе другiе, въ томъ числѣ и самъ Жуковскiй, но у Гоголя это пользованiе было обставлено разнаго рода случайностями, постоянными опасенiями за неудачу и посредничествомъ друзей, что до известной степени осложняло и увеличивало его нравственную зависимость передъ другими.

Гоголь не разъ называлъ Жуковского: „мой истинный наставникъ и учитель“, „близкiй душѣ человекъ“, „благодѣтель“. Къ чести Жуковского слѣдуетъ отмѣтить, что не только два первыя обращенiя къ нему Гоголя являются искреннимъ выраженiемъ ихъ духовныхъ отношенiй, но и

третье не заключало въ устахъ его ни горечи, ни чувства оскорбленнаго самолюбія, ни унижительнаго подчиненія; свои „благодѣянія“ Гоголю, которыя, будучи въ Россіи, устраивалъ Жуковскій самъ, а по выѣздѣ за границу черезъ своихъ друзей, особенно черезъ А. О. Смирнову, обставлялъ онъ такой неподдѣльной деликатностью и благодушіемъ, столь очевиднымъ и искреннимъ дружескимъ участіемъ къ Гоголю и уваженіемъ къ его таланту, что у послѣдняго не оставалось мѣста ни для какого дурнаго чувства или недоразумѣній; эти отношенія Жуковскаго къ Гоголю особенно выигрышаютъ по сравненію ихъ съ отношеніями на той же почвѣ нѣкоторыхъ его московскихъ друзей. Во взглядѣ Жуковскаго на Гоголя постоянно было что-то отеческое, хотя ихъ взаимныя отношенія въ послѣднее десятилѣтіе жизни ихъ обоихъ и окончательно уравнились. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что если въ этотъ періодъ жизни обоихъ писателей Жуковскій находилъ въ Гоголѣ желанный и сочувственный откликъ на свои нравственно-религіозныя воззрѣнія, то Жуковскій для Гоголя и въ первую половину ихъ личнаго знакомства былъ важной и существенной опорой жизни, не въ одномъ только матеріальномъ, но еще болѣе въ нравственномъ, душевномъ смыслѣ. Въ собственно-литературной карьерѣ Гоголя Жуковскій также принималъ постоянное участіе. Онъ первый доставилъ ему доступъ въ петербургскіе литературные кружки и въ среду просвѣщенныхъ цѣнителей литературы и искусства; онъ его познакомилъ съ Пушкинымъ, который до конца своей жизни былъ для Гоголя какъ бы путеводной звѣздой въ его поэтическихъ трудахъ; онъ встрѣчалъ съ одобреніемъ и восторгомъ первые литературные успѣхи Гоголя, который именно въ кружкѣ Жуковскаго читалъ, до напечатанія, многія изъ своихъ литературныхъ произведеній, въ томъ числѣ и „Ревизора“, который былъ поставленъ на сцену, не смотря на запрещеніе цензуры, главнымъ образомъ именно благодаря представствству объ этой пьесѣ передъ Государемъ

со стороны Жуковского ; даже, живя за границей, онъ слѣдилъ за литературнымъ поприщемъ Гоголя, обсуждая съ нимъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ и откликаясь на нихъ своимъ словомъ послѣ появленія этой книги въ печати. Разумѣется, всего этого Гоголь со своей стороны не могъ предоставить Жуковскому, и въ этомъ смыслѣ ихъ отношенія, на протяженіи всего времени, носятъ такой характеръ, что Жуковскому принадлежала въ нихъ болѣе активная роль, а Гоголю — болѣе пассивная, хотя, быть можетъ, въ субъективномъ смыслѣ активная роль, при нѣскольکو иныхъ обстоятельствахъ, скорѣе могла бы достаться именно Гоголю, при его большей сосредоточенности, глубинѣ самоанализа и поэтическомъ талантѣ.

Говоря о разницѣ взаимнаго положенія относительно другъ друга Гоголя и Жуковского, я имѣлъ въ виду пояснить характеръ той неодинаковой роли обоихъ писателей, которая вытекала нагляднымъ образомъ изъ представленнаго фактическаго разсказа ихъ отношеній между собою. Но, рядомъ съ этимъ, конечно, было въ нихъ кое-что и общее, явившееся подкладкой и извѣстнымъ оправданіемъ сложившихся позднѣе тѣсныхъ отношеній. Почвой этой, главнымъ образомъ, была преданность ихъ обоихъ литературѣ и вообще то, что прежде всего были они именно писатели. Въ частности, не смотря на явное различіе характера литературныхъ заслугъ и значенія великаго изобразителя пошлости и другихъ отрицательныхъ явленій въ русской жизни съ одной стороны и идеалиста-романтика съ другой, въ талантѣ Жуковского были черты того юмора, который у Гоголя явился основнымъ тономъ его поэтическаго творчества ; но юморъ Жуковского не получилъ развитія, въ виду совершенно чуждыхъ ему литературныхъ вліяній и преобладавшаго надъ нимъ возвышеннаго настроенія въ его поэтическихъ трудахъ ; разумѣется, это былъ юморъ т. ск. примитивный, непосредственный, очень близкій къ обычной веселости здороваго человѣка ; онъ выразился у Жуковского

въ его литературныхъ „шалостяхъ“ въ періодъ „Арзамаса“, забавно-юмористическіе протоколы котораго и разныя другія затѣи того-же характера были главнымъ образомъ дѣломъ Жуковскаго, также въ его сказкахъ, въ переводной „Войнѣ мышей и лягушекъ“ и въ нѣкоторыхъ письмахъ къ друзьямъ, напр. къ А. О. Смирновой, Д. В. Дашкову, И. И. Козлову или неизвѣстному лицу (Соч., изд. 7, т. VI. 653—656). Конечно, нѣтъ нужды говорить, что отъ этого юмора еще очень далеко до осмѣянія и обличенія широкихъ общественныхъ недостатковъ, но не надо забывать, что эти послѣднія качества и Гоголемъ пріобрѣтены были не сразу, хотя, конечно, у Жуковскаго отсутствовали многія другія данныя, которыя, даже при иныхъ условіяхъ, могли бы поставить его на литературную колею, избранную для себя Гоголемъ. Замѣчательно, что эту черту веселой шутильвости Жуковскій сохранилъ и въ старости, и въ болѣзняхъ, тогда какъ Гоголь къ концу жизни все болѣе и болѣе ее утрачивалъ. Это замѣчается, между прочимъ, и на ихъ взаимной перепискѣ: письма Жуковскаго, особенно въ первую половину ихъ дружескихъ связей, отличаются бодростью, веселымъ тономъ и простотой, а письма Гоголя серьезны и иногда раздражительно-напряженны. Юморъ свой Жуковскій пускалъ въ оборотъ жизни и иногда литературы какъ веселую забаву, какъ игру ума и воображенія, для безобиднаго наслажденія самому и другимъ, тогда какъ юморъ Гоголя, сдѣлавшійся серьезнымъ и могучимъ орудіемъ его литературнаго выраженія, нервомъ его обличительнаго негодованія и спутникомъ его горькаго душевнаго идеализма, былъ для него забавой развѣ лишь въ пору юности, а затѣмъ получилъ совершенно другое назначеніе и подъ конецъ исчезъ при формированіи въ немъ новыхъ воззрѣній на свое поэтическое призваніе.

Приблизительно то же можно сказать и о религіозномъ мистицизмѣ Гоголя и Жуковскаго. Задатки его лежали, безспорно, у обоихъ изъ нихъ въ натурѣ, но выраженіе

свое получили они у того и другого уже въ позднѣйшую эпоху ихъ жизни. Однако тутъ опять-таки, рядомъ съ основнымъ фактомъ сходства, находимъ и существенное различіе. Религіозный мистицизмъ Жуковского былъ свѣтлымъ и радостнымъ, наполнявшимъ его душу тѣмъ душевнымъ удовлетвореніемъ, при которомъ онъ смирялся передъ волей Провидѣнія, любовно смотрѣлъ на здѣшнюю жизнь и спокойно ожидалъ перехода за ея предѣлы; мистицизмъ его былъ тѣсно связанъ съ глубокимъ идеализмомъ и оптимистической вѣрой въ лучшее будущее; онъ приводилъ въ воззрѣніяхъ Жуковского всѣ элементы духовной жизни человека къ тому единому началу, которое обеспечивало сущность, смыслъ и гармонію земного и небеснаго существованія. Между тѣмъ, мистицизмъ Гоголя, явившійся у него не результатомъ естественнаго развитія первоначальныхъ элементовъ юношескаго міровоззрѣнія, какъ у Жуковского, а скорѣе тяжелымъ нравственнымъ переломомъ, хотя и на основѣ уже лежавшихъ въ природѣ его задатковъ, былъ мрачнымъ, тревожнымъ и напряженнымъ; это былъ трагическій мистицизмъ аскета, отрѣшившагося отъ жизни и въ то же время привязаннаго къ ней всѣми нитями своего существованія; въ его воззрѣніяхъ лежала, какъ и у Жуковского, вѣра въ конечное руководство Провидѣнія судьбою человека, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣра эта осложнялась страхомъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ; къ этому присоединялась страстная потребность въ самобичеваніи и самообличеніи. Для характеристики разницы въ религіозныхъ воззрѣніяхъ Гоголя и Жуковского вообще, весьма цѣннымъ представляется разногласіе, возникшее между ними въ вопросѣ о молитвѣ. Въ „предисловіи“ къ „Выбраннымъ мѣстамъ изъ переписки съ друзьями“ Гоголь, передъ путешествіемъ въ Іерусалимъ, проситъ всѣхъ за него молиться: „Прошу молитвы какъ у тѣхъ, которые смиренно не вѣруютъ въ силу молитвъ своихъ, такъ и у тѣхъ, которые не вѣруютъ вовсе въ молитву и даже не считаютъ ее нужною; но какъ бы ни была

безсильна и черства ихъ молитва, я прошу помолиться обо мнѣ этою самою безсильной и черствою ихъ молитвой“. Жуковский на это ему возражалъ: „Ты просишь отъ нихъ (т. е. отъ тѣхъ, которые бы молились не вѣруя вовсе въ молитву) невозможнаго, того, что имъ вовсе чуждо, чего они ни имѣть, ни дать не могутъ, чего даже отъ нихъ и просить не должно, потому что въ томъ видѣ, въ какомъ бы они его дали, если бы дать могли, оно не можетъ быть никѣмъ желаемо и не принесетъ желающему никакой пользы. Можетъ ли быть молитва безъ вѣры въ молитву? И для кого можетъ быть дѣйствительна подобная молитва? Что же хотѣлъ ты сказать? Не понимаю. Молитва не можетъ существовать безъ молящагося; она тогда только получаетъ жизнь, когда слова, ее выражающія, выражаютъ въ то же время и душу ихъ произносящаго: тогда совершается таинство смиренія передъ Богомъ въ душѣ человѣческой, таинство для насъ неисповѣдимое, таинство, силою котораго Всемогущій, всякое добро творящій по одной своей мудрости и благодати, такъ сказать покоряется бѣдному слову человека. Въ чемъ же это таинство, въ чемъ его сила? Въ вѣрѣ, приводящей въ движеніе горы; въ смиреніи, предающемъ насъ безъизытно въ сильную десницу Бога“¹⁾.

Въ этомъ разногласіи по основному вопросу религіознаго вѣрованія, самымъ яснымъ образомъ выразился суровый, требовательный и какъ бы формальный взглядъ Гоголя на молитву, рядомъ со свободнымъ и глубокимъ воззрѣніемъ Жуковского.

Съ другой стороны, въ поэтической душѣ Гоголя жилъ, особенно въ первую половину его литературнаго пути, тотъ возвышенный романтизмъ, который лежалъ въ основѣ всей жизни и поэтическаго міросозерцанія Жуковского¹⁾.

1) Соч., изд. 8, т. VI. 84—85.

2) М. Г. Халанскій. Н. В. Гоголь какъ романтикъ и поэтъ русской дѣйствительности. „Мирный Трудъ“ 1902, № 2, стр. 93—99.

Скажемъ еще два слова о взаимномъ отношеніи другъ къ другу Гоголя и Жуковскаго какъ писателей. Намъ уже приходилось указывать на то вниманіе, съ которымъ постоянно относился Жуковскій къ литературнымъ успѣхамъ Гоголя, но мы затруднились бы категорически утверждать, что Жуковскій понималъ въ полной мѣрѣ все значеніе его, какъ геніальнаго изобразителя отрицательныхъ сторонъ русской дѣйствительности, какъ, быть можетъ, онъ не представлялъ себѣ во всемъ объемѣ и великаго историческаго смысла дѣятельности Пушкина; поѣтому, намъ кажется не лишеннымъ извѣстнаго основанія замѣчаніе С. Т. Аксакова, что хотя Жуковскій „восхищался талантомъ Гоголя въ изображеніи полноты человѣческой, его неподражаемымъ искусствомъ схватывать вовсе незамѣтныя черты“ и придавать имъ выпуклость, внутреннее значеніе и жизнь, однако „серьезнаго значенія“ дѣятельности Гоголя онъ не придавалъ и „не понималъ Гоголя вполнѣ“¹⁾. Но нѣкоторымъ оправданіемъ Жуковскому въ данномъ случаѣ можетъ служить то, что онъ покинулъ Россію и непосредственное наблюденіе надъ ея жизнью именно въ тотъ моментъ, когда и въ средѣ лучшихъ представителей русской критики того времени дѣятельность Гоголя только что начинала получать надлежащее освѣщеніе и оцѣнку; да и вообще должно замѣтить, что литературная дѣятельность Гоголя, вплоть до изданія перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, принадлежить именно къ числу такихъ, полная историческая цѣнность которыхъ выступаетъ только съ теченіемъ времени.

Для Гоголя оцѣнить дѣятельность Жуковскаго было гораздо легче не только потому, что Жуковскій былъ значительно старше его и, какъ писатель, при выступленіи Гоголя на литературное поприще, имѣлъ уже довольно опредѣленное мѣсто въ литературѣ, но и потому, что самая дѣятельность

1) С. Т. Аксаковъ. Исторія моего знакомства съ Гоголемъ, стр. 28.

Жуковского не заключала въ себѣ такихъ новыхъ элементовъ, для полнаго уясненія и оцѣнки которыхъ необходимъ былъ значительный промежутокъ времени.

Жуковского, какъ поэта, Гоголь ставилъ высоко и охотно читалъ его преизведенія. Особенно значительнымъ представлялся ему Жуковский, конечно, какъ переводчикъ, и въ этомъ отношеніи онъ предсказывалъ ему даже „значеніе всемірное.“ Вообще, главной и отличительной чертой Жуковского, какъ поэта, Гоголь считалъ изящную поэтизацію чужихъ сюжетовъ, но вполне себѣ присвоенныхъ, т. е. претворенныхъ черезъ собственное поэтическое сознаніе и облеченныхъ въ художественный русскій стихъ: „Передъ другими нашими поэтами — говоритъ Гоголь въ статьѣ „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи, и въ чемъ ея особенность“ — Жуковский то же, что ювелиръ передъ прочими мастерами, то есть мастеръ, занимающійся послѣднею отдѣлкою дѣла. Не его дѣло добыть въ горахъ алмазъ — его дѣло оправить этотъ алмазъ такимъ образомъ, чтобы онъ заигралъ всѣмъ своимъ блескомъ и выказалъ бы вполне свое достоинство всѣмъ. Появленіе такого поэта могло произойти только изъ русскаго народа, въ которомъ такъ силенъ геній воспріимчивости, данный ему, можетъ быть, на то, чтобы оправить въ лучшую оправу все, что не оцѣнено, не воздѣлано и пренебрежено другими народами“; въ этой же статьѣ Гоголь припоминаетъ, что Пушкина изумляло „тонкое критическое чутье“ Жуковского; о стихѣ его онъ говоритъ: „этотъ легкій, воздушный стихъ Жуковского, порхающій какъ неясный звукъ эоловой арфы“¹⁾. Но особенное сочувствіе Гоголя вызвалъ переводъ „Одиссеи“, выполненный Жуковскимъ, этимъ — по выраженію Гоголя — „патріархомъ нашей поэзіи,“ уже въ старости²⁾. Высоко цѣня эстетическій вкусъ

1) Сочиненія, изд. 10, т. IV. 177—180. 210.

2) Тамъ же, т. IV. 26—34. 76—77.

Жуковского, Гоголь охотно ссылался на него какъ на авторитетъ, напр. при оцѣнкѣ поэтической дѣятельности Н. М. Языкова ¹⁾, въ которой Жуковский былъ первоначально несогласенъ съ Гоголемъ, и самъ печатно заявлялъ свою благодарность Жуковскому за строгія и справедливыя указанія на его, Гоголя, литературные промахи ²⁾).

Таковы были, въ общихъ чертахъ, взаимныя отношенія Гоголя и Жуковского, объединенныхъ, при всѣхъ ихъ личныхъ особенностяхъ, тѣмъ высокимъ, хотя и неодинаковымъ, положеніемъ, которое каждый изъ нихъ занимаетъ въ исторіи нашей литературы.

1) Сочиненія, изд. 10, т. IV. 71—72. 192.

2) Тамъ же, т. IV. 39.

В. А. Жуковскій въ Дерптѣ. (1815—1817).

I.

Начало отношеній Жуковскаго къ М. А. Протасовой. — Любовь и мысль о женитьбѣ. — А. Θ. Воейковъ; сборы и переѣздъ Жуковскаго въ Дерптъ. — Потеря надежды на счастье. — Мысль покинуть Дерптъ и переселиться на родину.

Пребываніе Жуковскаго въ Дерптѣ, нынѣшнемъ Юрьевѣ, составляетъ одну изъ существенныхъ частей его біографіи; тутъ произошли съ нимъ событія, имѣвшія глубокое вліяніе на весь ходъ его послѣдующей жизни.

По особеннымъ обстоятельствамъ своего рожденія (29 янв. 1783 г.) въ семьѣ Аѳ. Ив. Бунина, Жуковскій, какъ извѣстно, провелъ дѣтскіе и отчасти юношескіе свои годы въ сельской и провинціальной обстановкѣ, среди многочисленныхъ членовъ семьи, формально чужой, но родственной ему по кровнымъ узамъ и по взаимной душевной пріязни. Особенно сблизился онъ съ двумя своими племянницами, Марьей Андреевной и Александрой Андреевной Протасовыми, дочерьми Екатерины Аѳанасьевны, родной дочери Аѳ. Ив. Бунина, отца Жуковскаго. Будучи на 13 лѣтъ моложе Екатерины Аѳанасьевны, онъ всегда видѣлъ въ ней скорѣе тетку, нежели сестру, а племянницъ считалъ почти сестрами, съ которыми соединяла его не только долговременная совмѣстная жизнь, но и болѣе серьезныя узы:

въ 1805 году, когда Марья Андреевна было 12 лѣтъ, а Александръ Андреевъ 10, Жуковскій вызвался, въ виду затруднительнаго матеріальнаго положенія Екатерины Аванасьевны послѣ смерти мужа, обучать ея дочерей, для чего они и поселились въ скромномъ наемномъ домикѣ въ Бѣлевѣ. Здѣсь Жуковскій, уже отчасти извѣстный тогда въ литературѣ, въ теченіе трехъ лѣтъ велъ со своими ученицами систематическія, преимущественно литературныя, занятія, увлекаясь вмѣстѣ съ ними чтеніемъ Державина, Шиллера и Гёте, Шекспира, Расина, Вольтера и Буало, и вмѣстѣ съ тѣмъ усердно продолжалъ участвовать въ текущей литературѣ и поддерживать перепиской литературныя знакомства съ обѣими столицами, особенно съ Москвой. Едва ли можно сомнѣваться, что именно въ эти годы (1805—1808) совмѣстныхъ литературныхъ занятій образовалась и окрѣпла у Жуковскаго та глубокая привязанность его къ старшей изъ своихъ ученицъ, Марья Андреевна, которая сыграла столь видную роль во всей послѣдующей его жизни; не менѣе вѣроятнымъ представляется также то, что и Марья Андреевна, въ свою очередь сильно полюбившая Жуковскаго, оказала немалое вліяніе на своего учителя своей глубоко-нѣжной, женственной и воспріимчивой душой, развивая въ немъ положенныя природой зачатки мечтательности и романтизма.

Въ 1808 году въ отношеніяхъ Жуковскаго къ М. А. Протасовой наступаетъ перерывъ, такъ какъ Жуковскій въ этомъ году переселяется въ Москву и принимаетъ на себя редакцію „Вѣстника Европы“, основаннаго Карамзинымъ и бывшаго передъ тѣмъ въ рукахъ профессора Московскаго университета М. Т. Каченовскаго. Самъ Жуковскій въ продолженіе двухъ лѣтъ своего редакторства помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ много своихъ стихотворныхъ (оригинальныхъ и переводныхъ) и прозаическихъ трудовъ, въ которыхъ иногда проскальзывали воспоминанія о покинутой имъ деревенской жизни: таково, между прочимъ, и разсужденіе

„Кто истинно добрый и счастливый человекъ“ ¹⁾, гдѣ нарисованный авторомъ идеаль семейной жизни носить на себѣ слѣды недавней жизни Жуковского въ семьѣ Е. А. Протасовой, которая въ это время переселилась изъ Бѣлева въ свою деревню Муратово. Вернувшись, послѣ двухлѣтней журнальной дѣятельности, на родину въ 1810 году, Жуковский задумалъ устроить себѣ собственный уголь и для этого купилъ, на доставшіяся ему отъ Буниныхъ деньги, сосѣднюю съ Муратовымъ деревню, — и вотъ тутъ опять начинаются у Жуковского близкія сношенія со своими бывшими ученицами, изъ которыхъ Марья Андреевна было въ эту пору уже 17 лѣтъ. По свидѣтельству одного изъ ближайшихъ друзей Жуковского ²⁾, у него тутъ впервые возникла мысль о женитьбѣ на Марья Андреевна; но мысль эту онъ хранилъ пока отъ самой избранницы своего сердца, по временамъ давая исходъ своему чувству въ неопредѣленныхъ поэтическихъ намекахъ и изображеніяхъ въ посланіяхъ къ друзьямъ; къ самой Марья Андреевна обращено было въ это время глубокое по выраженному въ немъ чувству, но съ внѣшней стороны не обработанное стихотвореніе „Къ ней“ (1810), найденное, по смерти Марьи Андреевны, въ ея портфель :

Еслибъ сердце могло быть
Имъ слышно, каждое чувство
Было бы гимномъ тебѣ.

Прелесть жизни твоей,
Сей образъ чистый, священный,
Въ сердцѣ, какъ тайну, ношу.

1) В. Е., 1808 г., ч. XXXIX, стр. 220.

2) Зейдлицъ, К. К. Жизнь и поэзія В. А. Жуковского. Спб. 1883, стр. 45.

Я могу лишь любить;
Сказать же, какъ ты любима,
Можетъ лишь вѣчность одна ¹⁾.

Въ 1812 году ²⁾ однако же, безъ сомнѣнія увѣренный въ чувствѣ къ себѣ Марьи Андреевны, Жуковскій рѣшился поговорить о возможности своей женитьбы на ней съ ея матерью, но та отнеслась къ этой мысли совершенно отрицательно, видя въ такомъ бракѣ грѣхъ, въ виду кровныхъ родственныхъ связей Марьи Андреевны съ Жуковскимъ; и никакія просьбы и убѣжденія, шедшія отъ разныхъ членовъ семьи, сочувствовавшихъ Жуковскому, никакія авторитетныя указанія, шедшія отъ гражданской и духовной власти, на то, что никакого грѣха въ этомъ нѣтъ, не могли поколебать Екатерины Аванасьевны; назвать своей женой Марью Андреевну Жуковскому не пришлось никогда, и такимъ образомъ тотъ семейный идеалъ, который былъ впервые составленъ Жуковскимъ въ своемъ воображеніи и съ мукой выношенъ въ сердцѣ, остался для него навсегда недостижимымъ.

Такъ какъ Жуковскій послѣ перваго разговора съ Екатериной Аванасьевной все-таки, естественно, не покидалъ надежды, то она принудила его оставить Муратово, и Жуковскій, въ самомъ тяжеломъ состояніи духа, не находя другого исхода, поступилъ въ августѣ 1812 года въ московское ополченіе и сопровождалъ нѣкоторое время русскую армію въ достопамятную отечественную войну; этому періоду жизни Жуковского мы обязаны, какъ извѣстно, нѣкоторыми

1) Сочиненія В. А. Жуковского. Изд. 8, т. I, стр. 204—205.

2) О годѣ сватовства Жуковского къ Марьѣ Андреевнѣ см. соображенія Н. С. Тихонравова, къ которымъ мы впрочемъ не находимъ возможнымъ присоединиться, въ его рецензіи на сочиненіе П. Загарина, въ „Сочиненіяхъ Н. С. Тихонравова“, т. III, ч. 1. (М. 1898), стр. 491—493.

его патріотическими стихотвореніями, между прочимъ и „Пѣвцомъ въ станѣ русскихъ воиновъ“ (1812), въ которомъ нашлось мѣсто и для возлюбленной его „Маши“:

Ахъ, мысль о той, кто все для насъ,
 Намъ спутникъ неизмѣнный;
 Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
 Зримъ образъ незабвенный;
 Она на бранныхъ знаменахъ,
 Она въ пылу сраженья;
 И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
 Веселыхъ сновидѣнья! ¹⁾.

Но, послѣ серьезной болѣзни, перенесенной Жуковскимъ въ походѣ еще до границы, мы видимъ его возвратившимся снова, въ началѣ 1813 года, подъ домашній кровъ — вѣроятно, по соглашенію съ Екатериной Аванасьевной никогда не заводивъ уже больше рѣчи о бракѣ съ Марьей Андреевной. При такихъ условіяхъ пребываніе Жуковского вблизи послѣдней должно было быть для него особенно тягостно, и, дѣйствительно, отраженіе такого его душевнаго состоянія находимъ мы въ сохранившейся части его дневника, писанной въ ночь съ 25 на 26 февраля 1813 года въ Муратовѣ. Отрывокъ этотъ писанъ Жуковскимъ, какъ видно изъ его начала, передъ говѣньемъ и имѣетъ характеръ какъ-бы исповѣди передъ самимъ собой, передъ собственной совѣстью, въ виду чего эта часть дневника получаетъ особое автобіографическое значеніе. Тутъ Жуковскій пытается взглянуть на себя въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, но этотъ взглядъ вращается главнымъ образомъ вокругъ вопроса о недостижимомъ счастіи съ Марьей Андреевной.

„Вотъ мнѣ тридцать лѣтъ — пишетъ Жуковскій — а то, что называется истинною жизнью, мнѣ еще незнакомо.

1) Сочиненія, т. I, стр. 276.

Я не успѣлъ быть сыномъ моей матери: въ то время, когда началъ чувствовать счастье сыновняго достоинства, она меня оставила; я думалъ отдать права ея другой матери, но эта другая мать ¹⁾ дала мнѣ уголъ въ своемъ домѣ, а отдѣлена была отъ меня вѣчнымъ подозрѣніемъ; семейственнаго счастья для меня не было; всякое чувство надобно было стѣснять въ глубинѣ души; несмотря на нѣкоторые признаки дружбы, я сомнѣвался часто, существуетъ ли эта дружба, и всегда оставался въ нерѣшимости, чрезмѣрно тягостной. . .“ Причина этому — одна, именно желаніе получить руку Марьи Андреевны, нашедшее себѣ противодѣйствіе въ ея матери. „Но — продолжаетъ Жуковский — эта *одна пригина*. . . долженъ ли ее стыдиться? Могу ли себя упрекать? О нѣтъ, я теперь сужу себя безпристрастно! Совѣсть моя спокойна: я не желаю ни невозможнаго, ни непозволеннаго. Въ этомъ никто не переувѣритъ меня; исполнится ли то, что одно можетъ дать мнѣ счастье, это, къ несчастію, зависитъ не отъ меня, а отъ другихъ; но для меня останется по крайней мѣрѣ увѣреніе, что я искалъ его не въ низкомъ, не въ томъ, что противно Творцу и человѣческому достоинству, а въ лучшемъ и благороднѣйшемъ; я привязывалъ къ нему все лучшее въ жизни — не будетъ его, не будетъ и прочаго; не моя вина. Останется дожить какъ-нибудь положенный срокъ, который, вѣроятно, будетъ и не долговъ. Жаль жизни — такой, какъ я ее представляю, тихой, ясной, дѣятельной, посвященной истинному добру; но того, что обыкновенно называютъ жизнію — того совсѣмъ не жаль, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“. Переходя отъ прошедшаго къ настоящему, Жуковский спрашиваетъ себя: „что же въ настоящемъ?“ и отвѣчаетъ: „все еще одна надежда“, въ силу которой у него „пробуждаются лучшія чувства и какая-то живая, сладостная вѣра, необходимость любить Провидѣніе и на него

1) Рѣчь идетъ объ Е. А. Протасовой.

полагаться“. Наконецъ, — будущее. „Но будущее! — говоритъ Жуковскій — оно пугаетъ меня неизвѣстностью. Я могу здѣсь дать себѣ отчетъ только въ однихъ намѣреніяхъ; ихъ исполненіе не въ моей власти. . . . Какія мои намѣренія? Имѣть драгоцѣннѣйшія связи; ихъ сохраненію посвятить свою жизнь; спокойствіе души, усовершенствованіе сердца, дѣятельность мнѣ свойственная, самая религія — все для меня въ одномъ! Какъ же не желать его всѣми силами души! . . . Самъ бросить своего счастья не могу: пускай его у меня вырвутъ, пускай его мнѣ запретятъ; тогда по крайней мѣрѣ не я буду причиною своей утраты“¹⁾.

Въ концѣ 1813 года въ кругу обитателей Муратова появилось новое лицо — А. Θ. Воейковъ, довольно извѣстный въ то время литераторъ и знакомецъ Жуковского, который свелъ его и съ семействомъ Протасовыхъ. Этотъ весьма хитрый и ловкій, но по нравственнымъ своимъ качествамъ не вполне безупречный человѣкъ скоро вошелъ въ довѣріе какъ къ самому Жуковскому, такъ и къ окружавшей его семьѣ; онъ успѣшилъ воспользоваться своимъ выгоднымъ, скоро пріобрѣтеннымъ положеніемъ, чтобы посвататься за младшую Протасову, Александру Андреевну, получилъ согласіе на это дочери и матери и, благодаря, между прочимъ, матеріальной помощи Жуковского, свадьба эта состоялась 14 іюля 1814 года. Въ томъ же году Воейковъ назначенъ былъ профессоромъ русскаго языка и литературы въ Дерптскій университетъ, и вмѣстѣ съ нимъ и его женой въ Дерптъ переѣхали Екатерина Аванасьевна и Марья Андреевна Протасовы. За ними, влекомый чувствомъ привязанности къ Марьѣ Андреевнѣ и не покидавшей его надеждой на благопріятный исходъ дѣла, рѣшился переѣхать въ Дерптъ и Жуковскій.

1) Вас. Андр. Жуковскій въ его письмахъ. Сообщ. д-ръ К. К. Зейдлицъ и проф. П. А. Висковатовъ. Русская Старина 1883, № 1, стр. 209—212.

Собираясь въ этотъ далекій путь, Жуковскій переживалъ однако же тяжелое душевное состояніе, такъ какъ къ его надеждѣ примѣшивалась по временамъ большая доля сомнѣнія, да и Екатерина Аванасьевна смотрѣла на этотъ переѣздъ Ж-го не вполне благосклонно. Вотъ что пишетъ онъ объ въ этомъ письмахъ къ А. И. Тургеневу: „Отъ дерптской жизни не жду ни счастія, ни покоя. Надобно имѣть подлѣ себя другіе характеры, чтобы имѣть и то и другое. Но все замѣнится милымъ *мыслью*. . . ¹⁾ Тамъ (т. е. въ Дерптѣ) уже точно не будетъ ни въ чемъ отрады, кромѣ одной мысли, что я *съ нею*, что намъ одна судьба, и что я долженъ и могу эту судьбу считать какъ за испытаніе, какъ за средство быть лучшимъ. Такая мысль въ инныя минуты ободряетъ. Но часто душа разорвана въ клочки, и рвутъ ее съ такой холодностью, которая меня иногда выводитъ изъ себя ²⁾. Ты можешь понять, что я несчастливъ — и самымъ убійственнымъ образомъ. . . Можетъ быть, дерптская жизнь моя будетъ лучше, нежели какъ я себѣ ее представляю; но если она будетъ такова, какою мнѣ видится въ инныя минуты, то и я, и Маша пропадемъ. Прощай тогда и талантъ, и слава! Хорошо, когда бы можно сказать безъ неблагодарности: прощай и жизнь!“ ³⁾. При такомъ настроеніи естественно, что надежды Ж-го представляются ему „хикурою сумасшедшаго“, которую онъ, въ одномъ своемъ письмѣ къ Авдотѣ Петровнѣ Кирѣевской (урожд. Юшковой, которая, живя вмѣстѣ со своей сестрой Анной Петровной, въ замужествѣ Зонтагъ, въ Долбинѣ, приходи-

1) Письма В. А. Жуковского къ Александру Ивановичу Тургеневу. Изд. „Русскаго Архива“, съ примѣчаніями И. А. Бычкова. М. 1895, стр. 133 (отъ 1 дек. 1814 года, изъ Долбина).

2) Тутъ имѣются въ виду отношенія къ нему Екатерины Аванасьевны Протасовой, характеристику дѣйствій которой относительно Жуковского см. въ одномъ письмѣ его къ А. П. Кирѣевской: Русская Старина 1883, № 2, стр. 435.

3) Стр. 138—139, 140 (отъ 1 февр. 1815, изъ Москвы).

лась по крови племянницей Ж—му со стороны ихъ матери Варвары Аванасьевны Буниной, въ замужествѣ Юшковой), отъ 16 апр. 1814 года изъ Муратова, олицетворяетъ въ образѣ своего „спутника“, ведущаго съ нимъ „грустный разговоръ“¹⁾. Въ другомъ письмѣ къ этому же своему другу и доброжелательницѣ Ж. говоритъ о себѣ такъ: „Теперешнее мое бытіе для меня такъ тяжело, какъ самое ужасное бѣдствіе. Для меня было бы величайшимъ наслажденіемъ попасть въ горячку, въ чахотку или что-нибудь подобное и увидѣть вдругъ вблизи *прелестный край гудесъ*“. На утѣшеніе въ горѣ поэзіей онъ отвѣчаетъ такъ: „Поэзія и счастье одно и тоже! Можно съ большимъ наслажденіемъ ковать подковы или строгать доски, чтобы разсѣять себя усталостію! Не писать стихи — для этого нужно быть въ свѣтѣ, имѣть надежду на жизнь, потому что со всякою хорошею мыслию сливается нечувствительно и земное воспоминаніе о томъ, что мило въ жизни!“²⁾.

И вотъ въ эти минуты отчаянія въ вѣрующей душѣ Ж—го возникаетъ и укрѣпляется мысль, что это несчастіе послано ему Провидѣніемъ какъ средство нравственнаго очищенія и возвышенія³⁾; онъ смотритъ на него все болѣе и болѣе со стороны самопожертвованія въ пользу Маши, спокойствіе которой для него составляетъ такую драгоценность, что онъ готовъ отдать за него даже ея къ нему привязанность⁴⁾; эта послѣдняя мысль, выраженная Ж—скимъ весьма настойчиво и много разъ, въ послѣдствіи, какъ извѣстно, была осуществлена имъ на дѣлѣ.

Но чтобы видѣть, какой цѣною приобрѣлъ Ж. согласіе Екатерины Аванасьевны на поѣздку его вмѣстѣ съ ними въ

1) Русская Старина 1883, № 2, стр. 432—433.

2) Тамъ же, стр. 438, 442. Ср. Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 133.

3) Русская Старина 1883, № 2, стр. 453.

4) Тамъ же, стр. 452.

Дерптѣ, довольно привести одно мѣсто изъ его письма къ Марьѣ Андреевнѣ, писанное имъ весною 1815 года въ Муратовѣ, передъ отъѣздомъ ¹⁾: „Намъ надобно знать и исполнить то, на что мы рѣшились. Дѣло идетъ не о томъ только, чтобы быть вмѣстѣ, но и о томъ, чтобы этого стоить; слѣдовательно, не по одной наружности исполнять данное слово, а въ сердцѣ быть ему вѣрными. . . Сказавъ ей (т. е. Екатеринѣ Аванасьевнѣ), что я ей братъ ²⁾, мнѣ должно быть имъ не на однихъ словахъ, не для того единственно, чтобы получить этимъ именемъ право быть вмѣстѣ. . . Теперь, когда все, и самое чувство, пожертвовано, когда оно перемѣнилось въ другое, лучшее и нѣжнѣйшее, насъ съ нею ничто не будетъ рознить. Но, милый другъ, я хочу, чтобы и ты была совершенно со мною согласна, чтобы была въ этомъ мнѣ и примѣромъ и подпорою. . . Чего я желалъ? Быть счастливымъ съ *тобою*! Изъ этого теперь должно выбросить только одно слово, чтобы все замѣнить. Пусть буду счастливъ *тобою*! Право, для меня все равно *твое счастье* или *наше счастье*. Поставь себѣ за правило все ограничить одной собою; повѣрь, что будешь тогда все дѣлать и для меня. Моя привязанность къ тебѣ теперь точно безъ примѣси собственнаго, и отъ этого она живѣе и лучше. . . Думай беззаботно о себѣ, все дѣлай для себя — чего для меня болѣе? Я буду знать, что я участникъ въ этомъ миломъ счастіи. Какъ жизнь будетъ для меня дорога! Между тѣмъ я имѣю собственную цѣль — работа для пользы и славы! Не легко ли будетъ работать? Все

1) Можно думать, что письменную форму обращенія къ лицу, жившему съ нимъ въ одномъ домѣ, устной предпочелъ Ж. не только потому, что онъ вообще склоненъ былъ прибѣгать къ письму въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, но и потому еще, что Е. А. Протасова, подозрительно и недовѣрчиво смотрѣвшая на отношенія дочери къ Жуковскому, затрудняла имъ способы личныхъ сношеній.

2) Т. е., что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отказывается отъ мысли жениться на Марьѣ Андреевнѣ.

пойдетъ изъ сердца и все будетъ понятно для добрыхъ!“¹⁾ Т. о., очевидно, продолженіе жизни вмѣстѣ соединено было съ обоюднымъ условіемъ (потребованнымъ Екатериной Аванасьевной) — похоронить прежнія чувства и замѣнить ихъ отношеніями Ж—го къ Марьѣ Андреевнѣ какъ отца къ дочери.

Къ жизни въ Дерптѣ готовился Жуковский весьма серьезно и набросалъ даже краткій планъ совмѣстной своей съ Протасовыми и Воейковыми дерптской жизни, въ которомъ предусматривалъ и продолженіе своихъ прежнихъ педагогическихъ трудовъ съ племянницами, и разныя матеріальныя заботы, и свои собственныя занятія литературой. О желаемой нравственной сторонѣ дерптской жизни Ж., между прочимъ, такъ писалъ въ своемъ „планѣ“: „Наша цѣль — общее счастье. Думая о себѣ — думать о другихъ. Свое собственное все приноровлять къ общему. Не желать и не дѣлать ничего, что бы противно было счастью кого-нибудь изъ насъ въ особенности, слѣдовательно общему. Дѣлать все то только, что бы къ нему способствовало. Въ чемъ состоитъ это общее счастье? Въ семейственномъ спокойствіи, т. е. чтобы у насъ въ семьѣ все было весело; чтобы въ ней была полезная дѣятельность, чтобъ не было недостатка ни въ чемъ необходимомъ“²⁾.

Переѣздъ въ Дерптъ Жуковского съ Воейковыми предполагень былъ зимою 1814—1815 года³⁾ черезъ Москву и даже Петербургъ⁴⁾, но дѣло нѣсколько затянулось⁵⁾; въ

1) Русская Старина 1883, № 3, стр. 666—667. Ср. Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 126.

2) Бумаги В. А. Жуковского, поступившія въ Императорскую Публичную Библиотеку въ 1884 году. Разобраны и описаны Ивановомъ Бычковымъ. Спб. 1887, стр. 7—8.

3) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 127.

4) Тамъ же, стр. 135.

5) Жуковский принималъ самое дѣятельное участіе въ планахъ устройства будущей дерптской жизни родной ему семьи, о чемъ свидѣлствуютъ черновыя его тетради 1814 года: Бумаги В. А. Жуковского, стр. 7.

Москвѣ было рѣшено, что Воейковы поѣдутъ въ Дерптъ впередъ въ концѣ января 1815 года, а самъ Жуковскій остался еще на нѣкоторое время въ Москвѣ, откуда выѣхалъ въ началѣ марта — но уже прямо въ Дерптъ, не заѣзжая въ Петербургъ: „не заѣду въ Петербургъ теперь оттого — пишетъ онъ А. И. Тургеневу — что хочу скорѣе ихъ (т. е. Воейковыхъ и Протасовыхъ) увидѣть и узнать, каково они доѣхали“ ¹⁾. Приѣхалъ онъ въ Дерптъ въ мартѣ 1815 года, и думалъ тутъ, въ новой обстановкѣ, заняться прежде всего такими литературными трудами, которые требовали книжныхъ справокъ и разысканій; на первомъ планѣ стояло изданіе сочиненій М. Н. Муравьева и поэма „Владиміръ“ ²⁾.

Но въ Дерптѣ Жуковского ожидало жестокое душевное испытаніе въ той самой семьѣ, къ которой онъ такъ неудержимо стремился. Онъ, несомнѣнно, надѣялся на долгое пребываніе въ Дерптѣ, вблизи Марьи Андреевны, на что даже съ точки зрѣнія ея матери, думалъ онъ, онъ имѣетъ полное нравственное право, отказавшись отъ мысли о личномъ счастьи и поставивъ себя относительно Марьи Андреевны въ положеніе отца. Однако Екатерина Афанасьевна не вѣрила искренности Жуковского, и вскорѣ по по приѣздѣ его въ Дерптъ выразила желаніе, чтобы онъ ихъ оставилъ. Объ этомъ печальномъ для себя оборотѣ дѣла и сопряженномъ съ нимъ душевномъ состояніи Жуковскій говоритъ въ письмѣ къ Марьѣ Андреевнѣ, съ которой, живя въ одномъ домѣ (у Воейкова), принужденъ былъ переписываться, какъ въ Муратовѣ, такъ какъ личныя его сношенія съ Марьей Андреевной были, очевидно, стѣснены. „Осмотрѣвшись въ Дерптѣ — пишетъ онъ ей вскорѣ по приѣздѣ въ Дерптъ — я увѣренъ, что здѣсь

1) Письма, стр. 139.

2) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 127, 143.

работалъ бы я такъ, какъ нигдѣ нельзя работать — никакого разсѣянiя, тѣмъ пособiй и ни малѣйшей заботы о томъ, чѣмъ бы прожить день, и при всемъ этомъ первое, единственное мое счастье — семья. Съ такимъ чувствомъ пошелъ я къ ней, къ *моей сестрѣ*! — Что же въ отвѣтъ? Разстаться! Она увѣряетъ меня, что не отъ недовѣрчивости, а для сохраненiя твоей и ея репутаціи! Милая, эта послѣдняя причина должна бы удержать ее еще въ Муратовѣ... Нѣтъ! Эта причина не справедливая! или должно было меня еще остановить въ Москвѣ! И теперь, въ ту самую минуту, когда я только думалъ начать жить прекраснѣйшимъ образомъ, все для меня разрушено. Я не раскаиваюсь въ своемъ пожертвованiи — можно ли раскаяться когда-нибудь въ томъ, что возвышаетъ душу! Но я надѣялся имъ заплатить за счастье, и я былъ бы истинно счастливъ, если бы она только этого захотѣла, если бы она прямо мнѣ повѣрила, если бы поняла, какъ чисто и свято то чувство, которымъ я былъ наполненъ!“ ¹⁾ Еще подробнѣе и обстоятельнѣе рассказываетъ объ этомъ Жуковский въ письмѣ изъ Петербурга, куда онъ вскорѣ уѣхалъ, отъ 12 мая 1815 года, къ А. П. Кирѣевской. Изъ него оказывается, что еще до прiѣзда Жуковского въ Дерптъ черезъ этотъ городъ проѣзжалъ какой-то генералъ Красовскій, и Екатерина Аванасьевна подала ему относительно Марьи Андреевны большія надежды. Считая себя относительно послѣдней въ положенiи отца, Жуковский рѣшился говорить объ ея участи съ матерью. Сначала его приняли холодно и даже оскорбительно; онъ обратился тогда къ Екатеринѣ Аванасьевнѣ съ письмомъ, которое возымѣло свое дѣйствіе, но не на долго: „между тѣмъ старая принужденность оставалась; брата боялись, и братъ, чтобы сказать Машѣ то, что могъ бы онъ ей говорить вслухъ передъ

1) Русская Старина 1883, № 3, стр. 669—670.

цѣлымъ свѣтомъ, долженъ былъ потихоньку съ нею переписываться! . . . Итакъ, чтобы не потерять къ себѣ уваженія, я долженъ былъ уѣхать!“¹⁾.

А между тѣмъ А. И. Тургеневъ звалъ Жуковского въ Петербургъ, хлопоча о выгодномъ тамъ для него мѣстѣ. По поводу этихъ хлопотъ Жуковский, еще на пути въ Дерптъ изъ Москвы (4 февраля 1815), писалъ Тургеневу: „Братъ, не забывай, ради Бога, что мнѣ ни мѣсто, ни жалованье не могутъ быть нужны. Мое мѣсто знаешь гдѣ²⁾, и все возможное счастье тамъ же. . . Мнѣ этого счастья ничто никогда замѣнить не можетъ“³⁾. Но затѣмъ, пробывъ лишь нѣсколько дней въ Дерптѣ (очевидно, послѣ объясненія съ Екатериной Аванасьевной), онъ пишетъ уже Тургеневу, отъ 1 апрѣля 1815 г. изъ Дерпта: „Можетъ быть, намъ опредѣлено съ тобою жить *неразлучно*“, а потомъ въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 12 апрѣля 1815 г.): „Я, можетъ быть, скорѣе буду (въ Петербургъ, чѣмъ предполагалъ). Судьба жметъ меня въ комокъ, потомъ разожметъ, потомъ опять скомкаетъ. Видно, что только близъ одного тебя мнѣ со-всѣмъ раскомкаться. . . Если можно имѣть хотя немного независимости (въ Петербургѣ), то остаюсь съ тобою, твой товарищъ на жизнь“⁴⁾. И дѣйствительно, въ апрѣлѣ же 1815 года, т. е. едва проведя мѣсяцъ въ Дерптѣ, Жуковский является въ Петербургъ. Уѣзжая изъ Дерпта, Жуковский повидимому не зналъ, вернется ли онъ еще въ покидаемую имъ семью или нѣтъ. Въ прощальномъ письмѣ къ Марѣ Андреевнѣ онъ писалъ (29 марта 1815 г.): „Милый другъ, надобно сказать тебѣ что-нибудь въ послѣдній разъ. У тебя много остается утѣшенія; у тебя есть добрый товарищъ — твоя смиренная покорность Провидѣнію.

1) Русская Старина 1883, № 3, стр. 675—677.

2) Т. е. возлѣ Марьи Андреевны.

3) Письма, стр. 141.

4) Тамъ же, стр. 144, 146.

Она у тебя не на словахъ, а въ сердцѣ и на дѣлѣ“. Оставляя ей для чтенія Фенелона и обѣщаясь прислать Массильона, Жуковскій видѣлъ въ этомъ чтеніи для нея „не занятіе, а жизнь и усовершенствованіе сердца и мыслей“. „Пусть это чтеніе напоминаетъ тебѣ обо мнѣ, о человѣкѣ, который желалъ быть твоимъ товарищемъ во всемъ добромъ. Я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастьемъ, какое имѣю въ жизни, обязанъ тебѣ, что ты мнѣ давала лучшія намѣренія, что все лучшее во мнѣ было соединено съ привязанностію къ тебѣ, что наконецъ тебѣ же я былъ обязанъ самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на жертвованіе тобою — опытъ самый благодѣтельный на всю жизнь; онъ увѣряетъ меня, что лучшія минуты въ жизни тѣ, въ которыя человѣкъ забываетъ себя для добра и забываетъ не на одну минуту. Сама можешь судить, что въ этомъ воспоминаніи о тебѣ заключены будутъ всѣ мои должности. Пропади оно — я все потеряю. Я сохранию его какъ свою лучшую драгоценность. Я вѣрю себя этому воспоминанію и, право, не боюсь будущаго“. Но какая борьба происходила въ это время въ душѣ Жуковского, несмотря на спокойный и увѣренный тонъ его письма, объ этомъ свидѣтельствуется приписка къ этому письму на другой день: „Это было написано вчера поутру. Маша, откликнись. Я отъ тебя жду всего. У меня совершенно ничего не осталось. Ради Бога, открой мнѣ глаза. Мнѣ кажется, что я все потерялъ“¹⁾. Съ такими мыслями и въ такой тяжелой внутренней борьбѣ уѣзжалъ Жуковскій въ Петербургъ. Въ столицѣ Жуковскій сразу попалъ, благодаря обилію знакомствъ, въ шумный круговоротъ жизни. „Теперь я попалъ въ кипящій свѣтъ — пишетъ онъ оттуда А. П. Кирѣевской въ Долбино, 12 мая 1815 г. — и самъ какъ въ кипяткѣ. Тѣма новыхъ знакомствъ и тѣма ста-

1) Русская Старина 1883, № 3, стр. 671—672.

рыхъ; много прекраснаго“. „Вотъ я въ Петербургѣ съ совершеннымъ, беззаботнымъ невниманіемъ къ будущему — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ тому же своему другу отъ 24 мая. — Не хочу объ немъ думать. Для меня въ жизни есть только прошедшее и одна настоящая минута, которою пользоваться для добра, если можно — зажигать свой фонарь, не заботясь о тѣхъ, которые удастся зажечь послѣ. Такъ нечувствительно дойдешь до той границы, на которой все неизвѣстное исчезнетъ“. Петербургъ приглянулся ему теперь потому, что въ немъ онъ увидалъ возможность работать — и первымъ долгомъ издать свои сочиненія и стихотворенія М. Н. Муравьева, а — „потомъ думаю переташиться къ вамъ — на родину, въ семью“¹⁾. Такъ, лелѣя дорогой ему идеалъ семейной жизни, Жуковский стремился изъ одной, отвергавшей его, семьи въ другую, откуда всегда встрѣчалъ неизмѣнное дружеское расположеніе и сочувствіе.

Въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ Жуковский впервые былъ представленъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Но вотъ 26 іюня 1815 г. у Александры Андреевны Воейковой родилась дочь Екатерина, и Жуковский, желая быть ея крестнымъ отцомъ, снова спѣшитъ въ Дерптъ и оттуда, по пріѣздѣ, торопливо пишетъ Тургеневу: „У насъ теперь все идетъ кругомъ. Радость! Моя крестница родила мнѣ крестницу. Любо смотрѣть на счастіе матери“²⁾, и при этомъ сочиняетъ стихотворное привѣтствіе новорожденной³⁾. Но положеніе Жуковскаго относительно Марьи Андреевны и ея матери оставалось прежнее. „Я пріѣхалъ съ тѣмъ — пишетъ онъ къ А. П. Кирѣвской въ концѣ іюля 1815 года изъ Дерпта — чтобы, окрестивши, опять уѣхать въ Петербургъ, изъ Петербурга на родину“. Здѣсь, по его

1) Русская Старина 1883, № 3, стр. 673, 677—678.

2) Письма, стр. 146.

3) Соч., I. 484—485.

собственнымъ словамъ, Екатерина Аѳанасьевна приняла его ласково, но эта ласка касалась лишь формы отношеній, оставивъ сущность ихъ прежней. „Я не могу быть ни доволенъ, ни счастливъ, и со всѣмъ тѣмъ, повидимому, не имѣю права ничего болѣе требовать. Съ самаго моего пріѣзда я веду жизнь занятую, т. е. сижу въ своей горницѣ за работою, а къ нимъ являюсь только на минуту по утру, за обѣдомъ да за чаемъ. . . Съ Машею мы розно по старому, по старому нѣтъ между нами ничего общаго! Непринужденной, родственной связи между ею и мною нѣтъ“. Такимъ образомъ, Екатерина Аѳанасьевна питала къ Жуковскому прежнее недовѣріе, и это заставляетъ его рѣшиться поскорѣе уѣхать изъ Дерпта: „уѣхать — по крайней мѣрѣ сберечь для себя что-нибудь драгоцѣнное. Будучи съ вами, я буду гораздо менѣе розно съ Машей, нежели здѣсь, и буду имѣть право на всѣ свои чувства. . . А такъ жить, какъ жилъ прежде, какъ живешь теперь, нельзя! Убьешь Машу, тетушку (т. е. Екатерину Аѳанасьевну) и себя“ ¹⁾. Къ тому же, въ Петербургъ его усиленно звалъ Тургеневъ, которому Жуковскій писалъ: „Что ты говоришь мнѣ о жертвѣ и о моемъ солнцѣ? Развѣ я поѣхалъ сюда (въ Дерптъ) съ тѣмъ, чтобы грѣться подлѣ моего яснаго солнца? Нѣтъ, братъ, оно яснѣе для меня, когда я отъ него далѣе. Тогда оно одно только для меня видно, и ничто противное не темнитъ его милой ясности. Здѣсь я не долженъ глядѣть на него свободными глазами; здѣсь душа, мысли и чувства сжаты. Уѣхать отсюда не будетъ для меня жертвою. . . Не говорю уже о надеждахъ; ихъ нѣтъ, да онѣ и не нужны“ ²⁾, а по поводу хлопотъ о немъ его петербургскихъ пріятелей онъ такъ говоритъ въ другомъ письмѣ къ Тургеневу: „Боюсь я этихъ grands projets. Могутъ составить себѣ за меня какой-нибудь планъ моей жизни да и

1) Русская Старина 1883, № 4, стр. 96—98.

2) Письма, стр. 148.

убьютъ все. . . Тебѣ, кажется, не нужно имѣть отъ меня комментарія на то, что мнѣ надобно. Независимость да и только! Способъ писать, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Что, гдѣ и когда писать — мнѣ на волю. Я не буду жильцомъ петербургскимъ, но каждый годъ буду въ Петербургѣ непременно: вотъ главная мысль, остальное можешь придумать самъ“. А что касается счастья, то — „на свѣтѣ много прекраснаго и безъ счастья“, прибавляетъ въ томъ же письмѣ Жуковскій ¹⁾).

Такимъ образомъ, Жуковскій оставилъ Дерптъ, 24 августа 1815 года, снова съ твердымъ желаніемъ болѣе въ него не возвращаться и „въѣхалъ въ Петербургъ съ самымъ грустнымъ холоднымъ настоящимъ и съ самымъ пустымъ будущимъ въ своемъ чемоданѣ“, какъ писалъ онъ объ этомъ А. П. Кирѣевской 16 сентября 1815 г. изъ Петербурга. Хотя по временамъ надежда на возможность счастья съ Марьей Андреевной и заходила произвольно въ его сердце, но онъ старался отгонять ее, несмотря на ободреніе со стороны друзей, напр. Нелединскаго, сопровождавшаго Жуковскаго при новомъ представленіи его Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ Павловскѣ, о ласковомъ приѣмѣ которой Жуковскій съ восторгомъ передаетъ въ томъ же письмѣ въ Долбино; сердечныя дѣла его съ Марьей Андреевной сдѣлались извѣстны и Императрицѣ, но онъ не хотѣлъ прибѣгать къ этому средству воздѣйствія на Екатерину Аванасьевну, такъ какъ видѣлъ выходъ лишь въ добровольной и вполне свободной перемѣнѣ ея взгляда на дѣло. Такъ какъ въ Петербургѣ относительно Жуковскаго ничего, повидимому, рѣшено не было, то въ концѣ письма онъ высказываетъ настойчивое желаніе переселиться снова на родину: „Что мнѣ нужно? Свобода, работа и маленькій достатокъ; клочъ земли подлѣ Мишенскаго

1) Письма, стр. 151.

или подлѣ Долбина, но клокъ собственный... Если разъ залѣзу въ этотъ уголь, то уже изъ него будетъ трудно меня вытащить!“¹⁾

Но тутъ оканчивается лишь первый, непродолжительный періодъ сношеній Жуковского съ Дерптомъ, отмѣченный для него рѣшеніемъ перемѣнить свои отношенія къ Марѣ Андреевнѣ, оставить надежду на личное счастье и опредѣлить въ этомъ смыслѣ болѣе нормальнымъ образомъ свои отношенія къ дорогой ему семьѣ; старанія эти, въ виду оказываемаго ему недовѣрія со стороны Екатерины Аванасьевы, не получили успѣха, и въ результатъ — тяжелое душевное настроеніе и желаніе удалиться на родину, чтобы отдохнуть и работать. Между тѣмъ въ Дерптѣ совершались событія, которыя подготавливали Жуковскому новыя душевныя испытанія и тревоги, и дальнѣйшимъ результатомъ которыхъ было уже гораздо болѣе продолжительное пребываніе поэта въ Дерптѣ, прерывавшееся поѣздками его въ деревню и въ Петербургъ и составляющее второй періодъ его отношеній къ этому городу. Эти событія связаны главнымъ образомъ съ именемъ профессора Дерптскаго университета, извѣстнаго въ свое время хирурга И. Ф. Мойера, сдѣлавшагося мужемъ столь дорогой Жуковскому „Маши“.

II.

Рѣшеніе М. А. Протасовой выйти замужъ за профессора И. Ф. Мойера; отношеніе къ этому Жуковского; данное имъ согласіе на этотъ бракъ. — Свадьба Марьи Андреевны съ Мойеромъ. — Переездъ Жуковского въ Петербургъ.

8 ноября 1815 г. Марья Андреевна писала Жуковскому: „Я у тебя прошу совѣта какъ у отца, прошу рѣшить меня

1) Русская Старина 1883, № 4, стр. 101—104.

на самый важный шагъ въ жизни. . . Я хочу выйти замужъ за Мойера. Я имѣла случай видѣть его благородство и возвышенность чувствъ и надѣюсь, что найду съ нимъ полное успокоеніе. Не закрываю я глазъ на то, чѣмъ жертвую, дѣлая этотъ шагъ. . . Прежде всего я увѣрена, что составляю счастіе доброй моей матери, даруя ей двухъ друзей (т. е. Мойера и Жуковского). Милый другъ, то, что теперь тебя съ нею разлучаетъ, не будетъ болѣе существовать. . . Что касается меня самой, то я потеряю свободу только по имени, за то пріобрѣту право пользоваться дружбою и тебѣ ее оказывать. Мой добрый другъ, я дѣйствительно увѣрена, что съ Мойеромъ найду счастіе и покой; я очень его уважаю; душа у него возвышенная, характеръ благородный, и я всего ожидаю отъ времени“ ¹⁾. Нѣсколько позднѣе, по тому же поводу, 25 ноября 1815 г. писала Жуковскому Екатерина Аванасьевна: „Сердце мое раздирается, когда я о тебѣ думаю, но я знаю твое благоразуміе. Другъ мой, напиши ко мнѣ все, что у тебя на душѣ; я увѣрена, что ты способствовать будешь счастію тѣхъ, кто тебѣ такъ дороги, и для кого ты безцѣненъ“ ²⁾. Можно себѣ представить, какъ должно было поразить это Жуковского, все-таки еще питавшаго въ глубинѣ души неопредѣленные надежды. Онъ отвѣчалъ не сразу. Въ длинномъ отвѣтномъ письмѣ Марьѣ Андреевнѣ (отъ 27 ноября 1815 года, изъ Петербурга) Жуковскій, становясь въ положеніе отца къ ней, не имѣя вообще ничего противъ ея брака и въ частности не имѣя ничего противъ Мойера, котораго онъ зналъ, любилъ и уважалъ за его прекрасныя умственные и душевныя качества и благородный характеръ, энергически настаивалъ однако же на необходимости отложить это дѣло на нѣкоторое время, такъ какъ видѣлъ въ этомъ рѣшеніи Марьи Андреевны, еще весьма мало знавшей Мойера,

1) Русская Старина 1883, № 5, стр. 351—353.

2) Русская Старина 1883, № 5, стр. 354.

принужденіе со стороны матери, которая спѣшила освободить дочь отъ несбыточныхъ надеждъ на нее Жуковского; самая внезапность этого рѣшенія, на которое и намекъ не было въ недавнюю бытность Жуковского въ Дерптѣ, также казалась ему подозрительной. „Нѣтъ, милый другъ, не ты сама на это рѣшилась! Тебя рѣшили съ одной стороны требованія и упреки, съ другой — грубости и жестокое притѣсненіе ¹⁾... Ты бросаешься въ руки Мойеру потому, что другого нечего дѣлать! Тебя тащутъ туда насильно, и еще ты же должна говорить, что ты счастлива! а я вслѣдъ за тобою, какъ твой отецъ, говорить тоже. Нѣтъ, какъ твой отецъ, я не могу на это *теперь* согласиться“. Далѣе, говоря объ отношеніи къ этому Екатерины Аѳанасьевны, Жуковскій восклицаетъ: „Боже мой, религія запретила ей согласиться на наше счастье, а та же религія не можетъ ей запретить принудить тебя къ нарушенію всего святого — тайнства и клятвы? Послѣ этого могу ли подумать, что религія, а не одно желаніе исполнить волю свою управляетъ ея поступками? Почему же здѣсь молчитъ религія, здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о такомъ поступкѣ, съ которымъ ни сердце, ни желанія твои не могутъ быть согласны?“ Въ припискѣ къ этому письму, сдѣланной на другой день, Жуковскій выражается по поводу Екатерины Аѳанасьевны такимъ образомъ: „твое счастье (т. е. свободное, непринужденное) было бы величайшимъ ея благодѣяніемъ и мнѣ. Мы были бы розно, ибо вмѣстѣ быть нельзя, но это розно не разорвало бы дружбы; у насъ было бы одно — твоё счастье! И какъ легко его сдѣлать — быть просто матерью, другомъ и утѣшителемъ, а не притѣснителемъ, который всѣмъ готовъ жертвовать своему эгоизму. Пожертвовавъ собою, не думай

1) Подъ первыми разумѣлъ Жуковскій дѣйствія и внушенія матери, а подъ вторыми — непріязненное и ничѣмъ неоправдаемое отношеніе къ Марьѣ Андреевнѣ мужа ея сестры, Воейкова, отличавшагося вообще недостаткомъ благородства въ характерѣ, неуживчивостью и вспыльчивымъ темпераментомъ.

изъ меня сдѣлать ей друга — этимъ не заманишь меня въ ея семью. Скорѣе соглашусь двадцать разъ себя разбить голову, нежели искать мѣста въ этой семьѣ!“¹⁾ Письмо Жуковскаго къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ до насъ не дошло, но, судя по ея краткому и рѣзкому отвѣту²⁾, оно вполне соотвѣтствовало только что приведеннымъ выдержкамъ изъ письма его къ Марьѣ Андреевнѣ, касающимся ея матери; о содержаніи его можемъ заключать также и по другому письму Жуковскаго къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ (отъ 11 декабря 1815 г. изъ Петербурга), въ которомъ онъ отчасти пересказываетъ содержаніе перваго, желая оправдать себя отъ несправедливыхъ упрековъ въ „ругательствахъ и клеветѣ“, на которыя, конечно, поскольку мы вообще знаемъ Жуковскаго, онъ совершенно не былъ способенъ. Однако рѣзкость тона своего перваго отвѣта Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ онъ не отрицаетъ: „Я не оправдываю своихъ выраженій. Но вспомните, въ какихъ обстоятельствахъ и *послѣ какой жизни* написано письмо мое. Подумайте, что послѣ всѣхъ тяжелыхъ огорченій, послѣ всѣхъ усилій жить съ вами и для васъ, что послѣ всѣхъ надеждъ я теперь остался одинъ и сберегъ для себя одну только надежду на Машино спокойствіе. Подумайте, что письмо мое писано послѣ трехъ мѣсяцевъ разлуки, что я еще недавно просилъ у васъ, какъ единственной мнѣ награды, чтобы Маша была свободна на счетъ выбора счастья — что же вышло? Не давъ ни минуты отдыха, вы требуете, чтобы я согласился на ея замужество. Судите сами себя, того ли надобно ожидать отъ дружбы и сожалѣнія?“³⁾ Наконецъ, къ разъясненію этого дѣла имѣемъ мы еще одно весьма замѣчательное письмо Жуковскаго къ Марьѣ Андреевнѣ (отъ 25 декабря 1815 года, изъ Петербурга)⁴⁾,

1) Русская Старина 1883, № 5, стр. 355—361.

2) Тамъ же, № 5, стр. 362.

3) Тамъ же, № 6, стр. 556.

4) Тамъ же, № 7, стр. 1—20.

а также письмо самой Марьи Андреевны къ Жуковскому въ отвѣтъ на его просьбу не торопиться и обдумать; это письмо писано ею, вѣроятно, не безъ вліянія со стороны матери, которая тутъ оправдывается въ подозрѣваемомъ Жуковскимъ принудительномъ воздѣйствіи ея на дочь. Письмо это Жуковскій переслалъ въ собственноручной копіи къ А. П. Кирѣвской, снабдивъ его (отъ 6 декабря 1815 г. изъ Петербурга) обширными примѣчаніями и возраженіями по каждому пункту¹⁾; открывъ передъ Жуковскимъ еще разъ благородство и великодушіе Марьи Андреевны, оно не только не разубѣдило Жуковского въ его подозрѣніяхъ относительно несвободы ея рѣшенія, но еще укрѣпило въ немъ эти подозрѣнія: „Машино письмо въ моихъ рукахъ — писалъ онъ къ А. П. Кирѣвской 30 декабря 1815 г. изъ Петербурга — оно есть ужасное обвиненіе матери! Какъ могла Маша быть доведена до такого состоянія, чтобы считать необходимою разстаться съ своею семьею. За ея счастье буду я благодаренъ ея мужу, а не ея матери“²⁾. Для того, чтобы чѣмъ-нибудь рѣшить это дѣло и прійти къ какому-нибудь обоюдному соглашенію, было необходимо личное присутствіе Жуковского въ Дерптѣ, куда призывала его Марья Андреевна, и вотъ онъ туда явился въ январѣ 1816 года — чтобы самому убѣдиться въ свободной привязанности дорогой ему Маши къ Мойеру и дать на этотъ бракъ свое согласіе. Не трудно себѣ представить, съ какимъ душевнымъ настроеніемъ вѣзжалъ на этотъ разъ нашъ поэтъ въ знакомый уже ему городъ.

Эта поѣздка Жуковского въ Дерптъ была весьма кратковременна. Дѣло уладилось въ нѣсколько дней: Жуковскій убѣдился въ возможности счастья Марьи Андреевны съ Мойеромъ и далъ свое согласіе на этотъ бракъ. О Мойерѣ

1) Русская Старина 1883, № 6, стр. 541—553.

2) Тамъ же, № 8, стр. 226.

онъ говоритъ въ письмѣ къ А. П. Кирѣевской (отъ января 1816 г. изъ Дерпта): „Мойеру можно вѣрить совершенно. Прекрасный характеръ. Меня беспокоитъ только тотъ кругъ, въ который она войдетъ — надобно, чтобы она была сколько можно менѣе зависима отъ родни его; чтобы вся ея зависимость была отъ него единственно; тогда можно поручиться за тихую, ясную жизнь: она будетъ имѣть съ нимъ все, что должно для ея сердца“¹⁾. Такъ рѣшена была самимъ Жуковскимъ и обстоятельствами будущая судьба его „Маши“, къ которой съ этого момента Жуковскій дѣйствительно сталъ лишь въ положеніе отца. Свадьба отложена была на годъ, и Жуковскій въ январѣ же 1816 года вернулся обратно изъ Дерпта въ Петербургъ, откуда по приѣздѣ немедленно писалъ въ Дерптъ въ дорогу ему семью: „У меня теперь прекрасная цѣль въ жизни. У меня развязаны руки дѣлать *все, что отъ меня зависитъ*, для Машинаго счастья. Маша, смотри же, не обмани меня. Чтобы намъ непременно вмѣстѣ состряпать твое счастье. Тогда и все прекрасно!“²⁾. Другою заботою Жуковского въ этой семьѣ было облегченіе семейной жизни сестры Машиной, Александры Андреевны Воейковой, много страдавшей отъ своего мужа, который, желая быть неограниченнымъ деспотомъ въ этой исключительно женской семьѣ, злился на вліяніе, которое имѣлъ въ ней Жуковскій, и противился браку Марьи Андреевны съ Мойеромъ, въ которомъ видѣлъ себѣ новаго соперника въ томъ же смыслѣ³⁾.

Эта поѣздка въ Дерптъ была впрочемъ благотѣльна для нравственнаго состоянія Жуковского; она вывела его окончательно и безповоротно изъ неопредѣленностей, колебаній

1) Русская Старина 1883, № 8, стр. 227.

2) Тамъ же, № 8, стр. 228.

3) См. особенно о Воейковѣ письмо Жуковского къ Марьѣ Андреевнѣ отъ 25 дек. 1825 года: Русская Старина 1883, № 7, стр. 1—6, 10—18; также Русская Старина 1883, № 8, стр. 231.

и мучительныхъ опасеній за будущее Марьи Андреевны; ему на этотъ разъ оказано было полное довѣріе, и это, по-видимому, вполне примирило его съ Екатериной Аванасьевной. О впечатлѣніяхъ этой поѣздки онъ, вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, писалъ А. П. Кирѣевской 19 февраля 1816 г.: „Слава Богу, что теперь изъ этого хаоса выходитъ свѣтъ!... Изъ разговоровъ съ Машею я увидѣлъ, что она не обманываетъ меня, что она дѣйствуетъ теперь не по принужденію, а изъ увѣренности, что все будетъ лучше, что она надѣется этого лучшаго! И не одни ея слова, но и собственныя замѣчанія убѣдили меня въ этомъ. Съ Мойеромъ говорилъ я откровенно, и онъ не только понималъ, но угадалъ и предупредилъ мои мысли. Мы теперь съ нимъ вѣрные товарищи — цѣль наша прекрасная: общее счастье называется Машею. Маша будетъ дѣйствовать свободно, все отдано на ея волю.“ О своемъ собственномъ душевномъ состояніи Жуковскій въ этомъ письмѣ говоритъ такъ: „Что касается меня самого, нельзя же *вдругъ* всего передѣлать. Но вы за меня не бойтесь. Я вообще счастливъ; послѣднія три недѣли, проведенныя мною въ Дерптѣ, была самая богатая прекраснымъ чувствомъ эпоха въ жизни моей“. Но Жуковскій не скрываетъ, что этотъ душевный переломъ достался ему не безъ труда: „Кажись бы хорошо, анъ нѣтъ! во мнѣ есть другой человѣкъ, которому бываетъ больно, когда онъ замѣтитъ привязанность Маши къ Мойеру... но онъ связанъ крѣпкими кандалами и осужденъ умереть съ голоду — и онъ умретъ непременно“¹⁾. Въ другомъ, вскорѣ затѣмъ писанномъ, письмѣ къ тѣмъ же роднымъ въ Долбино (въ февралѣ или мартѣ 1816 года) Жуковскій между прочимъ пишетъ: „Я получилъ письмо отъ Мойера. Не правда ли, что мое положеніе одно изъ самыхъ необыкновенныхъ! Онъ говоритъ со мною о Маши:

1) Русская Старина 1883, № 8, стр. 230, 232—233.

Маша съ каждымъ днемъ даетъ мнѣ болѣе доказательствъ своего добраго расположенія и довѣрія. Эта одна черта показываетъ хорошее сердце — она и ему и мнѣ дѣлаетъ честь. Что бы ни было, а я этому радуюсь и буду радоваться, несмотря на тѣ минуты, въ которыя нѣкоторые уродцы, о которыхъ я писалъ на прошедшей почтѣ¹⁾, будутъ выходить на сцену. Друзья, много прекраснаго въ душѣ человѣческой, и жизнь наша дана намъ только для того, чтобы выкопать изъ нея это прекрасное и дать ему силу, бытіе, совершенство“²⁾. Теперь уже Дерптъ неудержимо тянетъ Жуковского къ себѣ, и вотъ въ апрѣлѣ 1816 года онъ переѣзжаетъ сюда, чтобы провести здѣсь цѣлый годъ до свадьбы Марьи Андреевны съ Мойеромъ.

Сначала дѣло шло не особенно удачно, и возобновленная совмѣстная жизнь въ дорогой ему семьѣ не вполне его удовлетворяла: „исторій нѣтъ, по крайней мѣрѣ продолжительныхъ; но и согласія не бывало“³⁾. Причиною, вѣроятно, былъ съ одной стороны нѣсколько неуравновѣшенный, съ долей эгоизма и самовластия, характеръ Екатерины Аѳанасьевны, которая „видѣла себя одну несчастною и всѣхъ причиною несчастія“ и которую могъ уязвлять даже высоковеликодушный поступокъ Жуковского, такъ какъ онъ давалъ ему неоспоримый нравственный авторитетъ въ глазахъ Марьи Андреевны, чего самолюбіе Екатерины Аѳанасьевны не могло переносить; съ другой стороны, и Марья Андреевна не могла сразу переломить своего сердца, и внутреннее сближеніе ея съ Мойеромъ происходило, на взглядъ Жуковского, слишкомъ медленно и мало давало Жуковскому

1) Онъ тамъ писалъ: „Друзья, какое иногда божественное чувство подымаетъ душу и какъ весело его раздѣлить! Что передъ этимъ прекраснымъ чувствомъ всѣ эти маленькіе безобразные уродцы, которые называются желаніями для себя и которые иногда высказываютъ какъ пузыри и лопаются“ (тамъ же, стр. 231).

2) Тамъ же, стр. 236.

3) Письмо къ А. П. Кирѣевской отъ 12 апр. 1816 года, изъ Дерпта: Русская Старина 1883, № 9, стр. 534.

увѣренности въ будущемъ счастіи Маши. Но къ лѣту 1816 года дѣло, повидимому, уладилось, такъ что Жуковский могъ написать А. П. Кирѣвской: „все идетъ очень хорошо. Я теперь увѣренъ, что Маша будетъ имѣть *возможное* счастіе“ . . . ¹⁾. Что касается самого Жуковского, то онъ чувствовалъ себя спокойно, и взятый имъ для себя девизъ „все въ жизни къ прекрасному средство“ былъ для него дѣйствительно руководящимъ правиломъ въ его жизни ²⁾. Лѣтомъ 1816 года Жуковский совершилъ изъ Дерпта небольшую поѣздку по такъ называемой Лифляндской Швейцаріи, а затѣмъ съ Протасовыми и, вѣроятно, Мойеромъ ³⁾ ѣздилъ на купанье въ Ревель ⁴⁾. Между тѣмъ какъ шли приготовленія къ свадьбѣ Марьи Андреевны, Жуковский на Рождество 1816 года ѣздилъ въ Петербургъ. Не долго передъ этимъ министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ поднесъ императору Александру I экземпляръ только что вышедшаго собранія стихотвореній Жуковского (въ двухъ томахъ), съ указаніемъ на заслуги Жуковского въ области русской словесности и на его личныя обстоятельства. Государь пожаловалъ поэту пожизненный пенсіонъ въ размѣрѣ 4.000 рублей въ годъ, за что Жуковский имѣлъ возможность, въ этотъ свой пріѣздъ въ Петербургъ, благодарить императора лично. 5-го января 1817 года Жуковский уже уѣхалъ изъ Петербурга обратно въ Дерптъ, и, наконецъ, 14 января 1817 года въ Дерптской Успенской церкви совершенно было вѣнчаніе Марьи Андреевны съ Мойеромъ. „Свадьба кончена, и душа со- всѣмъ утихла. Думаю только объ одной работѣ“, писалъ

1) Русская Старина 1883, № 9, стр. 535.

2) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 156, 159. Ср. К. Зейдлицъ, стр. 73, 240; П. Загаринъ, стр. 181.

3) Воейковы въ это время были на югѣ Россіи.

4) Русская Старина 1883, № 9, стр. 535—536; Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 157—158.

Жуковский послѣ этого событія А. И. Тургеневу ¹⁾. Сначала Жуковский думалъ послѣ свадьбы Марьи Андреевны навсегда поселиться въ Дерптѣ, но уже къ веснѣ сталъ чувствовать тяжелое душевное состояніе и нравственную апатію, и искалъ выхода, о чемъ такъ писалъ А. И. Тургеневу изъ Дерпта 25 апрѣля 1817 года: „Мое теперешнее положеніе есть усталость человѣка, который долго боролся съ сильнымъ противникомъ, но, боровшись, имѣлъ нѣкую дѣятельность; борьба кончилась, но вмѣстѣ съ нею и дѣятельность... Но не бойся, я не упаду. По крайней мѣрѣ, я надѣюсь воскреснуть... Я смотрю на счастье, которое мнѣ не принадлежитъ, спокойно; въ тѣ минуты, въ которыя способенъ я живо чувствовать, оно только радуетъ меня, и никакое другое чувство не смѣшано съ этою радостію. Но вообще нахожу въ себѣ равнодушіе, для меня тяжелое, и это равнодушіе — *во мнѣ самомъ*; внѣшнихъ причинъ искать не надобно. Оно похоже на сонъ, который производитъ иногда прекрасная музыка. Музыка моя молчитъ, и я сплю! Изъ этого сна должно непременно выйти!“ ²⁾. И дѣйствительно, выходъ вскорѣ нашелся: въ концѣ 1817 года Жуковский приглашенъ былъ въ качествѣ учителя русскаго языка къ супругѣ наслѣдника престола великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (бывшей принцессѣ Шарлоттѣ Прусской), что было первымъ шагомъ его ближайшаго вступленія въ кругъ царскаго семейства, въ которомъ онъ занялъ впослѣдствіи такое видное и вліятельное положеніе. Онъ покинулъ Дерптъ для Петербурга въ январѣ 1818 года.

1) Письма, стр. 171.

2) Письма, стр. 177. Ср. тамъ же, стр. 176. — Нѣсколько рѣзкѣ, 1 марта 1817 года, Жуковский писалъ И. И. Дмитріеву, изъ Дерпта: „Не скажу, чтобъ я много сдѣлалъ; у меня большая неровность въ работѣ! Часто какая-то нравственная сухотка нападаетъ на меня и мучитъ цѣлые мѣсяцы“ : Сочиненія Жуковского, изд. 7, т. VI. 427.

Такъ кончилась собственно дерптская жизнь Жуковского, но сношенія его съ этимъ городомъ еще не прекратились.

III.

Дерптскія знакомства Жуковского. — Университетъ; заступничество за него Жуковского. — Внѣуниверситетскія связи. — Литературная дѣятельность въ дерптскій періодъ, переводная и оригинальная.

Въ предшествующемъ изложеніи я намѣренно остановился почти исключительно на исторіи душевной жизни Жуковского и тѣсно связанныхъ съ нею обстоятельствахъ за время пребыванія его въ Дерптѣ — чтобы болѣе цѣльнымъ образомъ и рельефнѣе представить эту сторону его дерптской жизни. Теперь должно обратиться къ другой сторонѣ — къ сношеніямъ Жуковского въ Дерптѣ внѣ семьи Протасовыхъ и Воейковыхъ и къ его литературнымъ занятіямъ въ это время.

Очень естественно, что, живя сначала въ домѣ Воейкова, а потомъ Мойера, принадлежавшихъ къ составу университетскихъ профессоровъ, Жуковскій въ Дерптѣ скорѣе и ближе всего сблизился съ университетомъ. Еще на первомъ пути своемъ въ Дерптъ мечталъ онъ о дерптской университетской библіотекѣ¹⁾, и въ самомъ дѣлѣ знакомство съ библіотекаремъ, мѣстнымъ поэтомъ К. Ф. Петерсеномъ относится, повидимому, къ числу первыхъ его знакомствъ въ средѣ университетской; впоследствии Ж. былъ даже крестнымъ отцомъ одного изъ его сыновей²⁾. Лѣтомъ 1815 года онъ усердно

1) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 143.

2) Къ этому именно Петерсену и обращено было Жуковскимъ слѣдующее четверостишіе, написанное по поводу рожденія у Петер-

занимается „механической работой“, подготовкой „сухих матеріаловъ“ — вѣроятно, для своей поэмы „Владиміръ“ ¹⁾. Со многими изъ профессоровъ Дерптскаго университета онъ завязалъ научныя или иныя близкія сношенія. Такъ, весной 1816 года онъ слушалъ лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ Г. Эверса (младшаго) ²⁾; бесѣдовалъ съ К. Моргенштерномъ объ эстетикѣ и археологіи, съ Ф. Г. Парротомъ о физикѣ ³⁾, при чемъ о сочиненіи послѣдняго „Entretiens sur la phisique“ напечаталъ даже (Вѣстникъ Европы 1818 г., № 8) замѣтку, въ которой между прочимъ упоминалъ о томъ, что еще до напечатанія этого труда авторъ читалъ ему нѣкоторые отрывки въ рукописи ⁴⁾; въ началѣ 1817 года онъ ходатайствовалъ черезъ Тургенева объ оказаніи Парроту матеріальнаго пособія ⁵⁾. Въ мастерской профессора К. А. Зенфа Жуковский учился гравированію. Профессоръ Ф. Э. Рамбахъ хотѣлъ перевести одно стихотвореніе Жуковскаго на нѣмецкій языкъ ⁶⁾. За профессора астрономіи Фр. В. Струве Жуковский просилъ Тургенева о скорѣйшей выдачѣ ему и его невѣстѣ заграничныхъ паспортовъ ⁷⁾. Но особенно

сена сына и незадолго случившейся передъ тѣмъ смерти другого его сына :

„Я предсказатель! Радость за горемъ пришла! Замѣнило Небо, что отнято имъ! Будь же утѣшенъ отецъ! Двухъ ты имѣешь сыновъ! Твой младшій съ тобою, твой старшій Будетъ, какъ ангелъ, съ небесъ милаго брата хранить“.

Это четверостишіе, до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, не помѣщенное въ собраніи сочиненій Жуковскаго, сообщено было Петерсеномъ своему другу пастору Веніамину Бергману, въ письмѣ отъ 10 декабря 1816 года: *Eines Dichters Kind. Aus dem Briefwechsel Karl Petersens mit zweien Freunden*, въ „*Baltische Monatsschrift*“, В. XXXVI. 1889, стр. 149.

1) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 147.

2) П. Загаринъ, стр. 213—214.

3) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 158; К. Зейдлицъ, стр. 80.

4) Соч. II, стр. 419.

5) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 170—171.

6) Тамъ же, стр. 145.

7) Тамъ же, стр. 146.

замѣчательна была его встрѣча съ богословомъ проф. Л. Эверсомъ (старшимъ), который на студенческомъ праздникѣ 14 августа 1815 года захотѣлъ пить съ Жуковскимъ „братство“, о чемъ Жуковскій такъ писалъ А. П. Кирѣевской: „Эверсъ, осмидесятилѣтній старикъ, есть человекъ единственный въ своемъ родѣ — онъ живетъ для добра, и со всѣмъ этимъ простота младенца. На праздникѣ студентовъ, на который былъ приглашенъ и я, онъ вздумалъ со мной пить братство. Это меня тронуло до глубины души. Я отъ всей души поцѣловалъ *братскую* руку“ ¹⁾. Этотъ эпизодъ разсказалъ Жуковскій и въ стихотвореніи „Старцу Эверсу“ ²⁾, которое, по его собственному признанію, писалъ „не для печатанія, но для облегченія сердца и для друзей“ ³⁾. „Не мудрено — замѣчаетъ по этому поводу д-ръ К. Зейдлицъ, — что мы, свидѣтели этой трогательной встрѣчи знаменитаго русскаго поэта съ почтеннымъ дерптскимъ профессоромъ, съ восторгомъ пожали руку нашему дерптскому гостю и считали его съ тѣхъ поръ и нашимъ братомъ“ ⁴⁾. Интересы университета дороги были Жуковскому. Пребываніе Ж—го въ Дерптѣ совпало съ весьма критическимъ моментомъ въ жизни Дерптскаго университета, вслѣдствіе сдѣлавшейся тогда почти общеизвѣстной скандальной исторіи съ незаконнымъ присужденіемъ въ 1816 году докторской степени Вальтеру и Веберу; тогда стали смотрѣть подозрительно и на другіе докторскіе дипломы отъ этого университета, и по одному изъ такихъ поводовъ Жуковскій писалъ, 21 октября 1816 года, изъ Дерпта, А. И. Тургеневу: „За что ты въ неудовольствіи на Петерсена? Онъ не долженъ быть помѣщенъ въ числѣ Вальтера и Вебера. Его докторство законное, такъ какъ и Тидебеля. И тотъ и другой были экза-

1) Русская Старина 1883, № 4, стр. 105.

2) Соч. I, стр. 485—487.

3) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 152.

4) Тамъ же, стр. 83.

менованы какъ должно. Они хорошо учились и знаютъ свое дѣло. Будетъ очень больно, если ихъ не отличать отъ прочихъ. Это пятно будетъ незаслуженное. Осуждая виноватыхъ, надо щадить университетъ. Онъ и безъ того упадаетъ и упадетъ, потому что правительство отняло отъ него свою руку. Неужели всему должно у насъ, не созрѣвъ, разрушаться?“ ¹⁾ Въ Дерптѣ ходили даже слухи о назначеніи Жуковского попечителемъ Дерптскаго округа послѣ Клингеръ въ 1817 году ²⁾, но, повидимому, они не имѣли никакихъ основаній. Точно также хлопочетъ онъ черезъ Тургенева о подысканіи мѣста и двумъ другимъ дерптскимъ докторамъ А. Лебрену и Ф. Заремба ³⁾. Въ свою очередь и университетъ, согласно ходатайству философскаго факультета, присудилъ Жуковскому въ апрѣлѣ 1816 года почетную степень доктора философіи въ воздаяніе за культурныя услуги Россіи, оказанныя Жуковскимъ его литературной дѣятельностью; внѣшнимъ поводомъ къ этому рѣшенію университета послужилъ выходъ въ 1816 году въ свѣтъ двухтомнаго собранія стихотвореній Жуковского, какъ о томъ уже упомянуто было выше ⁴⁾. Не мало связей имѣлъ Жуковский въ Дерптѣ и внѣ университета. По словамъ д-ра К. Зейдлица, онъ „съ благодарностію вспоминалъ всегда о пріятныхъ часахъ, проведенныхъ имъ въ домахъ Мантейфеля, Левенштерна, Брюнинга, Нолькена, Липгардта, Штакельберга, Лиліенфельда, Крюднера“ ⁵⁾. И со своей стороны, онъ старался оказать возможныя услуги своимъ дерптскимъ знакомымъ въ Петербургѣ, главнымъ

1) Письма, стр. 164—165.

2) *Erinnerungen des Bibliothekars Emil Anders*, въ *Baltische Monatsschrift*. В. XXXIX. 1892, стр. 230.

3) Письма, стр. 153, 169.

4) P. Wiskowatow. *Rede zur Feier des hundertjährigen Geburtsfestes von W. A. Joukofsky am 29 Januar 1883*. Dorpat 1883, стр. 22—23. Ср. Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 160.

5) Стр. 80.

образомъ черезъ Тургенева. Такъ, онъ настойчиво ходатайствовалъ за М. Асмуса, основателя школы по системѣ Песталоцци въ Дерптѣ и стихотворца, о предоставленіи ему чина губернскаго секретаря ¹⁾; за чудака-поэта К. У. Белендорфа онъ проситъ объ оказаніи ему содѣйствія при подпискѣ на его сочиненія, которыя тотъ намѣревался издать ²⁾; музыканта и стихотворца Вейрауха, положившаго на музыку нѣкоторыя пѣсни Жуковского, онъ проситъ у Тургенева позволенія привезти къ нему въ Петербургъ для оказанія ему покровительства ³⁾; того же Тургенева проситъ Жуковский объ оказаніи покровительства члену Курляндской консисторіи Г. Ф. Гуну ⁴⁾, пастору К. Э. Бергу, книга котораго (*Briefe über eine magnetische Kur. Dorpat 1816*) подверглась подозрѣнію въ безвѣріи ⁵⁾, гр. Мантейфелю — о помѣщеніи двухъ его сыновей въ пансіонъ Царскосельскаго Лицея ⁶⁾. Особенно Жуковский сблизился въ Дерптѣ съ Т. Е. фонъ-Бокъ, личностью замѣчательной столько же по своей трагической судьбѣ, сколько и по благородству убѣжденій. Страстный приверженецъ литературнаго романтическаго движенія въ Германіи, находившаго себѣ отголоски въ Дерптѣ, знакомецъ самого Гете, фонъ-Бокъ увидалъ въ Жуковскомъ близкую себѣ натуру. Нашъ поэтъ, посвященный въ интимнѣйшія обстоятельства жизни фонъ-Бока (его несчастную любовь) и связанный съ нимъ чувствомъ живой симпатіи, написалъ къ нему три стихотворныхъ письма, относящихся къ періоду дерптской жизни Жуковского ⁷⁾; сношенія съ нимъ продолжалъ Жуковский и послѣ отъѣзда

1) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 168, 169, 173, 174, 175, 179.

2) Тамъ же, стр. 176.

3) Тамъ же, стр. 162.

4) Тамъ же, стр. 152.

5) Тамъ же, стр. 155.

6) Тамъ же, стр. 172, 173.

7) Соч. I, стр. 482—484.

изъ Дерпта¹⁾. Знакомство со многими русскими въ мирное и въ военное время (фонъ-Бокъ принималъ участіе въ походахъ противъ Наполеона) заставило его полюбить все русское, и въ этомъ отношеніи, для характеристики его политическихъ взглядовъ, весьма замѣчателенъ его отзывъ о Барклай-де-Толли, военнымъ дарованіямъ котораго онъ отдавалъ полную справедливость: „Порицаю только то, что въ главной квартирѣ его не услышишь никакого другого языка кромѣ нѣмецкаго. Если допустить пристрастіе, то ужъ конечно къ большинству націи, но эта германоманіе и ливоніеманіе рѣшительно неумѣстна, особливо въ Лифляндціи. Румянцевъ и Кутузовъ также были постоянно окружены Лифляндцами и Нѣмцами, но при нихъ это обуславливалось ихъ безпристрастіемъ, при Барклаѣ — напротивъ. Еще разъ, какъ скоро допустишь, чтобы что-либо другое было побудительною причиною нашихъ дѣйствій, чѣмъ здравый смыслъ и чувство чести, то лучше отдавать преимущество большинству. Въ этомъ я убѣжденъ искренно, и потому не хочу оставаться въ главной квартирѣ; я даже не хочу имѣть видъ человѣка, ставящаго себя, какъ Лифляндецъ, въ оппозицію къ остальной части націи. Какъ дворянинъ, я горжусь, что мои предки были древніе рыцари; какъ гражданинъ, я никогда не буду ничѣмъ другимъ, какъ самымъ закоренѣлымъ русскимъ“²⁾. Наконецъ, свидѣтельствомъ о дерптскихъ сношеніяхъ Жуковского являются: стихотвореніе 1815 года „Въ корыстолюбіи себя ты упрекаешь...“, обращенное къ нѣкому Фурману³⁾, и еще два стихотворенія 1817 года, переведенныя изъ Гёте, „Къ мѣсяцу“ и „Утѣшеніе въ слезахъ“, которыя, по словамъ

1) Н. Лыжинъ. Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы. Лѣтописи русской литературы и древностей. Т. I. М. 1859, стр. 75—78. Ср. Сочиненія Жуковского, изд. 7, т. VI. стр. 443—444.

2) Н. Лыжинъ, стр. 69.

3) Бумаги В. А. Жуковского, стр. 42.

д-ра Зейдлица ¹⁾, написаны при прощаніи съ дерптскими друзьями ²⁾.

Что касается вообще литературной дѣятельности Ж-го за разсмотрѣнное нами время пребыванія его въ Дерптѣ, то она была невелика: это были переводы изъ Шиллера и Гете, а чаще изъ Уланда и Гебеля. Съ послѣднимъ впервые познакомился Жуковскій именно въ Дерптѣ и былъ отъ него сначала въ большомъ восторгѣ: „Я ничего лучше не знаю — писалъ онъ о Гебелѣ А. И. Тургеневу по поводу перевода „Овсянаго киселя“. — Поэзія во всемъ совершенствѣ простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и намъ еще неизвѣстный родъ“ ³⁾. Въ Дерптѣ, въ 1817 году, начата была и „Ундина“, за продолженіе которой, впрочемъ, принялся Жуковскій гораздо позднѣе, во время пребыванія за границей въ 1833 году; окончена была эта повѣсть въ 1836 году опять-таки близъ Дерпта, на мызѣ Эллистферъ, въ домѣ Ек. Ае. Протасовой; рисунки для этого произведенія, помѣщенные въ первомъ его изданіи 1837 года, исполнены были по заказу автора извѣстнымъ тогда дерптскимъ живописцемъ Майделемъ ⁴⁾.

Нельзя, конечно, отрицать, что пребываніе въ Дерптѣ было для Жуковского весьма полезно въ смыслѣ ознакомленія его съ нѣмецкой поэтической литературой, но вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли подлежитъ сомнѣнію и то, что результаты этого ознакомленія въ общей суммѣ поэтическихъ трудовъ Жуковского не играютъ особенно видной роли. Въ русскихъ читателяхъ переводныя произведенія Жуковского этого періода не нашли сочувствія ⁵⁾, и самъ Жуковскій впослѣдствіи не вполне былъ доволенъ ими ⁶⁾: такъ они отошли

1) Жизнь и поэзія В. А. Жуковского, стр. 111.

2) Соч. II, стр. 38—40.

3) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 164.

4) Зейдлицъ, стр. 159, 186.

5) П. Загаринъ, стр. 210.

6) Тамъ же, стр. 221.

отъ живыхъ интересовъ русской дѣйствительности. И въ самомъ дѣлѣ, въ эту пору Жуковский по временамъ, оставаясь нерѣдко среди исключительно нѣмецкой житейской и литературной обстановки, чувствовалъ свое отчужденіе отъ русскихъ интересовъ и русской жизни: „я здѣсь совсѣмъ огерманился; не знаю ничего, что дѣлается на сценѣ русской словесности“, писалъ онъ А. И. Тургеневу въ сентябрѣ 1816 года изъ Дерпта ¹⁾. И если выборъ сюжетовъ или литературныхъ источниковъ у Жуковского въ его дерптскую жизнь опредѣлялся особымъ складомъ и обстановкой окружавшей его жизни, то сравнительная скудость его литературной производительности за это время находить себѣ полное оправданіе въ той тяжелой душевной борьбѣ и тѣхъ внутреннихъ страданіяхъ, лишавшихъ его бодрости и энергіи, которымъ онъ подвергался въ силу уже извѣстныхъ намъ семейныхъ и личныхъ обстоятельствъ. Что же касается задачъ поэтического творчества, то въ дерптскую пору своей жизни онъ имѣлъ о нихъ самое возвышенное представленіе. „Поэзія часъ отъ часу дѣлается для меня чѣмъ-то возвышеннымъ — писалъ онъ А. И. Тургеневу въ октябрѣ 1816 года изъ Дерпта. — Не надобно думать, что она только забава воображенія... Она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію“ ²⁾.

Оригинальное поэтическое творчество Жуковского въ пору его дерптской жизни было весьма незначительно и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи. Несомнѣнно на почвѣ душевныхъ волненій поэта по его отношеніямъ къ Марьѣ Андреевнѣ возникли стихотворенія 1816 года „Воспоминаніе“ „Кольцо души-дѣвицы я въ море уронилъ“ и особенно слѣдующая „Пѣсня“ :

1) Письма, стр. 100.

2) Письма, стр. 163. Ср. Русская Старина 1883, № 9, стр. 541.

Минувшихъ дней очарованье,
 Зачѣмъ опять воскресло ты?
 Кто разбудилъ воспоминанье
 И замолчавшія мечты?
 Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалый;
 Душѣ блеснулъ знакомый взоръ,
 И зримо ей въ минуту стало
 Незримое съ давнишнихъ поръ...
 и т. д. ¹⁾.

IV.

Смерть М. А. Мойеръ и впечатлѣніе, произведенное этой смертью на Жуковского. — Дальнѣйшія связи Жуковского съ Дерптомъ.

Наконецъ, намъ остается прослѣдить отношенія Жуковского къ Дерпту послѣ выхода замужъ Марьи Андреевны. По пріѣздѣ въ Петербургъ послѣ ея свадьбы Жуковскій, повидимому, часто писалъ въ Дерптъ. Нерѣдко и самъ онъ пріѣзжалъ въ Дерптъ, къ роднымъ, пока они тамъ жили, видя въ этомъ городѣ — по словамъ П. А. Плетнева ²⁾ — со времени переселенія своего въ столицу „какъ бы новое для себя Мишенское“, а послѣ смерти Марьи Андреевны ѣздилъ на ея могилу; точно также, проѣзжая черезъ Дерптъ за границу ³⁾ или возвращаясь изъ-за границы обратно, Жуковскій останавливался въ Дерптѣ, чтобы повидаться съ родными или навѣстить могилу „Маши“.

1) Соч. П, стр. 12.

2) О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковского, въ изданіи: „Сочиненія и переписка П. А. Плетнева“, т. III, стр. 89.

3) Тогда, до желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, Дерптъ стоялъ на главномъ тракѣ за границу.

Такъ, Анна Петровна Зонтагъ (сестра А. П. Кирѣвской) въ письмѣ къ своей пріятельницѣ М. А. Павловой рассказываетъ случай, какъ однажды въ масляницу 1819 года Жуковскій, въ бытность свою въ Дерптѣ, увидавъ на улицѣ нищаго, который по-русски просилъ милостыню, имѣя отмороженную ногу, отдалъ ему всѣ деньги, которыя съ нимъ были (300 р.), а затѣмъ проф. Мойеръ, проѣзжая по той же улицѣ и увидавъ нищаго, отослалъ его въ свою клинику и вылѣчилъ бесплатно. Достоверность этого великодушнаго поступка Жуковского подтверждалъ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ и самъ проф. Мойеръ ¹⁾.

Въ началѣ 1820 года Жуковскій былъ въ Дерптѣ, о чемъ писалъ такъ А. П. Елагиной (бывшей Кирѣвской, вторично вышедшей замужъ) изъ Петербурга, по пріѣздѣ: „Я отъ всѣхъ оторванный кусокъ и живу такъ, что душа холодѣетъ... Былъ въ Дерптѣ какъ во снѣ. Тамъ тихо, но у всѣхъ у насъ одна болѣзнь — разлука!“ ²⁾.

Въ октябрѣ того же года Жуковскій проѣзжалъ черезъ Дерптъ за границу, куда онъ долженъ былъ отправиться, чтобы находиться при особѣ своей ученицы, великой княгини Александры Θεодоровны, посланной за границу для поправленія здоровья послѣ тяжелой ея болѣзни лѣтомъ 1820 года. Остановившись въ Дерптѣ, Жуковскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (отъ 2 октября) просилъ о профессорѣ Г. Л. Белендорфѣ, который вынужденъ былъ подать въ отставку по обвиненію его въ оскорбленіи Богоматери на лекціи ³⁾; въ тотъ же день Жуковскій писалъ А. П. Елагиной о планѣ своего предстоящаго путешествія за границу и прибавлялъ: „Думаю, что это путешествіе будетъ и физически и нравственно полезнымъ: можетъ быть, вялость душевная поубавится, я опять освѣжусь и примусь

1) Русскій Архивъ 1878, № 2, стр. 207—208.

2) Русская Старина 1883, № 10, стр. 80.

3) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 191—192.

за свою поэзію“¹⁾. Очевидно, нравственное выздоровленіе Жуковскаго послѣ тяжелыхъ душевныхъ страданій, закончившихся выходомъ замужъ Марьи Андреевны, шло весьма медленно. Однако надежды Жуковскаго на освѣжающее дѣйствіе путешествія не были напрасны: уже съ дороги посылаетъ онъ въ Дерптъ нѣкоторые плоды снова посѣтившаго его поэтическаго вдохновенія²⁾. Возвращаясь изъ этого путешествія въ началѣ 1822 года, Жуковскій опять оставался въ Дерптѣ и читалъ въ кругу родныхъ отрывки только что оконченнаго имъ въ Берлинѣ перевода „Орлеанской дѣвы“³⁾, а по возвращеніи въ Петербургъ писалъ А. П. Елагиной (отъ 27 іюля 1822 г. изъ Царскаго Села): „Здѣсь подлѣ меня одна Саша⁴⁾; въ ея гармонической душѣ все отзывается для меня попрежнему, но поэзія уже перестала быть отголоскомъ жизни. Она теперь бываетъ по временамъ однимъ наслажденіемъ“⁵⁾.

Осенью 1822 года Жуковскій сопровождалъ въ Дерптъ Екатерину Аванасьевну Протасову, ѣздившую въ Петербургъ къ дочери А. А. Воейковой по случаю рожденія внука Андрея. Возвратившись изъ этой поѣздки въ Петербургъ, Жуковскій такъ писалъ о впечатлѣніяхъ ея А. П. Елагиной: „Я былъ въ Дерптѣ и радъ тому, что былъ тамъ. Видѣлъ Машу, говорилъ съ ней и доволенъ: *это поэзія*... Судьба погремѣла мимо насъ, поколотивъ насъ мимоходомъ, но не разбивъ нашего лучшаго: любви къ добру, уваженія къ жизни и вѣры въ прекрасное. Все остальное — шелуха!“ Въ этомъ же письмѣ Жуковскій настоятельно

1) К. Зейдлицъ, стр. 117—118.

2) Тамъ же, стр. 119.

3) К. Зейдлицъ, стр. 123.

4) А. А. Воейкова, переѣхавшая вмѣстѣ съ мужемъ въ 1820 г. въ Петербургъ, гдѣ А. Ѳ. Воейковъ, по оставленіи профессуры въ Дерптскомъ университетѣ, поступилъ на службу.

5) Русская Старина 1883, № 10, стр. 81.

совѣтуеть А. П. Елагиной отослать своихъ сыновей учиться въ Дерптъ ¹⁾. Между тѣмъ А. А. Воейкова, удрученная горестями несчастной семейной жизни ²⁾, собиралась съ дѣтьми переселиться въ Дерптъ къ сестрѣ, и по поводу этой предстоящей разлуки Жуковскій написалъ и послалъ въ Дерптъ глубоко-грустное стихотвореніе „Отымаешь наши радости безъ замѣны хладный свѣтъ...“ ³⁾, вызвавшее въ свою очередь глубокое сожалѣніе о Жуковскомъ въ сердцѣ Марьи Андреевны. Въ февралѣ 1823 г. Жуковскій дѣйствительно проводилъ А. А. Воейкову съ дѣтьми въ Дерптъ и оставался здѣсь двѣ недѣли. Поэтъ не предчувствовалъ, что это было послѣднее его свиданіе съ Марьей Андреевной: едва онъ успѣлъ 10 марта выѣхать въ Петербургъ, какъ 19 марта получилъ извѣстіе о смерти Марьи Андреевны въ родахъ. По словамъ д-ра Зейдлица, это извѣстіе глубоко потрясло душу Жуковского и погрузило его на многіе годы въ тихую меланхолическую грусть. Вотъ какъ онъ пишетъ объ этомъ событіи А. П. Елагиной 28 марта 1823 года изъ Дерпта, куда онъ немедленно отправился, по полученіи страшной вѣсти: „10 числа я съ ними простился, безъ всякаго предчувствія, съ какою-то непонятною безпечностью. Я привезъ къ нимъ Сашу и пробылъ съ ними двѣ недѣли — недѣлю лишнюю противъ даннаго мнѣ срока; должно было уѣхать; но Боже мой! я могъ бы остаться еще 10 дней — эти дни были послѣдніе здѣшніе дни Маши! Боюсь останавливаться на этой мысли; бываютъ предчувствія, чтобы мутить душу; для чего же здѣсь не было никакого милосерднаго предчувствія? Было поздно, когда я выѣхалъ изъ Дерпта, долго ждалъ лошадей; всѣхъ клонилъ сонъ; я сказалъ имъ, чтобы разошлись, что я

1) К. Зейдлицъ, стр. 126—127.

2) Какова была эта жизнь см. у П. Загарина, стр. 388—390.

3) Соч. П., стр. 399—401.

4) К. Зейдлицъ, стр. 128.

засну самъ. Маша пошла наверхъ съ мужемъ. Сашу я проводилъ до ея дома; услышалъ еще голосъ ея, когда готовъ былъ опять войти въ двери, услышалъ въ темнотѣ: *прости!* Возвратясь, проводилъ Машу до ея горницы; она взяла съ меня слово разбудить ихъ въ минуту отъѣзда; и я заснулъ. Черезъ полчаса все готово къ отъѣзду; встаю, подхожу къ лѣстницѣ, думаю — идти-ли, хотѣлъ даже не идти, но пошелъ — она спала; но мой приходъ ее разбудилъ — хотѣла встать, но я ее удержалъ. Мы простились; она просила, чтобы я ее перекрестилъ, и спрятала лицо въ подушку — и это было послѣднее на этомъ свѣтѣ. И черезъ десять дней я опять на той же дорогѣ, на которой мы вмѣстѣ съ Сашею ѣхали на свиданіе радостное, и съ чѣмъ же я ѣхалъ! Ея могила — нашъ алтарь вѣры, недалеко отъ дороги, и ее первую посѣтилъ я“. Далѣе въ письмѣ идетъ разсказъ о причинѣ смерти Марьи Андреевны и о послѣднихъ минутахъ ея жизни. „*(Послѣ смерти)* она казалась точно такою, какова была 17-ти лѣтъ. Въ голубомъ платьѣ, подлѣ нея младенецъ (родившійся мертвымъ), миловидный, точно заснувшій. Горе было для всѣхъ; здѣсь всѣ ее потеряли. Знакомый и незнакомый прислали цвѣты, чтобы украсить столъ, на которомъ лежали наши два ангела, и жившій и нежившій. Она казалась спящею въ цвѣтахъ. Всѣ проводили ее, не было никого, кто бы о ней не вздохнулъ... Другъ милый, примемъ вмѣстѣ Машину смерть какъ увѣреніе Божіе, что жизнь святыня. Увѣряю васъ, что это теперь для меня понятно — мысль о товариществѣ съ существомъ небеснымъ не есть теперь для меня одно дѣйствіе воображенія, нѣтъ! Самое прошедшее сдѣлалось болѣе моимъ; промежутокъ послѣднихъ лѣтъ какъ будто бы не существуетъ, а прежнее яснѣе, ближе“ ¹⁾.

М. А. Мойеръ, скончавшаяся 19 марта 1823 года,

1) Русская Старина 1883, № 10, стр. 84—85.

погребена была на дерптскомъ русскомъ кладбищѣ, у южной стѣны построенной впоследствии кладбищенской церкви.

Потерявъ Машу, Жуковскій тѣмъ болѣе привязывается къ Аннѣ Петровнѣ Елагиной, съ которой связывала его, между прочимъ, и общая любовь къ покойницѣ: „Не утѣшенія отъ васъ требую и надѣюсь — писалъ онъ ей 30 мая 1823, по приѣздѣ съ похоронъ, изъ Петербурга — въ этомъ словѣ что-то мелкое и даже непонятное, но помощи, чтобы быть достойнымъ прошедшаго и святого воспоминанія. Машина потеря есть для меня и для васъ религія, и вотъ почему называю жизнь святынею. Одною только жизнію можно къ ней приближаться — говорю о себѣ, а не о васъ... Не покидайте меня. Все высокое сдѣлалось для меня теперь вѣрою; все стало понятнѣе — но это высокое надобно приобрѣсти; иначе Маша навсегда потеряна“ ¹⁾. Смерть эта вызвала у Жуковского слѣдующее стихотвореніе: „19 марта 1823 года“:

Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ.
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ.

Ты удалилась
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила
Какъ рай спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,

1) Русская Старина 1883, № 10, стр. 88.

Тамъ всѣ святые
О небѣ мысли.

Звѣзды небесъ !
Тихая ночь ! ¹⁾

Со смертію Марьи Андреевны Дерптъ сдѣлался навсегда близкимъ и дорогимъ сердцу Жуковского. Его серьезно стала занимать мысль на всю жизнь поселиться въ этомъ городѣ, вблизи дорогой ему могилы, возлѣ которой приготовилъ онъ мѣсто и для себя ²⁾, но желаніямъ этимъ не суждено было осуществиться. Съ этихъ поръ русское дерптское кладбище сдѣлалось для него какъ бы мѣстомъ паломничества. „Всякій разъ, какъ только онъ могъ отлучиться отъ своихъ занятій при дворѣ — передаетъ д-ръ Зейдлицъ — онъ спѣшилъ уѣхать на могилу Марьи Андреевны, къ своему „алтарю“, на которомъ воздвигнулъ чугунный крестъ съ бронзовымъ распятіемъ... Всякій разъ, когда онъ пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Дерптъ, онъ прежде всего отправлялся поклониться этой могилѣ, вправо отъ почтовой дороги; возвращаясь изъ Дерпта въ Петербургъ, онъ останавливался тутъ на прощаніе съ могилою. Во все время пребыванія своего въ Дерптѣ, онъ каждый день, одинъ или въ сопровожденіи родныхъ и дѣтей, посѣщалъ это для него святое мѣсто, даже зимою. Изъ всѣхъ картинъ, представляющихъ эту могилу — онъ же много и самъ ихъ нарисовалъ, и заказывалъ писать — преимущественно любилъ онъ одну, представляющую могильный холмъ въ зимней обстановкѣ: на свѣжемъ снѣгу видны слѣды; мужская фигура въ плащѣ сидитъ у памятника.

¹⁾ Соч. II, стр. 402.

²⁾ К. Зейдлицъ, стр. 131, прим. 2; P. Wiskowatow, Rede, стр. 21.

Сколько разъ въ теченіе 17-ти лѣтъ, пока не оставилъ онъ Россію, побывалъ онъ на этомъ кладбищѣ!«¹⁾.

Такъ, въ декабрѣ 1823 года былъ онъ въ Дерптѣ, откуда писалъ А. И. Тургеневу, прося его похлопотать въ Петербургѣ въ пользу профессора Дерптскаго университета оберъ-пастора Г. Э. Ленца²⁾. Затѣмъ, былъ онъ въ Дерптѣ лѣтомъ 1824 года, сопровождая туда для лѣченія (но безъ результата) своего несчастнаго друга поэта К. Н. Батюшкова, и въ этотъ разъ писалъ А. П. Елагиной: „Я остановился на могилѣ Маши; чувство, съ которымъ я взглянулъ на ея тихій цвѣтущій гробъ, тогда было утѣшительнымъ, умиряющимъ чувствомъ. Надъ ея могилою небесная тишина! Мы провели вмѣстѣ съ Мойеромъ усладительный часъ на этомъ райскомъ мѣстѣ“³⁾. Въ октябрѣ 1827 года Жуковскій пробылъ въ Дерптѣ четыре дня⁴⁾, въ 1829-мъ недѣлю⁵⁾; затѣмъ, онъ былъ тамъ въ сентябрѣ 1833 года, о чемъ, между прочимъ, записалъ въ своемъ дневникѣ, что дѣлалъ визиты къ Асмусу, Блуму, Парроту, Зенфу⁶⁾. Послѣдній разъ посѣтилъ Жуковскій Дерптъ 5 мая 1841 года, отправляясь на постоянное житѣе за границу и спѣша на этотъ разъ въ Штутгартъ, гдѣ 21 мая была назначена и совершилась его свадьба съ Е. А. Рейтернъ, съ отцомъ которой, впослѣдствіи близкимъ другомъ Жуковского, впервые онъ познакомился также въ Дерптѣ въ 1816 году⁷⁾. Въ этотъ свой пріѣздъ въ Дерптъ Жуковскій, продавши свое имѣніе возлѣ Дерпта Мейерсгофъ⁸⁾ д-ру К. К. Зейдлицу,

1) Жизнь и поэзія В. А. Жуковского, стр. 137—138.

2) Письма, стр. 194—197.

3) К. Зейдлицъ, стр. 138.

4) Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 222—223.

5) К. Зейдлицъ, стр. 253.

6) Тамъ же, стр. 480, прим.

7) П. Загаринъ, стр. 540.

8) О покупкѣ этого имѣнія Жуковскимъ отъ казны въ 1837 году см. въ замѣткѣ П. А. Шафранова „Переписка поэта В. А. Жуковского о продажѣ ему конфискованныхъ мызъ Мейерсгофъ и

полученные отъ продажи 115,000 рублей назначилъ въ приданое тремъ дочерямъ А. А. Воейковой (умершей 16 февраля 1829 года въ Италіи), а слабоумнаго ея сына Андрея распорядился отправить въ Бунино, къ Мойеру, оставившему службу въ Дерптѣ, и Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ ¹⁾. Въ этотъ же послѣдній разъ простился онъ навсегда и съ дорогой ему дерптской могилой этого, по выраженію Жуковскаго, „земнаго Ангела“, который, въ свою очередь, глубоко вѣрно оцѣнилъ Жуковскаго, сказавши (въ письмѣ къ д-ру Зейдлицу), что „его прекрасная душа есть одно изъ украшеній Божьяго міра“ ²⁾.

Унипихтъ въ Лифляндской губерніи“, въ сборникъ: „Историческіе матеріалы изъ архива министерства государственныхъ имуществ“, вып. I (Спб. 1891), стр. 151—159.

1) К. Зейдлицъ, стр. 175.

2) Тамъ же, стр. 128. — Въ письмѣ къ Гоголю отъ 1/13 февраля 1851 года, изъ Бадена, Жуковский писалъ: „Я надѣюсь вѣрно возвратиться нынѣшнею весною или въ началѣ лѣта въ Россію. Прежде всего поѣду въ Дерптъ и тамъ на первый случай оставлю жену и дѣтей; самъ же въ августѣ мѣсяцѣ отправлюсь въ Москву и тамъ отпраздную коронацію и царскіе юбилей“ (Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1891 годъ. М. 1891, стр. 23). Но этой надеждѣ Жуковскаго посѣтить Дерптъ и вообще увидѣть Россію не суждено было осуществиться.

Приложенія.

I. Письма и записки В. А. Жуковского къ профессору К. Моргенштерну ¹⁾.

1. (1817).

Joukovsky Vous prie de venir diner chez lui. Nous aurons Ewers, Engelhardt et Parrot. Je Vous attends à l'heure et demi et je n'accepte pas de refus.

[Переводъ: Жуковскій просить васъ пожаловать къ нему на обѣдъ. У насъ будутъ Эверсъ, Энгельгардтъ и Парротъ. Я жду васъ къ половинѣ второго и отказа не принимаю.] ²⁾.

1) Карлъ Моргенштернъ былъ въ 1802—1852 годахъ профессоромъ древне-классической филологіи, краснорѣчія, эстетики и исторіи художествъ въ Дерптскомъ университетѣ; въ то же время онъ занималъ должность и директора университетской библіотеки. См. выше стр. 74. Подлинники этихъ писемъ и записокъ хранятся въ собраніи бумагъ и переписки Моргенштерна въ рукописномъ отдѣлѣ Юрьевской университетской библіотеки: Briefe von Gelehrten, Freunde u. s. w. an Morgenstern. 1812—1827, B. X, и Briefe etc. hoher Personen, auch einig. Damen an Morgenstern. 1808—1836, B. XVI (№ CCCXLII).

2) Безъ даты; внизу рукой Моргенштерна карандашомъ: Im May 1817. — Эверсъ (Густавъ, вѣроятно), Энгельгардтъ (Морицъ, минералогъ) и Парротъ (Георгъ-Фридрихъ) — профессора Дерптскаго университета. Ср. выше стр. 74.

2. (1819).

On ne refuse jamais ce qui fait plaisir. C'est la règle. Et d'après cette règle je suis chez Vous demain à l'heure designée. Tout à Vous Joukoffsky.

[Переводъ: Никогда не отказываются отъ того, что доставляетъ удовольствіе. Это правило. И согласно этому правилу я буду у васъ завтра въ назначенный часъ. Весь вашъ Жуковский] ¹⁾.

3. (1823).

Si j'aurai le tems demain, je viendrai, cher et respectable ami, chez Vous à l'heure indiquée. Ce qui est retardé n'est pas perdu. Nous aurons encore le tems de faire ce que nous avons resolu. Tout à Vous Joukoffsky.

[Переводъ: Если у меня будетъ завтра время, я приду къ вамъ, дорогой и уважаемый другъ, въ назначенный часъ. Что запоздало, то еще не потеряно; у насъ есть еще время сдѣлать то, что мы рѣшили. Весь вашъ Жуковский] ²⁾.

4. (1823).

Je suis bien mortifié d'être obligé de repondre par un refus à Votre invitation, cher ami. Demain je pars pour Pétersbourg dans l'après-dîner, et je ne puis plus remettre ce depart tant de fois déjà remis. J'ai été il y a quelques jours chez Vous, mais je n'ai pas eu le plaisir de Vous trouver à la maison.

Adieu. Conservez moi Votre souvenir amical. Mes respects à M-me Morgenstern. Tout à Vous Joukoffsky.

1) Безъ даты; внизу письма, въ скобкахъ, рукою Моргенштерна: Im Febr. 1819. Адресъ рукою М. А. Мойеръ: A M. de Morgenstern. En mains propres.

2) Безъ даты; внизу рукою Моргенштерна: Im März 1823.

[Переводъ: Я въ высшей степени огорченъ, что долженъ отвѣтить вамъ отказомъ на ваше приглашеніе, дорогой другъ. Завтра послѣ обѣда я уѣзжаю въ Петербургъ, и не могу болѣе откладывать этотъ отъѣздъ, столько разъ уже отложенный. Нѣсколько дней тому назадъ я былъ у васъ, но не имѣлъ удовольствія застать васъ дома.

Прощайте. Сохраните обо мнѣ дружескую память. Мое почтеніе г-жѣ Моргенштернъ. Весь вашъ Жуковскій.] ¹⁾

5. (1829).

Recevez mes remerciements, respectable ami, pour Votre brochure que Vous avez eu la bonté de m'envoyer ²⁾. Je l'ai lue avec un vrai intérêt. C'est une course rapide que j'ai faite avec Vous par un beau pays. La vie de cette femme vertueuse peut bien être comparée à un jardin cultivé, où tout parle d'activité bienfaisante, où tout resplendit des plus belles productions de la nature, où tout rejouit par la beauté et l'utilité. Son souvenir est pur. Il n'y a pas d'exemple d'une telle activité sur le trône. Votre brochure est un excellent sommaire pour sa biographie; et sa biographie, bien faite, servit l'histoire d'un demisiècle de Russie considéré sous le point de vue le plus intéressant. Merder Vous a déjà répondu. Il a remi au Grand Duc l'exemplair qui lui a été destiné. Cet enfant est digne d'apprendre la belle vie de sa Grande-Mère, car il a conçu une belle ame: et il s'attendrit toujours à son souvenir. Jäsche ³⁾ l'a vu de près; il peut Vous en donner une idée, car il l'a vu dans son interieur et dans toute sa gaité enfantine. J'ai reçu une lettre de Tour-

1) Безъ даты; внизу карандашомъ другой рукою: 1823. Вѣроятно, это письмо писано 9 марта 1823 года: см. выше стр. 84.

2) Вѣроятно, это была брошюра Моргенштерна: Zum Gedächtniss Ihrer Hochseligen Majestät der Kaiserin Mutter Maria Feodorowna. Vortrag (am 12 Dec. 1828). Riga und Leipzig 1829.

3) Г. В. Еше — профессоръ философіи въ Дерптскомъ университетѣ (1802—1839).

gueneff qui me parle aussi de Goethe avec lequel il a passé une heure délicieuse. Adieu. Je Vous salue de tout mon coeur et je Vous prie de saluer de ma part mes bons amis de Dorpat, particulièrement Ewers, Engelhardt, Blum ¹⁾ et Jäsche. Tout à Vous Joukoffsky. 15 Septembre.

[Переводъ : Примите мою благодарность, уважаемый другъ, за вашу брошюру, которую вы были добры мнѣ послать. Я прочелъ ее съ истиннымъ интересомъ. Это — бѣглая прогулка, которую я сдѣлалъ съ вами по прекрасной странѣ. Жизнь этой добродѣтельной женщины можетъ быть сравнена съ благоустроеннымъ садомъ, гдѣ все говоритъ о дѣятельности на пользу ближнихъ, все блещетъ лучшими произведеніями природы, все радостно исполнено красоты и пользы. Память о ней чиста. Нѣтъ примѣра другой такой дѣятельности на тронѣ. Ваша брошюра представляетъ собою превосходный конспектъ для ея біографіи; а біографія ея, хорошо написанная, послужить къ исторіи Россіи за полустолѣтіе, съ весьма интересной точки зрѣнія. Мердеръ уже отвѣчалъ вамъ. Онъ передалъ великому князю предназначенный вами для него экземпляръ. Этотъ ребенокъ достоинъ узнать прекрасную жизнь своей бабушки, такъ какъ у него чудесное сердце: воспоминаніе о ней всегда для него трогательно. Еще видѣлъ его вблизи; онъ можетъ дать вамъ понятіе о немъ, потому что онъ видѣлъ его въ домашней обстановкѣ и во всей его дѣтской веселости. Я получилъ отъ Тургенева письмо; онъ мнѣ рассказываетъ, между прочимъ, о Гете, съ которымъ онъ провелъ восхитительный часъ. Прощайте. Привѣтствую васъ отъ всего моего сердца и прошу васъ поклониться отъ меня моимъ добрымъ дерптскимъ друзьямъ, особенно Эверсу, Энгельгардту, Блуму и Еще. Весь вашъ Жуковский. 15 сентября.] ²⁾

1) К. Л. Блумъ — профессоръ географіи и статистики въ Дерптскомъ университетѣ (1826—1851).

2) Безъ обозначенія года. Почтовый штампель : С.-Петербургъ, 1829, сент. 17.

6 1).

Mon cher ami! Je Vous ai invité aujourd'hui à diner avec nous pressé par le peu de tems que d'après ce que Vous m'avez dit Vous pouviez passer à Francfort Mais, pensant que peut-être il Vous seroit possible d'y rester lundi et de nous donner ce jour, je m'empresse de Vous dire que Vous m'obligeriez infiniment en faisant ce sacrifice à un ancien ami: une raison majeure que je viendrai Vous expliquer moi-même à 12 heuers au Schwan me force à Vous demander ce sacrifice. Je prie M-me de Morgenstern de plaider près de Vous ma cause et celle de ma femme, qu'il me seroit si agréable de présenter à Elle. Nous dinons à 2¹/₂. Si toute fois Vous ne pouvez pas nous donner lundi, mon invitation pour aujourd'hui reste dans sa force. Veuillez bien me repondre et surtout repondez oui. Tout à Vous Joukovsky. Samedi.

[Переводъ: Мой дорогой другъ! Я пригласилъ васъ сегодня обѣдать съ нами въ виду весьма краткаго времени, которое вы, какъ говорили мнѣ, можете остаться во Франкфуртѣ. Но, думая, что, можетъ быть, вы могли бы остаться тутъ на понедѣльникъ и подарить намъ этотъ день, я спѣшу сказать вамъ, что вы безконечно обязали бы меня, принеся эту жертву старому другу: просить эту жертву отъ васъ заставляетъ меня весьма важная причина, о которой я сообщу вамъ въ 12 часовъ въ „Лебедѣ“. Я прошу г-жу Моргенштернъ похотѣйствовать передъ вами въ данномъ случаѣ ради меня и моей жены, которую мнѣ было бы весьма пріятно ей представить. Мы обѣдаемъ въ два съ половиной. Во всякомъ случаѣ если вы не можете подарить намъ понедѣльникъ, то мое приглашеніе на сегодня остается въ силѣ. Будьте любезны отвѣтить мнѣ

1) Годъ написанія этого письма неизвѣстенъ; но оно относится во всякомъ случаѣ ко времени послѣ 1841 года, такъ какъ тутъ Ж. говорить о своей женѣ. Письмо писано чужой рукою.

и въ особенности отвѣчайте: да. Весь вашъ Жуковский. Суббота.] ¹⁾).

7 ²⁾).

Monsieur d'Ouvarow m'a remi de Votre part Votre petite brochure. Reçez, Monsieur, mes sincères remerciements. J'ai beaucoup perdu de n'avoir pu Vous entendre Vous même; au moins Votre livre pourra me servir de guide pour classer mes propres connaissances aesthetiques qui (par parenthèse) sont très peu de chose.

Le livre que Vous avez eu la complaisance de me prêter a été confié à Monsieur Petersen pour Vous être remis — je n'ai pas eu le tems de le faire moi-même; j'écris à Monsieur Petersen là-dessus et il Vous remettra le livre.

Portez Vous bien, respectable ami, et quelquefois souvenez Vous de celui qui s'honore du titre de Votre dévoué serviteur Joukoffsky. Le 22 Septembre S. P. bourg.

[Переводъ: Г. Уваровъ передалъ мнѣ отъ васъ вашу брошюрку. Примите, милостивый государь, мою искреннюю благодарность. Я много потерялъ, не будучи въ состояніи слышать васъ лично; ваша книга послужить мнѣ во всякомъ случаѣ руководствомъ для упорядоченія моихъ собственныхъ эстетическихъ познаній, которыя, говоря въ скобкахъ, очень невелики.

Книга, которую вы были любезны одолжить мнѣ, была вручена мною г. Петерсену для передачи вамъ: самъ я

1) Внизу рукою Моргенштерна помѣчено карандашомъ: Russ. Geh. Rath.

2) Годъ написанія этого письма неизвѣстенъ, но можно думать, что оно относится къ самой ранней порѣ сношеній Жуковского съ Моргенштерномъ. Предполагать это заставляеть не только водяной знакъ бумаги (1810 года) и характеръ обращенія Ж. къ своему корреспонденту, но и упоминаніе о брошюрѣ Моргенштерна по эстетикѣ, подъ которой надо разумѣть, вѣроятно, его „Grundriss einer Einleitung zur Aesthetik, mit Andeutungen zur Geschichte derselben. Dorpat 1815“.

не имѣлъ времени этого сдѣлать. Теперь я пишу г. Петерсену, и онъ вамъ ее передать.

Будьте здоровы, уважаемый другъ, и вспоминайте иногда о томъ, который имѣетъ честь быть вашимъ преданнымъ слугой. Жуковскій. 22 сентября. С.-Петербургъ].

II. Записки М. А. Протасовой къ профессору К. Моргенштерну ¹⁾.

1. (1816).

M-r Moier m'a procuré le plaisir de Vous envoyer, Monsieur, le catalogue que Vous avez désiré avoir; il m'a chargé de Vous dire, en même temps, que l'eau de Pyrmont se trouvait dans la boutique de Malsch, à la Grande Place, et que la bouteille coûtait 350 sol. Il est privé du plaisir de Vous répondre lui même, à cause d'un malade qui est venu le prendre. Permettez que je profite de cette occasion pour Vous prier, Monsieur, de vouloir bien me confier le volume de Schiller dont Vous avez eu la complaisance de nous faire la lecture. Quoique je n'aurai pas autant de plaisir à achever la tragedie toute seule, mais j'aurai au moins celui de me rappeler plus vivement, combien Votre genie vouloit bien condescendre au plaisir des autres.

C'est avec la plus parfaite estime que j'ai l'honneur d'être, Monsieur, Votre très humble servante Marie Protassoff.

[Переводъ: Г. Мойеръ далъ мнѣ пріятное порученіе послать вамъ, милостивый государь, каталогъ, который вы желали имѣть. Онъ мнѣ поручилъ также сообщить вамъ, что Пирмонтская вода продается въ лавкѣ Мальша, на

1) Подлинники находятся въ упомянутомъ уже выше (стр. 90) сборникѣ: Briefe etc. hoher Personen, auch einigen Damen an Morgenstern. 1808—1836, В. XVI (рук. 6-ки Юрьевского университета № CCCXLII).

Большой площади, и что бутылка стоитъ 350 сольд. Онъ былъ лишенъ удовольствія отвѣчать вамъ самъ ; виной тому одинъ больной, который пришелъ за нимъ. Позвольте мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы просить васъ, м. г., одолжить мнѣ томъ Шиллера, изъ котораго вы намъ читали. Хотя мнѣ уже не будетъ такъ пріятно окончить трагедію одной, то все-таки я буду имѣть возможность живо вспомнить о томъ, какъ охотно вы шли на встрѣчу удовольствію другихъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, м. г., ваша покорная слуга Марія Протасова.]¹⁾

2²⁾.

Recevez mes sincères remerciements, Monsieur, pour l'aimable complaisance, avec laquelle Vous avez bien voulu me prêter l'ouvrage ci-joint. Croyez, je Vous supplie, que je sens tout le prix de ce que Vous avez fait pour moi. Je ne sais que trop que ce n'est qu'à Votre bienveillance seule que je dois le plaisir d'avoir possédé ce livre, et que les sévères loix que Vous avez daigné mettre de côté pour me procurer un plaisir ne m'en privaient que trop. Je joins ici les paysages que Vous avez bien voulu me procurer. Votre complaisance m'enhardit à Vous faire encore une prière. M-r Crause³⁾ possède des vues de la Livonie faites par lui même; ne pourriez Vous pas m'honorer encore de Votre protection en le priant de me les confier pour quelque temps.

Veillez bien croire, Monsieur, à la plus parfaite consideration de Votre toute dévouée servante Marie de Protassoff.

[Переводъ: Примите мою сердечную благодарность, милостивый государь, за ту любезность, съ которой вы

1) Внизу карандашомъ рукою Моргенштерна: Reval, im Jul. 1816.

2) Дата письма неизвѣстна, но, судя по подписи, оно написано, вѣроятно, въ томъ же 1816 году, что и предшествующее, такъ какъ въ январѣ 1817 года М. А. Протасова вышла замужъ за Мойера.

3) I. В. Краузе былъ въ Дерптскомъ университетѣ профессоромъ экономіи, технологіи и гражданской архитектуры (1803—1828).

одолжили мнѣ прилагаемое при семъ сочиненіе. Прошу васъ вѣрить, что я вполне чувствую цѣну того, что вы для меня сдѣлали. Я очень хорошо знаю, что только благодаря вашей благосклонности я имѣла возможность воспользоваться этой книгой, и что строгія правила, вопреки которымъ вамъ угодно было доставить мнѣ удовольствіе, лишили бы меня этого. Я прилагаю здѣсь также пейзажи, которые вы для меня достали. Ваша любезность ободряетъ меня обратиться къ вамъ еще съ одной просьбой. У г. Краузе есть виды Лифляндіи, его собственной работы: не могли ли бы вы еще оказать мнѣ ваше покровительство и попросить его одолжить мнѣ ихъ на нѣкоторое время. — Прошу принять увѣреніе, м. г., въ совершенномъ почтеніи вашей преданнѣйшей слуги, Маріи Протасовой.] ¹⁾).

III. Письмо В. А. Жуковского къ О. Г. Розенбергу (1825) ²⁾.

Cher et respectable ami ! La croisade de mon pauvre Joukoffsky m'a vraiment affligée : je ne Vous ai pas répondu

1) На письмѣ, безъ конверта, черная сургучная печать съ надписью : *Activité dans un petit cercle.*

2) Подлинникъ этого письма, указанный намъ преподавателемъ юрьевской гимназіи Н. А. Скрыбинымъ, находится въ архивѣ этой гимназіи : *Acta des Dorpatischen Gouvernements-Schuldirectorats betreffend das Gymnasium zu Dorpat. V. I. 1805—1827, л. 135—136 об.* Оно писано собственноручно Жуковскимъ и обращено къ директору Дерптской гимназіи О. Г. Розенбергу. Авторомъ письма дата не поставлена, но на верху первой страницы письма есть отмѣтка, что оно получено адресатомъ 3 апрѣля 1825 года ; т. о., можно полагать, что оно писано въ мартѣ 1825 года, такъ какъ мы не имѣемъ прямыхъ извѣстій, чтобы въ 1825 году Ж. былъ въ Дерптѣ. Письмо Ж. служило отвѣтомъ на письмо къ нему О. Г. Розенберга, отъ 7 марта 1825 года (копія его имѣется въ дѣлѣ архива юрьевской гимназіи : *Disciplinär-Vorfällen beim Gymnasium zu Dorpat. V. I. 1814—1837*), гдѣ директоръ увѣдомлялъ В. А. Жуковского, что родичъ его, ученикъ „терціи“ (т. е. по теперешнему 5 класса) Па-

jusqu'à présent parce que j'ai attendu quelques details sur cet événement de la part d'Asmus. A présent je vois que ce n'est qu'une complete sottise; il a été la victime non pas de sa depravation, mais de cette d'un autre. C'est une mistification dans laquelle il a donné tête baissée. Je conviens, qu'il ne peut plus rester au Gymnase et je commence à voir qu'il ne profitera pas beaucoup dans les sciences: il pourra être un bon et brave militaire et rien de plus; il faut donc le placer dans quelque regiment. J'ai prié Madame de Voyeikoff de l'ammener avec elle. Et Vous, cher ami, je Vous prie de lui procurer un attestat suffisant; que cette bêtise, où son coeur n'est pour rien, ne lui ferme pas sa carrière: il n'a rien et ne pourra exister que par son service. J'attends tout de votre amitié dans cette occasion

велъ Жуковский, жившій у извѣстнаго тогда дерптскаго педагога Асмуса (см. выше, стр. 77), самовольно убѣжалъ въ Ригу, чтобы избѣжать ученія, но потомъ былъ скорѣ возвращенъ. Объ этомъ Павлѣ Жуковскомъ, сынѣ своего крестнаго отца А. Г. Жуковского, поэтъ такъ писалъ 18 февраля 1817 года, изъ Дерпта, лицу, принявшему на себя заботу о мальчикѣ по смерти отца послѣдняго: „Вы хотите записать малютку въ кадетскій корпусъ. Признаюсь вамъ, мнѣ бы весьма этого не хотѣлось. Я знаю, какво содержаніе въ кад. корпусѣ и какво тамъ ученье. Изъ него выйдетъ офицеръ, умѣющій только командовать фрунтомъ; а мнѣ бы хотѣлось, чтобы изъ него вышелъ человѣкъ, способный во всѣхъ положеніяхъ жизни быть счастливымъ; этому въ кадетскомъ корпусѣ не научать. Вотъ мое предложеніе: привезите его ко мнѣ въ Дерптъ; я отдамъ его на руки къ такому человѣку, на котораго положиться можно. Издержки за ученье и содержаніе беру на себя. Когда выучится, тогда будетъ имѣть способъ жить и доставать себѣ все нужное пропитаніе. Тогда же будемъ имѣть время подумать и о доставленіи ему нужныхъ способовъ для жизни. Теперь главное: воспитаніе. Здѣсь онъ его получить лучше, нежели гдѣ-нибудь. Увѣряю васъ, что онъ оставленъ не будетъ“ (Русскій Архивъ, 1902, № 5, стр. 133—134). — Упоминаемый въ письмѣ Татариновъ (Александръ) также былъ въ 1825 году ученикомъ „терціи“ въ Дерптской гимназій, а потомъ студентомъ Дерптскаго университета, по камеральному отдѣленію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1829 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента (Schüler-Album des Dorpatschen Gymnasiums von 1804 bis 1879. Dorpat 1879, № 803; Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Bearbeitet von A. Haselblatt und Dr. G. Otto. Dorpat 1889, № 2197).

et je me confie pleinement en elle. — A présent une autre prière. Il y a ici un jeune homme Tatarinoff, qui a étudié chez Muralt et qui a dessein de continuer ses études au Gymnase et à l'Université de Dorpat. Il faut qu'il soit confié à un homme sûr pendant son séjour à Dorpat. Pourrez-Vous lui donner une place dans votre maison? C'est un bon enfant et Vous en serez parfaitement content. Je Vous supplie de me répondre le plus vite possible sur cet article. Si Vous n'avez pas de place chez Vous, parlez avec Dittler ou avec Asmus. Vous me rendrez un service essentiel, si Vous vous occuperez de cette affaire. Adieu. Je Vous embrasse de tout mon cœur. Tout à Vous Joukoffsky.

J'ai envoyé à Moyer les intérêts pour mes deux lettres de change à Petersen. Il me faut un reçu, et ne pourrez-vous pas m'envoyer une copie de ces deux papiers?

[Переводъ: Дорогой и уважаемый другъ! Побѣгъ моего бѣднаго Жуковскаго поистинѣ меня огорчилъ; я вамъ не отвѣчалъ до сихъ поръ потому, что ждалъ нѣкоторыхъ подробностей объ этомъ отъ Асмуса. Теперь я вижу, что это не болѣе, какъ чистѣйшая глупость; онъ былъ жертвой не своей испорченности, но испорченности другого. Это мистификація, которой онъ подвергся, не отдавая себѣ въ этомъ отчета. Я согласенъ съ тѣмъ, что онъ не можетъ болѣе оставаться въ гимназій, и начинаю замѣчать, что онъ не сдѣлаетъ большихъ успѣховъ въ наукахъ; онъ можетъ быть хорошимъ въ военной службѣ — и больше ничего; въ самомъ дѣлѣ надо его помѣстить куда-нибудь въ полкъ. Я просилъ г-жу Воейкову взять его съ собой. Васъ же, дорогой другъ, я прошу снабдить его приличнымъ аттестатомъ, такъ чтобы эта глупость, въ которой сердце его было ни при чемъ, не закрыла ему жизненной дороги: онъ ничего не имѣетъ и можетъ существовать только службой. Я ожидаю всего отъ вашей дружбы въ этомъ случаѣ и вполне довѣряюсь ей. А теперь другая просьба. Здѣсь есть одинъ молодой человѣкъ Татариновъ, который учился у Муральта и имѣетъ намѣреніе продолжать свои занятія въ

гимназіи и въ Дерптскомъ университетѣ. Надо, чтобы во время его пребыванія въ Дерптѣ онъ былъ ввѣренъ попеченію человѣка надежнаго. Не можете ли вы дать ему мѣсто въ вашемъ домѣ? Это — хорошій мальчикъ, и вы будете имъ вполне довольны. Я умоляю васъ отвѣчать мнѣ объ этомъ дѣлѣ какъ можно скорѣе. Если у васъ нѣтъ мѣста, поговорите съ Диттлеромъ или съ Асмусомъ. Вы мнѣ окажете существенную услугу, если займетесь этимъ дѣломъ. Прощайте! Обнимаю васъ отъ всего сердца. Весь вашъ Жуковский.

Я послалъ Мойеру проценты за два мои векселя, выданные Петерсену. Мнѣ нужна квитанція, и не можете ли вы послать мнѣ копію съ этихъ двухъ бумагъ?]

Плюшкинъ, какъ типъ старческаго слабоумія.

Проф. В. Ф. Чи жъ.

Теперь, когда общее вниманіе съ особою силою приковано къ произведеніямъ Н. В. Гоголя, своевременно указать на неправильность твердо установившагося пониманія типа Плюшкина, своевременно установить правильное пониманіе этого типа. Плюшкинъ вовсе не типъ старческаго слабоумія, и потому только психіатръ можетъ объяснить VI главу „Мертвыхъ Душъ“. Для правильнаго истолкованія этого типа необходимы спеціальныя свѣдѣнія по психіатріи, почему я и рѣшаюсь анализировать этотъ безсмертный образъ.

И самъ Гоголь, и критика, и публика всегда считали Плюшкина скупцомъ, такъ же какъ считаютъ здоровыми скрягами всѣхъ Плюшкиныхъ, которыхъ встрѣчаютъ въ жизни. Такое неправильное пониманіе, конечно объясняется, незнаніемъ психіатріи и, какъ всякое незнаніе, ведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Надъ Плюшкиными смѣются, ихъ презираютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ позволяютъ имъ мучить своихъ близкихъ, и мучить самихъ себя. Плюшкиныхъ нужно лечить, нужно помѣщать въ больницы и тѣмъ избавлять и самихъ больныхъ, и ихъ близкихъ отъ страданій. Гоголь съ правдивостью гениальнаго художника нарисовалъ

намъ, сколько вреда и обществу, и близкимъ, и самимъ себѣ причиняють эти больные, онъ нарисовалъ намъ съ удивительной отчетливостью Плюшкина, страдающаго старческимъ слабоуміемъ, и мы можемъ воспользоваться сказаннымъ Гоголемъ и для правильнаго пониманія Плюшкиныхъ, и для разумнаго обращенія съ ними.

Старческое слабоуміе описано Гоголемъ такъ ясно, такъ вѣрно, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ художественно, что къ сказанному о Плюшкинѣ нужно добавить лишь очень немного, и то лишь для того, чтобы объяснить, насколько психіатрія можетъ подтвердить подмѣченное и нарисованное Гоголемъ,

Можетъ быть, будетъ не лишнимъ замѣтить, что во всѣхъ произведеніяхъ Гоголя психіатръ находитъ лишь одного душевно-больного, а именно Плюшкина, и уже по одному этому нельзя упрекать психіатровъ, будто-бы они готовы чуть-ли не всякаго признать душевно-больнымъ. Всѣ остальные герои въ произведеніяхъ Гоголя люди здоровые, даже и въ „Запискахъ сумашедшаго“ нѣтъ правильнаго изображенія ни душевной болѣзни, ни душевно-больного. Само собой разумѣется, что это ничуть не умаляетъ значенія этого прекраснаго произведенія. Вполнѣ понятно, что когда Гоголь писалъ „Записки сумасшедшаго“, онъ еще не наблюдалъ патологическихъ душевныхъ явленій, потому онъ съ гениальной чуткостью уловилъ главные признаки старческаго слабоумія и далъ намъ въ Плюшкинѣ типъ несчастнаго, страдающаго старческимъ слабоуміемъ.

Психіатрія, какъ наука, объясняя намъ истинный характеръ Плюшкина, исполняетъ свою высокую задачу: вмѣстѣ съ правильнымъ пониманіемъ Плюшкина, измѣняется и наше къ нему отношеніе, мы должны съжалѣть несчастнаго больного, должны всѣми силами стремиться помочь несчастнымъ Плюшкинымъ. Психіатрія учитъ насъ и правильному пониманію пороковъ и даетъ намъ средства для рациональной борьбы зъ ними. Плюшкинъ такъ несчастенъ, такъ жалокъ, что мы должны винить только

самихъ себя, когда Плюшкины, вслѣдствіе своей болѣзни, причиняють вредъ ближнимъ.

Гоголь сообщаетъ намъ свѣдѣнія о предъидущей жизни Плюшкина, и о развитіи того состоянія въ которомъ засталъ его Чичиковъ; этихъ свѣдѣній вполне достаточно для того, чтобы правильно понять болѣзнь Плюшкина.

Плюшкинъ былъ умный, дѣльный, трудолюбивый помѣщикъ велъ правильный, здоровый образъ жизни; въ его жизни не было несчастій, вслѣдствіи которыхъ онъ могъ бы рано состариться. „Слишкомъ сильныя чувства не отражалась въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностью и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и часто было пріятно его слушать“. Несомнѣнно, что именно такіе люди старѣются поздно; ни увлеченія, ни тяжкія душевныя страданія, ни излишества, не могли портить здоровье Плюшкина, человѣка умнаго, надѣленнаго холоднымъ, покойнымъ темпераментомъ. Если-бы болѣзнь не поразила Плюшкина, онъ до семидесяти и даже до восьмидесяти лѣтъ сохранилъ-бы свой умъ; между тѣмъ его характеръ, его поведеніе рѣзко измѣнились уже на шестомъ десяткѣ; онъ такъ дурно велъ свое хозяйство, что несомнѣнно было его оглупѣніе. Онъ приобрѣлъ уже кличку „заплатанный“ разорилъ своихъ крестьянъ, разорилъ свое имѣніе, рассорился съ дѣтьми. Только болѣзнію можно объяснить такую рѣзкую перемѣну въ Плюшкинѣ, такую раннюю старость; въ самомъ дѣлѣ развѣ можно считать столь рано наступившее оглупѣніе нормальной старостью. Во первыхъ нормальная старость наступаетъ гораздо позже, а во вторыхъ при нормальной старости ослабленію умственныхъ силъ предшествуетъ физическая дряхлость. Всегда головной мозгъ старѣетъ позже всѣхъ другихъ органовъ, и потому сперва развивается физическая дряхлость; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дряхлые, немощные старики сохраняютъ свои умственныя силы, и только въ глубокой старости къ физической дряхлости присоединяется ослабленіе

душевныхъ силъ. Плюшкинъ сталъ глупѣть очень рано, и даже въ моментъ посѣщенія его Чичиковымъ, онъ не смотря на негигіеническій образъ жизни, не былъ дряхлымъ, хилымъ старикомъ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что причиной ранняго ослабленія душевныхъ способностей у Плюшкина была не старость, а болѣзнь. Только болѣзнію можно объяснить раннее ослабленіе душевныхъ силъ Плюшкина.

Гоголь отмѣтилъ, что Плюшкинъ былъ умный человѣкъ, и тѣмъ облегчилъ намъ правильное распознаваніе состоянія этого больного. Если-бы Плюшкинъ былъ глупый, безтолковый помѣщикъ, намъ было бы труднѣе правильно понять его состояніе, но Гоголь указалъ намъ, прежде что Плюшкинъ былъ умный человѣкъ, слѣдовательно только болѣзнь могла превратить не очень стараго, умнаго, толковаго помѣщика въ глупаго, безтолковаго скрягу. Вѣдь въ жизни Плюшкина не произошло ничего такого, что могло бы такъ скоро превратить умнаго, дѣльнаго человѣка въ крайне глупаго, безтолковаго скрягу. Такая рѣзкая перемѣна, можетъ быть объяснена болѣзнію; только болѣзнь могла въ нѣсколько лѣтъ такъ интенсивно ослабить умственныя способности Плюшкина.

Конечно, не смерть жены, и не одиночество были причиной столь рѣзкой перемѣны въ психической жизни Плюшкина; необходимо принять во вниманіе, что одиночество Плюшкина было уже слѣдствіемъ его развивающейся болѣзни. Дѣти покинули родной домъ, потому что не могли переносить выходокъ больного Плюшкина, потому что онъ отказывалъ имъ въ необходимыхъ средствахъ; если-бы Плюшкинъ не заболѣлъ, дѣти и родственники его не покинули, и онъ жилъ-бы также, какъ жилъ до болѣзни. Весьма естественно, что дѣти и родственники Плюшкина не понимали, что онъ боленъ, и не могли ужиться съ больнымъ, а одинокій больной дѣлалъ одну глупость за другой.

Какъ это обыкновенно бываетъ при старческомъ слабоуміи, первое проявленіе болѣзни состояло въ притупленіи

нравственныхъ чувствованій; у Плюшкина притупилось столь глубокое и простое чувство, какъ любовь къ дѣтямъ, и онъ совершенно безучастно отнесся къ судьбѣ своихъ дѣтей: онъ проклялъ дочь только потому, что она вышла замужъ безъ согласія отца; еще болѣе безучастенъ онъ былъ къ сыну, и оставилъ его на произволъ судьбы. Притупленіе нравственныхъ чувствованій съ годами прогрессировало, и Плюшкинъ, оставшійся одинокимъ, вслѣдствіе смерти второй дочери, настолько отупѣлъ въ нравственномъ отношеніи, что былъ безучастенъ къ своимъ бѣднымъ внукамъ; нельзя же считать проявленіемъ любви — столь сильной у здоровыхъ стариковъ къ своимъ внукамъ — то, что онъ „далъ маленькому внуку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ“.

Притупленіе чувствованій все прогрессировало; Плюшкинъ совершенно утратилъ социальныя чувствованія и сталъ безучастенъ къ обществу и общественной жизни; общество, общественныя интересы для него уже не существовали, и ничто въ мірѣ, кромѣ его собственныхъ дѣлъ, его не занимало. Для него уже не имѣло значенія общественное мнѣніе, и онъ не стыдился ни своего образа жизни, ни своего туалета. Едва-ли нужно прибавлять, что социальныя чувствованія у насъ развиты настолько сильно, что одобреніе ближнихъ намъ пріятно, а неодобреніе непріятно, почему мы всегда, до извѣстной степени, подчиняемся общественному мнѣнію. Плюшкинъ наконецъ пересталъ стыдиться собственныхъ крестьянъ, и уже не чувствовалъ неудовольствія, когда крестьяне ловили его съ поличнымъ; „онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь“. Распадъ душевной жизни дошелъ до того, что Плюшкинъ утратилъ элементарное чувство чести, и не стыдился ни лгать, ни красть; „если баба, какъ нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро“. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не стыдился и лгать; ложь уже не вызывала у него непріятнаго чувства, „онъ божился,

что вещь его куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда“.

Плюшкинъ утратилъ даже простыя, эгоистическія чувствованія; окружающая его грязь и неряшливость не возбуждали у него непріятнаго чувствованія, хотя ранѣе онъ былъ аккуратнымъ, и привыкъ жить порядочно. Понятно, что объ эстетическихъ чувствованіяхъ при такомъ глубокомъ ослабленіи душевныхъ силъ, не можетъ быть и рѣчи, и одежда Плюшкина вызывала отвращеніе своей неопрятностью. Но Плюшкинъ ничуть не стѣснялся своимъ туалетомъ и не чувствовалъ къ нему отвращенія. Старческое слабоуміе у него достигло той степени, что ослабѣли даже вкусовыя чувствованія; онѣ были уже настолько слабы, что онъ съ удовольствіемъ ѣлъ жалкую пищу своихъ дворовыхъ, могъ съ удовольствіемъ ѣсть заплѣснѣвшій сухарь, съ удовольствіемъ, или, по крайней мѣрѣ, безъ отвращенія пить наливку, „въ которую козавки и всякая дрянь было напичкались“.

Само собою разумѣется, что Плюшкинъ и плохо ѣлъ, и дурно одѣвался не только изъ скупости, но потому, что у него были ослаблены всѣ чувствованія, и потому плохой столъ, скверная одежда и грязь въ комнатѣ не вызывали у него не только страданія, но даже неудовольствія; онъ безъ неудовольствія „подъ видомъ того, чтобы попробовать, хорошо-ли ѣдятъ люди, наѣлся препорядочно щей съ кашей“. Жизнь, какую велъ Плюшкинъ, не доставляла ему страданій, и онъ былъ по своему доволенъ.

Было бы большою ошибкой допускать, что богатство и даже деньги могли бы доставлять Плюшкину глубокое и сильное наслажденіе: онъ уже не могъ испытывать сильныхъ чувствованій, вслѣдствіе ихъ притупленія. И дѣйствительно, деньги полученные имъ отъ Чичикова, не доставили ему продолжительнаго наслажденія. Плюшкинъ дѣйствительно обрадовался, „но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ

лицъ его такъ же мгновенно и прошла, будто ея вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выраженіе“. Душевная болѣзнь настолько разрушила душевныя силы Плюшкина, что онъ уже не могъ ни сильно радоваться, ни глубоко страдать; притупленіе чувствованій сдѣлало его безучастнымъ ко всему въ мірѣ. Ничто уже не могло серьезно обрадовать и глубоко огорчить этого слабоумнаго старика.

У Плюшкина, какъ и у многихъ, страдающихъ старческимъ слабоуміемъ, сохранилось одно чувство — любовь къ собственности; можно даже сказать, что оно даже было усилено; по крайней мѣрѣ, оно кажется усиленнымъ по сравненію съ другими чувствованіями, уже угасшими. Плюшкину не доставляло радости ни свиданіе съ дочерью, ни даже посѣщеніе его внуками, ему не доставляло удовольствія чистое, хорошее платье, вкусный обѣдъ, но накопленіе вещей все же его радовало, хотя поверхностно и на короткое время. Трудно объяснить, почему нѣкоторые слабоумные старики сохраняютъ любовь къ собственности, почему пріобрѣтеніе вещей и денегъ доставляетъ имъ удовольствіе. Плюшкинъ былъ настолько уже слабоуменъ, что не понималъ относительной цѣнности пріобрѣтаемыхъ имъ вещей; „старую подошву, бабью тряпку, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ — все тащилъ къ себѣ“, потому что пріобрѣтеніе этихъ вещей доставляло ему удовольствіе, а потеря ихъ вызывала у него непріятныя чувствованія, хотя конечно, поверхностныя: „когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь“. Только утрата вещей и денегъ вызывала у него непріятныя чувствованія, почему онъ всѣ свои силы употреблялъ на то, чтобы сохранить все свое имущество.

Весьма возможно, что сохраненіе чувствованія собственности при старческомъ слабоуміи объясняется силою привычки. Весьма возможно, что пріобрѣтенная въ продолженіе

нѣсколькихъ десятилѣтій привычка кладетъ свой отпечатокъ на картину болѣзни при старческомъ слабоуміи. Во второй половинѣ жизни многіе придаютъ особое значеніе увеличенію своего богатства, привыкаютъ и копить и сохранять накопленное, образуется стойкая привычка. Любовь къ собственности, усилившаяся продолжительной привычкой, ставшая уже страстью, не ослабѣваетъ при старческомъ слабоуміи настолько же, насколько ослабѣваютъ всѣ остальные чувствованія.

Умственные способности Плюшкина также весьма пострадали отъ болѣзни. Его память была ослаблена настолько, что онъ уже не помнилъ, сколько у него накоплено разныхъ вещей. Лишь воспоминанія о молодости были сочетаны съ живыми, хотя и быстро исчезающими чувствованіями; при воспоминаніи о предсѣдателѣ „на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства“. Память настоящаго у Плюшкина была ослаблена настолько, что онъ уже не могъ вести хозяйства, хотя прежде хорошо зналъ это дѣло, „онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего“, „сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хотъ разводи на нихъ капусту“. Весьма рано — „седьмой десятокъ живу“ — ослабленіе умственныхъ силъ достигло такой степени, что онъ уже не понималъ своихъ выгодъ, „съ каждымъ годомъ уходили изъ виду его, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства“; произвольное мышленіе уже стало невозможнымъ. Плюшкинъ не могъ направлять свое вниманіе, не могъ обсуждать своихъ дѣлъ; ослабѣвшимъ его вниманіемъ, завладѣвали предметы, попадавшіеся на глаза, „мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ“. Хотя онъ и видѣлъ, что его дѣла идутъ плохо, онъ не могъ уже, вслѣдствіе ослабленія произвольной сочетательной дѣятельности, обсудить свои дѣла, не могъ думать о мѣрахъ для улучшенія своего хозяйства. Насколько

умственные способности его ослабѣли, насколько онъ уже не могъ всесторонне обсуждать дѣла, не могъ вникать въ причины явленій, не могъ обсуждать послѣдствій явленій, — показываетъ его образъ дѣйствій съ Чичиковымъ. Плюшкинъ не задавалъ себѣ вопроса, почему и съ какой цѣлью покупаетъ Чичиковъ мертвыя души, потому что сложныя сужденія о причинѣ и цѣли были не по силамъ этому слабоумному старику. Только простыя, описательныя сужденія были доступны ослабѣвшимъ умственнымъ способностямъ Плюшкина.

Нужно перечестъ строки, въ которыхъ описывается, какъ отнеслись къ просьбѣ Чичикова продать мертвыя души Маниловъ, Собакевичъ, Ноздревъ, Бетрищевъ, Коробочка и Плюшкинъ, чтобы понять чѣмъ отличается невѣжество и глупость отъ слабоумія. Маниловъ долго не могъ понять въ чемъ дѣло и даже заговорилъ о гражданскихъ постановленіяхъ и дальнѣйшихъ видахъ Россіи, Коробочка „дубинно-головая“ по опредѣленію Чичикова, даже въ „потъ бросила“ Чичикова, когда онъ уговаривалъ Коробочку продать ему мертвыя души. Глупая и необразованная Коробочка отнеслась весьма серьезно къ продажѣ мертвыхъ душъ, она употребляла всѣ усилія, чтобы понять, выгодна ли ей эта торговая сдѣлка и долго толковала съ Чичиковымъ. Плюшкинъ, до болѣзни бывшій умнымъ человѣкомъ и хорошимъ хозяиномъ, даже не спросилъ Чичикова зачѣмъ ему мертвыя души, не употребилъ усилій продать ихъ подороже; онъ обрадовался, получивъ деньги и только. Очевидно онъ уже забылъ и не понималъ, что мертвыхъ душъ не продаютъ, онъ не интересовался узнать причины и цѣли дѣйствій Чичикова, который даже и не нашелъ нужнымъ убѣждать въ разумности своего предложенія этого слабоумнаго старика. Плюшкина ничуть не удивило предложеніе Чичикова, ему хотѣлось только получить нѣсколько рублей; какъ слабоумный онъ не могъ вникнуть въ мотивы Чичикова; одно что удивило Плюшкина это — какъ Чичиковъ

не жалѣть денегъ, но и это слабоумное предположеніе было объяснено Плюшкинымъ совершенно ложной для насъ посылкой, но казавшіеся несомнѣнной больному: Да вы батюшка, не служили-ли въ военной службѣ“. Узнавъ, что Чичиковъ „служилъ по статской“, Плюшкинъ не могъ держаться, чтобы не замѣтить „Вѣдь это вамъ самимъ-то въ убытокъ“ и наконецъ повѣрилъ заявленію Чичикова, что онъ для удовольствія Плюшкина, готовъ и на убытокъ. Вѣдь ин одинъ изъ вышеназванныхъ помѣщиковъ и даже Коробочка не повѣрили-бы такому заявленію Чичикова, да онъ и не рѣшился-бы никому, кромѣ Плюшкина, сказать такую нелѣпость.

Старческое слабоуміе Плюшкина было настолько рѣзко, что онъ уже не могъ обнимать сознаниемъ всѣ обстоятельства, и потому не могъ руководствоваться отдаленными цѣлями. Онъ дѣйствовалъ, думалъ и говорилъ лишь о ближайшемъ настоящемъ; онъ думалъ лишь о томъ, что возбуждало у него въ данное время относительно живыя чувствованія. Отдаленныя цѣли для него какъ бы не существовали, потому что онъ не могъ живо и ясно представить себѣ будущее, и, слѣдовательно, жилъ всецѣло настоящимъ. Вслѣдствіе своей любви къ деньгамъ, онъ хотѣлъ подороже продавать свои запасы, и не могъ сообразить, что, запрашивая высокія цѣны, онъ вредилъ себѣ же въ будущемъ; „неуступчивѣе становился онъ къ покупателямъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственные произведенія: покупщики торговались, торговались и наконецъ бросали его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ“. Эта узость сознанія, неспособность живо и ясно представить себѣ будущее и потому полное подчиненіе непосредственнымъ мотивамъ, обнаружились и въ его отношеніи къ Чичикову. Плюшкинъ безцеремонно заявляетъ Чичикову: „я, признаться сказать не охотникъ до чаю: напитокъ дорогой, да и цѣна на сахаръ поднялась немилосердная“, хотя, конечно, онъ зналъ, что нужно угостить

человѣка, въ которомъ нуждаешься. Непріятное чувство-
ваніе, вызванное расходомъ чая и сахара, вполне опредѣ-
лили и его мышленіе, и его поведеніе; онъ уже не могъ
руководствоваться мотивомъ будущихъ выгодъ отъ знаком-
ства съ Чичиковымъ. Для Плюшкина, съ его точки зрѣнія,
было бы очень выгодно подарить часы Чичикову, чтобы
расположить его и въ будущемъ оказывать благодѣянія,
но мотивъ настоящаго — непріятное чувствоваеніе, вызы-
ваемое утратою часовъ, опредѣлило его рѣшеніе: „лучше
я оставлю ихъ ему послѣ моей смерти, въ духовной, чтобы
вспоминалъ обо мнѣ“. Очевидно, что Плюшкина не могло
интересовать — будетъ-ли вспоминать его Чичиковъ, но
этимъ соображеніемъ онъ хотѣлъ оправдать свое рѣшеніе
не разставаться съ часами.

Гоголь обнаружилъ глубокое знаніе человѣческой души
въ описаніи разсужденія Плюшкина о часахъ; подчиненіе
мотиву настоящаго, при сознаніи неразумительности такого
рѣшенія, невозможность дѣйствовать для отдаленныхъ цѣ-
лей и стремленіе, всегда свойственное человѣку, найти
оправданіе своего поступка — все это обрисовано Гоголемъ
въ эпизодѣ съ часами.

У Плюшкина крайне ослабѣла произвольная умственная
дѣятельность; у него уже не было никакихъ интересовъ;
его уже ничего не занимало, за исключеніемъ денегъ и
вещей. Думать о чемъ-либо, интересоваться чѣмъ либо
этотъ слабоумный старикъ не могъ; только когда внѣшнія
причины, то есть видъ денегъ и вещей, не вызывали у него
умственной дѣятельности, послѣдняя прекращалась. „Спря-
тавши деньги, Плюшкинъ сѣлъ въ кресло и уже, казалось,
больше не могъ найти матеріи, о чемъ говорить“. Объ
этомъ отсутствіи произвольной умственной дѣятельности
свидѣтельствовало „деревянное лицо“; извѣстно что мысль,
соединенная съ живымъ чувствомъ, придаетъ живость,
осмысленность чертамъ лица; у Плюшкина измѣнялось вы-
раженіе лица при воспоминаніи о другѣ дѣтства — эти

воспоминанія обыкновенно обладают наибольшей живучестью, но такъ какъ у него уже почти не было мыслей, сочетенныхъ съ живыми чувствованіями, лицо стало безсмысленнымъ.

Мы еще не вполне понимаемъ, почему при старческомъ слабоуміи обыкновенно развивается бредъ преслѣдованія; эти больные крайне подозрительны, недовѣрчивы, думаютъ, что ихъ обманываютъ, обкрадываютъ и даже замышляютъ на ихъ жизнь. Вѣроятно, что эти бредовыя идеи возникаютъ на почвѣ неяснаго сознанія собственной слабости и безсилія. Несчастные больные постоянно боятся враговъ, воровъ и даже убійцъ; страхъ быть обокраденнымъ и убитымъ лишаетъ ихъ покоя и сна. Можетъ быть, эта боязливость и подозрительность зависитъ отъ перерожденія сосудовъ и сердца, которымъ страдаютъ эти больные. Несомнѣнно, что болѣзни сердца и сосудовъ вызываютъ страхъ, боязливость, недовѣрчивость и подозрительность; безсильный больной старикъ всего боится, относится ко всѣмъ недовѣрчиво, подозрѣваетъ всѣхъ въ недобрыхъ по отношенію къ себѣ намѣреніяхъ.

Всѣ эти обычные симптомы старческаго слабоумія мы находимъ у Плюшкина: онъ недовѣрчиво относится къ сосѣду и Чичикову; онъ боится даже на нѣсколько дней отлучиться изъ дому: „А домъ-то какъ оставить? Вѣдь у меня народъ или воръ, или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить“. Подозрительность Плюшкина достигаетъ той степени, что нельзя и сомнѣваться въ его болѣзни; посылая двороваго мальчика къ экономкѣ, онъ уже боится, что тотъ зайдетъ въ кладовую и что-либо украдетъ, почему и принимаетъ мѣры для предупрежденія воображаемаго воровства: „Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть“. Понятно, что при такой подозрительности жизнь слабоумныхъ стариковъ крайне тягостна, они не имѣютъ покоя отъ постоянно возникающихъ болѣе

или менѣе нелѣпыхъ подозрѣній. Идеи бреда о томъ, что его обкрадываютъ, у Плюшкина были настолько нелѣпы, что онъ упрекалъ Мавру: „На страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками“, потому только, что не нашелъ кусочка чистой бумаги. Вполнѣ убѣдительный аргументъ Мавры: „Вѣдь, мнѣ проку съ ней никакого: я грамотѣ не знаю“, понятно, не повліялъ на Плюшкина, и онъ тотчасъ же нашелъ подтвержденіе своей бредовой идеи: „Врешь, ты снесла пономаренку: онъ маракуеть, такъ ты ему и снесла“. Конечно, онъ не нашелъ нужнымъ извиниться, когда кусочекъ бумаги нашелся, и не измѣнилъ своего взгляда на Мавру.

Для того, чтобы уяснить себѣ чѣмъ отличаются бредовыя идеи слабоумнаго старика отъ подозрительности глупой старухи, необходимо сравнить отношеніе къ окружающимъ Плюшкина и отношеніе Коробочки къ Чичикову. Утвержденіе Плюшкина, что „у меня народъ — или воръ, или мошенникъ“ ни на чемъ не основано; вѣдь Плюшкинъ не допускалъ, что вообще всѣ люди воры и мошенники, напротивъ онъ повѣрилъ Чичикову, что тотъ для удовольствія Плюшкина готовъ и на убытокъ; слѣдовательно заключеніе, что всѣ люди Плюшкина воры и мошенники для него самаго должно было-бы казаться неосновательнымъ. Въ самомъ дѣлѣ почему же, если есть честные люди на свѣтѣ, нѣтъ ни одного честнаго слуги у Плюшкина. Слабоумный старикъ не имѣлъ доказательствъ справедливости своего утвержденія, да и не искалъ доказательствъ, не смотря на большую практическую важность этого вопроса. Наконецъ Плюшкинъ не принималъ никакихъ разумныхъ мѣръ, чтобы обезопасить себя отъ воображаемыхъ воровъ и мошенниковъ; правда онъ не выѣзжалъ изъ имѣнія, но очевидно, что эта мѣра предосторожности совершенно недѣйствительна.

Совсѣмъ иначе отнеслась къ Чичикову Коробочка; она имѣла основаніе заподозрить честность Чичикова — она вѣдь не знала „почемъ ходятъ мертвыя души“. Она

старалась провѣрить справедливость своего предположенія „насчетъ могущаго произойти со стороны его обмана“; эта мысль такъ ея занимала и волновала, что она не спала „три ночи сряду“. Какъ ни глупа была Коробочка, но она сдѣлала все для нея возможное, чтобы провѣрить свое подозрѣнiе, и не смотря на свои старческiя немощи „не-смотря на то, что лошади не были подкованы“, поѣхала въ городъ, чтобы узнать „ужъ не промахнулась ли она, Боже сохрани“.

Очевидно громадное различiе между бредовыми идеями Плюшкина и глупой вздорностью Коробочки; и Плюшкинъ и Коробочка были скупы, но Коробочка была здоровая старуха и потому хорошо вела свое хозяйство, а Плюшкинъ, до болѣзни бывшiй хорошимъ хозяиномъ и умнымъ человекомъ, въ нѣсколько лѣтъ разорилъ и себя и своихъ крѣпостныхъ. Гоголь указалъ намъ на признаки идей бреда, указалъ чѣмъ идеи бреда отличаются отъ сужденiй глупыхъ людей; вѣдь Плюшкинъ оказался неизмѣримо глупѣе Коробочки.

Плюшкинъ былъ твердо убѣжденъ, что всѣ его слуги воры, не смотря на очевидную нелѣпость такого заключенiя, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрилъ Чичикову, не смотря на очевидность обмана съ его стороны, потому что сужденiя Плюшкина были обусловлены не какими либо соображенiями, а лишь его чувствованiями. Чувствованiя собственной слабости и безсилiя вызывали у него убѣжденiе, что всѣ его окружающiе воры и мошенники; страхъ потерять собранныя богатства, внушалъ ему подозрѣнiе ко всѣмъ окружающимъ. Ему было прiятно получить отъ Чичикова деньги, и потому онъ вѣрилъ въ его честность. Идеи бреда всегда соотвѣтствуютъ настроенiю, чувствованiямъ больныхъ и потому не провѣряются, являются неоспоримыми. Онѣ всегда имѣютъ субъективное значенiе, непосредственное отношенiе къ личности больного; этимъ онѣ отличаются отъ заблужденiй здоровыхъ людей. Естественно, что человекъ на

основаніи жизненнаго опыта составившій себѣ заключеніе что вообще довѣрять никому нельзя, не довѣряетъ и лицамъ его окружающимъ, но Плюшкинъ считалъ мошенниками только лицъ его окружающихъ, имѣющихъ отношеніе къ нему лично. Такъ какъ такое заключеніе вполне соответствовало его настроенію, его жадности, оно для него являлось безспорнымъ и несомнѣннымъ.

Само собою разумѣется, что доказать Плюшкину ошибочность его сужденій совершенно невозможно; идеи его бреда обусловлены его настроеніемъ, его чувствованіями, и потому самыя убѣдительныя доказательства не могутъ вліять на этого больного. Его настроеніе, его страхъ потерять богатства, не позволяютъ ему относиться съ довѣріемъ къ его окружающимъ, и потому дѣйствительность для него не существуетъ.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что Плюшкинъ страдалъ идеями бреда; правда его идеи бреда не отличаются чудовищностью, нелѣпостью, но вѣдь идеи бреда отличаются отъ ошибочныхъ сужденій здоровыхъ не нелѣпостью и чудовищностью, а происхожденіемъ и значеніемъ; эти отличія въ данномъ случаѣ имѣются на лицо.

Старческое слабоуміе разрушаетъ всѣ душевныя способности, и потому у Плюшкина воля была ослаблена настолько же, насколько чувствованія и умственная дѣятельность.

Ослабленіе воли у Плюшкина проявилось тѣмъ, что онъ уже не могъ управлять своими крестьянами, не могъ заставить даже крѣпостныхъ людей исполнять свои приказанія.

У Плюшкина, какъ у хорошаго хозяина, до его болѣзни, заведенъ былъ порядокъ; всѣ его крѣпостные были приучены къ порядку и подчиненію волѣ барина; конечно, въ большомъ имѣніи Плюшкина были приказчики, старосты, бурмистры, привыкшіе проводить въ жизнь волю помѣщика. И вотъ, на шестомъ десяткѣ жизни, т. е. когда нормальные старики достигаютъ наибольшей власти, путемъ опыта и привычки, приобрѣтаютъ навыкъ подчинять себѣ ближнихъ,

Плюшкинъ уже не могъ справляться съ крѣпостными. Про такихъ стариковъ часто говорятъ, что они впадаютъ въ дѣтство, и это выраженіе очень вѣрно характеризуетъ слабость ихъ воли. Какъ дѣти, они не могутъ подчинять себѣ, не могутъ проявлять своей воли; хотя Плюшкинъ всѣми своими слабыми силами желалъ, чтобы его крѣпостные работали, какъ можно больше, и такимъ образомъ увеличивали бы его богатство, онъ не могъ заставить своихъ крестьянъ даже поддерживать свое хозяйство. Крестьяне или лѣнились, или убѣгали; Плюшкинъ продалъ Чичикову семьдесятъ восемь бѣглыхъ. Такое быстрое разстройство образцоваго хозяйства доказываетъ большое ослабленіе всѣхъ душевныхъ силъ Плюшкина. Когда Чичиковъ посѣтилъ Плюшкина, болѣзнь послѣдняго достигла полного развитія, и Плюшкинъ уже не понималъ, что нужно для того, чтобы поправить дѣла, но ралѣе, т. е. въ началѣ болѣзни, онъ, конечно, не разъ старался увеличить доходность имѣнія, но ослабѣвающая воля не могла осуществить стремленій заболѣвшаго Плюшкина.

Ни къ какой разумной, преслѣдующей отдаленныя цѣли, дѣятельности больной Плюшкинъ уже не былъ способенъ, онъ даже не могъ вести домашняго хозяйства, и его домъ разрушался такъ же, какъ и его здоровье. Все свое время Плюшкинъ употреблялъ на бессмысленное собраніе всякой дряни, на безтолковый надзоръ за ненужнымъ хламомъ. Здѣсь сказалась сила привычки; такъ какъ его дѣятельность уже не была обусловлена разумными, вытекающими изъ его желаній, мотивами, то ею овладѣла привычка, пріобрѣтенная въ теченіе всей сознательной жизни. Плюшкинъ былъ хорошій бережливый хозяинъ, слѣдовательно, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, тридцати лѣтъ, накоплялъ богатства. Пріобрѣтеніе и сохраненіе богатства стало у него прочной привычкой, и по отношенію къ Плюшкину остается вѣрнымъ афоризмъ *Милля*: „воля есть дочь чувствованій; она ускользаетъ

изъ-подъ ихъ власти только для того, чтобы подчиняться привычкамъ“¹⁾.

Извѣстно, что привычки вообще играютъ большую роль въ жизни стариковъ, и вполне понятно, что поведеніе Плюшкина было обусловлено самой сильной его привычкой. Ослабѣвшая воля уже не могла направлять мысли и поведеніе Плюшкина, и потому онъ жилъ и поступалъ такъ, какъ привыкъ въ теченіе многихъ лѣтъ; „привычка — говоритъ *James* — дѣлаетъ движенія, необходимыя для достиженія данной цѣли, болѣе легкими, болѣе точными, и менѣе утомительными“; кромѣ того, „привычка ослабляетъ вниманіе, участвующее въ совершеніи нашихъ актовъ“²⁾. Плюшкинъ по привычкѣ хозяйничалъ, копилъ добро, хлопоталъ; съ виду онъ жилъ такъ же, какъ и прежде; всѣ привычки сохранились — рано вставать, ходить по хозяйству, беречь добро и т. п., но смыслъ, цѣли поступковъ уже отсутствовали, и несчастный старикъ не понималъ, что онъ копить добро для дѣтей, которыхъ онъ теперь лишаетъ необходимаго. Привычная дѣятельность Плюшкина уже давно стала лишенной смысла и цѣли, съ точки зрѣнія его самого, потому что онъ самъ не могъ наслаждаться богатствомъ, вслѣдствіе притупленія чувствованія; также для него было безразлично, будутъ-ли счастливы его дѣти.

Плюшкинъ самъ не могъ бы объяснить, для чего онъ копить богатство, и тѣмъ не менѣе, въ силу привычки, всѣ свои силы употреблялъ для накопленія богатствъ. Именно такую бессмысленную, обусловленную лишь привычкой дѣятельность, мы наблюдаемъ у душевно-больныхъ въ періодъ слабоумія. Больной подъ вліяніемъ галлюцинацій стоялъ въ углу и затыкалъ уши; галлюцинаціи исчезли и развилось слабоуміе; больной по прежнему стоитъ въ углу и затыкаетъ себѣ уши.

1) Utilitarisme. Chap. IV.

2) The principles of Psychology. Vol. I, pp. 112, 119.

Силою привычки и старческим слабоуміемъ объясняется безтолковая скупость Плюшкина, объясняется все его поведеніе. Скупость Плюшкина — не страсть, не психологическое, а чисто патологическое явленіе, и въ этомъ смыслѣ мы должны понимать этотъ безсмертный типъ нашего великаго художника. Плюшкиныхъ, конечно, не мало, потому что и до настоящаго времени большинство вмѣстѣ съ Гоголемъ считаютъ ихъ здоровыми. Еще не скоро Плюшкины будутъ считаться больными, и понятно, что не только общество, но и сами больные выиграютъ отъ такого разумнаго къ нимъ отношенія. Отъ душевной болѣзни Плюшкина страдали его крѣпостные, страдали его дѣти и, наконецъ, онъ самъ. Опека надъ имуществомъ и личностью слабоумныхъ стариковъ не только избавитъ отъ непріятностей всѣхъ лицъ, имѣющихъ съ ними дѣловыя сношенія, но даже будетъ очень полезна для самихъ больныхъ. Разумный уходъ, леченіе, насколько оно окажется возможнымъ, сдѣлаютъ жизнь этихъ больныхъ по меньшей мѣрѣ, сносною.

Гоголь такъ прекрасно обрисовалъ старческое слабоуміе, что Плюшкинъ долженъ считаться типомъ старческаго слабоумія; фигура нарисована безусловно вѣрно, и психіатръ можетъ лишь подтвердить справедливость сказаннаго этимъ великимъ художникомъ. Я позволю себѣ только не согласиться съ мнѣніемъ Гоголя о старости: „Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно. Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости“. Конечно, старческое слабоуміе, какъ и всякая душевная болѣзнь, „грозна, страшна“, но старость сама по себѣ можетъ быть прекрасной, что доказалъ намъ нашъ великій мыслитель и художникъ Л. Н. Толстой.

Гоголь въ эстской литературѣ.

Николай Васильевичъ Гоголь - Яновскій, знаменитый писатель Россіи, является идеаломъ народнаго поэта-юмориста также въ глазахъ образованной части эстскаго народа. Такъ какъ высокое процвѣтаніе всемірной культуры только немногимъ старше одного столѣтія, а національные герои слова и дѣла достигали признанія и уваженія даже въ средѣ собственнаго народа лишь постепенно, то не удивительно, если даже выдающіеся авторы только медленно пріобрѣтали извѣстность у чужихъ племенъ, хотя бы эти послѣднія и входили въ составъ того же государства. То же имѣло мѣсто и по отношенію къ Гоголю. Лишь около тридцати лѣтъ по смерти этого выдающагося писателя сочиненія его стали появляться въ переводѣ на эстскій языкъ. Образованные эсты, знавшіе русскій языкъ, разумѣется читали сочиненія Гоголя уже и раньше. Я лично еще помню, какъ люди, прочитавшіе „Ревизора“ Гоголя въ шестидесятыхъ годахъ, когда я, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, вовсе не владѣлъ русской рѣчью, выражались съ изумленіемъ: „*Smeline mees, see Gogol, falgab kōit ära, tuid õpetab ja parandab siiski*“, т. е. „Удивительный человекъ этотъ Гоголь, отрицаетъ все, но все таки научаетъ и исправляетъ!“ Отрицательный элементъ въ сочиненіяхъ Гоголя въ то время удивлялъ, поражалъ, казался чѣмъ то страннымъ, ибо произведенія, повѣсти, романы многочитаемой нѣмецкой литературы отличались высокимъ напряженіемъ темы: Такого напряженія не находилось собственно у русскихъ писателей, у Лермонтова, Пушкина, въ особенности же у Гоголя, но тѣмъ не менѣе сочиненія ихъ читались

интересомъ, какъ самостоятельныя изображенія русской народной жизни, отражающія въ себѣ многія характерныя черты русскаго народа.

Около 1878 года между образованными эстами возникло болѣе оживленное стремленіе приблизиться къ великому русскому народу путемъ изученія русскаго языка и болѣе подробнаго ознакомленія съ русской литературой, главнымъ образомъ беллетристическаго содержанія. Такое желаніе было ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ эстскаго народнаго самосознанія, пробудившагося уже во второй четверти 19-го вѣка. Подобно остальной образованной молодежи и я лично съ чрезвычайнымъ интересомъ читалъ сочиненія выдающихся русскихъ авторовъ, — Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Тургенева, Гоголя. Моими любимыми авторами были въ особенности Пушкинъ и Гоголь; сочиненіе послѣдняго „Мертвыя души“ я, на примѣръ, избралъ себѣ, вмѣстѣ съ двумя драматическими произведеніями Тургенева, спеціальнымъ предметомъ испытанія на экзаменѣ зрѣлости, имѣвшимъ мѣсто въ первой половинѣ декабря 1874 года въ бывшей Дерптской гимназіи, слѣдовательно всего черезъ 23 года по смерти знаменитаго русскаго автора.

Такъ какъ потребность приближенія къ русскому народу, какъ я уже замѣтилъ, оживленіе стала выражаться съ 1878 года, то и не удивительно, что въ это время явилась мысль и о переводѣ главнѣйшихъ произведеній русскихъ писателей. Гоголь былъ однимъ изъ первыхъ, о сочиненіяхъ котораго поднялась рѣчь въ этомъ отношеніи.

Въ 1880-мъ году явились и первыя повѣсти Гоголя въ эстскихъ переводахъ въ журналѣ „Meelejahutaja“ въ Дерптѣ. Здѣсь былъ напечатанъ переводъ повѣсти „Сорочинская ярмарка“, подъ заглавіемъ „Saroifhini laad“. Редакторъ названнаго журнала, Александръ Морфельдтъ, живъ еще и понынѣ и состоитъ пасторомъ евангелическо-лютеранскаго прихода въ Новгородѣ Великомъ, а переводчикъ, Фридрихъ Вильгельмъ Эдербергъ, живетъ въ Каарма,

на островѣ Эзелѣ, гдѣ онъ также состоитъ пасторомъ. Въ томъ же журналѣ появилась въ 1887 г. біографія Гоголя.

Въ томъ же 1880-мъ году появилась въ печати и повѣсть Гоголя „Тарасъ Бульба“, подѣ заглавіемъ „*Rasata hetman Taras Bulba*“ *Gogoli järele*. Переводчикомъ „Тараса Бульбы“ былъ Яковъ Кырвъ, состоящій еще и въ настоящее время главнымъ редакторомъ газеты „*Valguis*“ въ г. Ревелѣ. Такъ какъ переводчикъ не достаточно владѣлъ русскимъ языкомъ, то онъ воспользовался для своего перевода нѣмецкимъ переводомъ той же повѣсти.

Въ 1880 году появилась также на эстскомъ языкѣ повѣсть „Ночь предѣ Рождествомъ“, подѣ названіемъ „*Jõulu öö*“. Переводчикомъ былъ названный уже выше Фридрихъ Вильгельмъ Эдербергъ, въ то время студентъ богословія, а нынѣ лютеранскій пасторъ прихода Каарма на островѣ Эзелѣ.

Въ 1882-мъ году появился на эстскомъ языкѣ переводъ главнаго драматическаго произведенія Гоголя „Ревизоръ“, подѣ заглавіемъ „*Remident*“, сдѣланный А. Эрлихомъ и напечатанный въ приложеніяхъ газеты Олевикъ, имѣвшей въ тогдашнее время значительный кругъ читателей. Переводчикъ состоялъ въ то время сотрудникомъ названной газеты, потомъ онъ состоялъ собственникомъ усадьбы близъ Черной, но находится ли онъ еще въ живыхъ или нѣтъ, мнѣ неизвѣстно.

Въ 1887-мъ году появился на эстскомъ языкѣ переводъ главнаго произведенія Гоголя „Мертвыя души.“ Переводъ этотъ былъ сдѣланъ кандидатомъ филологіи Иваномъ Егверомъ, занимавшимъ впослѣдствіи должность инспектора народныхъ училищъ въ Ревелѣ и Везенбергѣ, а нынѣ состоящаго отдѣльнымъ цензоромъ въ нашемъ городѣ, въ Юрьевѣ. Переводчикъ, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности закончить свой переводъ полностью, но тѣмъ не менѣе главная часть этого превосходнаго произведенія Гоголя стала, благодаря ему, доступной эстскимъ читателямъ.

Другія повѣсти Гоголя появились въ эстскомъ переводѣ

въ новѣйшее время. Изъ нихъ въ особенности слѣдуетъ упомянуть появившійся отдѣльнымъ изданіемъ переводъ повѣсти „Миргородъ“, изданный подъ заглавіемъ „*Katsfentšafat šōpra*“, въ 1896 г. въ г. Вейсенштейнѣ, и принадлежащій г. П. Ларедей, занимавшему должность учителя въ перновскомъ уѣздѣ. Затѣмъ, наконецъ, и здѣсь въ Юрьевѣ, въ приложеніяхъ ежедневной газеты „*Postimees*“ были напечатаны подъ редакціей кандидата правъ Я. Тениссона переводы повѣстей Гоголя „Днѣпръ“, „Носъ“ и „Шинель“.

Изъ выше изложеннаго видно, что если и не всѣ, то все же главныя произведенія Гоголя доступны эстскимъ читателямъ. Эсты уважаютъ и почитаютъ Гоголя какъ великаго писателя и гениальнаго юмориста. Хотя эстская литература не обширна и не имѣетъ всемірнаго значенія, но и она можетъ назвать въ числѣ своихъ представителей такихъ писателей, какъ Горнунгъ, Мазингъ, Аренсъ, Крейцвальдъ, Янзенъ, Якобсонъ, Веске, — имена, хорошо извѣстныя образованнымъ лицамъ. Она обладаетъ и переводами произведеній знаменитыхъ писателей великихъ народовъ, а именно — изъ русскихъ гениальныхъ авторовъ Ломоносова, Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Жуковского, изъ новѣйшихъ же — Тургенева, Достоевскаго и др. Но слѣдуетъ присовокупить, что именно Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь могутъ быть названы любимцами образованной части эстскаго народа.

Такъ какъ юморъ есть даръ небесный, то, разумѣется, Гоголь, какъ высоко одаренный писатель сего рода имѣетъ особенное преимущество у эстовъ. Они знаютъ, что Гоголь своимъ критическимъ и аналитическимъ юморомъ воздѣйствовалъ обновляющимъ и исправляющимъ образомъ на русскую общественную и государственную жизнь. Они желаютъ, чтобы русскій народъ имѣлъ и въ будущемъ еще много подобныхъ писателей, ведущихъ русскую литературу къ высокому развѣтію и процвѣтанію.

А. Германъ.

Гоголь въ латышской литературѣ.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи Императорскаго
Юрьевскаго Университета 21 февраля 1902 г.

Милостивыя государыни,
Милостивые государи!

Хотя во время жизни и литературной дѣятельности здѣсь нами чествуемаго писателя имѣется въ латышской литературѣ періодъ, гдѣ, конечно, еще господствуетъ большею частью переводъ съ чужихъ языковъ, то это преимущественно переводъ съ нѣмецкаго языка, а именно переводъ нѣмецкихъ классиковъ. Этотъ періодъ, въ которомъ ничего не переведено изъ сочиненій Н. В. Гоголя, есть такъ называемый періодъ преемниковъ Стендера старшаго въ латышской литературѣ.

Періодъ латышской литературы, который изобилуетъ переводами изъ сочиненій многихъ русскихъ поэтовъ-писателей, а также Гоголя, названъ періодомъ національнаго подъема, національнаго направленія, націонализма въ латышской литературѣ. Позволю себѣ прежде всего остановиться на этомъ періодѣ.

Со второй половины XIX вѣка, именно съ шестидесятыхъ годовъ, съ того времени, когда начинаютъ появляться переводы изъ сочиненій многихъ русскихъ поэтовъ-писателей на латышскомъ языкѣ, начинается и этотъ новый періодъ въ латышской литературѣ, какъ уже сказано, періодъ націонализма.

Приблизительно около того времени, когда поэтъ Ругенсъ спрашиваетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Когда увидятъ латыши тѣ времена,
 Какими наслаждаются другія племена?
 Когда подуетъ благопріятный вѣтерокъ,
 Который освѣжитъ народную доблесть-вѣнокъ?

приблизительно около половины XIX вѣка, когда ректоромъ здѣшняго университета былъ профессоръ практическаго богословія, Ульманъ, изслѣдователь латышскихъ народныхъ пѣсенъ, латышскій стихотворецъ, впослѣдствіи епископъ, приблизительно около того времени начали латышскіе юноши, *cives academiці*, собираться въ отечественномъ университетскомъ городѣ для достиженія высшаго образованія. Здѣсь же впослѣдствіи образовался кружокъ латышскихъ студентовъ съ цѣлью заниматься латышскою литературою. Три члена этого литературнаго кружка сдѣлались впослѣдствіи замѣчательными дѣятелями просвѣщенія своего народа: Юрисъ Алунансъ, одинъ изъ первыхъ поэтовъ-латышей, съ высшимъ образованіемъ, К. Вальдемарсъ, извѣстный дѣятель по дѣлу мореплаванія въ Россіи и К. Баронсъ, теперешній собиратель-издатель латышскихъ дайнъ (народныхъ пѣсенъ).

Вальдемарсъ еще въ молодыхъ годахъ на родинѣ лелѣялъ мысль: осушить море и дать своимъ землякамъ для пашни землю, которой у нихъ не было. Въ 1862 году онъ сталъ издавать въ С.-Петербургѣ *Peterburgas Avizes*, первый яркій органъ для рѣшенія національных стремленій, который ревностно домогался народнаго просвѣщенія на началахъ націонализма. Девизомъ этой газеты было:

Впередъ, братья, поскорѣе,
 Намъ принадлежитъ будущее,
 Да будетъ погребено худое прошлое.

Такъ тутъ между прочимъ въ своемъ стихотвореніи „Наше достояніе“ писалъ Баронсъ.

Уже въ разныхъ областяхъ замѣчается извѣстная бод-
 рость. Стендеръ старшій, пасторъ, благочинный (пробстъ),
 поэтъ, профессоръ, ученый, самый выдающійся мужъ Кур-
 ляндіи въ XVIII, такъ названномъ, философскомъ вѣкѣ,
 еще выступалъ какъ-бы проповѣдникомъ въ пустынѣ. Хотя
 онъ не находилъ передъ собою почти ничего другого какъ
 тьму, суевѣріе и тупое рабство, то все-таки онъ неутомимо
 восклицалъ: *Cilajeet grātu!* (Возвышайтесь умомъ!) И это
 почти такъ же дѣйствовало, какъ то величественное твор-
 ческое слово: „Да будетъ свѣтъ!“ — И здѣсь „и бысть
 свѣтъ“. Гарлибъ Меркель звонилъ было во всѣ колокола
 свободы. Туманъ тьмы расходился. Даже слѣпому Инд-
 рикису, одному изъ первыхъ поэтовъ, природныхъ латышей,
 восходилъ свѣтъ свободы. Поэтъ Ливенталь еще вздыхалъ
 о барщинѣ, пѣлъ о стонахъ, вздохахъ барщины, а Э. Дюнс-
 бергъ ликуетъ уже въ восторгѣ свободы: Братья, пойдемъ
 въ большой храмъ Божій, тамъ сотнями голосовъ будемъ
 пѣть въ собраніи. Какъ голоса соединяются, такъ и въ
 братской дружбѣ пусть отечественныя желанія раздаются
 на небесной высотѣ. Итакъ, приходъ-мѣръ собирается и онъ
 состоитъ уже изъ свободныхъ, сознающихъ достоинство и
 права человѣка.

Въ 1863 г. (и отъ 1865 до 1867 года) пасторъ Юрисъ
 Нейкенсъ издаетъ свой *Ceta beedrs* (Спутникъ) и достав-
 ляетъ тутъ своими оригинальными повѣстями изъ латыш-
 ской народной жизни латышамъ духовную пищу и подкрѣп-
 леніе. И въ 1869 г. начинается выходить *Baltijas Vēstnesis*
 (Балтійскій Вѣстникъ), выступающій такъ же, какъ *Peter-
 burgas Avizes*, на арену національнаго движенія. Впослѣд-
 ствіи присоединяются къ нему и многія другія. Когда въ
 это время начали выступать образованные латыши, тогда
 „*Zeitung für Stadt und Land*“ въ концѣ 1871 г. въ своей
 передовой статьѣ „*Nationale Bestrebungen*“ высказалась от-
 кровенно: *Der gebildete Lette als solcher ist ein Unding, ein
 Unmögliches* — образованный латышъ какъ таковой есть

безсмыслица, небылица; если латышъ получилъ образованіе, а именно высшее образованіе, то онъ непремѣнно долженъ онѣмечиться, долженъ быть пропавшимъ для своего народа.— Газета упустила изъ виду въ данномъ случаѣ то, что образованный латышъ, какъ всякій другой человѣкъ, долженъ поступать по четвертой заповѣди: чти отца твоего и мать твою. — Но педагогъ и ораторъ, О. Кронвальдъ, выпустилъ въ 1872 году брошюру: „Nationale Bestrebungen. Erläuterungen zu einem Artikel der Zeitung für Stadt und Land“, въ которой онъ опровергаетъ нападки газеты „Zeit. f. Stadt u. Land“ и излагаетъ цѣли и стремленія образованныхъ, въ то время такъ названныхъ, младолатышей. Кронвальдъ тутъ отвѣчаетъ и доказываетъ: конечно существуютъ образованные латыши. Да, вѣдь было время, когда утверждали, что латышу, какъ таковому, не открыты пути для спасенія души. Но какъ то, такъ и другое отошло въ область преданій. „Вооруженный существенными знаніями, дѣльнымъ умѣніемъ и недвусмысленными убѣжденіями, латышъ можетъ именно, оставаясь латышемъ, болѣе успѣшно служить задачамъ нашего времени. Ибо какъ государству, такъ и каждому нелатышскому согражданину можетъ быть лишь желательно, чтобы латыши въ знаніяхъ и жизни дѣлали успѣхи, не теряя при томъ своихъ убѣжденій“. Какъ мотто своей брошюры поставилъ онъ стихъ изъ Гомера:

„Противъ судьбы человѣкъ меня не пошлетъ къ Аидесу,
Но судьбы, какъ я мню, не избѣгъ ни одинъ земнородный,
Мужъ ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ
[родится“.

Такіе и тому подобные вопросы въ это время обсуждались и въ латышскихъ изданіяхъ очень часто и изъ этого возникъ и націонализмъ въ латышской литературѣ. Результаты латышскихъ національныхъ стремленій и цѣлей были какъ свобода, образованіе, улучшеніе матеріальнаго быта, такъ и разныя учебныя заведенія, которыя въ свою очередь

какъ непосредственно, такъ и посредственно содѣйствовали процвѣтанію латышской литературы и развитію самосознанія латышей.

Между тѣмъ какъ въ предыдущихъ періодахъ латышской литературы господствовали большею частью переводы, передѣлки съ другихъ, чужихъ языковъ, то теперь, со второй половины XIX столѣтія, столѣтія націонализма и естественнонаучныхъ изобрѣтеній, въ латышской литературной дѣятельности мало по малу воцарилась самостоятельность и рядомъ съ нею стали появляться многочисленные переводы съ русскаго языка, изъ русской литературы. Тогда господствовала извѣстная схоластика, теперь свободно творческій духъ; тогда царствовала пересадка экзотическихъ растений-произведеній на латышскую почву, теперь напротивъ насажденіе отечественныхъ растений-произведеній на родную почву.

Латышскіе поэты и писатели теперь больше обращаютъ вниманіе на свою родину, описывая латышскую жизнь, латышскій бытъ, выводя дѣйствующими лицами самыхъ латышей. Они все больше углубляются въ собственную народную поэзію, собирая, изслѣдуя латышскія народныя преданія. Всякая изящная литература предполагаетъ уже самостоятельное отраженіе всей народной жизни въ его высшихъ и низшихъ сословіяхъ. Недостаткомъ разнообразія латышской народной жизни прежняго времени и объясняется частью скудость латышской литературы древняго періода вообще и почти совершенное неимѣніе повѣствовательныхъ произведеній въ частности. Стало-быть, эпосъ, романъ, повѣсть и драма, словомъ, вся художественная поэзія, возникаетъ лишь на почвѣ сознательнаго, свободнаго творчества со времени возникновенія національнаго направленія въ латышской литературѣ, когда и появляются многочисленные переводы и критическіе разборы сочиненій русскихъ поэтовъ-писателей.

Условіемъ хорошей изящной литературы является сво-

бода, — духовная и физическая. Духовная свобода достижима образованіемъ, физическая — благосостояніемъ. Со временемъ и улучшилось поземельное положеніе; вводились законоопредѣленные контракты и наконецъ выкупъ крестьянскаго землевладѣнія. Разумная обработка почвы теперь на самомъ дѣлѣ свободнаго, владѣющаго извѣстнымъ имуществомъ, крестьянина возвышаетъ и умножаетъ благосостояніе, способствуетъ образованію и просвѣщенію, благодаря чему происходитъ развитіе семейной и общественной жизни, — преимущественное основаніе и предположеніе національной изящной литературы.

Латышская новая и новѣйшая литература обнаруживаетъ уже свою самостоятельность. Между тѣмъ какъ раньше латышскіе литературные дѣятели созидали литературныя произведенія на чужихъ началахъ, теперь же на началахъ собственной народной жизни; раньше работали латышскіе литературные дѣятели по преимуществу по чужимъ образцамъ, теперь напротивъ большею частью по образцамъ собственной натуральной поэзіи и народныхъ преданій.

Такъ какъ это направленіе въ латышской литературѣ соотвѣтствуетъ и литературнымъ стремленіямъ-тенденціямъ Н. В. Гоголя, то и не удивительно, что какъ разъ во время этого періода въ латышской литературѣ обращается вниманіе на сочиненія этого съ начала до конца самобытнаго русскаго писателя, что именно въ это время появляются въ латышской литературѣ многочисленные переводы сочиненій Гоголя. Не прошло и двадцати лѣтъ со смерти чествуемаго писателя, какъ начали переводить его безсмертныя сочиненія на латышскій языкъ. Одно изъ сочиненій Гоголя, впервые переведенныхъ на латышскій языкъ — это „Ревизоръ“, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, переведенная уже два раза на латышскій языкъ, въ первый разъ въ 1871 году, а второй разъ въ 1893 году. Въ первый разъ она поставлена въ Рижскомъ латышскомъ театрѣ Адольфомъ Алунаномъ въ 1871 году, когда она была только что переведена

и затѣмъ эту комедію довольно часто ставили. Всего изъ сочиненій Гоголя до сихъ поръ на латышскій языкъ переведено 15 произведеній, между которыми встрѣчаются 13 повѣстей, двѣ драмы, одна „поэма“ или лучше романъ и наконецъ одна „арабеска“. До сихъ поръ переведены слѣдующія ниже приведенныя произведенія въ хронологическомъ порядкѣ: 1) „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, 2) „Ревизоръ“, 3) „Тарасъ Бульба“, 4) „Майская ночь или утопленница“, 5) „Страшная месть“, 6) „Вій“ (народное преданіе), 7) „Коляска“, 8) „Сорочинская ярмарка“, 9) „Женитьба“, 10) „Старосвѣтскіе помѣщики“, 11) „Заколдованное мѣсто“, 12) „Шинель“, 13) „Похожденія Чичикова или Мертвыя души“, 14) „Носъ“ и 15) „Записки сумасшедшаго“.

Одно изъ этихъ произведеній, повѣсть „Коляска“, переведено четыре раза; два раза переведены восемь произведеній, а именно: „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, „Ревизоръ“, „Тарасъ Бульба“, „Майская ночь или утопленница“, „Женитьба“, „Шинель“, „Вій“ и „Мертвыя души“; наконецъ лишь одинъ разъ переведены шесть произведеній: „Страшная месть“, „Сорочинская ярмарка“, „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Заколдованное мѣсто“, „Носъ“ и „Записки сумасшедшаго“. Стало-быть, всего на всего 26 переводовъ и между ними встрѣчаются три изъ самыхъ лучшихъ и геніальныхъ сочиненій безсмертнаго писателя, а именно: „Ревизоръ“, „Тарасъ Бульба“ и „Мертвыя души“.

Этимъ тремъ переводамъ посвящены и рецензіи, а именно: повѣсти „Тарасъ Бульба“ пасторомъ К. Кундзинымъ въ еженедѣльной газетѣ „Baltijas Vēstnesis“ въ 1877 году, стало-быть, скоро послѣ перваго изданія перевода этой замѣчательной повѣсти. Этотъ первый переводъ повѣсти „Тарасъ Бульба“ сдѣланъ Трейландомъ-Бривземнѣкомъ, весьма извѣстнымъ латышскимъ писателемъ, усерднымъ собирателемъ-издателемъ латышскихъ народныхъ преданій,

теперешнимъ инспекторомъ народныхъ училищъ. Переводъ сопровождается введеніемъ или длинною статьею о жизни исторіи казаковъ и можно утверждать, что этотъ переводъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ. Далѣе, рецензіи посвящены: „Ревизору“ (журналистомъ Фр. Карклувалкомъ) въ ежедневной газетѣ „Baltijas Vēstnesis“ 1893 г. и „Мертвымъ душамъ“ въ 1898 году въ ежемѣсячномъ научно-литературномъ журналѣ „Austrums“ и въ газетахъ „Baltijas Vēstnesis“ и „Mājas Vēss“.

Подробное жизнеописаніе Гоголя съ портретомъ писателя помѣщено въ иллюстрированномъ еженедѣльномъ журналѣ „Rota“ (1886 г. № 18 и 19). Въ этомъ же самомъ журналѣ помѣщена и часть уже упомянутого введенія Бривземнѣка съ портретомъ Тараса Бульбы.

Хотя во второй половинѣ прошлаго XIX вѣка латышскіе литературные дѣятели были заняты твореніемъ національной, самостоятельной латышской литературы, все-таки какъ разъ въ этотъ періодъ они рядомъ съ этимъ успѣли сдѣлать многочисленные переводы, между прочими, и изъ сочиненій знаменитыхъ русскихъ поэтовъ-писателей, между которыми отнюдь не послѣднее мѣсто занимаетъ эпическій писатель Гоголь. По всей вѣроятности причиною этихъ сравнительно столь-многочисленныхъ переводовъ изъ сочиненій Гоголя, была привлекательная сила этого русскаго гения. Итакъ, живительные духовные лучи, исходящіе изъ произведеній чествуемаго, безсмертнаго писателя, свѣтятъ теперь не однимъ русскимъ, но и латышамъ и другимъ, да, всему цивилизованному міру.

Я. Лаутенбахъ.

Переводы сочиненій Гоголя.

Изъ сообщенія Л. К. Мазинга.

Сообщенными ниже данными я обязанъ главнымъ образомъ той любезности, съ которою отзывались на мою просьбу о доставленіи мнѣ свѣдѣній о переводахъ сочиненій Гоголя гг. профессора О. Ашботъ въ Будапештѣ, О. Брохъ въ Христіаніи, редакторъ А. Черны въ Прагѣ, пасторъ П. Якубенасъ въ Биржахъ (Ковенской губ.), проф. Р. Кошутичъ въ Бѣлградѣ, І. Миккола въ Гельсингфорсѣ, Э. Мука въ Фрейбергѣ Сакс., Х. (Holger) Педерсенъ въ Копенгагенѣ, И. Шишмановъ въ Софіи, редакторъ І. Шкультэты въ Турчанскомъ Св. Мартынѣ, проф. І. Третіакъ и М. Здеховскій въ Краковѣ. Эти данныя, за которыя я считаю своимъ пріятнымъ долгомъ здѣсь еще разъ выразить всѣмъ названнымъ ученымъ мою искреннюю благодарность, послужили мнѣ на торжественномъ актѣ Гоголевскаго праздника матеріаломъ для краткой характеристики степени знакомства съ Гоголемъ иностранныхъ, вообще невеликорусскихъ литературъ. Несмотря на неполноту этихъ данныхъ (пока недостаётъ мнѣ, между прочимъ, свѣдѣній изъ южноевропейскихъ литературъ: испанской, португальской, итальянской и греческой, далѣе изъ румынской, а изъ славянскихъ литературъ мнѣ не удалось получить свѣдѣній

касательно австрійско-словенской), уже имѣющійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ убѣдительно доказываетъ побѣдоносный входъ Гоголя во всемірную литературу. По этому, изъ сообщеннаго мною на актѣ 21 февр. 1902 г., по моему мнѣнію, эти именно данныя, во всякомъ случаѣ, являются достойными опубликованія. Утѣшительно видѣть, какъ великій художникъ умѣетъ объединять людей самыхъ разнородныхъ условій жизни, самыхъ различныхъ характеровъ, взглядовъ, направленій, наклонностей и обычаевъ, и какъ онъ достигаетъ этой цѣли не путемъ сглаживанья тѣхъ чертъ, которыми различаются между собою живые люди, слои общества и цѣлые народы, но, напротивъ, рельефно выставляя на видъ и одновременно реалистически-точно и художественно-изящно отдѣливая именно эти отличительныя индивидуальныя черты. А культурное челоуѣчество, съ своей стороны, какъ-бы инстинктивно чувствуя, что для своего самосохраненія, для спасенія своего отъ окончательнаго опошленія, ему требуется приливъ свѣжихъ соковъ индивидуальныхъ силъ и индивидуальнаго творчества, жадно хватается за эту духовную пищу.

Задача снабженія всемірнаго искусства такими свѣжими соками въ наше время въ значительной, отчасти преобладающей степени выпала на долю русскаго искусства, главнымъ образомъ русской литературы. Непрерывный рядъ геніальныхъ дѣятелей ея со временъ Пункина и до сей минуты представляетъ собою явленіе, которое, по соединенію новизны выражаемыхъ ими идей, силы и вмѣстѣ съ тѣмъ изящества ихъ выраженія и продолжительности всего движенія, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи всемірной литературы, а въ настоящее время — первое. И въ этой блестящей плеядѣ самымъ оригинальнымъ и сильнымъ представителемъ того направленія, которому вполсѣдствіи суждено было сдѣлаться наиболѣе характернымъ въ литературѣ, является Гоголь. Вліяніе этого великаго художника на всемірную литературу уже сказывается, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ довольно зна-

чительномъ количествѣ слѣдовъ въ различныхъ литературахъ въ видѣ цѣлаго ряда переводовъ. Но, очевидно, это вліяніе далеко еще не исчерпано; мы имѣемъ пока только дѣло съ зачатками его, но зачатками многообѣщающими и открывающими широкія перспективи на сильное развитіе въ будущемъ.

1.

Начну перечень переводовъ Гоголя съ малорусской литературы, изъ которой я, основываясь на сообщеніяхъ проф. І. Третіяка, могу указать слѣдующія галицкія (львовскія) изданія:

Климковичъ Ксенофонтъ. Вечери на хуторі близъ Диканькі. Повісті, видані пасічникомъ Рудимъ Панькомъ. Написавъ Миколай В. Гоголь. Перевівъ зъ московського Ксенофонтъ Климковичъ. Т. І (Руська читальня, видавана Кс. Климковичомъ, № VI) Львівъ, зъ печатні Михайла Ф. Поремби, 1865. 16^о, 172 стр. — Т. II (тамъ же, № VII) Львівъ, 1865. 16^о, 133+1 стр.

Исаевичъ С. Н. Згублена грамота. Былина, розказана дякомъ ***-скои церкви, Ник. Гоголя. (Зоря, письмо литературно-наукове для рускихъ родинъ підъ редакцією Ом. Партыцкого. Річникъ VI. Львівъ. Зъ друкарнѣ Товариства имени Шевченка, 1885, № 15—17).

Гоголь Николай В. Вечерниці. Оповідання М. Гоголя. Перекладъ Михайла Обачного й Лесі Українки, підъ редакцією Олени Пчілки. Заходомъ М. Ткаченка. Львівъ. Зъ друкарні Товариства имени Шевченка, 1885. 8^о, 40 стр. (Зміст: Передмова Панька Рудого; Запропаща грамота; Зачароване місце).

Гоголь Николай. Оповідання Николая Гоголя. 1. Старосвѣскі дворяне. Перекладъ Нат. Вахнянина. 2. Весняної ночі. Перекладъ Олени Пчілки. Львівъ. Зъ друкарнѣ Товариства имени Шевченка, 1881. 16^о, 74 стр.

Г(оловацк)ій П. Д. Ф. Тарасъ Бульба. Повѣсть изъ запорожской старины, сочиненіе Н. Гоголя, на галицко-русскій языкъ переведена П. Д. Ф. Г(оловацк)имъ. Изд. П. Федоровичъ. Во Львовѣ, въ типографіи Ставропигійскаго Института. 1850. 8^о, 172 стр.

Микола Гоголь. Тарас Бульба. Повість. З великоруської мови переклав і пояснив др. В. Щурат. Львів. (Народна Бібліотека № 4—6) 204 + 1 + XVIII стр. — Появилось въ 1900 или 1901 г.

Л(абашъ) Ст(ефанъ). Вій. Народное переданіе. Написалъ Н. В. Гоголь. (Другъ, письмо для белетристики и науки. Властитель „Академическій кружокъ“. Отвѣчаетъ за редакцію Іеронимъ И. Кордасевичъ. Львовъ. Типомъ Института Ставропигійскаго. 1874. 8^о, № 15—18.)

Вахнянинъ Анатоль. Николая В. Гоголя Повѣсть о тѣмъ, якъ посваривъ ся Иванъ Ивановичъ зъ Иваномъ Никифоровичемъ. (Зоря, письмо литературно-наукове для русскихъ родинъ пѣдъ редкаціею Ом. Партыцкаго. Рѣчникъ III. Львѣвъ. Зъ друкарнѣ Товариства имени Шевченка, 1882, № 1—3).

Гоголь Николай В. Мертвѣ души або вандрѣвки Чичикова. Поема Миколая В. Гоголя. Накладомъ редакціи „Дѣла“. Львѣвъ, 1882. 8^о, 274 + 6 стр. + портретъ (Перекладъ Ивана Франка).

Что касается достоинства этихъ переводовъ, то всѣ они, за исключеніемъ переводовъ П. Головацкаго и Ст. Лабаши, считаются образцовыми. — Особенною популярностью пользуется Тарасъ Бульба. Странно, что нѣтъ перевода Ревизора.

2.

Польская литература представляетъ слѣдующіе переводы сочиненій Гоголя:

Taras Bulba, powieść zaporoska, przełożył Federowicz (Głowacki Piotr). Lwów, 1850.

Пłaszcz, tłóm. z rossyjskiego. (Przekład Piotra Łazarowicza Szepielewicza w Pskowie.) Wilno, Glücksberg, 1844. 8°, 69 стр.

Rewizor, czyli Podróż bez pieniędzy. Komedia w 5 aktach z rossyjskiego tłóm. przez J. Chełmickowskiego. Wilno, R. Daien., druk. M. Zymelowicza, 1846. 12°, 192 стр.

Rewizor z Petersburga czyli Podróż bez pieniędzy. Komedia w 5 aktach. (Biblioteka Mrówki, tom 184 i 185.) Lwów, Księgarnia polska, druk. J. Czaińskiego w Samborze (1883). 16°, 175 стр.

Martwe dusze, poemat..... Poznań, nakładem redakcyi „Kuryera Poznańskiego“, czcionkami L. Merzbacha, 1876. 8°, 363 стр. (Tłómacz Zygmunt Kierdej-Wielhorski.)

Martwe dusze, powieść (przełożył Zygmunt Kierdej). Poznań, nakładem J. Leitgebra, druk. L. Merzbacha, 1879 въ мал. 8°, 363 стр.

Pamiętnik waryata, przełożył z rossyjskiego Marcin Szymanowski. Warszawa, 1843. 16°, 72 стр.

Powieści mniejsze z rossyjskiego. (Biblioteka powieści i romanów, Tom XVI.) Tłómaczyli P. Święcicki i J. Grzegorzewski. Lwów, Gubrynowicz i Schmidt, czcionkami Pillera, 1861. 8°, 180 стр.

Кромѣ того переводы повѣстей Гоголя помѣщали журналы Jutrzenka 1843 г., Magazyn mód 1857 г., Rozmaitości lwowskie.

Изъ сочиненій Гоголя польская публика, кажется, наиболѣе знакома съ Ревизоромъ, который, по замѣчанію проф. Третіака, въ сносномъ переводѣ время отъ времени является на сценахъ въ Краковѣ, Львовѣ и Познани.

3.

Въ чешской литературѣ имѣются переводы сочиненій Гоголя съ 40-овыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда Карль Гавличекъ (Havlíček), славный авторъ „Крещенія Св. Владимира“, началъ издавать по-чешски „Мертвыя души“ и нѣсколько мелкихъ разсказовъ Гоголя (напр. „Носъ“).

Въ 60-тыхъ годахъ «Мертвыя души» въ другомъ переводѣ

появились въ *Besedy slovanské. Sbirka románů původních a překladů ze všech národů slovanských Ročník II V Praze, 1862.* Первые три книжки этого года содержатъ: *Mrtvé duše. Román od Mikuláše Gogola. Z ruštiny přeložil E. Vávsa.*

Въ 90-ыхъ годахъ сочиненія Гоголя въ переводѣ Игнаца Гошка (Hošek) появились въ Русской Библиотекѣ, издаваемой подъ редакціей Яроміра Грубаго (Hrubý) въ Прагѣ у книгопродавца И. Отто:

I. *Dobrodružství Čičikova aneb Mrtvé duše. 1891.* (Похожденія Чичикова или Мертвыя души.)

II. *Večery na dědince blízko Dikaňky¹⁾ a Revizor. — Rozuzlení Revizora. 1892.* (*Rozuzlení* — развязка).

III. *Mirgorod. — Novelly a Arabesky. 1893.*

4.

Венгерско-словенская (= словацкая) литература имѣетъ слѣдующіе переводы сочиненій Гоголя:

Večer pred svätým Jánom. Starobylá povest. Preložil Nezabudov. Въ журналѣ *Sokol*, 1869, стр. 2—10.

Ztratený list. Starobylá povest, rozprávaná od diačka ...skej cirkve. Preložil Nezabudov. Тамъ же, 1868, стр. 208—213. (Пропавшая грамота, былъ, рассказанная дьячкомъ ***ской церкви).

Noc pred Božím narodením. Preložil Martin Kukučín. Národné Noviny, 1889, № 82—88.

Strašná pomsta. Preložil J. R. (= Janko Rimavský = Ján Francisci). Slovenské Pohľady, 1886, № 10 и 11. (Страшная месть).

Počarované miesto. Starobylá povest... Preložil Neza-

1) За недостаткомъ шрифтовъ въ типографіи пришлось нѣсколько буквъ какъ чешскаго, такъ и другихъ языковъ замѣнить то сочетаніями двухъ буквъ, то буквами чужихъ языковъ или же какими-нибудь другими извѣстными знаками, которые оказались наиболѣе удобными въ моемъ положеніи. Въ данномъ случаѣ ѣ означаетъ смягченный, палатализованный п.

budov. Въ журналѣ Sokol, 1868, стр. 368—371. (Заколдованное мѣсто).

Starosvetskí zemani. Preložil Jozef Škultéty. Národné Noviny, 1886, № 126, 131—133. (Старосвѣтскіе помѣщики).

Taras Buľba. Povest. Preložil Jozef Škultéty. Románová Bibliotéka, sväzok I. Turčiansky Sv. Martin, 1883.

Kyjovskí študenti. Preložil A. Sytniansky. — Периодич. изд. Orol, 1874, стр. 133—137, 186—190, 218—222, 246—248, 270—275. (Это — «Виѣ»).

Vij. Preložil J. R. — Slovenské Pohľady, 1889, стр. 481—506.

Povešť o tom ako povadil sa Ivan Ivanovič s Ivanom Nikiforovičom. Preložil M. Kukučín. Národné Noviny, 1890, № 101—104, 106—110.

Nos. Preložil C. D. — Slovenské Pohľady, 1889, стр. 443—460.

Керен¹⁾. Preložil M. Kukučín. Тамъ же, стр. 215—234. (Керен¹⁾ — шинель).

Koľaska. Preložil C. D. — Národné Noviny, 1888, № 147, 148.

Revízor. Komédia v piatich dejstvách. Preložil Fedor Jesenský. Nákladom vlastným. V Uhorskej Skalici. Tlačou Jozefa Teslíka. 1900. 112 стр.

Kapitán Kopiejkín. Preložil Nezabudov. — Sokol, 1868, стр. 133—136.

Mirgorodský plukovník. Preložil Jozef Škultéty. Slovenské Pohľady, 1901, стр. 490—496. (Это — «Глава изъ историческаго романа», см. Арабески, ч. 1).

O maloruských piesňach¹⁾. Preložil Svetozár Hurban. Тамъ же, 1881, стр. 468 и слѣд. (Изъ Арабесокъ, ч. 2).

O lyrisme ruských básnikov. Preložil Svetozár Hurban. Тамъ же, 1881, стр. 322—328. («О лиризмѣ нашихъ поэтовъ» изъ Переписки съ друзьями).

Čím môže byť žena pre muža v domácnosti. Preložila Bohdana Škultéty. Тамъ же, 1891, стр. 632 и слѣд. («Чѣмъ можетъ быть

1) ѣ — смягченный п. См. примѣчаніе на стр. 137.

жена для мужа въ простомъ домашнемъ быту» изъ Переписки съ друзьями).

Zvláštnosti ruskej poesie. Preložil Svetozár Hurban. Тамъ же, 1882, стр. 515—530. («Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность» изъ Переписки съ друзьями).

5.

Въ сербо-лужицкой литературѣ мы имени Гоголя не встрѣчаемъ. Знакомство съ русской литературой у лужицкихъ сербовъ начинается нѣсколько позднѣе, едва ли раньше Тургенева и Л. Толстого, имена которыхъ, правда, занимаютъ уже весьма почетное мѣсто въ ихъ письменности.

6.

Изъ болгарской литературы можно указать слѣдующія изданія:

Бѣдни вечеръ. Пловдивъ, 1888. (Это — „Ночь предъ Рождествомъ“ изъ 2 части Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки.)

Едноврѣмешнитѣ Господари. Прѣвелъ Н. Филиповъ. Журналъ „Мисль“, годъ VIII, стр. 545—624. (Старосвѣтскіе помѣщики.)

Тарасъ Булба. Прѣвелъ Н. Бончовъ. Периодическо Списание на Книжовното Дружество. Браила, 1871, кн. VII, VIII и IX.

Существуютъ и отдѣльныя изданія: одно вышло въ Браилѣ въ 1872 г., другое — въ Софіи въ 1882 г. (Это послѣднее изданіе — подъ заглавіемъ: Тарасъ Булба, повѣсть отъ Н. Гоголя. Преведе Н. Бончовъ. Отдѣлно прѣпечатана и издадена отъ „Българ. Книжовно Дружество“ въ Сръдецъ. Сръдецъ, Държавна печатница, 1882. 8^о, 113 стр.)

Носъ. Прѣвелъ отъ руски А. А. Храновъ. Газета „Съзнание“, София, 1883, (годъ I) № 43 и слѣд.

Носъ. Пловдивъ, 1888.

Шинель. Прѣвелъ Т. Китанчевъ. Журналъ „Мисль“, годъ IV, стр. 513. 606. 758.

Шинель. Пловдивъ, 1887.

Ревизоръ. Прѣвелъ Христовичъ. „Българска Иллюстрация“, София, годъ I (1880), кн. IX, стр. 17 и слѣд.; годъ II, кн. I и слѣд.

Ревизоръ, комедия въ 5 дѣйствія. Шуменъ.

Ревизоръ, комедия въ 5 дѣйствія. София, 1882.

Женидба. „Народенъ Учитель“. годъ I (1883), кн. II и слѣд.

Женидба. Прѣвелъ Ив. Ивановъ. „Трудъ“, годъ II, кн. XI и слѣд.

То же отдѣльно въ Тырновѣ, въ 1889 и 1897 гг.

Мъртвитѣ души, ч. 1. Прѣвелъ П. Калчевъ. 1891.

Мъртви души. Отломъкъ изъ гл. VII. Прѣвелъ Ил. С. Бобчевъ. „Бълг. Сборка“, годъ III (1896), стр. 481—513.

Животъ. Прѣвелъ Златоустовъ. Газета „Отечество“, 1884, годъ I, № 27. („Жизнь“, изъ Арабесокъ, ч. 2.)

Невский проспектъ. Прѣвожда отъ руски Т. Китанчевъ. „Мисль“, годъ IV, стр. 186, 285, 435, 512, 606, 607.

Записки на единъ лудъ. София, 1884. (Записки сумасшедшаго.)

Профессоръ Шишмановъ, впрочемъ, предупреждаетъ, что знакомство болгарской публики съ Гоголемъ не ограничивается вышеназванными переводами. Болгарская интеллигенція большею частью предпочитаетъ читать произведенія какъ Гоголя, такъ и прочихъ великихъ писателей русскихъ въ оригиналѣ, къ чему она достаточно подготовлена вслѣдствіе того, что въ Болгаріи русскій языкъ входитъ въ число обязательныхъ предметовъ гимназическаго обученія.

7.

Въ сербо-хорватской литературѣ мы встрѣчаемъ слѣдующіе переводы сочиненій Гоголя:

Сорочински сајам (Сорочинская ярмарка), въ сборникѣ „Забава Српкињама“¹⁾, Новый Садъ, 1864 г., въ переводѣ издателя сборника Георгія Поповича (Гјоргје²⁾ Поповић³⁾.

Ноћ³⁾ у очи Иванѣа-дне¹⁾ (Вечеръ наканунѣ Ивана Купала), тамъ же, переводчикъ тотъ же.

Утопленица⁴⁾ (Майская ночь или утопленица), въ періодическомъ изданіи „Јавор“, 1862 г., въ переводѣ Стојана Новаковича (Стојан Новаковић³⁾).

Изгубљено⁴⁾ писмо (Пропавшая грамота), въ період. изд. „Даница“, 1867 г., въ переводѣ Георгія Поповича.

Ноћ³⁾ у очи Божића³⁾ (Ночь предъ Рождествомъ) въ період. изд. „Седмица“, 1858 г., переродъ Георгія Поповича. Другое изданіе того же самаго перевода въ „Забава Српкињама“¹⁾, 1864 г.

Страшна osveta (Страшная месть), въ „Забава Српкињама“¹⁾, 1864 г.

Иван Федоровић³⁾ Шпонька¹⁾ и нѣгова¹⁾ тетка (Иванъ Федоровичъ Шпонька и его тетушка), въ період. изд. „Јединство“, 1870 г. въ переводѣ Милована Глишича (Милован Глишић³⁾).

Гјаволска²⁾ посла (Заколдованное мѣсто), въ період. изд. „Матица“, 1870 г., въ переводѣ Лазы Лазаревича (Лаза Лазаревић³⁾).

Стари свет (Старосвѣтскіе помѣщики), въ „Забава Српкињама“¹⁾, 1864 г., въ переводѣ Георгія Поповича.

1) нъ замѣняетъ букву сербской азбуки, слѣдующую за н.

2) Гј (гј) замѣняетъ букву сербской азбуки, слѣдующую за д.

3) ћ выражаетъ букву сербской азбуки, слѣдующую за т.

4) ль замѣняетъ букву сербской азбуки, слѣдующую за л.

Тарас Бульба ¹⁾, въ період. изд. „Невен“, 1855 г., въ переводѣ Николая Беговича (Никола Беговић ²⁾). Другой переводъ — Милована Глишича — напечатанъ въ газетѣ „Српске Новине“, 1876 г. Этотъ послѣдній переводъ вышелъ и отдѣльнымъ изданіемъ.

Вије (Вій), въ „Даницѣ“, 1863 г.; переводъ Георгія Поповича.

Како се свадіо Иван Ивановичъ ²⁾ и Иван Никифоровић ²⁾, тамъ же, 1866 г.; тотъ же переводчикъ.

Портрет, тамъ же, 1866 г., тотъ же переводчикъ.

Нос, въ період. изд. „Вила“, 1867 г., въ переводѣ Миты Ракича (Мита Ракић ²⁾).

Шиньел ³⁾ (Шинель), въ період. изд. „Србадија“, 1872 г., въ переводѣ Любомира Мильковича (Љубомир ¹⁾ Мильковић ²⁾).

Каруце (Коляска), въ „Даницѣ“, 1867 г., въ переводѣ Георгія Поповича.

Ревизор, въ переводѣ протоіерея Живоина Јовичича (Живојин Јовичић ²⁾), въ послѣдствіи архимандрита Кирилы, въ Бѣлградѣ въ первый разъ былъ поставленъ на сценѣ въ Народномъ театрѣ въ 1870 г. и съ тѣхъ поръ пользуется большими симпатіями публики.

Въ 1880 г. появился новый переводъ — Перы Тодоровича (Пера Тодоровић ²⁾) — въ Новомъ Садѣ, въ сборникѣ „Мала Библиотека“.

Женидба въ первый разъ, въ Бѣлградѣ, была представлена въ Народномъ театрѣ въ 1872 г., въ переводѣ д-ра Станоя Нешича (Станоје Нешић ²⁾), но въ печати до сихъ поръ еще не появлялась.

Мртве душе переведены два раза: первый переводъ сдѣлали и въ 1872 г. опубликовали Милованъ Глишичъ

1) См. примѣчаніе 4 на стр. 141.

2) См. примѣчаніе 3 на стр. 141.

3) См. примѣчаніе 1 на стр. 141.

и Любомиръ Мильковичъ. Кромѣ этого существуетъ еще переводъ, сдѣланный Харамбашичемъ.

Невски проспектъ, въ „Забава Српкињама“ ¹⁾, 1864 г., въ переводѣ Георгія Поповича.

Записки сумасишавшег (Зап. сумасшедшаго), тамъ же, переводчикъ тотъ же.

8.

Относительно австрійско - словенской литературы, въ которой, несмотря на ея небогатство, было бы неудивительно встрѣтиться съ переводами, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ изъ сочиненій Гоголя, мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось получить никакихъ свѣдѣній по этому вопросу.

9.

Изъ неславянскихъ литературъ ближайшія по языку — литовская и латышская. Въ первой изъ нихъ, какъ мнѣ сообщаетъ одинъ ея знатокъ, бирженскій пасторъ П. Х. Якубенасъ, относящихся сюда переводовъ не имѣется; относительно послѣдней въ этомъ же сборникѣ есть сообщеніе Я. И. Лаутенбаха. Мы поэтому прямо обращаемся къ болѣе дальнимъ родственнымъ славянъ, германцамъ, начиная съ нѣмцевъ.

10.

Нѣмецкая литература представляетъ слѣдующіе переводы сочиненій Гоголя:

Eine Mainacht, въ „Phantasien und Geschichten von Nikolaus Gogol. Übersetzt von Wilhelm Lange und Philipp

1) См. примѣчаніе 1 на стр. 141.

Löbenstein. Drittes Bändchen Leipzig. Druck und Verlag von Philipp Reclam jun.“ безъ обозначенія года (между 1883—1886 г.) = Philipp Reclam's Universal-Bibliothek № 1767. Переводчикъ — Ф. Лёбенштейнъ.

Die Mainacht. Autorisierte Übersetzung. Dresden, E. Pierson. 1891. 8°.

Die Nacht vor Weihnachten, въ „Phantasien und Geschichten von Nikolaus Gogol. Übersetzt von Wilhelm Lange und Philipp Löbenstein. Erstes Bändchen . . . Leipzig. Druck und Verlag von Philipp Reclam jun.“ (между 1883—1886 г.) = Philipp Reclam's Universal-Bibliothek № 1716.

Der Zauberer. (Это — „Страшная мѣсть“). Тамъ же, viertes Bändchen, = Ph. Reclam's Universal-Bibliothek № 1836. Переводчикъ — Ф. Лёбенштейнъ.

Ein Landjunker („Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“). Тамъ же, drittes Bändchen, = Ph. Reclam's Universal-Bibliothek № 1767. Переводчикъ — Ф. Лёбенштейнъ.

Ein Bild der guten alten Zeit. (Старосвѣтскіе помѣщики.) Nikolas Gogol, Russische Novellen. Nach L. Viardot übertragen von Heinrich Bode. Band 2. Leipzig, Otto Klemm. 1846. 8°.

Kleinrussische Landedelleute. (То же самое.) Russische Geschichten. Deutsch von Wilhelm Wolfsohn. Dresden, 1883. 8°.

Kleinrussische Landedelleute. Autorisierte Übersetzung. Dresden, E. Pierson. 1891. 8°.

Altväterliche Leute. (То же самое.) Deutsche Hand- und Hausbibliothek von Spemann. № 42. Stuttgart, 1883. 8°. Перевелъ Юлій Мейкснеръ.

Taras Bulba. Nikolas Gogol, Russische Novellen. Nach L. Viardot übertragen von Heinrich Bode. Band 2. Leipzig, 1846.

Taras Bulba, der Kosakenhetman. Philipp Reclam's Universal-Bibliothek № 997, 998. Лейпцигъ, между 1877—1882 г. Переводчикъ — Вильгельмъ Ланге.

Der König der Erdgeister. (Вѣд.) Nikolas Gogol,

Russische Novellen. Nach L. Viardot übertragen von Heinr. Bode. Band 2. Leipzig, 1846.

Der König der Erdgeister, въ „Phantasien und Geschichten von Nikolaus Gogol. Übersetzt von Wilh. Lange und Philipp Löbenstein. Zweites Bändchen Leipzig. Druck und Verlag von Philipp Reclam jun.“ (между 1883—1886 г.) = Ph. Reclam's Universal-Bibliothek № 1744. Перевелъ В. Ланге.

Der Hader zweier Mirgoroder Grössen. (Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ.) Тамъ же; перевелъ Ф. Лёбенштейнъ.

Die Nase. Тамъ же, drittes Bändchen = Universal-Bibl. № 1767. Перевелъ В. Ланге.

Der Mantel. Тамъ же, erstes Bändchen = Universal-Bibl. № 1716.

Der Mantel. Russische Geschichten. Deutsch von Wilh. Wolfsohn. Dresden, 1883. 8°.

Der Mantel. Autorisierte Übersetzung. Dresden, E. Pier-son. 1891. 8°.

Die Kalesche. Nikolas Gogol, Russische Novellen. Nach L. Viardot übertragen von Heinr. Bode. Band 2. Leipzig, 1846.

Сюда же относятся слѣдующія три изданія, въ загла-віяхъ которыхъ не показано, о какихъ именно повѣстяхъ Гоголя идетъ рѣчь :

Russisches Leben und Dichten. Leipzig, Biedermann, 1851. 8°, IV и 356 стр. (Содержитъ повѣсти гр. Сологуба и Гоголя.)

Russische Novellen von Nikolas Gogol. Mit einer Einleitung von Friedrich Bodenstedt. Collection Spemann. Deutsche Hand- und Hausbibliothek. Band 6. Stuttgart, 1881. 8°, VIII и 232 стр.

Nikolaj Wassiljewitsch Gogol, Erzählungen. Aus dem Russischen von Dr. H. Tykocinsky. Meyer's Volksbücher. № 1231—1233. Leipzig, Bibliographisches Institut. 1899. 16° больш. формата, 204 стр.

Далѣ :

Der Revisor. Deutsch bearbeitet von Wilh. Lange. Universal-Bibliothek von Ph. Reclam jr. № 837. Лейпцигъ, между 1877—1882 г.

Der Revisor Nach der letzten kritischen von Tichonrawow besorgten Ausgabe übertragen von Friedrich Fiedler. Bibliothek der Gesamt-Litteratur des In- und Auslandes. № 760. 761. Verlag von Otto Hendel in Halle S. 1894. 8°.

Der Revisor, Lustspiel in fünf Aufzügen. Aus dem Russischen von W. Moderow. Meyer's Volksbücher. № 1256. 1257. Leipzig, Bibliographisches Institut. 1901. 16° больш. формата, 92 стр.

Die todten Seelen. Ein satyrisch-komisches Zeitgemälde. Aus dem Russischen übertragen, mit Anmerkungen versehen und bevorwortet von Philipp Löbenstein. Leipzig, Verlag von Philipp Reclam. 1846. 8°.

Тотъ же самый переводъ въ „Universal-Bibliothek“ Филиппа Реклама младшаго, № 413, 414. (между 1871 и 1876 гг. — часть 1); № 1466, 1467 (между 1877 и 1882 гг. — часть 2.)

Das Tagebuch eines Narren. (Записки сумасшедшаго). Nikolas Gogol, Russische Novellen. Nach L. Viardot übertragen von Heinr. Bode. Band 2. Leipzig, Otto Klemm. 1846. 8°.

Die Memoiren eines Wahnsinnigen (то же самое) въ „Phantasien und Geschichten von Nikolaus Gogol. Übersetzt von Wilh. Lange und Philipp Löbenstein. Viertes Bändchen Leipzig. Druck und Verlag von Philipp Reclam jun.“ (между 1883—1886 гг.) = Ph. Reclam's Universal-Bibliothek № 1836. Переводчикъ — Августъ Шольцъ (Scholz).

Tagebuch eines Wahnsinnigen. Frei nach Gogol, von B. Manassewitsch. München, Foth. 1886. 8°, IV и 32 стр.

То же самое въ коллекциі Манасевича, № 31.

11.

Переводы на голландскомъ языкѣ :

Taras Bulba de hetman der Kozakken, vertaald door W. P. Kops. Amsterdam, A. Rössing. 1888. 8°.

De revisor. Blijspel in vijf bedrijven, naar het Russisch door Niko en Tony. Amsterdam, W. Versluys. 1887. 8°.

Doode zielen (Мертвыя души). Russische typen. Vertaling en narede van J. A. Bruins. Amsterdam, A. Rössing. 1888. 2 dln. gr. 8°.

Dagboek van eenen waanzinnige. (Записки сумасшедшаго.) Zutphen, W. C. Wansleben. 1887. 8°.

12.

Английскіе переводы, изданные частью въ Англіи, частью въ Америкѣ :

St. Johns Eve (Вечеръ наканунѣ Ивана Купала) and other Stories, from the Russian. New York, 1886. 12°. И „other Stories“ разумѣется Гоголя же.

St. Johns Eve, transl. from Russian by Isabel F. Hapgood J. & R. Maxwell. 1887. 8°.

St. Johns Eve Vizetelly. 1887—1889. (Въ одномъ сборникѣ съ Тарасомъ Бульбой и другими повѣстями.)

Cossack Tales (Тарасъ Бульба), transl. from the Russian by Geo. Tolstoy Jas. Blackwood. 1860. 8°.

Taras Bulba, a Tale of the Cossacks, transl. New York, 1886. 12°.

Taras Bulba. From the Russian by Isabel F. Hapgood J. & R. Maxwell. 1887. 8°.

Taras Bulba, St. Johns Eve etc. Vizetelly. 1887—1889. 8°.

Inspector (Ревизоръ). From the Russian by T. Hart Davies . . . Thacker. 1892. 8°.

Inspector-General. Russian Comedy, translated London: Walter Scott. 1892.

The Inspector-General (or „Revizor“). A Russian Comedy, translated London: Walter Scott. 1893.

The Inspector-General (or „Revizór“). A Russian Comedy by Nikolai V. Gogol. Translated from the Original, with Introduction and Notes by Arthur A. Sykes. London: Walter Scott. 1896. 8°. XIX и 185 стр.

Dead Souls. A Novel, translated by Isabel F. Hapgood. 2 vols. New York, 1886. 12°.

Тотъ же самый переводъ, въ двухъ же томахъ, но въ осьмую долю листа, изданъ J. & R. Maxwell'ами, въ 1887 г.

Dead Souls. Cheap Edition. . . . Vizetelly. 1887—1888 8°.

13.

Датскіе переводы:

Aftener paa en Gaard i Nærheden af Dikanjka. Fortællinger, udgivne af Rudyj Panjko, Biopklækker. Efter den russiske Original ved E. M. Thorson. København¹⁾, 1856. (Вечера на хуторѣ близъ Диканьки.)

Taras Bulba, Hetman ved Kosakkerne. Oversat af L. Kragballe. København¹⁾, 1886.

Карпен (Шинель), въ Сборникѣ В. Мёллера (Vilh. Möller¹⁾) „Udvalgte Fortællinger ved russiske Novellister. København¹⁾, 1875.“

Døde¹⁾ Sjæle. En satirisk Digtning. Oversat fra Russisk af Åge Meyer Benedictsøn. København¹⁾ & Kristiania, 1900. (Мертвыя души.)

Ревизора играли въ Копенгагенѣ, но переводъ до сихъ поръ еще не вышелъ въ печати.

Изъ названныхъ сочиненій „Шинель“ переведена не съ оригинала, а съ нѣмецкаго или французскаго перевода.

1) ö замѣняетъ вкось перечеркнутое о датскаго алфавита.

По замѣчанію проф. Педерсена, Гоголь датскою публикою читается менѣе, чѣмъ Пушкинъ и Лермонтовъ. Большею извѣстностью среди датской публики пользуются болѣе новые писатели русскіе, начиная съ Льва Толстого (Тургеневъ, Достоевскій и прочіе, до Чехова и Горькаго включительно).

14.

Датскіе переводы читаются и въ Норвегіи; но существуютъ переводы, хотя весьма немногихъ сочиненій Гоголя, и на норвежскомъ языкѣ, да и эти немногіе переводы страдаютъ тѣмъ недостаткомъ, что сдѣланы не съ оригиналовъ. Профессору Броху я обязанъ указаніемъ слѣдующихъ норвежскихъ переводовъ :

Markedet i Sorø (Сорочинская ярмарка). Съ французскаго перевода переложено нѣкимъ „R. P.“ (вѣроятно: адвокатомъ Педерсеномъ) въ Христіаніи, въ 1892 г.

En mai nat (Майская ночь). Переведено съ нѣмецкаго или французскаго Гергардомъ Граномъ (*Gerhard Gran* — теперь профессоръ университета въ Христіаніи), въ Бергенѣ, въ 1890 г.

„Ревизоръ“ переведенъ на норвежскій языкъ, но этотъ переводъ, какъ и датскій, не вышелъ въ печати. Въ Христіаніи, въ 1890 г., между 5-ымъ и 30-ымъ мая, 6 разъ представляли Ревизора на сценѣ. Несмотря на чуждую среду отдаленнаго прошлаго, публика встрѣтила эти представленія съ большимъ интересомъ.

Отсутствіе переводовъ большей части сочиненій Гоголя проф. Брохъ объясняетъ весьма ограниченнымъ до послѣдняго времени знакомствомъ норвежскихъ литераторовъ съ русскимъ языкомъ. Когда же, въ новѣйшее время, сталъ пробуждаться болѣе оживленный интересъ къ русской литературѣ, а отчасти и къ русскому языку, вниманіе читающей публики естественно обратилось главнымъ образомъ на

современныя литературныя откровенія русской мысли, которыя, безъ сомнѣнія, еще надолго займутъ преобладающій интересъ читателей.

15.

Шведскіе переводы:

Mirgorod. Genremålning ifrån Lilla Ryssland. Ur Nikolai Gogols novellsamling „Aftnarna på Dikanka“. Öfversättning från ryskan. Helsingfors, Frenckell & son, 1850. 12°, 91 стр. Переводчикъ А. В. К. Lundahl.

Revisorn. Lustspel i 5 akter. Öfversättning af V. E. Öman. Stockholm, F. & G. Beijer, 1878. 8°, 121 стр.

Döda själar. (Мертвыя души.) Öfversättning från ryskan af O. A. — Helsingfors, G. W. Edlund. 1895. 8°, IX и 260 стр. („О. А.“ — вѣроятно Olga Aspelin.)

En vansinnigs dagbok. (Записки сумасшедшаго.) Stockholm, Ad. Johnson. 1886. 8°, 32 стр.

Повѣсти Гоголя содержатся еще между прочимъ въ слѣдующихъ стокгольмскихъ изданіяхъ:

Nicolai Gogol. Ryska bilder. Två noveller. Öfversatta af A. Jensen. — Stockholm, Fr. Skoglund. 1883. 8°, 149 стр. Это два первыхъ номера изданія „Kulturbilder i novellform, i öfversättning från nutidens bästa författare jämte biografier och porträtt, utgifna af F. von Schéele. Stockholm, Fr. Skoglund.“ 8°.

Nikolaj Vasiljevitch Gogol, Berättelser. Från ryskan öfversatta af K. E. Peterson. Stockholm, Fahlerantz & K. 1889. 8°, 110 стр.

Nicolai Gogol, Berättelser. Öfversättning. Stockholm, J. Seligmann. 1889. 8°, 171 стр. — принадлежитъ къ „Humoristiskt bibliotek“ названнаго издателя.

16.

Изъ области романскихъ литературъ я теперь могу указать лишь переводы на французскомъ языкѣ, именно слѣдующіе:

Les Veillées de l' Ukraine. (Вечера на хуторѣ близъ Диканьки). Traduit du russe par E. Halpérine-Kaminsky. — Marpon et Flammarion. 1890. 16°. (= „Les Auteurs célèbres“, томъ 172.)

Первая часть „Миргорода“ (Старосвѣтскіе помѣщики и Тарасъ Бульба) и одна повѣсть второй части, именно Вій, появились въ изданіи:

Nouvelles russes. Traduction française, publiée par Louis Viardot. — Paulin. 1845. 12°.

Изъ первой же части „Миргорода“ отдѣльно издано: Tarass Boulba. Traduit du russe par Louis Viardot. — Hachette et Cie. 1853. 12°.

Tarass Boulba. Mœurs des Cosaques zaporogues. Traduit du russe par B. Tseyline et E. Jaubert. — Lecène et Oudin. 1889. 8°.

Tarass Boulba. Traduction française, publiée par M. Delines. — Flammarion. 1891. 16°. (= „Les Auteurs célèbres“, томъ 197.)

Tarass Boulba. Chefs-d'oeuvre du siècle illustrés, in 16°, (Librairie illustrée) № 6 (1892 г.).

Le Manteau, par Nicolas Gogol. Въ сборникѣ „Au bord de Neva. Contes russes, traduits par X. Marmier. Avec notice sur chaque auteur. — Lévy frères. 1856.“ 12°.

Переводъ „Коляски“ въ „Nouvelles russes. Traduction française, publiée par Louis Viardot. — Paulin. 1845.“ 12°.

L'Inspecteur en tournée. Comédie. Neuchâtel, J. Sandoz. 1874. 8°.

Revisor — въ изданіи: Les deux chefs-d'oeuvre du théâtre russe: Revisor, par Nicolas Gogol; Trop d'esprit nuit, par A. S. Griboïedof. Traduction française d'E. Gothi. — Ollendorf. 1893. 12°.

Les Ames mortes. Traduction du russe par Eugène Moreau. — Havard. 1858. 4°.

Les Ames mortes. Traduit par Ernest Charrière. 2

vols. Hachette etC^{ie}. 1859. 12°. Второе изданіе этого перевода, въ двухъ же томахъ и въ томъ же форматѣ, въ 1885 г.

Записки сумасшедшаго переведены въ „Nouvelles russes. Traduction française, publiée par Louis Viardot. — Paulin. 1845.“ 12°.

Переводъ повѣстей („Contes et nouvelles“) Гоголя появился у Фламмаріона въ 1899 г., въ 12-ую долю листа; таковыя же, вѣроятно, еще и въ различныхъ сборникахъ („Choix de nouvelles russes“, „Contes russes“ etc.).

17.

Кромѣ указаннаго въ № 8 пробѣла, у меня здѣсь, какъ уже выше было замѣчено, къ сожалѣнію недостаетъ нѣсколькихъ важныхъ данныхъ, главнымъ образомъ по южноевропейскимъ литературамъ (испанской, португальской, итальянской, греческой) и по румынской. Зато изъ литературъ двухъ неродственныхъ намъ народовъ, финскаго и мадьярскаго, могу помѣстить данныя, любезно доставленныя мнѣ профессорами Микколой и Аннботомъ.

18.

На финскомъ языкѣ имѣются слѣдующіе переводы сочиненій Гоголя:

Taras Bulba. Venäjän kielestä suomentanut Samuli S[uomalainen]. 142 стр. Помѣщается въ „Uusi romanijakso, 3 vuosikerta, II. Helsinki, W. Churberg. 1878.“

Nenä (Носъ). Suomens. 18 стр. Помѣщается въ „Helsingin uuden romanijakso, 2 sarja, № 6, 1883 г. Издатель К. Е. Гольмъ (Holm), переводчикъ Матти Курикка.

Viitta (Шинель). Venäjän kielestä suomensi M[artti] V[uori]. Напечатано въ журналѣ „Valvoja“, III (1888 г.), стр. 20—26. 55—63. 83—89.

Reviisori. Huvinäytelmä viidessä näytöksessä. Suomen-
tanut A[ugust] H[jet]t. Jyväskylä, J. Länkelä. 1882. 8°. 92 стр.

Kuolleet sielut (Мертвые души). Venäjän kielestä
suomensi Samuli S[uomalainen]. Suomalaisen Kirjallisuuden Seu-
ran palkitsema käännös (т. е. переводъ удостоенъ награды
Финскаго Литературнаго Общества). 321 стр. Помѣщается
въ „W. Churbergin romanikirjasto, 2:nen vuosikerta, Hel-
sinki, 1882.“

Кромѣ того переведена на финскій языкъ „Женитьба“
(Naimariuhut). Это „совершенно невѣроятное событіе“
много разъ представляли въ финскомъ національномъ театрѣ,
но переводъ не появился въ печати.

Касательно эстонской литературы см. помѣщенное
выше въ этомъ же сборникѣ сообщеніе А. М. Германа
(Dr. Hermann).

19.

Мадьярскіе переводы:

A szorocsineczí vásár írta Gogoly M. (Сорочинская
ярмарка), въ сборникѣ русскихъ сочиненій „Orosz beszélek.
Írták Puskin S., Gogoly M., Krylov I. és Dosztojevszkij, fordí-
totta Csoréy László. Budapest, 1882.“, за № 4. Переводчикъ
Ладиславъ Чопей — природный русинъ.

A májusi éj vagy a vízbe fullt leány írta Gogoly
M. (Майская ночь или утопленница.) Тамъ же, за № 6.

A rettenetes bosszú írta Gogoly M. (Страшная месть.)
Тамъ же, за № 5.

Egy kép a régi jó idők ből¹⁾ (Старосвѣтскіе помѣ-
щики), подъ общимъ заглавіемъ „Beszélek az orosz életből¹⁾“

1) Ő вмѣсто требуемаго мадьярскою орфографіей о съ двумя зна-
ками остраго ударенія; см. примѣчаніе на стр. 137.

Gogol Miklós után. Budapest, 1875.“ Второе изданіе вышло въ 1898 г. Переводчикъ не названъ.

Bulba Tarász fordította Almási László. Budapest, 1878. Имя переводчика „Almási“ псевдонимъ; это тотъ же Чопей, который перевелъ „Сорочинскую ярмарку“ и другія повѣсти изъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“.

Környeg (Шинель), подъ общимъ заглавіемъ „Beszélyek az orosz életből¹⁾“ Gogol Miklós után. Budapest, 1875.“ Второе изд. 1898 г.

A Revisor. Irta Gógoly Vaszilyevics Miklós. Oroszból fordította s Gógoly életrajzával bevezette Szentkirályi Albert. Budapest, 1875. Въ этомъ переводѣ отличнаго знатока русскаго языка Альберта Сенткирали „Ревизоръ“ былъ нѣсколько разъ представленъ на сценѣ національнаго театра въ Будапештѣ въ 1874, 1875 и 1877 гг.

Meghalt lelyek. Satyrikus korrajz. Irta Gogol Miklós. Budapest, 1874. (Мертвыя души.) Переводчикъ неизвѣстенъ; сомнительно, чтобы переводъ былъ сдѣланъ съ оригинала.

Кромѣ трехъ послѣднихъ только что названныхъ литературъ мы находимъ данныя по интересующему насъ вопросу еще въ другихъ неродственныхъ по языку литературахъ; такова напр. грузинская, относительно которой, за неимѣніемъ подъ рукой матеріала, я вынужденъ ограничиться только указаніемъ на этотъ фактъ.

Если къ переводамъ еще присовокупить разбросанные по журналамъ и другимъ періодическимъ изданіямъ разныхъ языковъ очерки, характеристики, оцѣнки, относящіяся какъ къ отдѣльнымъ сочиненіямъ, такъ и вообще къ творчеству и самой личности Гоголя, то все это въ общемъ даетъ картину того отраднаго явленія, какъ, вмѣстѣ съ знакомствомъ съ русской литературой и наряду съ возрастающимъ признаніемъ ея достоинства вообще, вздымающеюся волною рас-

1) См примѣчаніе на стр. 153.

пространяется и слава Гоголя. Содѣйствовать опредѣленію движенія этой волны, въ видѣ собранія матеріаловъ для будущихъ, болѣе полныхъ и болѣе обширныхъ изложеній о томъ же предметѣ, вотъ цѣль этого сообщенія — скромной дани уваженія къ генію одного изъ величайшихъ художниковъ всемірной литературы.

устройству ветеринарной части и предотвращенію скотскихъ падежей; всѣ вообще предметы, касающіеся ветеринарной науки и требующіе ученыхъ изслѣдованій.

Ветеринарное Управленіе.

Статистическій Совѣтъ содѣйствуетъ министерствамъ въ работахъ по административной статистикѣ.

Центральный Статистическій Комитетъ сосредоточиваетъ собраніе, повѣрку и изданіе получаемыхъ изъ губернскихъ, областныхъ и городскихъ комитетовъ статистическихъ свѣдѣній; разрабатываетъ данныя, добытыя первою всеобщою переписью населенія Имперіи.

Техническо-Строительный Комитетъ вѣдаетъ техническую часть разныхъ гражданскихъ сооружений, составляетъ проекты особо сложныхъ сооружений, имѣющихъ общее значеніе для нѣсколькихъ губерній, или цѣлой Имперіи.

Департаментъ Общихъ Дѣлъ завѣдуетъ дѣлопроизводствомъ по личному составу министерства, счетоводствомъ и отчетностью; въ немъ сосредоточены дѣла по дворянскимъ выборамъ, сооруженію памятниковъ, о найденныхъ древностяхъ, музеяхъ, губернскихъ типографіяхъ; ходатайства о принятіи въ подданство и увольненіи изъ него и нѣк. др.

Земскій Отдѣлъ вѣдаетъ дѣла, относящіеся къ устройству и управленію крестьянскаго сословія и къ наблюденію за крестьянскими учрежденіями; дѣла по воинской повинности и др. Изъ него выдѣлено Переселенческое Управленіе (съ 1896 г.), которое руководитъ дѣломъ выдачи разрѣшеній на переселеніе, принимаетъ мѣры къ упорядоченію переселенческаго дѣла, первоначальному устройству переселенцевъ на мѣстахъ водворенія и т. п.

Главное Управленіе по дѣламъ печати сосредоточиваетъ всѣ дѣла по наблюденію за изданіями, выходящими безъ предварительной цензуры; слѣдитъ за дѣйствіями цензоровъ и цензурныхъ комитетовъ и разсматриваетъ жалобы на эти учрежденія; вѣдаетъ дѣла, относящіеся къ книжной торговлѣ, типографіямъ, литографіямъ и всѣмъ заведеніямъ, производящимъ принадлежности тисненія.

Главное Управленіе почтъ и телеграфовъ является центральнымъ учрежденіемъ по завѣдыванію почтовыми, телеграфными и телефонными сообщеніями.

Мѣстныя административно-полицейскія учрежденія суть :

Губернаторъ. Функціи губернаторской власти весьма разнообразны, почему опредѣленіе власти губернаторской представляетъ большія трудности. Онъ является 1) представителемъ высшей правительственной власти, 2) мѣстнымъ органомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 3) ему поручаются административныя задачи, изъ которыхъ нѣкоторыя выходятъ за предѣлы компетенціи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Губернаторъ, какъ непосредственный органъ М. В. Д. прежде всего 1) заботится объ охраненіи спокойствія и безопасности въ губерніи; наблюдаетъ за лицами, отданными подъ надзоръ полиціи; своею властью закрываетъ клубы, артели и другія частныя общества въ случаѣ обнаруженія въ нихъ чего-либо противнаго государственному порядку, общественной безопасности и нравственности; имѣетъ надзоръ за печатнымъ словомъ, даетъ разрѣшеніе на открытіе типографій, литографій и т. п. 2) Губернаторъ принимаетъ мѣры къ охранѣ безопасности личной и имущественной: въ случаѣ появленія разбойничьихъ шаяекъ, скопищъ воровъ, дезертировъ, бѣглыхъ и бродягъ, принимаетъ надлежащія полицейскія мѣры.

3) Губернаторъ имѣетъ особенный надзоръ за иностранцами.

На ряду съ вышеизложенными обязанностями по полиціи безопасности губернаторъ вѣдаетъ и многія отрасли благоустройственной полиціи.

Въ дѣлѣ народнаго образованія на губернатора возложено общее наблюденіе за ходомъ и направлениемъ первоначальнаго обученія въ губерніи и почетное попечительство надъ всѣми женскими гимназіями.

Участіе въ дѣлахъ, ввѣренныхъ общественнымъ учрежденіямъ (земскимъ и городскимъ) сократилось въ значительной степени, но и теперь по многимъ отраслямъ внутренняго управленія за губернаторомъ осталась извѣстная степень участія, выражающаяся въ общемъ надзорѣ за дѣятельностью общественныхъ учрежденій и въ обязанности принятія особыхъ мѣръ въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

По народному продовольствію губернаторъ имѣетъ общій надзоръ за хлѣбными магазинами, за свободной торговлею жизненными припасами.

По общественному призрѣнію губернаторъ наблюдаетъ за всѣми благотворительными заведеніями.

По пожарной части губернаторъ надзираетъ за исполненіемъ пожарнаго устава и за общимъ состояніемъ пожарной части въ губерніи.

По охраненію народнаго здравія губернаторъ наблюдаетъ за исполненіемъ правилъ врачебнаго устава, заботится о предупрежденіи появленія и распространенія заразныхъ и другихъ болѣзней, наблюдаетъ за исправнымъ содержаніемъ больницъ, тюремныхъ лазаретовъ и прочихъ подобныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства.

Обязанности по полиціи безопасности и благоустройства въ губерніи съ губернаторомъ раздѣляетъ Губернское Правленіе, дѣйствующее въ качествѣ общаго присутствія подъ предсѣдательствомъ губернатора и распадающееся на отдѣленія: распорядительное, врачебное, строительное и межевое (губернская чертежная).

Въ городахъ С.-Петербургѣ, Одессѣ, Севастополѣ, Керчь-Еникалѣ вмѣсто губернаторовъ функціонируютъ градоначальники.

Уѣздная и городская полиція. На основаніи временныхъ правилъ 1862 г. и позднѣйшихъ узаконеній во главѣ уѣздной полиціи поставлено „Уѣздное полицейское управленіе“, состоящее нынѣ изъ уѣзднаго исправника и его помощника. Существовавшія прежде общія присутствія уѣзднаго полицейскаго управленія, подъ предсѣдательствомъ исправника изъ засѣдателей, избиравшихся отъ разныхъ сословій, закономъ 8 Іюня 1889 г. уничтожены, а обязанности этихъ учрежденій возложены частью на исправниковъ и ихъ помощниковъ, частью-же на губернскія правленія (преданіе суду полицейскихъ служителей за преступленія по должности).

Въ настоящее время составъ уѣздной полиціи слѣдующій: исправникъ, помощникъ его, становые пристава. Въ городѣ — участковые пристава, ихъ помощники, городскіе пристава, ихъ помощники и полицейскіе надзиратели. Нижніе полицейскіе чины суть: полицейскіе урядники, сотскіе, въ завѣдываніи которыхъ находятся опредѣленные участки стана, называемые сотнями, десятскіе въ селеніяхъ, городовые и другіе полицейскіе служители городскихъ полицейскихъ командъ, уѣздная полицейская и конно-полицейская стража, состоящая въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на основаніи особыхъ положеній.

Къ составу полицейскаго управленія въ городахъ принадлежать пожарныя команды, подчиненныя брандмейстерамъ.

По общему правилу уѣздная полиція вѣдаетъ весь уѣздъ съ уѣзднымъ и безъуѣздными городами, посадами, мѣстечками и селеніями.

Особая городская полиція допускается только въ видѣ исключенія, подъ которое однако подходитъ значительное число городовъ, а именно: 1) города столичныя, 2) всѣ губернскіе города, 3) города и мѣстечки, которые по своему значенію вызываютъ необходимость особаго городского полицейскаго управленія.

Начальство надъ мѣстной полиціей въ уѣздѣ ввѣрено исправнику, который назначается и увольняется губернаторомъ. Обязанности исправника представляются весьма разнообразными. Онѣ перечисляются въ рядѣ статей Общаго Губернскаго Учрежденія, подраздѣленныхъ на множество пунктовъ (Ст. 680—693). Вкратцѣ эти обязанности могутъ быть сведены къ слѣдующему: 1) Исправникъ является представителемъ высшей правительственной власти въ уѣздѣ и въ силу этого обязанъ смотрѣть за повсемѣстнымъ порядкомъ, тишиною, правильнымъ и скорымъ производствомъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ полиціи.

2) Исправникъ представляетъ собою органъ администраціи вообще въ томъ смыслѣ, что онъ является исполнительнымъ органомъ, какъ по охраненію благочинія и безопасности, такъ и по различнымъ спеціальнымъ видамъ полиціи, врученнымъ разнымъ вѣдомствамъ.

Уѣздная полиція обязана не только исполнять предписанія губернскаго начальства, но и оказывать содѣйствіе почти всѣмъ вѣдомствамъ въ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей. Можно безъ преувеличенія сказать, что нѣтъ устава или циркуляра, въ которыхъ не рассчитывалось-бы на „содѣйствіе“ или „исполненіе“ уѣздною полиціей комиссій разныхъ учреждений и лицъ всевозможныхъ вѣдомствъ. Ближайшими исполнителями на мѣстахъ, въ станахъ, являются становые пристава, назначаемые губернскими правленіями преимущественно изъ дворянъ и чиновниковъ, внесенныхъ въ списокъ губернскимъ дворянскимъ собраніемъ, какъ могущихъ съ пользою занять эти мѣста.

Въ 1878 году составъ уѣздной полиціи былъ усиленъ

учрежденіемъ должности полицейскихъ урядниковъ, которые, по мысли законодателя, должны были исполнять порученія становыхъ приставовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ надзирать за сотскими и десятскими. Урядникамъ предоставлено важное право составленія протоколовъ о нарушеніи правилъ благоустройства и благочинія, производство дознаній по происшествіямъ, заключающимъ въ себѣ признаки преступленій и составленіе актовъ дознанія.

Въ помощь уѣздной полиціи законъ предоставляетъ выборныхъ крестьянскихъ властей — волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, которые должны не только безпрекословно исполнять законныя требованія полиціи, но и самостоятельно принимать первоначальныя мѣры, главнымъ образомъ, изъ области полиціи благочинія.

Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ 12 Іюля 1889 года, этимъ послѣднимъ вмѣняется въ обязанность во время отсутствія на мѣстѣ уѣзднаго исправника надзирать за дѣятельностью волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ по охраненію благочинія, безопасности и общественнаго порядка, равно какъ и по предупрежденію и пресѣченію преступленій и проступковъ.

Въ самое послѣднее время предпринята реформа сельской полиціи. Независимо отъ необходимости общаго поднятія экономическаго положенія крестьянства, деревенская жизнь стала обнаруживать такого рода изъяны, которые требуютъ принятія энергичныхъ мѣръ для ихъ устраненія. Имущественная, а мѣстами и личная неприкосновенность въ деревнѣ не вполне гарантированы, порядокъ и спокойствіе легко нарушаются, населеніе сбивается съ толку благодаря развивающейся преступной пропагандѣ разныхъ смутьяновъ и народныхъ недруговъ, словомъ стала чувствоваться потребность въ болѣе реальной заботѣ объ обезпеченіи внутренняго спокойствія, какъ необходимаго условія для успѣшности мирнаго развитія массъ.

Въ этихъ цѣляхъ, повидимому, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 5 Мая 1903 г. въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи учреждена Уѣздная (сельская) полицейская стража, состоящая изъ урядниковъ (по одному на волость) и стражниковъ (въ среднемъ по одному на 2.500 душъ). По мѣрѣ ея введенія

существующіе нынѣ полицейскіе урядники и сотскіе упраздняются.

Въ распоряженіи стражниковъ остаются выборные или вольнонаемные (по желанію сельскаго схода) десятскіе. Волостные старшины и сельскіе старосты въ вопросахъ охраны порядка и спокойствія обязаны оказывать содѣйствіе чинамъ полицейской стражи.

Глава V.

Мѣры регулированія передвиженія населенія.

§ 18. О паспортахъ внутри государства.

Право передвиженія, входя въ составъ основныхъ правъ чловѣка, признается законодательствами всѣхъ странъ. Но къ задачамъ полицейскаго права относится забота о предотвращеніи опасностей, могущихъ произойти отъ передвиженія лицъ, которое можетъ принимать различныя формы: 1) перемѣны осѣдности, т. е. измѣненія одного постоянного мѣстожителства на другое также постоянное; 2) временной отлучки изъ своего постоянного мѣстожителства, проявляющейся или въ формѣ пребыванія иностранца въ нашемъ государствѣ, или въ формѣ отлучки туземца въ иностранное государство, или въ формѣ путешествія туземца въ предѣлахъ своей страны.

Хотя перемѣна мѣстопробыванія есть прежде всего актъ свободнаго самоопредѣленія каждаго лица и касается интересовъ самого передвигающагося, но слѣдуетъ замѣтить, что передвиженіе это представляетъ собою фактъ, который можетъ весьма глубоко вліять на общественныя дѣла и на права отдѣльныхъ лицъ. Поэтому то власть правительственная не можетъ относиться къ этому безразлично.

Въ зависимости отъ юридическихъ, политическихъ и экономическихъ воззрѣній эпохи, мѣропріятія правительства видоизмѣнялись въ административной практикѣ.

1. Первоначально государство не затрудняло передвижений; препятствія лежали главнымъ образомъ въ обстановкѣ путешествія. Въ нашей древней общинѣ требовалось найти лишь поручителя (знатка), чтобы вступить въ нее.

2. Въ эпоху полицейскаго государства, при совершенномъ поглощеніи личности, передвиженія затруднены были ради обезпеченія полицейскихъ и финансовыхъ цѣлей. Въ этотъ періодъ установилось требованіе, чтобы никто не отлучался изъ мѣста своего жительства безъ начальственнаго разрѣшенія и безъ взятія установленнаго закономъ вида (паспорта), служившаго доказательствомъ самоличности отлучившагося. Въ этомъ періодѣ и возникла т. наз. паспортная система. Самый терминъ заимствованъ изъ латинскаго языка и взятъ изъ символическаго обряда, сопровождавшаго отпущеніе раба на свободу; послѣдняго ставили предъ открытыми воротами и говорили: „*i per passas portas*“; отсюда-то и разрѣшеніе на отлучку получило названіе *Pass, passeport*, паспортъ. Такимъ образомъ въ паспортѣ заключался 1) принципъ разрѣшенія на оставленіе своего мѣстопробыванія и 2) формальное удостовѣреніе личности.

Въ связи съ выдачей паспорта практиковалась и т. наз. явка его въ новомъ мѣстѣ. Явка могла быть личною и явкою документа. Естественно, что личная явка имѣетъ большее полицейское значеніе, но крайне стѣснительна.

Въ Россіи при Петрѣ I, введшимъ паспортную систему, всѣ прїѣзжіе въ С.-Петербургъ должны были являться въ полицію и предъявлять паспорта.

3. Въ настоящее время паспортная система утрачиваетъ свое значеніе, уступая мѣсто легитимации (удостовѣренію). Сущность ея заключается въ томъ, что оставленіе постоянного мѣстожительства не должно быть связано никакими разрѣшеніями и дозволеніями, а доказательство самоличности лица, его занятій, подданства, цѣли путешествія и т. п. (каковыя свѣдѣнія могутъ быть потребованы полицейскими властями ради цѣлей безопасности) предоставлено подтверждать всякими данными, письмами, свидѣтельскими показаніями, разными личными документами, помимо правительственнаго вида на жительство. При такомъ взглядѣ взятіе установленнаго вида представляется добровольнымъ актомъ каждаго, которымъ отдѣльныя лица пользуются ради ихъ собственнаго удобства.

Англія раньше другихъ странъ отказалась отъ паспортной системы, обставивъ только нѣкоторыми ограничительными условіями поселеніе въ новой общинѣ, въ интересахъ обезпеченія приходскаго призрѣнія бѣдныхъ.

Во Франціи паспорта удержались по сіе время, сохранивъ не только полицейскій, но и фискальный характеръ, служа предметомъ небольшого обложенія и являясь такимъ образомъ, по словамъ Лаваллэ, не только оружіемъ, но и налоговымъ источникомъ въ рукахъ государства.

Легитимационная система воспринята въ Германіи, хотя Императору предоставлено право въ чрезвычайныхъ случаяхъ, въ видѣ временной мѣры, возстановлять паспортную систему во всей Имперіи или въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ.

Въ до-петровской Руси надзоръ за путешествующими выражался въ томъ, что ограничивался пріѣздъ иностранцевъ въ цѣляхъ политическихъ съ одной стороны и религіозныхъ (огражденія православія отъ лжеученій) съ другой. Установились „проѣзжія грамоты“, съ цѣлью главнымъ образомъ полицейскою, хотя къ ней примѣшивалась и фискальная — сборъ печатныхъ пошлинъ.

При Петрѣ I возникла паспортная система, стремившаяся удержать крѣпостныхъ на мѣстахъ ихъ жительства и обезпечить интересы рекрутскаго набора и военного постоя. Указъ, т. наз. „плакатъ“, различалъ 2 вида паспортовъ: 1) паспортъ по плакату (т. е. казенный), выдававшійся военными командирами и позже земскими комиссарами и 2) паспортъ частный, выдававшійся помѣщиками крестьянамъ для ихъ отлучекъ, но не далѣе какъ на 30 верстъ („покормежныя письма“).

Каждое лице, получившее паспортъ, должно было явиться въ срокъ, подъ угрозою поступленія съ нимъ какъ съ бѣглымъ.

Кромѣ того, еще при Петрѣ В. паспорта сдѣлались источникомъ государственнаго дохода: при выдачѣ ихъ взимался опредѣленнаго размѣра сборъ.

Возникнувъ изъ финансовыхъ и полицейскихъ потребностей государства, паспортная система первоначально коснулась лишь податныхъ классовъ, ради лучшаго контроля за ними по отбыванію податей и повинностей. Но затѣмъ и остальные подданные подчинились этой мѣрѣ, хотя и не въ равной степени.

Со времени указа 1724 г. паспортная система пережила разныя перепитіи. Въ недавнее время, послѣ цѣлаго ряда

коммиссій, пришли къ рѣшенію отмѣнить платные паспорта и по возможности смягчить стѣснительныя предписанія паспортнаго законодательства.

Современное законодательство о паспортахъ не вылилось въ стройную систему, а представляетъ собою двѣ неравныя части, основанныя на разныхъ принципахъ: „Уставъ о паспортахъ и бѣглыхъ“, трактующій о мѣрахъ репрессивныхъ и „положеніе о видахъ на жительство“, проникнутое гуманными взглядами.

По Положенію о видахъ на жительство 3 Іюня 1894 года всѣ паспорта, за исключеніемъ заграничныхъ, носятъ общее названіе „видовъ на жительство“. Обязательность взятія вида на жительство обусловливается оставленіемъ мѣста постоянного своего жительства, термина введеннаго Екатериною II. Видъ на жительство имѣетъ по закону двойное значеніе и служить: 1) удостовѣреніемъ личности, 2) удостовѣреніемъ начальственнаго разрѣшенія на отлучку.

Мѣсто постоянного жительства опредѣляется различно для лицъ податныхъ и неподатныхъ сословій. Для послѣднихъ, т. е. дворянъ, чиновниковъ, почетныхъ гражданъ, купцовъ и разночинцевъ, мѣсто постоянного жительства опредѣляется мѣстомъ нахожденія недвижимости, мѣстомъ службы, постоянныхъ занятій. Поэтому лица эти могутъ имѣть два и болѣе постоянныхъ мѣстожительствъ, напр. одно по мѣсту службы, другое по мѣсту нахожденія недвижимаго имущества.

Вторые, т. е. мѣщане, ремесленники и крестьяне могутъ имѣть лишь одно закономъ признанное мѣстожительство, опредѣляемое мѣстонахожденіемъ того общества, къ которому они приписаны, хотя-бы сами жили въ другомъ мѣстѣ.

Законъ 1894 г. вводитъ новшество (Ст. 3 Положенія о видахъ на жительство): въ мѣстѣ постоянного жительства никто не обязанъ имѣть вида на жительство. Впрочемъ изъ этого общаго правила имѣются значительныя изъятія — 1) проживающіе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной или чрезвычайной охраны; 2) проживающіе въ меблированныхъ комнатахъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ и нѣк. др. гор.; 3) фабричныя рабочіе фабрично-заводскихъ центровъ обязаны имѣть виды на жительство.

Законъ считается съ бытовыми условіями рабочаго люда не требуетъ вида на жительство въ случаѣ кратковременныхъ отлучекъ на близкое разстояніе на заработки; именно, въ

предѣлахъ своего уѣзда, а также внѣ его, но не далѣе 50 верстъ отъ постоянного своего мѣстопробыванія и на срокъ до 6 мѣс., который еще можетъ быть продленъ для крестьянъ, нанимающихся на сельскія работы.

Видъ на жительство выдается только въ мѣстѣ постоянного жительства. Видъ есть документъ личный, но въ него вносится жена получателя и можетъ быть вписанъ цѣлый рядъ лицъ, находящихся въ зависимости отъ главы семьи, какъ-то сыновья и мужескаго пола — родственники, пріемыши и лица, состоящія подъ опекою до достиженія ими 18-лѣтняго возраста; недостигшія двадцати одного года — незамужнія дочери, родственницы и пріемыши женскаго пола, а равно дѣвицы, состоящія подъ опекою; лица, которыя по преклонному своему возрасту или состоянію здоровья, не могутъ обходиться безъ посторонняго ухода и попеченія (ст. 10).

Лицамъ, подлежащимъ призыву въ военную службу, виды на жительство, по достиженіи ими 18 лѣтъ, выдаются на цвѣтной бумагѣ.

Неотдѣльнымъ членамъ крестьянскаго семейства, хотябы и совершеннолѣтнимъ, выдаются и возобновляются виды не иначе, какъ съ согласія хозяина двора. Это стѣсненіе сохраняется въ нашемъ законѣ ради исправнаго поступленія податей, чтобы самовольная отлучка младшихъ членовъ не подрывала-бы платежеспособности крестьянскаго землевладѣнія. Предположенное измѣненіе началъ крестьянскаго хозяйства путемъ отмѣны „стѣснительной круговой поруки“, возвѣщенное Высочайшимъ Манифестомъ 26 февраля 1903 г. несомнѣнно должно отразиться и на нѣкоторыхъ статьяхъ нынѣ дѣйствующаго паспортнаго законодательства.

Впрочемъ и теперь, въ случаѣ обжалованія рѣшенія домохозяина, отказавшаго въ выдачѣ вида на жительство младшимъ членамъ семьи, таковой можетъ быть выданъ по распоряженію земскаго начальника, мирового посредника или непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ при-
судствія.

Видами на жительство для лицъ привилегированныхъ (дворянъ, чиновниковъ, духовенства, почетныхъ гражданъ, купцовъ и разночинцевъ) служатъ безсрочныя паспортныя книжки, выдаваемые по общему правилу полицейскими учрежденіями.

Дворяне неслужащіе, записанные въ родословныя книги,

могутъ обращаться за паспортными книжками и въ подлежащія депутатскія собранія. Лица состоящія на государственной службѣ и уволенные въ отставку чиновники получаютъ виды отъ своихъ начальствъ; духовенство всѣхъ исповѣданій, кромѣ римско-католическаго, отъ подлежащихъ духовныхъ властей.

Лица купческаго званія, какъ при первоначальномъ полученіи видовъ на жительство, такъ и ежегодно не позднѣе 15 февраля обязаны предъявлять полиціи особыя удостовѣренія для занесенія въ паспортную книжку отмѣтки о принадлежности владѣльца ея къ купческому сословію (ст. 37).

Видами на жительство для мѣщанъ, ремесленниковъ и крестьянъ являются срочныя паспортныя книжки, выдаваемые на 5 лѣтъ и годовые паспорта.

Установленные положеніемъ о видахъ на жительство паспорта на 3 и на 6 мѣсяцевъ, равно какъ бесплатные билеты на отлучку Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 7 Апрѣля 1897 г. отмѣнены.

Паспортныя книжки не выдаются: 1) лицамъ, кои по суду подверглись лишенію или ограниченію правъ и преимуществъ; 2) состоящимъ, въ силу судебного приговора, подъ особымъ надзоромъ полиціи и обществъ; 3) не имѣющимъ средствъ къ жизни калѣкамъ и другимъ лицамъ, не могущимъ снискивать себѣ пропитаніе трудомъ; 4) цыганамъ, не имѣющимъ осѣлости (ст. 42).

Паспортныя книжки выдаются мѣщанамъ и ремесленникамъ — мѣщанскими и ремесленными управами въ мѣстахъ ихъ приписки, по удостовѣренію въ совершенной уплатѣ причитающихся съ нихъ сборовъ.

Сельскимъ обывателямъ паспортныя книжки выдаются волостными старшинами, причемъ крестьянамъ предоставлено вносить причитающіеся съ нихъ сборы или въ подлежащія по мѣсту ихъ приписки установленія, или въ казначейства по мѣсту временнаго ихъ пребыванія.

Во всѣхъ случаяхъ предъявленія паспортной книжки въ полицію, послѣдняя удостовѣряется въ уплатѣ ежегодныхъ сборовъ; въ противномъ случаѣ книжка отбирается (ст. 51 и 54).

Кромѣ того паспортныя книжки могутъ быть отбираемы полиціею отъ мѣщанъ, ремесленниковъ и сельскихъ обывателей въ случаѣ оставленія отлучившимся безъ всякаго при-

зрѣнія членовъ семьи или воспитателей, не могущихъ снискивать себѣ пропитаніе своимъ трудомъ. Отобраніе полицією книжекъ отъ сельскихъ обывателей допускается также: 1) по требованію хозяина двора; 2) въ случаѣ избранія отлучившагося въ одну изъ общественныхъ должностей крестьянскаго управленія (ст. 55).

Для отобранія книжки требуется приговоръ подлежащаго общества, каковой относительно мѣщанъ и ремесленниковъ утверждается губернскимъ правленіемъ, а приговоръ объ отобраніи паспортной книжки отъ крестьянъ представляется на утвержденіе земскому начальнику, мировому посреднику, непрѣмѣнному члену уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія или комиссару по крестьянскимъ дѣламъ по принадлежности.

Жалобы на распоряженія, касающіяся видовъ на жительство, приносятся: 1) на полицейскія установленія, мѣщанскія и ремесленныя управленія — губернаторамъ и градоначальникамъ; 2) на волостныхъ и сельскихъ старшинъ — земскимъ начальникамъ, мировымъ посредникамъ, комиссарамъ по крестьянскимъ дѣламъ и уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ (ст. 31).

По закону 1894 года съ паспортныхъ книжекъ и паспортовъ взимались опредѣленные сборы: за бланкъ (50 и 25 коп.) и ежегодный взносъ въ доходъ казны по 1 рублю съ каждой книжки.

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 7 Апрѣля 1897 г. всѣ сборы съ видовъ на жительство въ пользу казны отмѣнены, за исключеніемъ 15-копѣчнаго сбора заготовительной стоимости каждой паспортной книжки.

Отмѣною паспортнаго сбора и уничтоженіемъ фискальнаго значенія видовъ на жительство, открыта новая эра въ паспортномъ законодательствѣ.

Прекращеніемъ законныхъ сборовъ за виды на жительство устранены и незаконные поборы, которымъ подвергался бѣднѣйшій классъ населенія со стороны сельскихъ властей, въ особенности при обмѣнѣ прежнихъ видовъ на новые.

Съ отмѣной казенныхъ сборовъ исчезла самая возможность прежнихъ злоупотребленій, вслѣдствіе которыхъ низшимъ слоямъ населенія приходилось нести добавочный налогъ, обычно превосходившій казенный сборъ.

Въ случаѣ уничтоженія вида на жительство или просрочки владѣлецъ вида долженъ заявить о томъ полиціи, которая выдаетъ заявителю свидѣтельство на срокъ не долѣе шести мѣсяцевъ. Въ случаѣ истеченія срока свидѣтельства, владѣлецъ его снабжается особымъ удостовѣреніемъ для отбытія въ семидневный срокъ въ мѣсто постоянного жительства. Лицо, не отбывшее въ мѣсто постоянного жительства въ указанный срокъ, высылается туда мѣрами полиціи. Высылка сія производится, соотвѣтственно званію или состоянію высылаемаго, на основаніи особой инструкціи, утвержденной Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ (ст. 28).

Къ лицамъ, оказавшимся безъ вида на жительство, если они не доказали своей самоличности, примѣняются дѣйствующія постановленія Устава о паспортахъ и бѣглыхъ, наполненнаго подробными указаніями мѣръ для поимки бѣглыхъ и бродягъ.

Бѣглый — это лицо отлучившееся изъ своего общества безъ узаконеннаго вида и безъ подлежащаго разрѣшенія.

Бродяга — лицо, не только не имѣющее вида на жительство, но и не могущее доказать своего званія, или упорно отъ сего отказывающееся. Въ отношеніи къ бродягамъ въ русскомъ законѣ дѣйствуетъ повидимому, презумпція, что они скрываютъ настоящее имя, чтобы не отвѣчать за совершенныя ими преступленія; поэтому къ нимъ законъ относится весьма сурово, назначая даже поощрительныя награды за ихъ поимку.

При изданіи закона 1894 года нужно было-бы ожидать отмѣны этихъ устарѣлыхъ правилъ, всецѣло проникнутыхъ узко-полицейскимъ режимомъ.

§ 19. Паспорты заграничныя.

Долгое время у насъ относились подозрительно ко всякимъ поѣздкамъ за-границу. Въ Московской Руси отъѣздъ въ чужія земли безъ разрѣшенія разсматривался какъ измѣна, причѣмъ имущество отъѣхавшаго конфисковалось.

Новый взглядъ на заграничныя путешествія появляется съ Петра I, который самъ сталъ посылать русскихъ молодыхъ людей учиться за-границу. Къ концу царствованія Екатерины II начались ограниченія заграничныхъ поѣздокъ изъ опасенія занесенія вредныхъ политическихъ вѣяній.

Императоръ Николай I запретилъ русскимъ подданнымъ воспитывать дѣтей внѣ Россіи. Лишь по закону 1861 г. разрешено было лицамъ торговаго сословія, достигшимъ 17-лѣтняго возраста, ѣхать въ цѣляхъ обученія за границу.

Только въ 1881 г. отмѣнены были всѣ стѣсненія; правительство оставило за собою лишь право контроля за отъѣзжающими, въ цѣляхъ неуклоннаго исполненія воинской повинности.

Въ настоящее время выдача заграничныхъ паспортовъ совершается губернаторами или градоначальниками, причемъ необходимо представить свидѣтельство отъ полиціи о неимѣніи законныхъ препятствій къ выѣзду. Наше паспортное законодательство предусматриваетъ лишь временныя отлучки русскихъ подданныхъ (на 5 лѣтъ).

Заграничные паспорта облагаются особымъ сборомъ въ пользу инвалиднаго капитала, по расчету 10 руб. за каждые 6 мѣсяцевъ пребыванія за-границею. Кромѣ того по Указу 28 Іюля 1900 г., въ видѣ временной мѣры, былъ установленъ дополнительный 5-рублевый сборъ въ пользу учреждений Россійскаго общества Краснаго Креста, дѣйствовавшихъ на дальнемъ Востокѣ, вслѣдствіе вооруженнаго столкновенія русскихъ съ китайцами; до сей поры этотъ специальный сборъ не отмѣненъ.

Пребывающіе за-границей русскіе пользуются защитою своихъ интересовъ у нашихъ дипломатическихъ агентовъ и консуловъ, аккредитованныхъ при иностранныхъ правительствахъ.

Нѣкоторыя иностранныя государства слѣдятъ за пріѣзжающими въ ихъ страну подданными другой державы посредствомъ установленія обязательнаго визированія паспортовъ, для каковой цѣли каждый, намѣревающийся поѣхать въ другое государство долженъ предварительно представить свой паспортъ консулу той страны, куда данное лицо отправляется; обычно это визированіе связано съ уплатою небольшой пошлины.

Сверхъ того нѣкоторыя континентальныя государства, отказавшіяся отъ паспортной системы для своихъ подданныхъ, устанавливають въ качествѣ средства контроля за иностранцами, чрезвычайно стѣснительныя полицейскія мѣры. Напр. въ столицѣ Германіи, въ Берлинѣ, до сихъ поръ къ русскимъ подданнымъ, пребывающимъ продолжительное тамъ время,

предъявляется требованіе личной явки въ полицейское бюро (участокъ) для дачи самыхъ подробныхъ указаній о цѣли прїѣзда, имени, званіи, занятіи, мѣстѣ рожденія самага прибывшаго, его родителей и т. п.

Иностранцы, прибывающіе въ Россію, должны имѣть паспорта, выданные російскими миссіями и консульствами, или представить свои національные паспорта и вандербухи, визированные русскими консульствами.

Для проживанія въ Россіи иностранцы получаютъ отъ губернаторовъ особые русскіе виды на жительство, срокомъ на одинъ годъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что русскій законъ относится съ особою заботливостью къ иностранцамъ, освобождая ихъ отъ выполненія излишнихъ формальностей и не обязывая непременно каждаго иностранца личною явкой въ канцелярію губернатора для дачи разнаго рода показаній о своемъ званіи, имени, фамиліи, подданствѣ, мѣстѣ рожденія, вѣроисповѣданіи и т. п. (Ст. 296 съ прим. Устава о паспортахъ и бѣглыхъ).

§ 20. Переселенія.

Переселенческая политика обусловливается тѣми цѣлями, которыя преслѣдуются правительствами въ данный моментъ.

Популяціонистическія стремленія полицейскаго уклада государственной жизни выражались въ усиліяхъ увеличить количество населенія въ странѣ, опиравшихся на ученія Юсти, Зонненфельса и цѣлой школы фізіократовъ.

Примѣромъ такой политики народонаселенія можетъ служить Франція при Людовикѣ XIV. Ради поощренія семейной жизни знаменитый министръ Кольберъ настоялъ на изданіи извѣстнаго „эдикта о бракахъ“ 1666 г., назначавшаго пенсіи за большое количество дѣтей; существовалъ даже проектъ обложенія налогомъ холостыхъ.

Прилагались также заботы для привлеченія иммиграціи иностранцевъ и затрудненія выселеній своихъ подданныхъ въ другія страны.

Вскорѣ это увлеченіе смѣняется реакціею, является Мальтусъ со своею теоріею, доказывая, что старанія государства должны быть направлены на уменьшеніе или, по крайней мѣрѣ, урегулированіе населенія, такъ какъ ростъ населенія не соотвѣтствуетъ росту средствъ для его продовольствія.

Не останавливаясь на учении Мальтуса и поправкахъ его, внесенныхъ Кэри, всетаки приходится признать, что теорія эта подѣйствовала отрезвляющимъ образомъ, указавъ на новыя задачи популяціонистической политики.

Россія отдала дань и тѣмъ и другимъ взглядамъ. Первыя попытки государственнаго вмѣшательства въ вопросъ расселенія населенія Россіи воспроизвели западно-европейскую практику. Собственно уже при Петрѣ В. начались слабыя попытки заселенія южныхъ степей иностранными выходцами.

Въ 1752 г. императрица Елизавета Петровна дала предписаніе австрійской службы полковнику Хорвату на вербовать полки изъ сербовъ и заселить ими земли на югъ отъ Кіевской губерніи; возникаетъ т. наз. Новая Сербія. Южнѣ Новой Сербіи появляется вскорѣ новое военное поселеніе (слободской полкъ).

Екатерина II, ознакомившись изъ актовъ генеральнаго межеванія съ ненаселенностью многихъ земель и невозможностью ихъ заселить въ виду крѣпостной прикрѣпленности русскаго населенія, манифестомъ 1762 г. приглашала „благо-склонно, съ обыкновенною Императорскою милостію на поселеніе въ Россію иностранцевъ разныхъ націй, кромѣ жидовъ“, потому что, говоря словами манифеста, Императрица не желала имѣть никакой прибыли отъ враговъ вѣры Христовой. Нашимъ резидентамъ за-границею было приказано дружелюбно принимать всѣхъ иностранцевъ, заявившихъ желаніе переселиться въ Россію. Учреждена была Канцелярія опе-кунства, которой ассигновывалось ежегодно 200.000 руб.; на эту канцелярію возложена была обязанность отвода земель переселенцамъ, раздача субсидій. Колонистамъ были предоставлены особыя льготы: не только свобода отправленія бого-служенія по обрядамъ своей вѣры, но и право проповѣди среди мѣстнаго нехристіанскаго населенія (татаръ), освобожденіе на продолжительные сроки (отъ 5—30 лѣтъ) отъ всякаго рода налоговъ и повинностей.

Явившихся на гостепріимный зовъ колонистовъ нѣмцевъ расселили въ губерніяхъ Воронежской, Черниговской, Лифляндской, С.-Петербургской.

Въ слѣдующемъ году мѣстомъ поселенія указаны были земли между Дономъ и Волгою.

Благодаря чрезвычайнымъ мѣрамъ поощренія вскорѣ возникли 102 колоніи, но первоначальная организація ихъ

была неудовлетворительна. На первых порахъ поселенцы привлекались безъ разбора, въ числѣ ихъ попадались лица порочныя, безъ знанія какого-либо ремесла или отрасли сельскаго хозяйства, такъ что сами колонисты стали ходатайствовать о предоставленіи имъ права высылки своихъ порочныхъ сочленовъ.

Нынѣшнее блестящее положеніе этихъ колоній обусловливается цѣлымъ рядомъ льготъ: иностранцы избавлены были отъ многихъ повинностей, имъ даны были надѣлы до 30 десятинъ на душу, тогда какъ надѣлы помѣщичьихъ крестьянъ достигали 8—15 десят., колонистамъ давали безпроцентныя ссуды до 300 руб. на семью, особыя кормовыя деньги и проч. Долголѣтній опытъ съ достаточною убѣдительною показалъ, что система льготъ нежелательна, ибо она ставила колонистовъ въ привилегированное сравнительно съ мѣстнымъ населеніемъ положеніе, вызывая справедливое среди народа неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что нерѣдко колонисты являлись эксплуататорами кореннаго населенія. Въ 1775 г. при учрежденіи губерній колонисты наравнѣ съ казенными крестьянами перешли въ вѣдѣніе директоровъ домоводства, а канцелярія опекунства была закрыта.

Въ 1797 г. надзоръ за колоніями сосредоточился въ экспедиціи государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства.

Въ 1804 г. повелѣно было выписывать иностранцевъ съ разборомъ, только тѣхъ, которые докажутъ, что и прежде занимались сельско-хозяйственнымъ трудомъ; миссіямъ нашимъ предписано было выдавать паспортовъ на вѣздъ въ Россію не болѣе какъ на 200 семействъ въ теченіи года.

Отечественная война прекратила эмиграцію, выдвинувъ впередъ интересы государственной обороны.

Въ 1837 году колоніи переданы въ заведываніе министерства государственныхъ имуществъ и подчинены общему режиму подъ названіемъ сельскихъ поселеній, а въ 1866 г. колоніи иностранныхъ поселенцевъ отошли въ вѣдѣніе общихъ и мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений.

Въ такомъ обширномъ государствѣ какъ Россія вопросъ объ эмиграціи не имѣетъ настоящаго значенія; но зато крайне важно урегулировать переселенія, ибо плотность населенія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи очень неравно-

мѣрна; передвиженія населенія изъ мѣстъ густо населенныхъ въ области богатыхъ свободными землями замѣняютъ у насъ эмиграцію.

Переселенія получаютъ у насъ характеръ обще-государственный лишь по прекращеніи крѣпостной зависимости (оставляя въ сторонѣ неудачную у насъ попытку организаціи военныхъ поселеній).

Съ 1861 г. помѣщичьимъ, а съ 1866 г. казеннымъ крестьянамъ предоставлена свобода веденія своего хозяйства и естественно возникъ вопросъ о правѣ передвиженія, перемѣны оцѣдки.

Обнаружившееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ малоземелье, преслѣдованіе раскола и сектанства, малопродуктивность надѣла вслѣдствіе плохого хозяйничанья или обремененіе налогами — вотъ общія причины переселенческаго движенія.

Наиболѣе крупныя передвиженія населенія у насъ совершаются на востокъ, за Уралъ, въ Сибирь; въ самое послѣднее время правительство стало поощрять русскую колонизацію по берегу Чернаго моря, въ Закавказьѣ.

Главный недостатокъ русской колонизаціи — заселеніе богатой Сибири преступнымъ элементомъ — Высочайшимъ повелѣніемъ 1900 года окончательно устраненъ.

Въ 1843 г. было создано общее узаконеніе, регулировавшее переселенія государственныхъ крестьянъ. Послѣ передачи послѣднихъ въ вѣдѣніе общихъ крестьянскихъ учрежденій естественно на нихъ распространились и правила объ условіяхъ переселенія освобожденныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, изложенныя въ Положеніи 19 февраля 1861 г. По этому положенію переселенія крестьянъ поставлены въ зависимость отъ увольнительныхъ и пріемныхъ приговоровъ сельскихъ обществъ, выдаваемыхъ только при наличности цѣлаго ряда закономъ предписанныхъ условій и соблюденіи различныхъ формальностей.

Вдвинутое въ слишкомъ узкія рамки, русское переселенческое дѣло не развивалось планомѣрно, а путемъ случайнымъ, часто практиковались переселенія тайкомъ, въ обходъ установленныхъ правилъ и безъ вѣдома администраціи. На крестьянскомъ хозяйствѣ густо-населенной полосы Европейской Россіи такая переселенческая политика отражалась крайне убыточно, такъ какъ переселеніе для многихъ представляло единственный выходъ изъ малоземельнаго, распатаннаго хозяй-

ства. Конечно не всякое переселеніе можетъ оправдать возлагаемая на него надежды, такъ какъ оно имѣетъ свои и дурныя и хорошія стороны. Кромѣ общихъ положеній о переселеніи существуютъ и спеціальныя законы о переселеніи; такъ напр., переселенія въ губерніи и изъ губерній Привислянскаго края регулированы закономъ 20 Іюня 1868 г.

Въ 1876 г. дозволено переселенцамъ, прибывшимъ ранѣе этого времени въ Оренбургскую губернію, селиться на казачьихъ земляхъ. Въ 1881 г. была основана переселенческая контора въ с. Батракахъ, какъ центральномъ пунктѣ переселенческихъ партій. Въ 1883 г. были назначены особые чиновники по переселенческимъ дѣламъ въ Тобольской, Томской, Оренбургской и Уфимской губ. Съ 1884 г. дѣйствуетъ въ Западной Сибири отрядъ межевыхъ чиновъ по отводу переселенцамъ земельныхъ участковъ.

Наконецъ въ 1889 г. изданы правила о добровольномъ переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли. По этимъ правиламъ переселеніе разрѣшается только съ дозволенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, причемъ лица, получившія такое разрѣшеніе не обязаны испрашивать увольнительныхъ приговоровъ отъ своихъ обществъ. Казенныя земли Европейской Россіи отводятся переселенцамъ первоначально во временное арендное пользованіе на сроки отъ 6—12 лѣтъ, а по прошествіи этого времени могутъ быть оставляемы за нанимателями въ безсрочное пользованіе на одинаковыхъ основаніяхъ съ бывшими государственными крестьянами тѣхъ мѣстностей. Въ губерніяхъ Томской и Тобольской, равно какъ и въ областяхъ Семирѣченской, Акмолинской и Семипалатинской казенныя земли предоставляются переселенцамъ прямо въ постоянное пользованіе. Отведенные переселенцамъ участки не могутъ быть ни отчуждаемы, ни обременяемы долгами. Всѣ переселенцы освобождаются отъ причитающихся казнѣ всякаго рода сборовъ и арендныхъ платежей за отведенныя земли: въ Европейской Россіи въ теченіи двухъ лѣтъ, а въ Азіатской Россіи въ теченіи трехъ лѣтъ по водвореніи; въ слѣдующіе 3 года переселенцы облагаются сборами и платежами въ половинномъ размѣрѣ. Лицамъ, достигшимъ въ годъ переселенія призывнаго возраста, исполненіе воинской повинности отсрочивается на два года въ Европейской Россіи и на 3 года въ Азіатской Россіи. Переселенцы по прибытіи

на мѣсто новаго водворенія, имѣютъ право воспользоваться ссудами на продовольствіе и обсмѣненіе полей. Образующія переселенцами сельскія общества входятъ въ составъ существующихъ волостей на общемъ основаніи.

Этотъ законъ значительно усилилъ переселенческое движеніе на востокъ въ Азію, такъ что въ 1896 году при Земскомъ Отдѣлѣ М. В. Д. было образовано Переселенческое Управленіе для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ переселенческимъ дѣломъ.

Такимъ образомъ слѣдуетъ заключить, что наше законодательство не признаетъ свободы передвиженія.

Переселенія должны совпадать съ видами правительства, а потому при прошеніи должна указываться мѣстность, куда желаютъ переселиться. Переселяющіеся безъ разрѣшенія возвращаются въ мѣста ихъ приписки по распоряженію административныхъ властей.

Надо думать, что Манифестъ 26 февраля 1903 г., указавшій на необходимость принятія безотлагательно мѣръ къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки и изысканія способовъ къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины, благопріятно повліяетъ и на рѣшеніе назрѣвшаго у насъ переселенческаго вопроса.

Глава VI.

Мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій религіозныхъ, государственныхъ, противъ порядка управленія, противъ личности и имущества гражданъ.

§ 21. Предупрежденіе и пресѣченіе преступленій религіозныхъ.

Начала вѣротерпимости, выработанныя теоріею и общественнымъ сознаніемъ, законодательною практикою отдѣльныхъ странъ могутъ проводиться въ различномъ объемѣ.

Отношеніе русской государственной власти къ иновѣрцамъ опредѣляется двумя принципами: охраненіемъ господствующей православной вѣры и признаніемъ за подданными другихъ исповѣданій права свободнаго отправленія своей вѣры и богослуженія.

„Первенствующая и господствующая въ Россійской Имперіи вѣра есть христіанская, православная, католическая восточнаго исповѣданія. Но и всѣ не принадлежащія къ сей Церкви подданные государства и иностранцы, въ ономъ пребывающіе, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ своей вѣры и богослуженія“ (Т. I. ч. I, ст. 40 и Т. XI. ч. I, ст. I).

Вслѣдствіе этого на органовъ полиціи исполнительной законъ возлагаетъ обязанность охранять благочиніе при церковныхъ обрядахъ, какъ православной, такъ и иностранныхъ

христіанскихъ и иновѣрныхъ исповѣданій. Ради различія вѣры воспрещается вчинять споры, распри, брань или чинить поношеніе. Полиція охраняетъ между всѣми, въ городѣ живущими, хотя различныхъ вѣръ, доброе гражданское согласіе, миръ и тишину. (Т. XIV. Уст. о пред. и прес. прест., ст. 67, 68).

Затѣмъ законъ предписываетъ принимать извѣстныя мѣры какъ для охраненія, такъ и для распространенія православія. Въ Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій помѣщенъ рядъ статей, вмѣняющихъ полицію въ обязанность охранять благочиніе какъ въ церквахъ, такъ и внѣ церкви во время совершенія службы.

Полиція наблюдаетъ, напр., чтобы въ воскресные или торжественные дни или въ табельные дни или храмовые праздники въ городахъ и селеніяхъ прежде окончанія въ приходской церкви литургіи не были начинаемы общенародныя забавы и увеселенія, а торговыя лавки (исключая тѣхъ, въ коихъ продаются съѣстные припасы и кормъ для скота) и питейные дома не были открываемы (Уст. о пред. и прес. прест., ст. 14).

Отступленіе отъ православія считается уголовнымъ преступленіемъ, причемъ на администрацію возлагается принятіе мѣръ предупредительныхъ. Министру Внутреннихъ Дѣлъ поручено наблюденіе за отступниками отъ православія; кромѣ того собираются свѣдѣнія о семействѣ такового лица, и если окажутся малолѣтнія дѣти, то принимаются мѣры для огражденія ихъ отъ вреднаго вліянія (Уст. о пред. и прес. прест., ст. 36—39).

За нѣкоторыми религіозными обязанностями законъ признаетъ юридическое значеніе. Напр. бракъ у насъ признается только церковный. Всѣ православные обязываются закономъ исповѣдываться и приобщаться Св. Таинъ по меньшей мѣрѣ одинъ разъ въ годъ.

Наблюденіе за исполненіемъ этой обязанности лежитъ какъ на духовенствѣ по отношенію къ прихожанамъ, такъ и на начальствахъ гражданскомъ и военномъ по отношенію къ подчиненнымъ (Уст. о пред. и прес. прест., ст. 18—22).

Рядомъ съ этимъ стоитъ требованіе соблюденія воскресныхъ дней и важнѣйшихъ праздниковъ православной церкви. Въ эти дни предписывается присутственнымъ мѣстамъ не имѣть собраній, училищамъ — занятій, и никому не чинить наказаній по судебнымъ приговорамъ (Уст. о пред. и прес. прест., ст. 23—26).

Не ограничиваясь охраненіемъ православія, законодательство указываетъ и на желательность мѣръ, содѣйствующихъ распространенію православной вѣры. Допуская свободное отправленіе всѣхъ вѣроисповѣданій, законъ опредѣляетъ, что только одна господствующая церковь имѣетъ право въ предѣлахъ государства убѣждать непринадлежащихъ къ ней къ принятію ея ученія. Но господствующая церковь не дозволяетъ ни малѣйшихъ понудительныхъ мѣръ для обращенія послѣдователей иныхъ исповѣданій въ православіе, и тѣмъ изъ нихъ, которые приступить къ нему не пожелаютъ, отнюдь ничѣмъ не угрожать (*Ibidem*, ст. 70).

1. Чрезвычайно разнообразны мѣры предупрежденія и пресѣченія раскола и сектанства.

Подъ расколомъ обычно разумѣютъ то движеніе, которое со временъ Никона борется за свое существованіе и крѣпко держится традицій древне-православной Руси, именуя себя старообрядчествомъ, тогда какъ сектанство въ основу своего вѣроученія кладетъ только Евангеліе или придерживается лишь одного Вѣтхаго Завѣта. Сектанты ничего общаго ни съ догматами, ни съ обрядами, ни съ преданіями православной церкви не имѣютъ. Административная практика давно уже проводитъ вышеуказанное различіе между сектанствомъ и расколомъ, законъ-же, считая раскольникомъ всякаго отклонившагося отъ православія, подъ этимъ общимъ наименованіемъ объединяетъ два противоположныя и по свойствамъ, и по задачамъ, религіозныя теченія, т. е. старообрядчество и сектанство.

Законодательство по вопросу о расколѣ двигалось чрезвычайно медленно. Законъ 1864 г. различаетъ секты менѣе вредныя и особо вредныя; подъ послѣдними разумѣли „ереси, соединенныя съ свирѣпымъ изуверствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ“; напр. секты скопцовъ, хлыстовъ, штундистовъ и субботниковъ.

По русскому закону всякаго рода соvrращеніе въ иную вѣру строго запрещается, ровно какъ не разрѣшено всякое внѣшнее оказательство ереси, могущее подать поводъ къ явному соблазну.

Относительно раскольниковъ статья 45-ая Уст. о пред. и прес. прест. гласитъ, что они не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ, но запрещается имъ соvrращать или склонять кого-либо въ расколъ.

Какъ рожденнымъ въ православіи, такъ и вновь обращеннымъ запрещается отступать отъ него и принимать иную вѣру, хотя-бы христіанскую. Потому, должно заботиться, чтобы раскольникамъ сектъ, признанныхъ наиболѣе вредными, затруднено было всякое общеніе съ православными.

Законъ 19 Апрѣля 1874 года предоставилъ старообрядцамъ существенныя льготы по благоустройству семейной жизни. Признавъ для нихъ законнымъ бракъ гражданскій, законъ возложилъ на полицію обязанность вести метрическія книги о рожденіи, бракѣ и смерти раскольниковъ (*Ibidem*, ст. 52).

Законъ 3 Мая 1883 г. уяснилъ гражданско-правовое положеніе раскольниковъ и даровалъ имъ существенныя льготы въ отношеніи свободы отправленія ими моленій по обрядамъ своего вѣроученія. Прежняя, по преимуществу, репрессивная политика стала примѣняться лишь въ отношеніи послѣдователей сектъ, признанныхъ болѣе вредными.

Ст. 48, 59, 60 Устава о пред. и прес. прест. указываютъ, что раскольники могутъ занимать общественныя должности, творить молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженія какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ особыхъ молитвенныхъ домахъ, часовняхъ, молельняхъ и т. п. Не разрѣшено только публичное оказательство раскола, какъ то: 1) крестные ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ; 2) публичное ношеніе иконъ; 3) употребленіе внѣ богослужебнаго времени церковныхъ облаченій и 4) раскольниковѣе пѣніе на улицахъ и площадяхъ.

2. Подтверждая начала терпимости въ отношеніи лицъ иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій, законъ русскій старается оградить православныхъ подданныхъ отъ вовлеченія въ иновѣріе.

Въ частности къ католикамъ русское правительство относится строже, чѣмъ къ другимъ иновѣрцамъ въ виду постоянного стремленія католическаго духовенства къ прозелитизму, т. е. пропагандѣ католицизма среди православныхъ. Нѣкоторыя ограниченія въ правахъ лицъ католическаго исповѣданія объясняются отчасти и соображеніями политическаго свойства, опирающимися на печальный опытъ прошлаго изъ исторіи отношеній нашихъ польскихъ провинцій къ коренной Россіи.

Ради охраненія православія, напр., запрещается римско-католическому духовенству посылать православныхъ учени-

ковъ въ костелы, дѣлать имъ внушенія до религіи относящіяся; не дозволяется католическому духовенству совершать духовныхъ требъ для православныхъ, а тѣмъ болѣе содѣйствовать отступничеству отъ православія (Уст. о пред. и прес. прест., ст. 79).

Къ лицамъ протестантскаго исповѣданія законъ относится вполне благожелательно, не дѣлая никакихъ ограничений въ ихъ частно-правовой сферѣ.

Только въ видахъ затрудненія отклоненія отъ православія, запрещается протестантскому духовенству неизвѣстныхъ ему людей допускать къ причащенію Св. Таинъ безъ взятія отъ нихъ подписки въ томъ, что они не принадлежатъ къ православной церкви (Ibidem, ст. 81).

3. Мѣрами относительно евреевъ преслѣдуются двѣ главныхъ задачи: 1) огражденіе населенія отъ совращенія въ іудейство и 2) огражденіе населенія отъ эксплуатаціи его евреями. При этомъ слѣдуетъ помнить, что всѣ ограниченія правъ евреевъ относятся только къ евреямъ талмудистамъ. Евреи караимы (не признающіе талмуда) были сравнены въ правахъ съ русскими еще Екатериною II, что было неоднократно подтверждаемо и впослѣдствіи.

Поэтому, всѣ ограниченія въ правѣ выбора мѣстожителства проникнуты опасеніемъ, чтобы близкое соприкосновеніе съ іудействомъ не отразилось-бы вредно на населеніи христіанскомъ. Сохраняется, напр., запретъ иностраннымъ евреямъ переселяться въ Россію (Т. IX, ст. 819), съ тою-же цѣлью опредѣляется т. наз. черта еврейской осѣдлости, за предѣлами которой евреи могутъ жить лишь въ видѣ исключенія. Имѣются ограниченія торговыхъ правъ евреевъ, по приобрѣтенію ими недвижимаго имущества въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи.

Въ огражденіе православныхъ, находящихся въ зависимости отъ евреевъ, законъ устанавливаетъ, чтобы евреи не препятствовали христіанской прислугѣ отправлять свои религіозныя обязанности (Уст. о пред. и прес. прест., ст. 88).

Мастера евреи могутъ имѣть учениковъ изъ христіанъ, но законъ ввѣряетъ малолѣтнихъ особенному попеченію подмастерьевъ христіанъ (Т. XI, ч. 2. Уставъ о промышленности, ст. 390 и 412).

Тѣмъ-же опасеніемъ вреднаго религіознаго воздѣйствія на подрастающее христіанское поколѣніе объясняется и огра-

ниченіе извѣстнымъ процентомъ лицъ еврейскаго вѣроисповѣданія при поступленіи ихъ въ общія (не еврейскія) учебныя заведенія.

Религіозная нетерпимость, склонность къ прозелитизму и кагалъная организація евреевъ — главныя причины разобщенности ихъ отъ остальной массы населенія. Поэтому, для устраненія этихъ препятствій законодательство и административная практика богаты указаніями поощреній ради обращенія евреевъ въ христіанство.

Еврей, принявшій христіанство, можетъ приписаться къ любой общинѣ, сельской или городской, на основаніи общихъ правилъ, съ исключеніемъ изъ прежнихъ обществъ и податныхъ окладовъ.

Если одинъ изъ супруговъ-евреевъ остался вѣренъ своей вѣрѣ, то обратившемуся вмѣняется въ нравственную обязанность склонить въ христіанство упорствующаго. Если одинъ изъ супруговъ приметъ христіанство, то онъ можетъ расторгнуть бракъ и на него не возлагается никакихъ обязанностей относительно прежней своей семьи. При принятіи евреями Св. крещенія, оно совершается и надъ малолѣтними его дѣтьми, не достигшими 7-лѣтняго возраста. Четырнадцатилѣтній подростокъ еврей можетъ принять христіанство и безъ разрѣшенія родителей.

§ 22. Предупрежденіе и пресѣченіе преступленій государственныхъ.

Измѣна и шпіонство. Измѣнниками почитаются не только тѣ, которые измѣнивъ данной ими присягѣ, составляютъ заговоры или участвуютъ въ нихъ, но и тѣ, которые въ измѣну своей присяги сообщаютъ государственныя тайны такимъ лицамъ, которые могутъ воспользоваться ими во вредъ государству.

Понятіе измѣны неустойчивое, то суживалось, то расширялось. У насъ это понятіе зарождается съ возникновеніемъ Московскаго государства. Вначалѣ измѣна выражалась, главнымъ образомъ, въ своевольномъ отъѣздѣ служилыхъ людей со службы московскаго великаго князя въ другое государство. Однимъ изъ средствъ предупрежденія служили т. наз. „поручныя записи“ тѣхъ, кто подозрѣвался въ намѣреніи отъѣхать. Затѣмъ понятіе измѣны расширяется, изъ престу-

плєнія противъ государя измѣна превращается въ преступленіе противъ государства. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича (1649 г.) грозило смертію за тайныя сношенія съ непріятелемъ, назначало наказаніе женѣ, дѣтямъ, и родственникамъ измѣнника, вѣдавшимъ объ измѣнѣ и не учинившихъ доноса. Въ случаѣ поступленія доноса на кого-либо въ томъ, что онъ ѣздилъ за-границу для измѣны, безъ проѣзжей грамоты, повелѣвалось произвести строгое разслѣдованіе, „сыскивати всякими сыски накрѣпко“, и затѣмъ „такихъ измѣнниковъ казнити смертію“. „А будетъ въ сыску объявится, что онъ ѣздилъ въ иное государство безъ проѣзжіе грамоты для торговаго промысла, и ему за то учинити наказаніе, бити кнутомъ, чтобы на то смотря инымъ не повадно было такъ дѣлать“. (Уложеніе. Глава VI, ст. 3, 4).

Измѣною Уложеніе называетъ и злоумышленіе противъ государя, и тайное сношеніе съ непріятелемъ, и сдачу ему русскаго города, и поджогъ города, и впускъ въ него зарубежныхъ людей. (Уложеніе. Глава II, ст. 2—5). „Великія государевы дѣла“ и въ томъ числѣ измѣна въ XVII и XVIII вв. подлежали канцелярской тайнѣ. Всякая административная мѣра, направленная къ открытію измѣны, исполнѣ оправдывалась.

И теперь самое понятіе измѣны не легко опредѣлить теоретически. Измѣнникомъ можетъ быть какъ должностное лице, такъ и гражданинъ вообще, подданный даннаго государства. Поэтому прежде всего измѣна можетъ быть предупреждена особою осмотрительностью въ выборѣ лицъ, облакаемыхъ властью, которымъ ввѣряются важныя государственныя тайны. Отвѣтственные посты, какъ-то комендантовъ крѣпостей, хранителей государственныхъ архивовъ, плановъ мобилизаціи войскъ и т. п. должны быть замѣщаемы лицами съ безупречною нравственною репутаціею.

Иностранцы не могутъ быть измѣнниками, но могутъ быть политическими шпіонами, причиняя вредъ государству, оказавшему имъ гостепріимство.

Въ XVI и XVII ст. на русскія порубежныя земли приходила масса шпіоновъ, встрѣчавшихъ сильный отпоръ со стороны русскаго правительства. Послѣднее приказывало воеводамъ ловить и пытатъ лазутчиковъ „накрѣпко“. Лицъ, подозрѣваемыхъ въ шпіонствѣ, высылали изъ порубежныхъ земель. Ради пресѣченія передачи свѣдѣній плѣнными, которые могли

бѣжать изъ Россіи, ихъ высылали въ мѣста отдаленныя отъ границъ, а болѣе опасныхъ заключали въ тюрьму.

Главною мѣрою для предупрежденія измѣны и шпіонства Московское правительство считало строгость уголовной кары. При Петрѣ I шпіоновъ ловили и отправляли для допроса въ Преображенскій приказъ, а затѣмъ въ замѣнившую его Тайную канцелярію. Въ теченіи XVIII в. правительство постоянно требовало отъ мѣстныхъ органовъ управленія ревностнаго наблюденія за тѣмъ, чтобы „никто въ противность подданническаго долга и послушанія въ уѣздѣ ничего не предпріялъ и не учинилъ“ и чтобы шпіоны не пробирались въ предѣлы Имперіи.

И современное законодательство, обязывая клятвою всѣхъ и каждого въ сохраненіи ненарушимо подданнической вѣрности, назначаетъ строгую уголовную кару за измѣну.

Органы полиціи въ случаѣ доносовъ или дошедшаго до нихъ свѣдѣнія, заключающаго въ себѣ указанія на измѣну, доносятъ немедленно о томъ губернатору, а послѣдній — высшему начальству (Уст. о пред. и прес. прест., ст. 125—127).

Въ губерніяхъ пограничныхъ губернаторы въ особенности побуждаютъ мѣстныя полицейскія управленія имѣть бдительный надзоръ...., чтобы подозрительныя иностранцы не переходили чрезъ границу, и никто не осмѣливался давать имъ пристанище (Т. II, ч. I. Общее губернское учрежденіе, ст. 318).

Возстанія и возмущенія суть два отдѣльные вида опасностей, грозящихъ правительству, различающіеся между собою какъ по употребляемымъ средствамъ, такъ и по послѣдствіямъ.

Подъ возстаніемъ разумѣется открытое неповиновеніе народныхъ массъ законнымъ требованіямъ правительства.

Подъ возмущеніемъ разумѣютъ не только неповиновеніе законнымъ требованіямъ властей, но и стремленіе низвергнуть самую власть при вооруженномъ сопротивленіи; возмущеніе предполагаетъ уже дѣятельность активную.

Для предупрежденія возстаній и возмущеній надо раньше всего обратить вниманіе 1) на недостатки администраціи и суда. Возстаніе можетъ быть вызвано несправедливостью, пристрастіемъ, подкупностью судебныхъ органовъ, дурными финансовыми мѣрами, обременительно падающими на населеніе. Во 2) невѣжество населенія можетъ породить возстанія

и возмущенія. Таковы, напр., волненія въ народѣ по поводу распоряженій правительства ради принятія тѣхъ или иныхъ мѣръ противъ холерной, чумной эпидемій, обязательныхъ постановленій при эпизоотіи, при народныхъ переписяхъ и т. п. Въ 3) ненависть одной части населенія къ другой можетъ окончиться открытымъ неповиновеніемъ народа законнымъ распоряженіямъ властей (еврейскіе погромы).

Всѣ эти причины необходимо знать для легчайшей борьбы съ разразившимся конкретнымъ возстаніемъ и для предупрежденія такихъ аномалій народной жизни въ будущемъ.

Съ цѣлью ознакомленія съ причинами, могущими вызвать народное недовольство, у насъ изрѣдка производятся сенаторскія ревизіи, выясняющія насколько администрація и судъ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Если-же, не смотря на общія предупредительныя мѣры случилось-бы возстаніе, то мѣстный полицейскій органъ долженъ направить всѣ свои усилія на то, чтобы масса не успѣла вооружиться, чтобы возстаніе не перешло въ возмущеніе.

Россія въ смутное время хронически страдала отъ народныхъ волненій, которыя старались подавить силою. Обыкновенно при усмиреніи бунта московское правительство дѣлало розыскъ и обнародовало слѣдственное дѣло.

При Петрѣ В. на каждого подданнаго возложена была обязанность доносить правительству о подстрекательствахъ, за доносъ назначена награда и учрежденъ былъ Преображенскій приказъ для разбора дѣлъ по важнѣйшимъ государственнымъ преступленіямъ.

Екатерина II возложила принятіе мѣръ въ случаѣ возстаній и возмущеній на власти губернскія.

Въ настоящее время какъ губернаторъ, такъ и мѣстная городская и земская полиція, а равно всѣ начальствующія лица обязаны всѣми зависящими отъ нихъ средствами предупреждать и пресѣкать всякія дѣйствія, клонящіяся къ нарушенію общественнаго спокойствія и порядка. Къ мѣрамъ предупрежденія отнесены: отдача подъ надзоръ полиціи, воспрещеніе жительства въ столицахъ и иныхъ мѣстахъ, высылка иностранцевъ за-границу. Въ случаѣ бунта или народнаго возмущенія, губернаторъ принимаетъ надъ всѣми служащими главное начальство и призываетъ для подавленія возмущенія военную силу; послѣдняя можетъ быть призываема не только губернаторомъ, но и уѣзднымъ исправникомъ и полиціймейстеромъ,

1) когда неповинушіеся уже покусились на насиліе, грабежъ, убійство, зажигательство, или есть поводъ этого опасаться; 2) когда волненіе распространяется, не смотря на распоряженія полиціи. Прежде употребленія силы гражданскія власти должны сдѣлать предупрежденіе, что въ случаѣ непослушанія войска будутъ дѣйствовать оружіемъ. Вслѣдъ засимъ распорядительная часть переходитъ въ руки военнаго начальника, отдающаго приказанія самостоятельно и подъ своею отвѣтственностью (законъ 3 октября 1877 г.). Военная сила должна прибыть въ количествѣ не менѣе эскадрона, сотни, роты, или 2 орудій.

Осадное положеніе. Въ случаѣ недостаточности мѣръ общей гражданской полиціи, отдѣльныя мѣстности могутъ быть объявлены въ положеніи военномъ или осадномъ. Сущность этихъ мѣръ сводится къ ограниченію гражданской свободы, съ цѣлью дать болѣшій просторъ администраціи при подавленіи преступныхъ посягательствъ.

Въ зависимости отъ опасности, которой подвергается государственный организмъ, мѣры эти могутъ принимать различную степень интенсивности. Онѣ могутъ заключаться въ пріостановленіи нѣкоторыхъ законоположеній, обезпечивающихъ свободу гражданъ, въ расширеніи компетенціи властей административныхъ на счетъ властей судебныхъ, или въ передачѣ административныхъ функцій въ полномъ объемѣ властямъ военнымъ съ замѣною гражданскихъ законовъ началами военно-уголовныхъ кодексовъ.

Англійское законодательство, столь ревниво охраняющее личную свободу гражданъ, допускаетъ однако-же въ исключительныхъ случаяхъ чрезвычайныя мѣры ради охраненія общественнаго спокойствія. Онѣ заключаются во временной пріостановкѣ (суспензаци) дѣйствія Habeas corpus act'a (1679 г.), причемъ во время этой суспензаци граждане лишены права прибѣгать къ обыкновеннымъ средствамъ защиты противъ произвольныхъ арестовъ. Пріостановка бываетъ только временною, по постановленію законодательной власти.

Во Франціи во время возстанія допускается установленіе осаднаго положенія (*état de siège*); оно вводится законодательною властью, причемъ точно опредѣляются срокъ его и мѣстности, на кои это положеніе будетъ распространяться. При введеніи осаднаго положенія права органовъ администраціи переходятъ къ военнымъ властямъ, равно какъ гра-

жданскіе суды замѣняются судами военными. Военная власть получаетъ чрезвычайныя полномочія; она можетъ производить дневные и ночные обыски, высылать изъ данной мѣстности лицъ подозрительныхъ, воспрепятствовать общественныя собранія и т. п.

По конституціи Германской Имперіи Императоръ имѣетъ право объявлять въ случаѣ опасности отдѣльныя части Имперіи въ осадномъ положеніи (*Belagerungszustand*). Существо этого осаднаго положенія состоитъ въ томъ, что общее гражданское управленіе подчиняется военному начальнику, вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣняются временно нѣкоторыя статьи имперской конституціи, а именно постановленія относительно ареста, домашнихъ обысковъ, тайны писемъ, права собраній, положенія прессы.

Въ Германіи въ 1878 году былъ изданъ имперскій законъ „противъ опасныхъ стремленій социаль-демократовъ“, введшій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи т. наз. малое осадное положеніе (*Kleiner Belagerungszustand*). Для мѣстечекъ и округовъ, которымъ угрожала социалистическая пропаганда, было предписано: 1) чтобы всѣ собранія происходили съ разрѣшенія мѣстной полицейской власти, 2) чтобы продажа въ разность печатныхъ произведеній происходила съ разрѣшенія мѣстной полиціи; 3) чтобы лица, угрожающія общественной безопасности и порядку были лишены права временнаго пребыванія въ данной мѣстности; 4) чтобы ношеніе, покупка и продажа оружія происходили при извѣстныхъ условіяхъ. Этотъ законъ дѣйствовалъ до 1 Окт. 1890 г.

Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (Св. Зак. Т. XIV. Уст. о пред. и прес. прест., приложеніе 1 къ ст. 1).

При нормальномъ ходѣ дѣла высшее направленіе дѣйствій по охраненію государственнаго порядка принадлежитъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который и руководитъ подчиненными ему мѣстами на основаніи дѣйствующихъ узаконеній.

Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда проявленія преступной дѣятельности лицъ, злоумышляющихъ противъ государственнаго порядка и общественной безопасности, принимаетъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ столь угрожающій характеръ, что вызываетъ необходимость особыхъ мѣропріятій, то мѣстности объявляются въ исключительномъ положеніи: 1) въ формѣ усиленной охраны и 2) въ формѣ охраны чрезвычайной.

ни увеличенію народнаго благосостоянія, словомъ — безразлично для послѣдняго. Такова, напр., умѣренная потребность слѣдовать модѣ.

Въ третьей же группѣ находятся тѣ потребности, удовлетвореніе которыхъ, при всякихъ или, по крайней мѣрѣ, при данныхъ условіяхъ, способствуетъ ослабленію или уменьшенію народнаго благосостоянія, словомъ — вредно для послѣдняго. Таковы, напр., потребность биржевой игры или иныхъ азартныхъ игръ, потребность пьянства, потребность разврата и др.

Разсматривая обширную область человѣческихъ потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію, доступную вліяніямъ уголовного права, мы видимъ, что уголовное право какъ своими постановленіями о преступленіяхъ, такъ и своими постановленіями о наказаніяхъ можетъ оказать множество благопріятныхъ и неблагопріятныхъ вліяній на различныя многочисленныя потребности индивидуальныхъ лицъ народонаселенія въ государствѣ, какъ полезныя, такъ и безразличныя и даже вредныя для народнаго благосостоянія. Отсюда ясно, что въ культурномъ государствѣ уголовное право со всѣми его постановленіями о преступленіяхъ и наказаніяхъ должно подлежать тщательному изслѣдованію и оцѣнкѣ въ практическомъ отношеніи. Необходимо, во первыхъ, изслѣдовать и опредѣлить, какія вліянія или послѣдствія оказываетъ уголовное право въ дѣйствительности, въ культурной странѣ, при современныхъ ему потребностяхъ и условіяхъ жизни, и, во вторыхъ, оцѣнить его по этимъ вліяніямъ.

Чтобы оцѣнить уголовное право по его вліяніямъ въ культурномъ государствѣ, нужно имѣть общую мѣру или общій руководящій принципъ для измѣренія доброкачественности этихъ вліяній.

Въ чемъ долженъ состоять этотъ руководящій принципъ, рѣшить не трудно.

Съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ потребностей каждаго прогрессирующаго культурнаго народа и государства, поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія должно быть, какъ извѣстно, единственнымъ высшимъ руководящимъ принципомъ для каждаго изъ этихъ государствъ во всей его общественной дѣятельности. Слѣдовательно, поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія должно быть признано и высшимъ руководящимъ принципомъ для оцѣнки значенія вліяній, оказываемыхъ уголовнымъ правомъ на современныя ему потребности, при современныхъ ему условіяхъ жизни культурнаго народа. Съ этой точки зрѣнія, уголовное право культурнаго государства тѣмъ удовлетворительнѣе, тѣмъ совершеннѣе; чѣмъ болѣе способствуетъ

это право своими влияніями на современныя ему потребности народонаселенія, при современныхъ условіяхъ жизни культурнаго народа, поддержанію и возможно большему увеличенію всесторонняго народнаго благосостоянія.

Такимъ образомъ, поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія, матерьяльнаго и духовнаго должно быть признано высшимъ руководящимъ принципомъ для уголовной политики культурнаго государства. Это тѣмъ болѣе правильно, что онъ, по содержанію своему, не представляетъ къ тому никакихъ препятствій. Онъ проникнуть внутреннимъ единствомъ и вполне доступенъ пониманію разумнаго чловѣка.

Этимъ принципомъ нужно руководствоваться и при выработкѣ проектовъ, имѣющихъ цѣлью усовершенствованіе уголовного законодательства у культурныхъ народовъ.

Почему же мы отказываемся признать справедливость высшимъ руководящимъ принципомъ для уголовной политики культурныхъ государствъ? Потому, что справедливость есть идеаль права, не вполне ясный и опредѣленный, создаваемый посредствомъ исправленія правовыхъ понятій, частью унаслѣдованныхъ отъ предковъ, частью самостоятельно приобрѣтенныхъ, и при томъ создаваемый у культурныхъ народовъ посредствомъ исправленія правовыхъ понятій подъ руководствомъ интересовъ всесторонняго народнаго благосостоянія.

Опредѣливъ понятіе уголовной политики, какъ составной части науки уголовного права, и указавъ, что поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія, матерьяльнаго и духовнаго должно быть единственнымъ высшимъ руководящимъ принципомъ уголовной политики въ каждомъ государствѣ cadaго прогрессирующаго культурнаго народа, отмѣтимъ вкратцѣ, въ общихъ чертахъ, какими задачами ¹⁾ должна заниматься наука уголовной политики въ культурномъ государствѣ и съ помощью какихъ приѣмовъ она можетъ рѣшать эти задачи.

Обращаясь къ опредѣленію этихъ задачъ, необходимо принять въ соображеніе, что онѣ должны относиться къ той области, которая дѣйствительно подлежитъ вѣдѣнію уголовной политики. Нужно помнить, что уголовная политика составляетъ рядомъ съ исторіей и догмой

1) Von Liszt — Kriminalpolitische Aufgaben. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. Berlin. IX Band, 1889: S. 452—498; 737—782. X B., 1890, S. 51—82. XII B., 1892, S. 161—192. — Franz von Liszt — Задачи уголовной политики, въ изложеніи Бориса Гурвича. С.-Петербургъ. 1895.

лишь необходимую составную часть науки уголовного права. Нужно помнить, что уголовное или уголовно-опредѣлительное право представляетъ, въ свою очередь, одну изъ четырехъ вѣтвей уголовного права въ обширномъ смыслѣ слова и имѣеть рядомъ съ собою и уголовно-охранительное право, и уголовно-судебное право, и уголовно-исполнительное право. Наконецъ, нужно помнить, что каждая изъ этихъ трехъ дальнѣйшихъ вѣтвей уголовного права въ обширномъ смыслѣ слова можетъ и должна имѣть, въ свою очередь, не только исторію и догму, но и политику. Въ виду этихъ обстоятельствъ, опредѣляя задачи, подлежащія вѣдѣнію уголовной политики, необходимо, въ интересахъ обезпеченія основательности и правильности рѣшенія, не обременять уголовной политики такими задачами, которыя прямо и непосредственно подлежатъ вѣдѣнію политики уголовно-охранительнаго права, или политики уголовно-судебнаго права, или политики уголовно-исполнительнаго права.

Оставаясь строго въ предѣлахъ уголовной политики, необходимо признать, что научная уголовно-политическая разработка уголовного права въ культурномъ государствѣ имѣеть широкую и сложную задачу. Эта задача состоитъ въ томъ, чтобы сравнить уголовное право, дѣйствующее въ государствѣ даннаго культурнаго народа, съ современными потребностями этого народа, при современныхъ условіяхъ жизни, опредѣлить, соотвѣтствуетъ ли это право требованіямъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія и, не трогая обособленныхъ частей, оказавшихся удовлетворительными, выяснить и указать, каково должно быть, въ интересахъ наибольшаго народнаго благосостоянія, надлежащее преобразованіе частей, оказавшихся неудовлетворительными.

Эта широкая и сложная задача можетъ быть правильно рѣшена только въ томъ случаѣ, когда она будетъ разложена на три ряда входящихъ въ нее задачъ, и каждый изъ нихъ будетъ подвергнутъ основательному, тщательному изслѣдованію какъ въ отдѣльности, такъ и въ связи съ соприкасающимися прочими и затѣмъ будетъ правильно рѣшенъ, по существу, съ соблюденіемъ надлежащаго соотвѣтствія съ рѣшеніями задачъ другихъ рядовъ, при постоянномъ неизмѣнномъ соблюденіи требованій наибольшаго народнаго благосостоянія.

Первый рядъ задачъ уголовной политики относится къ преступленію. Обращаясь къ научной уголовно-политической разработкѣ уголовного права, дѣйствующаго въ государствѣ культурнаго народа, необходимо прежде всего обратить вниманіе на уголовныя правонарушенія, предусмотрѣнныя этимъ правомъ, и опредѣлить, дѣйствительно ли они принадлежатъ къ числу такихъ дѣяній, которыя должны быть

признаны преступными и наказуемыми, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія.

Уголовныя правонарушенія, соотвѣтствующія этому требованію, должны быть признаны достойными своего имени и подлежащими оставленію въ разрядѣ уголовныхъ правонарушеній.

Уголовныя правонарушенія, не вполне удовлетворительно опредѣляемые дѣйствующимъ уголовнымъ правомъ, по своему составу, но принадлежащія, при правильномъ опредѣленіи ихъ состава, къ числу дѣяній, достойныхъ имени преступления, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго народнаго благосостоянія, должны быть отмѣчены. А при этомъ должно быть указано, какой составъ должны имѣть эти уголовныя правонарушенія, съ этой точки зрѣнія.

Уголовныя правонарушенія, принадлежащія къ числу явленій, не содержащихъ въ себѣ ничего преступнаго, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго народнаго благосостоянія, должны быть намѣчены къ исключенію изъ разряда уголовныхъ правонарушеній.

Наконецъ, дѣянія, не предусмотрѣнныя дѣйствующимъ уголовнымъ правомъ культурнаго государства, но достойныя имени преступления, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго народнаго благосостоянія, должны быть отмѣчены въ числѣ дѣяній, подлежащихъ зачисленію въ разрядъ уголовныхъ правонарушеній.

Основательное и правильное рѣшеніе этого ряда весьма важныхъ задачъ уголовной политики стоитъ въ тѣсной связи съ основательнымъ и правильнымъ рѣшеніемъ другого чрезвычайно важнаго ряда задачъ уголовной политики, а именно — задачъ объ условіяхъ возникновенія и развитія преступленій и человѣческой преступности.

Каждое уголовное правонарушеніе, дѣйствительно достойное своего имени, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго народнаго благосостоянія, есть не что иное, какъ послѣдствіе сложной причины. Этой причиной служитъ сочетаніе предшествующихъ положительныхъ и отрицательныхъ явленій, способствующихъ, подъ дѣйствіемъ законовъ природы, появленію или осуществленію этого преступления въ дѣйствительности, во внѣшнемъ мірѣ.

Каждое предшествующее явленіе, способствующее въ сочетаніи съ другими предшествующими явленіями, подъ дѣйствіемъ законовъ природы, появленію или осуществленію преступления называется условіемъ преступления.

Разсматривая условія, способствующія возникновенію и развитію преступленій, можно замѣтить, что эти условія раздѣляются на двѣ группы.

Къ первой группѣ принадлежатъ тѣ условія, которыя лежатъ въ

самомъ субъектѣ преступленія, въ самой личности человѣка, учиняющаго преступленіе. Ихъ можно назвать субъективными, или индивидуальными, или личными условіями преступленій. Таковы, напр., темпераментъ, возрастъ, алкоголизмъ.

Ко второй группѣ принадлежатъ тѣ условія, которые находятся не въ субъектѣ преступленія, не въ человѣкѣ, но во внѣшней окружающей его средѣ. Ихъ можно назвать объективными условіями преступленія.

Они подраздѣляются на двѣ подгруппы.

Условія преступленія, принадлежащія къ первой подгруппѣ даются самой общественной средой, самимъ обществомъ, къ которому принадлежитъ человѣкъ, являющійся учинителемъ преступленія. Эти условія можно назвать социальными или общественными. Таковы, напр., нравы и обычаи, дурное устройство полиціи, война.

Наконецъ, условія преступленія, относящіяся ко второй подгруппѣ, лежатъ не въ человѣкѣ и не въ обществѣ, а въ самой внѣшней природѣ. Эти условія можно назвать космическими или внѣшними природными. Таковы, напр., почва, климатъ, а въ частности — холодъ, сырость, засуха.

Субъективные, индивидуальныя или личныя условія преступленія, находясь въ самомъ человѣкѣ, способствуютъ образованію въ немъ внутренней готовности къ учиненію преступленія или, короче сказать, образованію внутренней преступности, а потому и могутъ быть названы субъективными, индивидуальными или личными условіями человѣческой преступности.

Многія изъ объективныхъ условій преступленія, какъ космическихъ, такъ и въ особенности социальныхъ, оказываютъ свое вліяніе на психическую сторону человѣка, но только не непосредственно, а не иначе, какъ при посредствѣ нерво-мозговой системы человѣка и при томъ лишь настолько, насколько она передаетъ ихъ своимъ богатымъ, но все же ограниченнымъ языкомъ т. е. своими различными состояніями, связанными съ соотвѣтствующими психическими состояніями человѣка. Благодаря этой передачѣ, многія изъ объективныхъ условій преступленія, какъ космическихъ, такъ и въ особенности социальныхъ, въ свою очередь создаютъ въ человѣкѣ мотивы или побужденія, подстрекающія къ преступленію, въ свою очередь способствуютъ образованію внутренней готовности человѣка къ преступленію или внутренней преступности, а потому и могутъ быть названы объективными и при томъ космическими и социальными условіями человѣческой преступности ¹⁾.

1) P. Poustoroslew — Criminalité et imputabilité. Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета. Юрьевъ. 1900. № 1. р. 9—10; 20—21.

Ученіе о субъективныхъ и объективныхъ условіяхъ возникновенія и развитія преступленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ о субъективныхъ и объективныхъ условіяхъ возникновенія и развитія преступности въ людяхъ нерѣдко называется криминологіей. Это названіе употребляетъ, напр., Францъ фонъ Листъ¹⁾, А. А. Піонтковскій²⁾. Но это названіе является неудобнымъ, по своей излишней широтѣ, такъ какъ оно, по своему коренному смыслу, означаетъ ученіе о преступленіи и употребляется нѣкоторыми учеными, напр., Ю. Варгой (см. выше с. 38—39 прим. 1.), въ самомъ широкомъ значеніи. Гораздо лучше воспользоваться терминомъ Г. ванъ Гамеля³⁾ и М. П. Чубинскаго⁴⁾ и назвать ученіе о субъективныхъ и объективныхъ условіяхъ возникновенія и развитія преступленій и человѣческой преступности уголовной этиологіей, хотя эта терминологія и не будетъ вполнѣ соответствовать тому значенію, которое придаютъ этому термину эти ученые.

Необходимость изученія индивидуальных, соціальныхъ и космическихъ условій возникновенія и развитія преступленій, необходимость изученія индивидуальных, соціальныхъ и космическихъ условій возникновенія и развитія преступности въ людяхъ и при томъ необходимость изученія въ интересахъ устройства правильной, цѣлесообразной и успѣшной борьбы государства съ преступленіемъ была признана впервые во второй половинѣ XIX-го вѣка.

Честь почина принадлежитъ И. Я. Фойницкому. Въ 1873 г. онъ

1) Franz von Liszt — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. Zehnte Auflage. Berlin. 1900. S. 57—61.

2) А. А. Піонтковскій — Наука уголовного права, ея предметъ, задачи, содержаніе и значеніе. Ярославль. 1895. с. 6—10.

3) G. A. van Hamel — Kriminal-Ätiologie. Aus dem Niederländischen übersetzt von Dr. Colthoff. Zeitschrift f. d. g. Strafrechtswissenschaft. Berlin. 1901. XXI Band. S. 345—346. „Ätiologie“ ist die Lehre von den Ursachen, говоритъ Г. ванъ Гамель (S. 345.), folglich ist Kriminal-Ätiologie die Lehre von den Ursachen der Kriminalität“.

4) М. П. Чубинскій — Наука уголовного права и ея составные элементы. Ж. М. Ю. 1902. № 7. с. 58. „Исслѣдованіе причинъ, которыми обусловливается возникновеніе, развитіе и измѣненіе преступности, говоритъ М. П. Чубинскій (с. 58.), и образуетъ вторую часть, второй составной элементъ науки уголовного права. Въ этомъ отношеніи уже сдѣлано не мало, при чемъ констатированы три группы причинъ или факторовъ преступности: факторы личные (біологическіе, антропологическіе), лежащіе внутри чловѣка, — его физическая и психическая организація со всѣми ея свойствами, предрасположеніями, особенностями, дефектами и т. д.; факторы соціальныя — политическіе, экономическіе и т. д., и факторы космическіе — климатъ, температура и т. д. . . . Мы предпочитаемъ называть эту часть науки — уголовной этиологіей“.

первый указалъ на необходимость изученія личныхъ, общественныхъ и физическихъ условий преступности для устройства правильной общественной или государственно-общественной борьбы съ преступленіемъ¹⁾.

1) Это указаніе было сдѣлано И. Я. Фойницкимъ въ его изслѣдованіи подъ заглавіемъ — „Вліяніе временъ года на распредѣленіе преступленій“. Это изслѣдованіе было напечатано въ 1873 г. въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ номерѣ „Судебнаго Журнала“, издававшагося въ „Санктпетербургѣ“, въ качествѣ приложенія къ „Судебному Вѣстнику“. Мнѣ не удалось видѣть этого изслѣдованія въ его первомъ изданіи. Я говорю объ этой работѣ только на основаніи второго ея изданія, напечатаннаго въ 1-мъ томѣ юридическихъ статей и изслѣдованій И. Я. Фойницкаго въ 1898 г.: На досугѣ. Сборникъ юридическихъ статей и изслѣдованій съ 1870 года И. Я. Фойницкаго. Томъ I. С.-Петербургъ. 1898. VI. Вліяніе временъ года на распредѣленіе преступленій. (Опытъ соціального діагноза преступленія). (Суд. Журн. 1873 г. №№ 1, 2 и 3). с. 261—397. „Изученіе причинъ преступленія, говоритъ И. Я. Фойницкій (с. 263.), беретъ на себя, между прочимъ, уголовная статистика“. „Легкое обобщеніе результатовъ уголовно-статистическихъ работъ, продолжаетъ онъ (с. 263—264.), даетъ уже возможность теоретически распредѣлить всѣ возможные условія преступности, не смотря на все ихъ разнообразіе, на три группы: физическія, общественныя и личныя. Первые коренятся въ физической природѣ и физическомъ положеніи человѣка; онѣ вызываются его организаціей, поломъ, возрастомъ, климатомъ, въ которомъ онъ живетъ, почвою, которая его питаетъ. Если эти условія противодействуютъ преступленію, очевидно, государственно-общественная дѣятельность должна щедро пользоваться ими; если же онѣ благоприятствуютъ или даже вызываютъ усиленную преступность, въ такомъ случаѣ эта дѣятельность должна бороться съ ними, стремясь къ парализованію ихъ вліянія. Но какъ? Прямое устраненіе ихъ большею частью невозможно: доказано, напр., что преступленіе вызывается жаркимъ климатомъ, но какъ вы измѣните температуру воздуха? Въ такомъ случаѣ необходимо прибѣгнуть къ системѣ косвеннаго парализованія ихъ вліяній, при помощи условий общественныхъ. Онѣ, какъ и физическія, могутъ или вызывать преступность, — тогда обязанность общественной дѣятельности устранить ихъ, такъ какъ по отношенію къ нимъ почти всегда возможно прямое устраненіе; — или напротивъ, онѣ могутъ уменьшать ее, т. е. ослаблять силу физическихъ (и личныхъ) вліяній, и въ такомъ случаѣ онѣ представляютъ богатую сокровищницу для государственной дѣятельности. Наконецъ, условія личныя, индивидуальныя, воля, разумъ и проч., представляютъ такой же характеръ, съ точки зрѣнія разсматриваемой общественной дѣятельности, какъ и физическія“. „Преступленіе, говоритъ далѣе И. Я. Фойницкій (с. 367.), опредѣляется совмѣстнымъ дѣйствіемъ условий физическихъ, общественныхъ и индивидуальныхъ“. „Наказаніе, какъ мѣра индивидуальная, продолжаетъ онъ (с. 370.), можетъ служить противоявіемъ лишь для индивидуальныхъ условий преступленія, но кромѣ нихъ есть еще условія физическія и общественныя, дающія почву индивидуальнымъ: ясное дѣло, ни тюрьма, ни даже смертная казнь, недостаточны для устраненія ихъ. Борьба съ ними требуетъ дѣятельность другого рода, предполагающую мѣры общія въ противоположность индивидуальнымъ, рассчитанныя на цѣлую группу явленій и на всѣхъ гражданъ“. „Поэтому то рациональное разрѣшеніе борьбы съ преступленіемъ,

Эти идеи И. Я. Фойницкаго не приобрѣли распространѣнія въ Россіи и, благодаря изложенію ихъ на русскомъ языкѣ, остались не доступны иностраннымъ ученымъ. Однако, черезъ девять лѣтъ и въ кругу иностранныхъ ученыхъ возникли идеи этого рода.

Въ 1882 г. итальянскій ученый, Э. Ферри ¹⁾, въ свою очередь, провозгласилъ необходимость изученія индивидуальных, социальныхъ и космическихъ факторовъ преступленія въ интересахъ устройства правильной борьбы съ преступностью. Подъ именемъ факторовъ преступленія Ферри разумѣлъ „причинные моменты, лежащіе въ основаніи преступленія“, по поводу же индивидуальных или антропологическихъ факторовъ преступленія указывалъ на особенные заслуги Ч. Ломброзо и этимъ еще разъ ²⁾ подчеркивалъ свое сочувствіе ученію Ломброзо о существованіи прирожденныхъ преступниковъ и прирожденной наклонности къ преступленію въ нѣкоторыхъ людяхъ.

Ученіе Ферри о существованіи троякихъ факторовъ преступленія было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ, но вскорѣ же было исправлено учеными относительно ошибки, заключающейся въ признаніи существованія прирожденной наклонности къ преступленію въ нѣкоторыхъ людяхъ.

Уже Францъ фонъ Листъ ³⁾, допуская въ 1884 г. существованіе прирожденныхъ преступниковъ, замѣтилъ, что они, будучи лицами, находящимися въ состояніи невмѣняемости, должны быть препровождаемы въ особыя заведенія, предназначенныя для преступныхъ умалишенныхъ.

Что же касается И. Я. Фойницкаго ⁴⁾, то онъ въ 1889 г. пересмотрѣлъ вопросъ о факторахъ преступности и рѣшительно высказался противъ ученія о существованіи прирожденной преступности.

говорить въ заключеніе И. Я. Фойницкій (с. 371.), мы получимъ въ томъ только случаѣ, когда ею будутъ практикуемы мѣры, направленные къ развитію народнаго благосостоянія путемъ общественной культуры, а къ наказанію государство будетъ обращаться какъ къ самой крайней и самой нежелательной въ ряду ихъ мѣрѣ“.

1) Ferri — *Das Verbrechen in seiner Abhängigkeit von dem jährlichen Temperaturwechsel. Zeitschrift f. d. g. Strafrechtswissenschaft.* Berlin und Leipzig. 1882. II. Band. S. 11—49. „Einteilung der dem Verbrechen zu Grunde liegenden ursächlichen Momente oder Factoren“ (S. 11.). „Nun sind aber die Factoren des Verbrechens dreierlei Art: anthropologische oder individuelle, sociale und kosmische“ (S. 11.).

2) E. Ferri — *I nuovi orizzonti del diritto e procedura penale.* Bologna. 1881.

3) Franz von Liszt — *Lehrbuch des Deutschen Strafrechts.* Berlin und Leipzig. 1884. S. 3—5.

4) И. Я. Фойницкій — Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремовѣдѣніемъ. С.-Петербургъ. 1889. с. 40—48. „Личные факторы преступлений“ (с. 45.).

Онъ призналъ, что наказаніе „есть мѣра охраненія общества отъ преступныхъ дѣяній и что для успѣшности этой охраны борьба съ преступленіемъ должна быть сведена къ борьбѣ съ тѣми причинами или условіями, которыя вызываютъ преступную дѣятельность“ (Ученіе. с. 40.). Онъ призналъ, что „причины или условія преступной дѣятельности могутъ быть сведены къ тремъ родовымъ группамъ: а) условія космическія, б) условія общественныя, в) условія индивидуальныя“ (Ученіе. с. 40.). Но онъ рѣшительно и вполне правильно отвергъ существованіе прирожденныхъ преступниковъ и прирожденной наклонности къ преступленію (Ученіе. с. 41—43; 45—48.). „Какъ скоро ненормальное органическое состояніе оказывается причиною преступной дѣятельности, сказалъ онъ (Ученіе. с. 46.), то для борьбы съ нею умѣстными оказываются мѣры терапевтическія и предупредительныя, а не карательныя; здѣсь нѣтъ мѣста преступной дѣятельности и преступности, есть только болѣзнь“.

Признавая существованіе троякихъ факторовъ преступленія, индивидуальныхъ, соціальныхъ и космическихъ, В. Моррисонъ¹⁾, въ свою очередь, рѣшительно высказался противъ прирожденной преступности.

Впослѣдствіи, съ 1889 г. и Францъ фонъ Листъ²⁾ отказался отъ признанія прирожденныхъ преступниковъ.

Основательное изученіе и правильное пониманіе личныхъ, общественныхъ и космическихъ условій возникновенія и развитія преступленій и человѣческой преступности — чрезвычайно важно.

Только при изученіи этихъ условій, уголовныя правонарушенія перестаютъ представляться одними отвлеченными юридическими понятіями и вступаютъ передъ глазами изслѣдователя во всей полнотѣ явленій дѣйствительной жизни.

Только при правильномъ пониманіи этихъ условій, возможно правильное рѣшеніе вопросовъ, какія дѣянія человѣка дѣйствительно должны быть признаны уголовными правонарушениями, съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго народнаго благосостоянія, и какова должна быть расцѣнка внутренней важности или внутренней тяжести этихъ дѣяній.

Наконецъ, только при основательномъ изученіи и правильномъ

1) William Douglas Morrison — Crime and its causes. London. 1891. p. 21; 177—200.

2) Von Liszt — Kriminalpolitische Aufgaben. Zeitschrift f. d. g. Strafrechtswissenschaft. IX B. s. 462—472. — Franz von Liszt — Задачи уголовной политики, въ изложеніи Б. Гурвича. с. 11—19. — Franz von Liszt — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. Berlin. 1898. Neunte Auflage. I. Teil. S. 65—68.

пониманіи этихъ условій, возможно основательное и правильное рѣшеніе третьяго весьма важнаго ряда задачъ уголовной политики, а именно — задачъ по выработкѣ системы борьбы съ преступленіемъ и чело-вѣческой преступностью.

Уголовная политика, руководясь принципомъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія и соображаясь при этомъ съ указаніями уголовной этиологіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ принимая во вниманіе и указанія догмы уголовного права, исторіи уголовного права и сравнительно-историческихъ изслѣдованій, должна опредѣлить, какова должна быть система борьбы съ преступленіемъ и преступностью въ государствѣ даннаго культурнаго народа.

Уголовная политика должна опредѣлить въ этомъ отношеніи прежде всего, каковы должны быть цѣли наказанія, каковы должны быть желательныя свойства или качества наказаній, каковы должны быть наказательныя средства и каковы должны быть главныя черты устройства наказаній въ государствѣ даннаго культурнаго народа.

Далѣе, уголовная политика должна опредѣлить, каковы могутъ быть въ государствѣ даннаго культурнаго народа принудительныя обуздывающія мѣры борьбы съ преступленіемъ и проявившейся преступностью, не составляющія наказанія. Примѣромъ такой мѣры можетъ служить оставленіе осужденнаго преступника въ теченіе опредѣленнаго срока на испытаніи, съ цѣлью опредѣленія, слѣдуетъ ли избавить это лицо отъ привлеченія къ отбытію наказанія за осужденное уголовное правонарушеніе или слѣдуетъ привлечь къ отбытію наказанія.

Наконецъ, далѣе, уголовная политика должна опредѣлить, каковы могутъ быть въ государствѣ даннаго культурнаго народа обуздывающія мѣры борьбы съ преступленіемъ и проявившейся преступностью, не имѣющія ни наказательнаго, ни принудительнаго характера. Примѣромъ такой мѣры можетъ служить устройство матерьяльной, духовной и юридической помощи въ борьбѣ съ нуждою, бѣдностью, гнетомъ обстоятельствъ и искушеніями жизни лицамъ, освобожденнымъ изъ-подъ наказанія, ищущимъ этой помощи и дѣйствительно нуждающимся въ ней для поддержанія ихъ на честномъ пути.

Рѣшивъ свои задачи по отношенію къ каждому изъ нѣсколькихъ культурныхъ народовъ въ отдѣльности, уголовная политика съ успѣхомъ можетъ приступить къ постановкѣ и рѣшенію своихъ задачъ въ общемъ видѣ по отношенію ко всѣмъ культурнымъ народамъ, близкимъ другъ къ другу по развитію матерьяльныхъ и духовныхъ потребностей и болѣе или менѣе близкимъ по условіямъ жизни.

Научная разработка уголовной политики можетъ производиться

посредствомъ нѣсколькихъ различныхъ приѣмовъ или видовъ положительнаго метода.

Прежде всего въ этой области вполне умѣстенъ приѣмъ наблюденія надъ изучаемыми людьми, явленіями, условіями и причинами.

Далѣе, при изученіи личныхъ и социальныхъ условий возникновенія и развитія преступности въ людяхъ и преступленій допустимъ и опытъ, но не иначе, какъ только позволительный. Таковъ тотъ опытъ, который находитъ полное оправданіе въ интересахъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія и не вызываетъ никакого вреда и опасности для жизни, цѣлости органовъ тѣла, здоровья, нравственности, религіозности и чести людей, надъ которыми онъ производится.

Нѣтъ сомнѣнія, что при изученіи личныхъ, социальныхъ и космическихъ условий возникновенія и развитія преступленій и человѣческой преступности вполне умѣстенъ статистическій приѣмъ или приѣмъ массоваго наблюденія. Примѣненіе этого приѣма въ этой области уже успѣло дать много цѣнныхъ выводовъ.

Наконецъ, уголовно-политическій приѣмъ естественно имѣетъ широкое примѣненіе въ уголовной политикѣ.

Кромѣ того, она можетъ съ успѣхомъ пользоваться указаніями догмы и исторіи уголовного права и указаніями сравнительно-исторической разработки уголовного права.

Нужно замѣтить вообще, что, при научной разработкѣ предмета, нельзя отказываться отъ привлеченія новыхъ матерьяловъ и примѣненія новыхъ видовъ положительнаго метода, если они способствуютъ расширенію, углубленію и выясненію нашихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ.

Познакомившись съ исторіей уголовного права, догмой и уголовной политикой, мы можемъ опредѣлить теперь составъ науки уголовного права.

Наука уголовного права имѣетъ три части. Первой — служить исторія уголовного права, второй — догма уголовного права и третьей — уголовная политика. Эти три части обработаны неодинаково. Болѣе всѣхъ обработана догма уголовного права, гораздо менѣе — исторія уголовного права и еще менѣе — уголовная политика.

§ 9. Литература уголовного права.

Литература уголовного права очень богата. Въ ней много научныхъ произведеній, но много и ненаучныхъ.

Научная литература уголовного права возникла только у новыхъ

европейскихъ народовъ въ XIII вѣкѣ, послѣ учрежденія университетовъ. Честь почина принадлежитъ итальянцамъ.

Въ первыя времена не было сочиненій, спеціально посвященныхъ уголовному праву, но вопросы уголовного права разсматривались при толкованіи постановленій римскаго права, относящихся къ областямъ гражданскаго и уголовного права. Знаменитый итальянскій ученый, Франкъ Аккурсіи¹⁾, родившійся въ 1182 г. и умершій въ 1260, составилъ краткія толкованія къ дигестамъ и кодексу Юстиніана, извѣстныя подъ именемъ глоссы Аккурсіа. Въ этихъ толкованіяхъ онъ затронулъ между прочимъ много вопросовъ уголовного права и указалъ вкратцѣ, какъ нужно рѣшать ихъ, съ точки зрѣнія римскаго уголовного права. Въ глоссѣ Аккурсіа встрѣчаются первыя попытки догматической обработки нѣкоторыхъ постановленій римскаго уголовного права.

Спеціальная литература уголовного права возникла нѣсколько позднѣе. Самое раннее изъ дошедшихъ до насъ сочиненій этого рода принадлежитъ итальянцу Альберту Гандину²⁾. Оно носитъ названіе: „Tractatus de Maleficijs“ и написано около 1260 г.

Нечего и говорить, что въ этихъ раннихъ произведеніяхъ было мало научнаго. Съ теченіемъ времени, однако, научный элементъ сталъ

1) Francus Accursius. Толкованія Аккурсіа пользовались большой славой и издавались много разъ вмѣстѣ съ дигестами и кодексомъ Юстиніана. Одно изъ такихъ изданій было сдѣлано, напр., въ 1548 г. Это изданіе дигестъ носитъ слѣдующее заглавіе: „Digestum vetus D. Iustiniani . . . Cui praeter notissimos, Accursij Florentini Commentarios, aliquot jam seculorum consensu receptos . . . nouae nunc denuo . . . Annotationes accesserunt“ . . . Lugduni Apud Hugonem . . . M. D. XLVIII. Въ этомъ изданіи вслѣдъ за Digestum vetus напечатано и Digestum novum, только безъ заглавнаго листа. Digestum vetus называлась начальная часть дигестъ, прерывавшаяся на 1-мъ фрагментѣ 3-го титула 24-й книги. Digestum novum называлась послѣдняя часть дигестъ, начиная съ 82-го фрагмента 2-го титула 35-й книги. Средняя же между ними часть дигестъ носила названіе Infortiatum. Изданіе кодекса съ толкованіями Аккурсіа озаглавлено въ 1548 г. словами: „Codex Imperatoris semper maximi Divi Iustiniani“ . . . Lugduni Apud Hugonem . . . M. D. XLVIII.

2) Albertus Gandinus или de Gandino жилъ въ XIII вѣкѣ и началъ XIV вѣка. Сочиненіе Гандина: „Tractatus de Maleficijs“ было напечатано въ Венеціи въ 1491 г. и потомъ выдержало нѣсколько изданій. Въ моихъ рукахъ было венеціанское изданіе, въ которомъ это сочиненіе Гандина напечатано въ одной книгѣ съ соотвѣтствующими сочиненіями Ангела Аретина и Бонифація де Виталинись. Эта книга носитъ слѣд. заглавіе: „Angeli Aretini de Maleficijs Tractatus . . . Cui Tractatus Alberti de Gandino, nec non Bonifacii de Vitalinis, . . . subiecimus“. Venetiis. MDLXXXIII. Alber. de Gan. I. V. D. Clarissimi, Tractatus de Maleficijs“. p. 269—368.

увеличиваться, но ростъ очень медленно. Такимъ характеромъ отличалась литература уголовного права въ теченіе XIII—XVI вѣковъ.

Писатели этой эпохи мало трудились надъ выясненіемъ принциповъ уголовного права и ихъ основаній, но главнымъ образомъ заботились о разъясненіи отдѣльных постановленій уголовного права и собираніи мнѣній юристовъ по каждому вопросу. Обыкновенно предпочтеніе оказывалось не тому рѣшенію, которое было лучше обосновано, а тому, за которое было больше голосовъ. Общее мнѣніе ученыхъ (*communis doctorum opinio*) обыкновенно считалось непрекаемымъ авторитетомъ. Словомъ, — въ литературѣ уголовного права въ то время господствовалъ схоластическій приемъ. Тѣмъ не менѣе, и въ это время понемногу развивались попытки догматической обработки нѣкоторыхъ вопросовъ уголовного права и даже критическое отношеніе къ господствующимъ мнѣніямъ. Особенно усилилось это въ XVI вѣкѣ.

Изъ писателей этой эпохи, кромѣ Аккурсія и Гандина, наиболѣе выдаются: въ XIV вѣкѣ — итальянцы: С. Бартоль¹⁾ и П. Бальдъ²⁾, въ XV — итальянецъ А. Аретинъ³⁾ и въ XVI — знаменитый итальян-

1) Bartolus Severus de Alphanis a Saxoferrato родился въ 1313 г., умеръ въ 1356, прославился комментаріями къ дигестамъ, кодексу и институціямъ. Эти комментаріи издавались нѣсколько разъ. Въ 1562 г. они были изданы въ 5 томахъ подъ слѣд. заглавіями: I Томъ — „Bartoli . . . in ius universum civile commentaria“ (т. е. на *Digestum vetus*), II Томъ — „Bartoli . . . in secundum tomum pandectarum, infortiatum commentaria“, III Томъ — „Bartoli . . . in tertium tomum pandectarum, Digestum novum commentaria“, IV Томъ — Bartoli . . . in duodecim libros Codicis commentaria“ и V Томъ — „Bartoli . . . in institutiones et autenticas commentaria. Ejusdem Tractatus XXXIX“. Basileae. MDLXII.

2) Baldus de Ubaldis (Ubaldu) perusinus Petrus родился въ 1327 г., умеръ въ 1400, прославился комментаріями къ дигестамъ, кодексу и институціямъ. Эти комментаріи издавались нѣсколько разъ. Одно изъ изданій было сдѣлано въ Венеціи въ 1615 и 1616 г. въ 9 томахъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свое длинное заглавіе. Содержаніе всѣхъ ихъ выражено вкратцѣ въ заглавіи послѣдняго 9-го тома: „Index locupletissimus rerum omnium ac sententiarum memorabilium, quae in Baldi Ubaldi Commentariis ad libros Digestorum, Codicis et Institutionum necnon in Tract. de Pactis et Constituto continentur“ etc. Venetiis. Apud Iuntas. MDCXV.

3) Angelus de Gambilionibus Aretinus былъ писателемъ XV вѣка, умеръ послѣ 1451 г. Сочиненіе Аретина называлось: „Tractatus de maleficiis“ и издавалось нѣсколько разъ. Напр., оно было издано въ Венеціи въ 1584 г. вмѣстѣ съ соотвѣтствующими сочиненіями Альберта Гандина и Бонифація де Виталинисъ. Эта книга носитъ слѣд. заглавіе: „Angeli Aretini de Maleficiis Tractatus . . . Cui tractatus Alberti de Gandino, nec non Bonifacii de Vitalinis, . . . subiecinus“. Venetiis. MDLXXXIII. p. 1—268.

янецъ Ю. Кларъ ¹⁾ и въ особенности знаменитый голландецъ I. Дамгудеръ ²⁾. Хотя Дамгудеръ придерживался вообще стариннаго схоластическаго приема, но гораздо чаще своихъ предшественниковъ и современниковъ обращался къ догматической обработкѣ и критикѣ уголовного права, нерѣдко критиковалъ господствующія мнѣнія и при томъ во многихъ случаяхъ твердо шелъ впередъ въ гуманномъ направленіи. Онъ пользовался наибольшимъ авторитетомъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ. Его знаменитое сочиненіе: „*Praxis rerum criminalium*“ было переведено на голландскій, нѣмецкій, французскій и итальянскій языкъ, выдержало множество изданій и пользовалось глубокимъ уваженіемъ не только въ XVI вѣкѣ, но и въ XVII и даже въ XVIII.

Въ XVII-мъ столѣтіи кончилось широкое увлеченіе стариннымъ схоластическимъ направленіемъ. Это направленіе ярко проявилось въ послѣдній разъ въ трудахъ выдающихся криминалистовъ: итальянца П. Фаринаціуса ³⁾ и саксонцевъ М. Берлиха ⁴⁾ и Б. Карпцова сильно

1) Julius Clarus родился въ Италіи около 1525 г., а умеръ въ Испаніи въ 1575 г. Онъ отличался громадною начитанностью, ясностью изложенія и былъ самымъ талантливымъ изъ всѣхъ итальянскихъ криминалистовъ XIII—XVII вѣковъ. Знаменитое сочиненіе Клара называется: „*Receptae sententiae*“. Оно написано, по всей вѣроятности, около 1559 г., а напечатано нѣсколько разъ. Напр., оно издано во Франкфуртѣ подъ слѣд. заглавіемъ: „*Julii Clari . . . receptarum sententiarum opera omnia*“. Francoforti M. D. XCVI.

2) Jodocus Damhouderius родился въ 1507 г., а умеръ въ 1581. Сочиненіе Дамгудера „*Praxis rerum criminalium*“ было напечатано въ первый разъ въ 1554 г., а во второй въ 1555 подъ заглавіемъ: „*Enchiridion rerum criminalium, vulgo practica Iodoco Damhouderio Brugensi Jurisconsulto clarissimo autore*. Lugduni M. D. LV.

3) Просперъ Фаринаціусъ (Prosper Farinacius) родился въ 1544 г., а умеръ въ 1613-мъ. Сочиненіе Фаринація „*Praxis et theoria criminalis*“ въ пяти томахъ писалось и издавалось постепенно въ нѣсколько приемовъ. Двѣ первыя книги приготовлены для печати въ 1595 г., а послѣдняя — въ 1613-мъ. Это сочиненіе выдержало нѣсколько изданій. Двѣ первыя книги напечатаны въ первый разъ въ Венеціи въ 1595 г., а во второй — во Франкфуртѣ въ 1597 г. подъ слѣд. заглавіемъ: *Prosperi Farinacii Iurisconsulti Romani praxis et theoriae criminalis Libri duo . . .* Остальныя книги этого сочиненія издавались то подъ именемъ книгъ, то подъ именемъ частей, напр. *Prosperi Farinacii Iur. Cti Romani Praxis et Theoriae criminalis Pars Tertia*. Lugduni MDC. XXXV.

4) Матвѣй Берлихъ (Matthias Berlichius) родился въ XVI вѣкѣ, умеръ въ 1638-мъ году. Сочиненіе Берлиха „*Conclusiones practicabiles*“ въ четырехъ частяхъ писалось и издавалось постепенно въ нѣсколько приемовъ. I-я часть была приготовлена къ печати въ 1614-мъ году, а четвертая — въ концѣ 1616-го или въ началѣ 1617-го г.

списывавшаго у М. Берлиха, безъ всякихъ указаній на свои заимствованія¹⁾). Однако, и въ сочиненіяхъ этихъ трехъ писателей замѣтно усиленіе стремленія къ догматической обработкѣ и критикѣ. Развитиёмъ стремленія къ примѣненію догматическаго приѣма ясно отличаются сочиненія и другихъ писателей XVII-го вѣка, напр., англичанина М. Гэля²⁾). Первое же мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ голландцу Антонію Маттею³⁾), который впервые далъ догматическую обработку римскому уголовному праву.

Въ XVIII-мъ вѣкѣ примѣненіе догматическаго метода въ литературѣ уголовного права окончательно упрочивается и широко распространяется. У многихъ изъ культурныхъ народовъ, напр., у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ, уголовное право получаетъ догматическую обработку. Выдающіяся произведенія догматическаго характера появляются теперь большею частью не на латинскомъ языкѣ, а на нѣкоторыхъ новыхъ, напр., на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ. Авторами этихъ

Это сочиненіе выдержало нѣсколько изданій, напр., оно было напечатано въ 1739 г. подъ слѣд. заглавіемъ: *D. Matthiae Berlichii . . . conclusiones practicabiles secundum ordinem constitutionum Divi Augusti electoris Saxoniae discussae. Coloniae Agrippae M. DCCXXXIX.*

1) Бенедиктъ Карпцовъ (*Benedictus Carpzovius*) родился въ 1595 г., а умеръ въ 1666-мъ г. Въ 1635-мъ году, по мнѣнію однихъ ученыхъ, или въ 1638-мъ, по мнѣнію другихъ, было издано впервые сочиненіе Карпцова, извѣстное подъ именемъ: *Practica nova imperialis Saxonica rerum criminalium*. Это сочиненіе, переполненное многочисленными заимствованиями и даже буквальными списываніями у Берлиха, пользовалось громаднымъ уваженіемъ въ Германіи въ XVII-мъ вѣкѣ, но за то въ XVIII-мъ потеряло всякій авторитетъ. (См. *G. Geib — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. I. Band. Leipzig. 1861. S. 292—296.*). Изданій этого сочиненія было нѣсколько. Пятое изданіе, напр., было сдѣлано въ Виттенбергѣ въ 1665 г. подъ слѣд. заглавіемъ: *Practica nova imperialis Saxonica rerum criminalium in partes tres divisa auctore Benedicto Carpzovio Jcto. Wittenbergae Anno 1652*. На заглавномъ листѣ каждой изъ трехъ частей этого сочиненія напечатана надпись: *Wittenbergae MDCLXV Editio quinta*.

2) Маттью Гэль (*Matthew Hale*) родился въ 1609 г., а умеръ въ 1676-мъ. Важнѣйшее изъ сочиненій Гэля, относящихся къ уголовному праву, напечатано впервые въ 1678 г. подъ заглавіемъ: *The Pleas of the Crown or a methodical summary*.

3) Антоній Маттей (*Antonius Matthaeus*) родился въ 1601 г., а умеръ въ 1654-мъ. Знаменитое сочиненіе Маттея, содержащее догму римскаго уголовного права называется: *De criminibus ad lib. XLVII et XLVIII Dig. commentarius*. Оно было издано впервые въ 1644 г. и потомъ издавалось нѣсколько разъ. Третье изданіе, напр., было сдѣлано въ 1672 г. подъ заглавіемъ: *De criminibus ad lib. XLVII. et XLVIII. Dig. commentarius Antonii Matthaei ic. Editio tertia. Vesaliae. MDC. LXXII.*

сочинений выступают: Иоаннъ Бёмеръ ¹⁾, I. Квистропъ ²⁾, Е. Клейнъ ³⁾ и К. Грольманъ ⁴⁾ — въ Германіи, Д. Жуссъ ⁵⁾ и П. Мюяръ де Вугланъ ⁶⁾ — во Франціи, В. Блэкстонъ ⁷⁾ — въ Англіи и Л. Кре-мани ⁸⁾ — въ Италіи.

1) Иоаннъ Бёмеръ (Ioannes Samuelis Fridericus Boehmerus) родился въ 1704 г., а умеръ въ 1772 г. Изъ догматическихъ сочиненій Иоанна Бёмера наиболее замѣчательны два: 1) *Elementa iurisprudentiae criminalis* (Halae. 1733.) и 2) *Meditationes in Constitutionem Criminalem Carolinam* (Halae. 1770.).

2) Иоаннъ Квистропъ (Johann Christian Edler von Quistrop) родился въ 1737 г., умеръ въ 1795. Лучшее догматическое сочиненіе Квистропа напечатано въ первый разъ въ 1770 г. подъ заглавіемъ: *Grundsätze des Teutschen peinlichen Rechts*. Rostock und Leipzig.

3) Эрнстъ Клейнъ (Ernst Ferdinand Klein) родился въ 1743 г., умеръ въ 1810. Въ 1796 г. напечатано въ 1-й разъ извѣстное сочиненіе Клейна: *Grundsätze des gemeinen Deutschen und Preussischen Peinlichen Rechts von D. Ernst F. r. Klein*. Halle. 1796.

4) Карлъ Грольманъ (Karl Ludwig Wilhelm Grolman) родился въ 1775 г., умеръ въ 1829. Въ 1798 г. напечатано въ 1-й разъ сочиненіе Грольмана: *Grundsätze der Criminalrechts-Wissenschaft nebst einer systematischen Darstellung des Geistes der deutschen Criminalgesetze von D. Karl Grolman*. Giessen. 1798.

5) Даниль Жуссъ (Daniel Jousse) родился въ 1704 г., умеръ въ 1781. Въ 1771 г. было напечатано въ Парижѣ въ 4-хъ томахъ обширное сочиненіе Жусса: *Traité de la justice criminelle de France . . . par. M. Jousse, conseiller au Présidial d'Orleans*. A Paris. M. DCC. LXXI.

6) Петръ Мюяръ де Вугланъ (Pierre François Muyart de Vouglans) родился въ 1723 г., умеръ въ 1791. Въ 1780 г. впервые напечатано въ Парижѣ обширное сочиненіе этого писателя подъ заглавіемъ: *Les loix criminelles de France, dans leur ordre naturel*. Par M. Muyart de Vouglans, conseiller au Grand-Conseil. A. Paris. M. DCC. LXXX.

7) Вильямъ Блэкстонъ (William Blackstone) родился въ Лондонѣ въ 1723 г., а умеръ въ 1780. До Блэкстона въ англійскихъ университетахъ не преподавалось англійскаго права. Онъ первый началъ преподаваніе этого предмета. Въ 1753 г. Блэкстонъ въ качествѣ частнаго преподавателя открылъ курсъ лекцій англійскаго права въ Оксфордскомъ университетѣ и привлекъ массу слушателей. Въ 1758 г. въ Оксфордскомъ университетѣ на деньги, пожертвованныя частнымъ лицомъ, Винеромъ была учреждена первая въ Англіи каѳедра англійскаго права и первымъ профессоромъ на нее былъ избранъ В. Блэкстонъ. Онъ занималъ ее до 1766 г., а въ 1766 г. вышелъ изъ университета и посвятилъ себя службѣ въ парламентѣ въ званіи депутата. Лекціи Блэкстона по англійскому праву пользовались громаднымъ авторитетомъ въ Англіи въ XVIII-мъ вѣкѣ и въ первой половинѣ XIX-го. Онъ выдержали множество изданій. Первое изданіе ихъ, краткое, неполное и неудовлетворительное было сдѣлано въ 1765 г. въ Ирландіи однимъ изъ слушателей Блэкстона. Второе же изданіе было сдѣлано самимъ Блэкстономъ въ промежутокъ времени между 1765 и 1768 г. Въ этомъ изданіи лекціи Блэкстона напечатаны подъ именемъ „Толкованій къ англійскому праву“ (*Commentaries on the laws of England*). Это

Въ XVIII-мъ столѣтіи начинается правильная выработка уголовно-политическаго приѣма изслѣдованія. Онъ пріобрѣтаетъ сильное развитіе и получаетъ довольно большое примѣненіе въ области науки уголовного права. Самыми блестящими представителями этого направленія выступаютъ : французскій мыслитель К. Монтескье ¹⁾, итальянскіе писатели — Ч. Беккарія ²⁾ и Г. Филанджіери ³⁾, англійскій мыслитель

название онѣ сохранили и во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ. Напр., 8-е изданіе носить слѣд. заглавіе: *Commentaries on the laws of England . . . by William Blackstone, Esq. the eighth edition. Oxford MDCCLXXVIII.* Четвертая книга этихъ толкованій посвящена догмѣ англійскаго уголовного права, но нѣкоторые вопросы уголовного права разсматриваются и въ третьей книгѣ.

8) Луиджи Кремани (Aloysius или Luigi Cremani) родился въ 1748 г., умеръ въ 1838. Сочиненіе Кремани объ уголовномъ правѣ было напечатано впервые въ двухъ книгахъ въ 1779 г. въ городѣ Луккѣ. Въ началѣ 90-хъ годовъ XVIII-го вѣка оно было напечатано вновь съ присоединеніемъ 3-й книги, посвященной уголовному процессу. Послѣднее изданіе сдѣлано въ 1848 г. подъ слѣд. заглавіемъ : *Aloysii Cremani . . . de jure criminali libri tres. Florentiae.*

1) Карлъ де Секонда, баронъ де ла Бредъ и де Монтескье (Charles de Secondat, baron de la Brède et de Montesquieu) родился въ 1689 г., умеръ въ 1755. Знаменитое сочиненіе Монтескье „О духъ законовъ“, *De l'esprit des Loix*, было напечатано впервые въ Женевѣ въ 1748 г., безъ обозначенія имени автора. Уголовнаго права касается главнымъ образомъ VI-я книга этого сочиненія. Это сочиненіе выдержало множество изданій, при чемъ первыя изданія печатались безъ обозначенія имени автора. Напр., изданіе, сдѣланное въ Женевѣ въ 1749 г., носить слѣдующее заглавіе : *De l'esprit des Loix, Ou du rapport que les Loix doivent avoir avec la Constitution de chaque Gouvernement, les Moeurs, le Climat, la Religion, le Commerce, etc. Nouvelle edition. Premiere partie. Seconde partie. A Geneve. M. DCC. XLIX.*

2) Чезаре Бонесано, маркизъ ди Беккарія (Cesare Bonesano marchese di Beccaria) родился въ 1738 г., умеръ въ 1794. Знаменитое сочиненіе Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, *Trattato dei delitti e delle pene* представляетъ горячій протестъ противъ злоупотребленій, жестокости и невѣжества въ областяхъ уголовного и уголовно-судебнаго права. Это сочиненіе было напечатано впервые по итальянски въ Миланѣ въ 1764 г., безъ обозначенія имени автора, подъ заглавіемъ : *Trattato dei delitti e delle pene.* Потомъ это сочиненіе было переведено по французски съ перестановкой нѣкоторыхъ частей Андреемъ Морелле (André Morellet) и было напечатано въ Амстердамѣ въ 1766 г., также безъ обозначенія имени автора и переводчика, подъ заглавіемъ : *Traité des délits et des peines (A Amsterdam. MDCCLXVI).* Впослѣдствіи это сочиненіе стало издаваться съ обозначеніемъ имени автора и переводчиковъ, было переведено на всѣ культурные европейскіе языки и выдержало множество изданій. Лучшій русскій переводъ принадлежитъ С. И Зарудному (1821—1887 г.). С. Зарудный — Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ главою X-ю наказа Екатерины II и съ современными русскими законами. С.-Петербургъ. 1879.

3) Гаэтано Филанджіери (Gaetano Filangieri) родился въ 1752 г., умеръ въ 1788. — *Gaetano Filangieri — La scienza della legislazione. Napoli. Libro I*

І. Бентамъ ¹⁾, и нѣмецкій профессоръ уголовного права П. Фейербахъ ²⁾.

Конецъ XVIII-го вѣка въ Германіи ознаменовался широкимъ энергичнымъ введеніемъ метафизики въ область правовѣдѣнія трудами такихъ первокласныхъ философовъ, какъ И. Кантъ ³⁾ и І. Фихте ⁴⁾. Первые десятилѣтія XIX-го вѣка въ свою очередь отличались глубокимъ проникновеніемъ блестящей метафизики Г. Гегеля ⁵⁾ въ область правовѣдѣнія. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, метафизическій приѣмъ находитъ себѣ довольно распространенное примѣненіе въ XIX-мъ вѣкѣ и въ области уголовного права. Такъ, напр., К. С. Цахаріэ ⁶⁾ и Э. Генке ⁷⁾

— Tomo I — MDCCLXXX; Libro II — Tomo II — MDCCLXXX; Libro III parte prima — Tomo III — MDCCLXXXIII; Libro III parte secunda — Tomo IV — MDCCLXXXIII; Libro IV — Tomo V — MDCCLXXXV. Уголовнаго права касается главнымъ образомъ III-я книга.

1) Іеремія Бентамъ (Jeremy Bentham) родился въ 1748 г., умеръ въ 1832. Въ 1780 году Бентамъ напечаталъ сочиненіе: *Introduction to the principles of morals and legislation*, но, по совѣтамъ друзей, въ виду замѣченныхъ важныхъ недостатковъ этого сочиненія, не выпустилъ его въ продажу. Потомъ это сочиненіе было передѣлано. Въ этой передѣлкѣ оно было издано по французски Дюмономъ (Dumont) въ Парижѣ въ 1789 г., подъ заглавіемъ: *Principes de législation*. Лучшій русскій переводъ этого сочиненія принадлежитъ А. Н. Пыпину. Іеремія Бентамъ — Избранныя сочиненія. І. Введеніе въ основанія законодательства. Переводъ А. Пыпина. С.-Петербургъ. 1867.

2) Павелъ Іоаннъ Ансельмъ Фейербахъ (Paul Johann Anselm Feuerbach) родился въ 1775 г., умеръ въ 1833. — Paul Johann Anselm Feuerbach — *Revision der Grundsätze und Grundbegriffe des positiven peinlichen Rechts. Erster Theil — Erfurt, 1799. Zweiter Theil — Chemnitz, 1800.*

3) Иммануилъ Кантъ (Immanuel Kant) родился въ 1724 г., а умеръ въ 1804. Знаменитое сочиненіе Канта о правѣ — „Метафизическія основныя начала ученія о правѣ“ было напечатано впервые въ Кёнигсбергѣ въ 1797 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre von Immanuel Kant. Königsberg. 1797.*

4) Іоаннъ Готлибъ Фихте (Johann Gottlieb Fichte) родился въ 1762 г., а умеръ въ 1814. Извѣстное сочиненіе Фихте о правѣ было напечатано впервые въ двухъ томахъ въ 1796 и 1797 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Grundlage des Naturrechts nach Principien der Wissenschaftslehre von Johann Gottlieb Fichte. Jena und Leipzig. I Band — 1796. II Band — 1797.*

5) Георгъ Гегель (Georg Wilhelm Friedrich Hegel) родился въ 1770 г., умеръ въ 1831. — Georg Wilhelm Friedrich Hegel — *Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Grundlinien der Philosophie des Rechts. Berlin. 1821.*

6) Карлъ Цахаріэ (Karl Salomo Zachariä) родился въ 1769 г., умеръ въ 1843. — Karl Salomo Zachariä. — *Anfangsgründe des philosophischen Criminalrechts. Leipzig. 1805.*

7) Эдуардъ Генке (Hermann Wilhelm Eduard Henke) родился въ 1783 г., умеръ въ 1869. — Eduard Henke — *Ueber den Streit der Strafrechtstheorien. Regensburg. 1811.* — Hermann Wilhelm Eduard Henke — *Lehrbuch der Strafrechtswissenschaft. Zürich 1815.*

выступаютъ въ своихъ сочиненіяхъ по уголовному праву послѣдователями Канта, а Р. Кёстлинъ ¹⁾, Г. Гельшнеръ ²⁾ и А. Бернеръ ³⁾ — послѣдователями Гегеля. Метафизическій приѣмъ находитъ себѣ примѣненіе и въ сочиненіяхъ другихъ криминалистовъ, какъ напр., въ сочиненіяхъ итальянскаго криминалиста Ф. Каррары ⁴⁾.

Широкое развитіе естественныхъ наукъ въ XIX-мъ вѣкѣ, ихъ замѣчательныя открытія и блестящіе успѣхи, достигнутые благодаря полнѣйшему отреченію отъ метафизики и строго послѣдовательному примѣненію одного лишь позитивнаго, положительнаго метода въ его различныхъ видахъ, оказали свое вліяніе главнымъ образомъ со второй половины XIX-го вѣка и на представителей науки уголовного права. Увлеченіе метафизическимъ приѣмомъ стало ослабѣвать, и выдающіеся

1) Рейнгольдъ Кёстлинъ (Christian Reinhold Köstlin) родился въ 1813 г., умеръ въ 1856 г. — C. R. Köstlin — Neue Revision der Grundbegriffe des Criminalrechts. Tübingen. 1845.

2) Гуго Гельшнеръ (Hugo Hälschner) родился въ 1817 г., умеръ въ 1889. — Hugo Hälschner — System des Preussischen Strafrechtes. Erster oder allgemeiner Theil des Systems, Bonn, 1858. Zweiter Theil, Die Verbrechen gegen das Recht der Privatperson, Bonn, 1868. — Hugo Hälschner — Das gemeine deutsche Strafrecht. Bonn. I Band, Die allgemeinen strafrechtlichen Lehren, 1881. II Band, Der besondere Theil des Systems, Erste Abtheilung, 1884; Zweite Abtheilung, 1887.

3) Альбертъ Бернеръ (Albert Friedrich Berner) родился въ 1818 г. — Albert Friedrich Berner — Lehrbuch des Deutschen Strafrechtes. Leipzig. 1857. Последнее 18-е изданіе вышло въ 1898 г. въ Лейпцигѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Въ послѣднихъ изданіяхъ своего учебника Бернеръ сталъ отступать отъ проведенія своихъ прежнихъ взглядовъ, навѣянныхъ философій Гегеля. Учебникъ уголовного права А. Ф. Бернера переведенъ со 2-го изданія (1862 г.) Н. А. Неклюдовымъ. Учебникъ уголовного права части общая и особенная. А. Ф. Бернера. Съ примѣчаніями, приложеніями и дополненіями по исторіи русскаго права и законодательству положительному Магистра Угол. Пр. Н. Неклюдова. С.-Петербургъ. Томъ I — Часть общая (а, точнѣе, введеніе) — 1865. Томъ I — Часть общая — Выпускъ III (а, точнѣе, II) — 1866. Томъ II — Часть особенная — 1867.

4) Франческо Каррара (Francesco Carrara) родился въ 1805 г., умеръ въ 1888. Знаменитое сочиненіе Каррары носить названіе — Programma del corso di diritto criminale. Это сочиненіе содержитъ общую часть курса уголовного права, parte generale и особенную, parte speciale. Общая часть напечатана впервые въ 1863 г. въ одномъ томѣ. Она издавалась нѣсколько разъ. Пятое изданіе ея вышло въ 1877 г. въ двухъ томахъ: Programma del corso di diritto criminale dettato nella r. universita di Pisa dal professore Francesco Carrara. Parte generale. Quinta edizione. Lucca. 1877. Vol. I e II. Особенная часть курса уголовного права въ семи томахъ издавалась также нѣсколько разъ подъ заглавіемъ: Programma del corso di diritto criminale dettato . . . dal professore Francesco Carrara. Parte speciale. 1-й томъ ея напечатанъ въ 1864 г. 4-е же изданіе 1-го тома этой особенной части напечатано въ Луккѣ въ 1878 г.

криминалисты новѣйшаго времени вполне ясно и сознательно пришли къ убѣжденію, что наука уголовного права дѣйствительно можетъ быть наукой въ истинномъ смыслѣ этого слова только въ томъ случаѣ, когда она разъ навсегда освободится отъ метафизическаго приѣма и будетъ разрабатываться только съ помощью положительнаго метода въ его различныхъ видахъ, дѣйствительно примѣнимыхъ въ ея области.

Въ XIX-мъ вѣкѣ начинается правильное пониманіе историческаго приѣма криминалистами. Примѣненіе этого приѣма къ разработкѣ уголовного права упрочивается и приобретаетъ довольно большую распространенность. Къ числу наиболѣе выдающихся ученыхъ, способствовавшихъ своими трудами разработкѣ исторіи уголовного права, принадлежать: Джемсъ Фицджерсъ Стифенъ ¹⁾ — въ Англіи, В. Вильда ²⁾, Г. Гельшнеръ ³⁾, Г. Гейбъ ⁴⁾ — въ Германіи, А. Ф. Кистяковскій ⁵⁾, Н. А. Неклюдовъ ⁶⁾, Н. С. Таганцевъ ⁷⁾ и И. Я. Фойницкій ⁸⁾ —

1) Джемсъ Фицджерсъ Стифенъ (James Fitzjames Stephen) родился въ 1-й половинѣ, а умеръ въ началѣ девяностыхъ годовъ XIX-го вѣка. — Sir James Fitzjames Stephen — A history of the criminal law of England. London. 1883. I, II and III vol.

2) Вильгельмъ Вильда (Wilhelm Eduard Wilda) родился въ 1800 г., умеръ въ 1856. — W. E. Wilda — Das Strafrecht der Germanen. Halle. 1842.

3) Hugo Hälschner — Geschichte des Brandenburgisch-Preussischen Strafrechtes. Bonn. 1855.

4) Густавъ Гейбъ (Gustav Geib) родился въ 1808 г., умеръ въ 1864. — Gustav Geib — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. Erster Band. Geschichte. Leipzig. 1861.

5) Александръ Ѳеодоровичъ Кистяковскій родился въ 1833 г., умеръ въ 1885. А. Кистяковскій — Изслѣдованіе о смертной казни. Кіевъ. 1867. Второе изданіе этого изслѣдованія вышло въ 1896 г. — А. Ѳ. Кистяковскій — Элементарный учебникъ общаго уголовного права съ подробнымъ изложеніемъ началъ русскаго уголовного законодательства. Часть общая. Третье изданіе, печатанное безъ перемѣн со второго А. Ѳ. Кистяковского. Кіевъ. 1891.

6) Николай Адриановичъ Неклюдовъ родился въ 1840 г., умеръ въ 1896. — Учебникъ уголовного права. Части общая и особенная. А. Ф. Бернера. Съ примѣчаніями, приложениями и дополненіями по исторіи русскаго права и законодательству положительному Магистра Угол. Пр. Н. Неклюдова. Т. I. (Вып. I). Часть общая (а, точнѣе, введеніе). С.-Петербургъ 1865. Приложение третье. Очеркъ исторіи русскаго уголовного права. с. 159—286. — Т. I. Вып. III (а, точнѣе, вып. II.). Часть общая. С.-Петербургъ. 1866.

7) Николай Степановичъ Таганцевъ родился въ 1843 г. — Н. С. Таганцевъ — О повтореніи преступленій. С.-Петербургъ. 1867. — Н. С. Таганцевъ — Лекціи по русскому уголовному праву. Часть общая. С.-Петербургъ. Четыре выпуска: 1-й — въ 1887 г., 2-й — въ 1888, 3-й — въ 1890 и 4-й — въ 1892.

8) Иванъ Яковлевичъ Фойницкій родился въ 1847 г. — И. Я. Фойницкій — Ссылка на Западъ въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи. С.-Петербургъ. 1881. — И. Я. Фойницкій — Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремнѣдѣніемъ. С.-Петербургъ. 1889.

въ Россіи и Ж. Луазелёр¹⁾ и Ж. Ортоланъ²⁾ — во Франціи.

Въ XIX-мъ же столѣтіи начинается развиваться правильное понятіе о сравнительно-историческомъ приѣмѣ изслѣдованія. Этотъ приѣмъ начинается употребляться и въ наукѣ уголовного права, но имѣетъ сравнительно небольшое примѣненіе. Въ числѣ наиболѣе выдающихся примѣнителей этого приѣма въ области уголовного права находятся: Ф. фонъ Гольцендорфъ³⁾ и К. Миттермайеръ⁴⁾ — въ Германіи и А. О. Кистяковскій⁵⁾, Н. С. Таганцевъ⁶⁾ и И. Я. Фойницкій⁷⁾ — въ Россіи.

Догматическій приѣмъ имѣетъ самое широкое примѣненіе въ области науки уголовного права въ XIX-мъ вѣкѣ. Разработка этой науки въ эти времена производится главнымъ образомъ съ помощью этого приѣма. Уголовное право cadaго культурнаго народа получаетъ догматическую обработку, и сочиненія, богатые ею появляются въ большомъ количествѣ. Къ числу наиболѣе выдающихся ученыхъ, оказавшихъ большое содѣйствіе развитію догмы уголовного права, принадлежать: К. Янка⁸⁾ — въ Австріи, Д. Ф. Стифенъ⁹⁾ — въ Англіи, Ж. Гаусъ¹⁰⁾ — въ Бельгіи, П.

1) Жюль Луазелёр (Jules Loiseleur). — M. Loiseleur — Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes. Paris. 1863.

2) Жюль Ортоланъ (Jules Ortolan). — J. Ortolan — Eléments de droit pénal. 4-ème édition. 2 volumes. Paris. 1875.

3) Францъ фонъ Гольцендорфъ (Franz von Holtzendorff) родился въ 1829 г., умеръ въ 1889. — F. von Holtzendorff — Die Deportation als Strafmittel in alter und neuer Zeit und die Verbrecherkolonien der Engländer und Franzosen. Leipzig. 1859.

4) Карлъ Миттермайеръ (Carl Josef Anton Mittermaier) родился въ 1787 г., умеръ въ 1867. — C. J. A. Mittermaier — Die Todesstrafe. Heidelberg. 1862. — К. Ю. Миттермайеръ — Смертная казнь по результатамъ научныхъ изслѣдованій, успѣховъ законодательства и опытовъ. Переводъ А. Саранцова. С.-Петербургъ. 1864.

5) Изслѣдованіе о смертной казни. — Элементарный учебникъ общаго уголовного права.

6) О повтореніи преступленій. — Лекціи по русскому уголовному праву.

7) Ив. Фойницкій — Мошенничество по русскому праву. Сравнительное изслѣдованіе. С.-Петербургъ. 1871. — Ссылка на Западъ. — Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремновѣдѣніемъ.

8) К. Янка (K. Janka) родился въ 1837 г., умеръ въ 1888. — K. Janka — Das österreichische Strafrecht. Prag. 1884. Четвертое изданіе этого учебника вышло въ Вѣнѣ въ 1902 г.: K. Janka — Das österreichische Strafrecht. Vierte Auflage von E. von Kallina. Wien. 1902.

9) A digest of the criminal law. (Crimes and punishments). By the late Sir James Fitzjames Stephen. Fifth edition by Sir Herbert Stephen . . . and Harry Lushington Stephen . . . London and New York. 1894.

10) Ж. Гаусъ умеръ въ 1881 г. — J. J. Haus — Principes généraux de droit pénal belge. Tome I, Gand, 1874. Tome II, Gand, Paris, 1874. 1-е изданіе вышло въ 1869 г. Это — общая часть.

Фейербахъ ¹⁾, Г. Гельшнеръ ²⁾, Г. Гейбъ ³⁾, А. Бернеръ ⁴⁾ и Ф. фонъ Листъ ⁵⁾ — въ Германіи, Ф. Каррара ⁶⁾, Э. Пессина ⁷⁾ и Б. Алимена ⁸⁾ — въ Италіи, А. О. Кистяковскій ⁹⁾, Н. А. Неклюдовъ ¹⁰⁾, Н. С. Таганцевъ ¹¹⁾ и И. Я. Фойницкій ¹²⁾ — въ Россіи и А. Шово и Ф. Эли ¹³⁾,

1) Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen Peinlichen Rechts von Dr. Anselm Ritter von Feuerbach. Mit vielen Anmerkungen und Zusatzparagraphen... herausgegeben von Dr. C. J. A. Mittermaier. 14 Auflage. Giesseen. 1847. Первое изданіе этого учебника Фейербаха напечатано въ 1801 г.

2) H. Hälschner — System des Preussischen Strafrechtes. II und III Theil. Das gemeine deutsche Strafrecht. 2 Bände.

3) Gustav Geib — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. Zweiter Band. System. Allgemeine Lehre. Leipzig. 1862.

4) A. F. Berner — Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 18-te Auflage. 1898.

5) Францъ фонъ Листъ (Franz von Liszt) родился въ 1851 г. — Franz von Liszt — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. 10-te Auflage. 1900.

6) F. Carrara — Programma del corso di diritto criminale. Parte generale e parte speciale.

7) Энрико Пессина. — E. Pessina — Manuale del diritto penale italiano. Napoli. Parte prima, 1893 (общая часть). Parte seconda, 1895 (особенная часть).

8) Бернардино Алимена. — Bernardino Alimena — I limiti e i modificatori dell' imputabilità. Torino. Volume primo — Introduzione, Naturalismo critico e diritto penale, 1894. Volume secondo — La non imputabilità, 1896. Volume terzo — La giustificazione, 1899.

9) А. О. Кистяковскій — Изслѣдованіе о смертной казни. — Элементарный учебникъ общаго уголовного права съ подробнымъ изложеніемъ началъ русскаго уголовного законодательства.

10) Н. Неклюдовъ — Руководство для Мировыхъ Судей. 2-е изданіе. С.-Петербургъ. 1874. Томъ II. — Н. А. Неклюдовъ — Общая часть уголовного права (Конспектъ). С.-Петербургъ. 1875. — Н. А. Неклюдовъ — Руководство къ особенной части русскаго уголовного права. С.-Петербургъ. Томъ I и II — 1876. Томъ III — 1878. Томъ IV — 1880.

11) Н. С. Таганцевъ — О повтореніи преступленій. — Н. С. Таганцевъ — О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву. С.-Петербургъ. Томъ I — 1870. Томъ II — 1871. — Н. С. Таганцевъ — Курсъ русскаго уголовного права. Часть общая. Ученіе о преступленіи. Санктпетербургъ. Три выпуска: 1-й — въ 1874 г., 2-й — въ 1878 и 3-й — въ 1880. — Н. С. Таганцевъ — Лекціи по русскому уголовному праву. Часть общая. Четыре выпуска.

12) И. Я. Фойницкій — Мошенничество по русскому праву. — Ссылка на Западъ. — Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремовѣдѣніемъ. — И. Я. Фойницкій — Курсъ уголовного права. Часть особенная. Посягательства личныя и имущественныя. 4-е изданіе. С.-Петербургъ. 1901. Первое изданіе этого курса сдѣлано въ Петербургъ въ 1890 г.

13) Адольфъ Шово и Фостенъ Эли, родившіяся въ 1799 г. — Adolphe Chauveau et Faustin Hélie — Théorie du code pénal. 3-ème édition. Paris. 1852. 6 volumes. 1-е изданіе вышло въ Парижѣ въ 8 томахъ въ 1834 — 1842 г.

Э. Требюсиень¹⁾, Ж. Ортоланъ²⁾ и Р. Гарро³⁾ — во Франціи.

Въ XIX-мъ вѣкѣ продолжается выработка уголовно-политическаго приѣма изслѣдованія, вырабатывается понятие объ уголовной политикѣ и начинаетъ складываться мысль, что поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія должно быть признано высшимъ руководящимъ принципомъ уголовной политики у культурныхъ народовъ⁴⁾. Въ ряду наиболѣе выдающихся писателей, оказавшихъ важныя услуги уголовной политикѣ, находятся: Ю. Варга — въ Австріи⁵⁾, І. Бентамъ⁶⁾ — въ Англіи, П. Фейербахъ⁷⁾, Г. Бёмеръ⁸⁾, Э. Генке⁹⁾, Р. Кёстлинъ¹⁰⁾, Г. Гельшнеръ¹¹⁾ и Ф. фонъ Листъ¹²⁾ — въ Германіи,

1) Э. Требюсиень. — E. Trébutien — Cours élémentaire de droit criminel. Paris. 1854. 2 volumes.

2) J. Ortolan — Eléments de droit pénal. 1875. 2 volumes.

3) P. Garpo. — R. Garraud — Précis de droit criminel contenant l'explication élémentaire de la partie générale du code pénal, du code d'instruction criminelle et des lois qui ont modifié ces deux codes. 2-ème édition. Paris. 1885. Последнее 7-е изданіе этого учебника вышло въ Парижѣ въ 1901 г. — R. Garraud — Traité théorique et pratique du droit pénal français. Paris. Tome I-er — et II-ème — 1888. Tome III-ème — 1889. Tome IV-ème — 1891. Tome V-ème — 1893.

4) P. Poustoroslew — Faut-il admettre l'extradition des nationaux? Actes du Congrès Pénit. Intern. de Bruxelles. Vol. II. p. 314—315. Этотъ докладъ напечатанъ въ первый разъ въ 1899 г. въ Bulletin de la Commission Pénit. Intern. Quatrième série. Livraison I. См. въ этомъ изданіи с. 2—3.

5) Julius Vargha — Die Abschaffung der Strafknechtschaft. Studien zur Strafrechtsreform. Graz. I Theil, 1896. II Theil, 1897.

6) Traité de législation civile et pénale, Précédés de Principes généraux de Législation, et d'une Vue d'un Corp complet de Droit: terminés par un Essai sur l'influence des Temps et des Lieux relativement aux Lois. par M. Jérémie Bentham, jurisconsulte anglois. Publiés en François par Ét. Dumont, de Genève, d'après les Manuscrits confiés par l'Auteur. Tomes I, II et III. A Paris. An X=MDCCCII. — Jérémie Bentham — Théorie des peines et des recompenses. Paris. 1818. 2 volumes.

7) Feuerbach — Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen Peinlichen Rechts. Herausgegeben von Dr. Mittermaier. 1847.

8) Георгъ Бёмеръ (Georg Wilhelm Böhrer) родился въ 1761 г., умеръ въ 1839. — Georg Wilhelm Böhrer — Handbuch der Litteratur des Criminalrechts in seinen allgemeinen Beziehungen, mit besonderer Rücksicht auf Criminalpolitik nebst wissenschaftlichen Bemerkungen. Göttingen. 1816.

9) Eduard Henke — Handbuch des Criminalrechts und der Criminalpolitik. Berlin und Stettin. I Theil — 1823. II Theil — 1826. III Theil — 1830. IV Theil — 1838. Четвертая часть относится къ уголовно-судебному праву.

10) R. Köstlin — Neue Revision der Grundbegriffe des Criminalrechts. Tübingen. 1845.

11) H. Hälschner — Das gemeine deutsche Strafrecht. 2 Bände. 1881—1887.

12) Von Liszt — Kriminalpolitische Aufgaben. Zeitschrift f. d. g. Strafrechtswissenschaft. IX-er Band, S. 452—498; 737—782. X-er Band, S. 52—82. XII-er Band,

Д. Карминьяни ¹⁾ и Б. Алимена ²⁾ — въ Италиі, Н. А. Неклюдовъ ³⁾, А. О. Кистяковскій ⁴⁾, Н. С. Таганцевъ ⁵⁾, И. Я. Фойницкій ⁶⁾ и Н. А. Полетаевъ ⁷⁾ — въ Россіи и А. Шово и Ф. Эли ⁸⁾, Э. Требюсиенъ ⁹⁾, Ж. Ортоланъ ¹⁰⁾, Г. Жоли ¹¹⁾, Г. Тардъ ¹²⁾, Р. Гарро ¹³⁾ и Л. Проаль ¹⁴⁾ — во Франціи.

Въ XIX-мъ вѣкѣ возникаетъ двѣ новыхъ отрасли знанія, которыя при правильномъ развитіи могутъ принести много пользы наукѣ уголовного права, хотя крайніе представители ихъ, въ пылу увлеченія, и утверждаютъ, что онѣ должны поглотить науку уголовного права

S. 161—192. — Franz von Liszt — Задачи уголовной политики, въ изложеніи Б. Гурвича. — Franz von Liszt — Das Verbrechen als social-pathologische Erscheinung. Dresden. 1899. — V. Liszt — Die Aufgaben und die Methode der Strafrechtswissenschaft. Zeitschrift. Berlin. 1900. XX B. S. 161—174. — Franz von Liszt — Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. 1900.

1) Джіованни Карминьяни. — Théoria delle leggi della sicurezza sociale di Giovanni Garmignani. 4 tomi. Pisa. 1831—1832.

2) B. Alimena — I limiti e i modificatori dell' imputabilità. 3 volumi.

3) Н. Неклюдовъ — уголовно-статистическіе этюды. Этюдъ первый. Статистическій опытъ изслѣдованія фізіологическаго значенія различныхъ возрастовъ чловѣческаго организма по отношенію къ преступленію. С.-Петербургъ. 1865. — Н. А. Неклюдовъ — Общая часть уголовного права (Конспектъ).

4) А. О. Кистяковскій — Изслѣдованіе о смертной казни. — А. О. Кистяковскій — Элементарный учебникъ общаго уголовного права. 1891.

5) Н. С. Таганцевъ — Курсъ русскаго уголовного права. — Н. С. Таганцевъ — Лекціи по русскому уголовному праву. 4 выпуска.

6) И. Я. Фойницкій — Вліяніе временъ года на распредѣленіе преступленій. На досугъ. Т. I. с. 261—397. См. выше с. 55 прим. 1. — И. Я. Фойницкій — Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремновѣдніемъ.

7) Николай Александровичъ Полетаевъ родился въ 1833 г. — Н. Полетаевъ — Обь основаніяхъ вмѣненія по началамъ положительной философіи. С.-Петербургъ. 1890.

8) A. Chauveau et F. Hélie — Théorie du code pénal.

9) E. Trébutien — Cours élémentaire de droit criminel.

10) J. Ortolan — Eléments de droit pénal.

11) Генри Жоли. — Henri Joly — L'homme et l'animal. 2-ème édition. Paris. 1886. — H. Joly — Le crime. Etude sociale. 3-ème éd. Paris. 1888. — H. Joly — La France criminelle. 2-ème éd. Paris 1889. — H. Joly — Le combat contre le crime. Paris. 1892.

12) Габріэль Тардъ родился въ 1843 г. — G. Tarde — La criminalité comparée. Paris. 1886. — G. Tarde — La philosophie pénale. 3-ème éd. Lyon. Paris. 1892.

13) R. Garraud — Précis de droit criminel. 1885. — R. Garraud — Traité théorique et pratique du droit pénal français. 1888—1893.

14) Луи Проаль. — Louis Proal — Le crime et la peine. Paris. 1892.

и стать на ея мѣсто. Эти новыя отрасли знанія — уголовная антропология и уголовная социология ¹⁾).

Уголовная антропология есть учение о преступномъ человѣкѣ и его особенностяхъ, о происхожденіи преступности въ человѣкѣ, о преступленіи и цѣлесообразной борьбѣ съ преступленіемъ и преступностью.

Основателемъ уголовной антропологии является итальянскій профессоръ Чезаре Ломброзо ²⁾). Онъ положилъ начало ея въ семидесятихъ годахъ XIX-го вѣка своимъ сочиненіемъ о преступномъ человѣкѣ. Оно печаталось впервые по частямъ подъ заглавіемъ „L'uomo delinquente in rapporto all' antropologia, giurisprudenza ed alle discipline carcerarie“, съ 1871-го года по 1876-й ³⁾). Съ теченіемъ времени,

1) В. Д. Спасовичъ — Новыя направленія въ наукѣ уголовного права. Вѣстникъ Европы. С.-Петербургъ. 1891. № 10. Второе изданіе этой статьи напечатано въ Москвѣ въ 1898 г. — Адолфъ Принсъ — Новыя доктрины уголовного права. Лекція 1895 г. Переводъ съ Французскаго Н. Р. 1897. С.-Петербургъ. — Е. Д. Синицкій — Моралистическое направленіе въ уголовномъ правѣ. Сборникъ правовѣденія и общественныхъ знаній. С.-Петербургъ. 1895. Т. IV. с. 224—295 (изложеніе ученій Г. Жоли.). — В. В. Пржевальскій — Профессоръ Францъ Листъ и его основныя воззрѣнія на преступленіе и наказаніе. Сборникъ правовѣденія. 1896. Т. VI. с. 70—127. — Julius Vargha — Die Abschaffung der Strafknechtschaft. Graz. 1896. I. Theil. II. Die naturwissenschaftliche Methode der Kriminologie. S. 163—267. — М. П. Чубинскій — Общая характеристика новыхъ ученій въ уголовномъ правѣ. Киевъ. 1898. — М. П. Чубинскій — Наука уголовного права и ея составные элементы. Ж. М. Ю. 1902. № 7. с. 3 — 72. — С. П. Мокринскій — Наказаніе, его цѣли и предположенія. Москва. 1902. Часть I. с. 1—50. — Л. С. Бѣлогриць-Котляревскій — Новыя направленія въ уголовномъ правовѣдѣніи. Ж. М. Ю. 1903. № 1. с. 83—120; № 2. с. 152—178. — С. П. Мокринскій — Этико-политическое направленіе въ уголовномъ правѣ. Ж. М. Ю. 1903. № 3. с. 3—15.

2) Чезаре Ломброзо (Cesare Lombroso) родился въ 1836 г. По профессіи онъ — медикъ, профессоръ судебной медицины въ университетѣ въ Туринѣ.

3) Сочиненіе Ломброзо „L'uomo delinquente“ было напечатано впервые въ Atti del Istituto Lombardo. Оно выдержало нѣсколько изданій. Второе изданіе вышло въ 1878 г., третье — въ 1884 и четвертое — въ 1885. Cesare Lombroso — L'Uomo Delinquente. 4 ed. Torino. 1885. Сочиненіе Ломброзо о преступномъ человѣкѣ переведено по нѣмецки и по французски. — Der Verbrecher in anthropologischer, ärztlicher und juristischer Beziehung von Cesare Lombroso. In deutscher Bearbeitung von Dr. M. O. Fränkel. Hamburg. 1887. — César Lombroso — L'homme criminel. Criminel-né-fou moral-épileptique. Étude anthropologique et médico-legale. Traduit sur la IV-e édition italienne par MM. Bernier et Bournet et précédé d'une préface du Dr. Ch. Letourneau. Paris. 1887. — César Lombroso — L'homme criminel. Atlas. Deuxième Édition. Rome. Turin. Florence. 1888. — C. Lombroso e R. Laschi — Il delitto politico e le Rivoluzioni in rapporto al diritto, all' antropologia criminale ed alla scienza del governo. Torino. 1890. — C. Lombroso

въ новыхъ изданіяхъ этого сочиненія Ломброзо вносилъ различныя измѣненія въ свое ученіе о преступномъ человѣкѣ, но сущность этого ученія, — признаніе существованія прирожденныхъ преступниковъ и преступнаго типа съ различными физическими и психическими особенностями или признаками, — постоянно оставалась и остается неизмѣнной до сихъ поръ.

Такъ, по ученію Ломброзо, среди человѣческаго рода (*genus — homo*) существуетъ особый физическій или психо-физическій видъ или типъ съ нѣсколькими разновидностями. Это — прирожденные преступники (*homo delinquens, delinquente nato*), съ ихъ подраздѣленіями на убійцъ, воровъ, изнасилвателей и т. д. Прирожденный преступникъ родится со спеціальной способностью къ преступленію и, при первомъ удобномъ случаѣ, примется за преступную дѣятельность. Чтобы быть преступникомъ нѣтъ надобности находиться въ здоровомъ умѣ и твердой памяти: преступникомъ можетъ быть и идіотъ, и сумасшедшій. Прирожденный преступникъ имѣетъ отличительные признаки, какъ физическіе, такъ и психическіе. Первыми служатъ анатомическія особенности въ строеніи скелета, черепа, лица, тѣла, а вторыми выступаютъ особенности въ чувствахъ, въ свойствахъ характера, въ языкѣ и т. д.

Въ позднѣйшихъ изданіяхъ своего сочиненія о преступномъ человѣкѣ Ломброзо сознается, что въ средѣ преступниковъ 40 % имѣютъ, а 60 % не имѣютъ преступнаго типа¹⁾, но за то этотъ типъ встрѣчается у 2—3 % въ кругу не преступниковъ или людей, считающихся честными. Однако, этотъ процентъ, по словамъ Ломброзо²⁾, нельзя считать точнымъ, такъ какъ не всѣ люди, считающіеся честными, дѣйствительно честны³⁾.

& G. Ferrero — Женщина преступница и проститутка. Переводъ д-ра Г. И. Гордона. Съ 13 таблицами внѣ текста. Кіевъ. Харьковъ. 1897. Это сочиненіе напечатано по итальянски въ 1893 г. — C. Lombroso — Преступленіе. Переводъ д-ра Г. И. Гордона. С.-Петербургъ. 1900. — Cesare Lombroso — Die Ursachen und Bekämpfung des Verbrechens. Autorisirte Übersetzung von Dr. Hans Kurella und Dr. E. Jentsch. Berlin. 1902. Этотъ переводъ сдѣланъ съ итальянскаго изданія, вышедшаго въ 1899 г.

1) Lombroso — L'homme criminel. Préface de l'auteur. p. XIII. — Troisième partie. p. 669.

2) Lombroso — L'homme criminel. p. 242—243.

3) Нельзя не отмѣтить признанія Ломброзо (L'homme criminel. p. 243—244.), что, изслѣдуя 400 лицъ, жизнь которыхъ была ему извѣстна, онъ нашелъ у одного изъ нихъ, дѣйствительно честнаго человѣка, полный преступный типъ, а у 213 честныхъ людей — какой-нибудь изъ признаковъ преступнаго типа.

Ученіе Ломброзо нашло себѣ много приверженцевъ ¹⁾, но встрѣтило и много противниковъ. Противники этого ученія вполнѣ доказали, что его основныя положенія о существованіи прирожденных преступниковъ и преступнаго типа съ различными физическими и психическими особенностями или клеймами не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, но составляютъ продуктъ слишкомъ спѣшныхъ и неправильныхъ умозаключеній, не удовлетворяющихъ строгимъ требованіямъ логики ²⁾.

Тѣмъ не менѣе, благодаря неутомимымъ трудамъ, увлеченію и

1) Bordier — Examen de trente-six crânes d'assassins. Paris. 1879. — E. Ferri — I nuovi orizzonti del diritto e della procedura penale. Bologna. 1881. — E. Ferri — Dei limiti fra diritto penale ed antropologia criminale. Bologna. 1881. — Р. Минцловъ — Особенности класса преступниковъ. Юридическій Вѣстникъ. Москва. 1881. № X. с. 216—246; № XI. с. 255—418; № XII. с. 577—606. — Д. А. Дриль — Молодые преступники. Москва. 1885. — R. Garofalo — Criminologia. Torino. 1885. — R. Garofalo — La criminologie. Paris. 1888. — A. Marro — I caratteri dei delinquenti. Torino. 1887. — Д. А. Дриль — Психофизическіе типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями. Юридическій Вѣстникъ за 1889 г.: № I. с. 1—53; № III. с. 377—392; № V. с. 3—22; VI — VII. с. 171—195 и за 1890 г.: № II. с. 201—243; № III. с. 425—461. — Ch. Féré — Dégénérescence et criminalité. Paris. 1888. — Emile Laurent — Les habitués des prisons de Paris. Paris. 1890. — Havelock Ellis — Преступникъ. Переводъ съ англійскаго доктора А. М. Гринберга подъ редакціей профессора И. А. Сикорскаго. Кіевъ. Харьковъ. 1898. [Это сочиненіе напечатано по англійски въ первый разъ въ 1890 г. подъ заглавіемъ „The criminal“. — Ch. Letourneau — L'évolution juridique dans les diverses races humaines. Paris. 1891. p. 507—510. — H. Kurella — Die Naturgeschichte des Verbrechers. Stuttgart 1893. — E. Bleuler — Der geborene Verbrecher. München. 1896.]

2) G. Tarde — Le type criminel. Revue Philosophique. Paris. 1885. T. XIX. № VI. — Luigi Lucchini — I Semplicisti del Diritto Penale. 1886. Это сочиненіе Луккини переведено по французски подъ заглавіемъ: L. Lucchini — Le droit pénal et les nouvelles théories. 1892. — Henri Joly — Le crime. 1888. — А. Вульфѣртъ — Антрополого-позитивная школа уголовного права въ Италіи. Выпускъ I, Москва, 1887. Выпускъ II, Ярославль, 1893. — G. Tarde — La philosophie pénale. 1892. — Von Liszt — Kriminalpolitische Aufgaben. Zeitschrift f. d. g. Strafrechtswissenschaft. IX B. S. 462—472. — Franz von Liszt — Задачи уголовной политики, въ изложеніи Бориса Гурвича. с. 11—19. — П. П. Пусторослевъ — Понятіе о преступленіи. Москва. 1891. с. 16—25. прим. 5. — П. П. Пусторослевъ — Анализъ понятія о преступленіи. Москва. 1892. с. 152—162. — Louis Proal — Le crime et la peine. — И. Фойницкій — Женщина-преступница. Сѣверный Вѣстникъ. С.-Петербургъ. 1893. № 2. с. 123—144; № 3. с. 111—140. — Arthur Mac Donald — Abnormal man, being essays on education and crime and related subjects, with digests of literature and a bibliography. Washington. 1893. — P. Poustoroslew — Criminalité et imputabilité. Уч. Зап. Имп. Юрьев. Унив. 1900. № 1. р. 47—54. — Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій — Новыя направленія въ уголовномъ правовѣдѣніи. Ж. М. Ю. 1903. № 1. с. 85—120.

настойчивости Ломброзо и его приверженцевъ, уголовная антропологія получила большое развитіе ненаучнаго характера и дала мало цѣнныхъ выводовъ. Правильная научная разработка уголовной антропологіи есть дѣло будущаго.

Не смотря на это, нѣкоторые изъ криминалистовъ, какъ напр., Д. А. Дриль¹⁾, отказываясь отъ нѣкоторыхъ выдающихся крайностей современной уголовной антропологіи²⁾, но продолжая увлекаться ею, находятъ необходимымъ подвергнуть уголовное право преобразованіямъ въ духѣ уголовной антропологіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что уголовное право каждаго культурнаго государства нашего времени настоятельно нуждается въ преобразованіяхъ; но они должны быть произведены не въ духѣ уголовной антропологіи, а соотвѣтственно требованіямъ уголовной политики, твердо руководимой правильно понятымъ принципомъ всесторонняго возможно большаго народнаго благосостоянія.

Отъ уголовной антропологіи переходимъ къ уголовной социологи.

Уголовная социологія есть ученіе о происхожденіи, проявленіи и напряженіи преступности въ человѣческомъ обществѣ и цѣлесообразной общественной борьбѣ съ нею.

Уголовная социологія развилась на почвѣ работъ по уголовной статистикѣ.

Честь почина этихъ работъ принадлежитъ бельгійскому математику и астроному А. Кетле³⁾, итальянскому писателю А. Бальби⁴⁾ и французскому изслѣдователю А. Герри⁵⁾. Ихъ работы, касающіяся уголовной статистики, были напечатаны въ первый разъ въ 1829 г.⁶⁾

1) Д. А. Дриль — Молодые преступники. — Д. А. Дриль — Позитивная школа уголовного права и ея противники. Юридическій Вѣстникъ. Москва. 1886. № XI. с. 539—554. — Д. А. Дриль — Психофизическіе типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями. Юрид. Вѣстникъ. 1889 г.: № I, III, V и VI—VII. 1890 г.: № II и III. — Д. А. Дриль — Антропологическая школа и ея критики. Юрид. Вѣстникъ. 1890. № XII. с. 579—599. — Д. А. Дриль — Преступность и преступники. С.-Петербургъ. 1895. 2-е изданіе въ 1899 г.

2) Къ числу осторожныхъ приверженцевъ уголовной антропологіи, рѣшительно отказывающихся отъ крайностей ученія Ломброзо и его горячихъ послѣдователей, принадлежитъ В. Ф. Чижъ. В. Ф. Чижъ — Преступный человѣкъ передъ судомъ и врачевой науки. Казань. 1894. Отд. отт. Изъ Неврологическаго Вѣстника т. II, Вып. I.

3) Адольфъ Жакъ Кетле (Adolphe Jaques Quetelet Lambert) родился въ 1786 г., умеръ въ 1874.

4) Адриано Бальби (Adriano Balbi) родился въ 1782 г., умеръ въ 1848.

5) Андрѣ Мишель Герри (André Michel Guerry) родился въ 1802 г., умеръ въ 1867.

6) Adolphe Quetelet — Recherches statistiques sur le royaume des

Въ 1835 году Кетле напечаталъ свое изслѣдованіе „О человѣкѣ и развитіи его способностей или опытъ соціальной физики“ ¹⁾ и этимъ изслѣдованіемъ положилъ основаніе уголовной соціологіи. Впослѣдствіи, въ 1869 году, Кетле издалъ эту работу вторично въ переработанномъ видѣ, подъ заглавіемъ „Соціальная физика или опытъ о развитіи способностей человѣка“ ²⁾, но главныя идеи, имѣющія важное значеніе для уголовной соціологіи, оставилъ безъ измѣненій.

Основываясь на данныхъ уголовной статистики, Кетле указываетъ, что въ одномъ и томъ же человѣческомъ обществѣ одни и тѣ же преступленія производятся каждый годъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ. Доказательствомъ служитъ то, что годовыя числа однихъ и тѣхъ же преступленій очень близки другъ къ другу (*Physique sociale*. Т. I. р. 95—96. — Т. II. р. 249 note 1 et р. 252.). Можно сказать, продолжаетъ Кетле (р. 97.), что есть особая подать, которую человѣкъ платитъ гораздо правильнѣе, чѣмъ ту, которую онъ долженъ природѣ или казначейству, это — подать, которую онъ платитъ преступленію. Можно вычислить заранѣе, сколько лицъ обгабитъ свои руки въ крови себѣ подобныхъ, сколько будетъ подлоговъ, сколько отравителей.

Общество, говоритъ Кетле (р. 97.), заключаетъ въ себѣ зародыши всѣхъ преступленій, которыя совершатся. Оно въ нѣкоторомъ родѣ само подготавливаетъ преступленія, а виновный служитъ лишь орудіемъ для осуществленія ихъ. Каждое состояніе общества предполагаетъ такимъ образомъ извѣстное число и извѣстный порядокъ

Pays-Bas. Mémoires de l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. Bruxelles. 1829. Tome V. Первое указаніе на постоянство, съ которымъ повторяются каждый годъ среди одного и того же населенія одни и тѣ же преступленія, было сдѣлано Кетле, судя по его словамъ (A. d. Quetelet — *Physique sociale* ou essai sur le développement des facultés de l'homme. Bruxelles. Paris. Saint-Petersbourg. 1869. Tome I. р. 96. Note 2-ème.), въ его *Recherches statistiques* въ 1829 г. (р. 43.). — Adolphe Quetelet — *Recherches sur le penchant au crime aux différents âges*. Mémoires. 1832. T. VII. — Adolphe Quetelet — *Statistique criminelle de la Belgique*. Bruxelles. 1832.

A. Guerry et A. Balbi — *Statistique comparée de l'état de l'instruction et du nombre des crimes dans les divers arrondissements des cours royales et des académies universitaires de France*. Paris. 1829. — A. Guerry — *Essai sur la statistique morale de la France*. Paris. 1833.

1) A. d. Quetelet — *Sur l'homme et le développement de ses facultés* ou essai de physique sociale. Bruxelles 1835. 2 volumes.

2) A. d. Quetelet — *Physique sociale* ou essai sur le développement des facultés de l'homme. Bruxelles. Paris. Saint-Petersbourg. 1869. 2 volumes.

преступлений. Преступления вытекают съ необходимой послѣдовательностью изъ самого строя общества. Хотя это наблюдение и кажется съ перваго взгляда способнымъ привести въ отчаяніе, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается утѣшительнымъ, такъ какъ указываетъ на возможность улучшенія людей посредствомъ измѣненія ихъ учреждений, привычекъ, степени образованности и вообще всего того, что оказываетъ вліяніе на ихъ образъ поведенія. Это наблюдение представляетъ собой въ сущности не что иное, какъ выраженіе закона, отлично извѣстнаго всѣмъ философамъ, изучавшимъ общество въ физическомъ отношеніи. Онъ состоитъ въ томъ, что пока продолжаютъ существовать тѣ же самыя причины, нужно ожидать тѣхъ же самыхъ послѣдствій. Послѣдствія пропорціональны причинамъ (*Physique sociale*. 1869. Т. II. р. 255.).

Кетле положилъ основаніе уголовной соціологіи, но не выдѣлилъ ея изъ своей соціальной физики въ отдѣльную отрасль знанія и не далъ ей особаго названія. Выдѣленіе уголовной соціологіи въ особую отрасль знанія и надѣленіе ея названіемъ „уголовной соціологіи“ было сдѣлано въ Италіи въ 80-хъ годахъ. Первое сочиненіе, посвященное уголовной соціологіи, какъ особой отрасли знанія, и озаглавленное ея особымъ именемъ, принадлежитъ Н. Колаянни¹⁾. Оно вышло въ 1884 г. на итальянскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „*Socialismo e sociologia criminale*“ т. е. социализмъ и уголовная соціологія.

Самымъ талантливымъ, самымъ дѣятельнымъ представителемъ уголовной соціологіи, хотя и увлекающимся до крайностей, считается итальянскій профессоръ Э. Ферри²⁾. Признавая большія заслуги за

1) Наполеонъ Колаянни, Napoleone Colajanni. — N. Colajanni — *Socialismo e sociologia criminale*. Catania. 1884. — N. Colajanni — *Oscillations thermométriques et délits contre les personnes*. Archives de l'anthropologie criminelle et des sciences pénales. Lyon. 1886. Т. I. — N. Colajanni — *La question contemporaine de criminalité*. Revue socialiste. Janvier. 1888. — N. Colajanni — *sociologia criminale*. Catania. 1889.

2) Энрико Ферри (Enrico Ferri) родился въ 1856 г. — E. Ferri — *La teoria dell' imputabilità e la negazione del libero arbitrio*. Bologna. 1878. — E. Ferri — *Dei sostitutivi penali*. Diritto penale ed antropologia criminale. Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale. Torino. 1880. Т. I. — Enrico Ferri — *I nuovi orizzonti del diritto e della procedura penale*. Bologna. 1881. — E. Ferri — *Dei limiti fra diritto penale ed antropologia criminale*. Bologna. 1881. — Ferri — *Studi sulla criminalità in Francia dal 1826 al 1878*. Annali di statistica del Ministero di agricoltura e commercio. Roma. 1881. — Ferri — *Das Verbrechen in seiner Abhängigkeit von dem jährlichen Temperaturwechsel*. Zeitschrift f. d. g. Strafrechtswissenschaft. 1882. II-ter Band. — Ferri — *La scuola positiva di diritto pe-*

наукой уголовного права въ прошедшемъ, онъ утверждаетъ, что въ настоящее время она потеряла почти всякое научное значеніе и должна уступить мѣсто новой наукѣ, — уголовной социологіи: „ex morte vita“ (Ferri — *Das Verbrechen*. S. 487, а также S. 486—490. См. также *La Justice Pénale*). При ближайшемъ же разсмотрѣніи главныхъ сочиненій Ферри, посвященныхъ этой новой отрасли знанія¹⁾, открывается съ полнѣйшей очевидностью, что она носитъ только названіе уголовной социологіи, а въ дѣйствительности представляетъ соединеніе уголовной социологіи въ чистомъ ея видѣ съ уголовной антропологіей подъ главенствомъ уголовной социологіи, а потому, при точности терминологіи, должна быть названа уголовной антропо-социологіей.

Въ своей уголовной социологіи или, точнѣе, въ уголовной антропо-социологіи Ферри излагаетъ и развиваетъ свое ученіе о троякихъ факторахъ преступности, индивидуальных или антропологическихъ, социальныхъ или общественныхъ и физическихъ или космическихъ (*Das Verbrechen*. S. 120—134; 148—178.). Главное значеніе онъ придаетъ антропологическимъ и социальнымъ факторамъ (*La Justice Pénale*. p. 10—42; 45.).

Ферри опредѣляетъ въ своей уголовной социологіи или, точнѣе, въ своей уголовной антропо-социологіи и понятіе о преступленіи, но попадаетъ въ ошибки, неясности и противорѣчія. Онъ признаетъ преступленіемъ всякое дѣйствіе человѣка, вызванное противообщественными побужденіями, нарушающее условія существованія человѣческаго союза

nale. Siena. 1883. — E. Ferri — *socialismo e criminalità*. 1883. — E. Ferri — *I nuovi orizzonti del diritto e della procedura penale*. 2 edizione. Bologna. 1884. — E. Ferri — *La scuola criminale positiva*. Napoli. 1885. — E. Ferri — *Sociologia criminale*. 3 ed. Torino. 1892. Это сочиненіе *Sociologia criminale* представляетъ переработку сочиненія *I nuovi orizzonti*, а потому и обозначается въ качествѣ 3-го изданія. „Уголовная социологія“ Ферри напечатана по французски подъ заглавіемъ: *La Sociologie criminelle*. Paris. 1893., а по нѣмецки подъ заглавіемъ: *Das Verbrechen als sociale Erscheinung*. Grundzüge der Kriminal-Sociologie von Enrico Ferri. Autorisirte deutsche Ausgabe von Dr. Hans Kurella. Leipzig. 1896. Четвертое изданіе уголовной социологіи Ферри вышло въ Итали въ 1900 г. подъ слѣд. заглавіемъ: Enrico Ferri — *Sociologia criminale*. Quarta edizione. Torino. 1900. — Enrico Ferri — *La Justice Pénale*. Son Évolution. — Ses Défauts. — Son Avenir. Résumé du cours de Sociologie criminelle fait à l'institut des hautes études de l'université nouvelle. Bruxelles. 1898.

1) См. различныя переработки главнаго сочиненія, выпущеннаго Ферри подъ различными заглавіями: *I nuovi orizzonti*, *Sociologia criminale*, *La sociologie criminelle*, *Das Verbrechen als sociale Erscheinung* и резюме курса уголовной социологіи подъ заглавіемъ — *La Justice Pénale*.

въ данное время въ данномъ мѣстѣ ¹⁾. Не смотря на всѣ измѣненія формъ преступности, говоритъ Ферри (*La Justice Pénale*. p. 11.), сущность ея состоитъ въ противообщественныхъ побужденіяхъ и нарушеніи условій существованія. Соединеніе этихъ двухъ элементовъ образуетъ атавическую преступность, *la criminalité atavique* т. е. преступность, отзывающуюся временами дикости. Таково, напр., убійство изъ личной мести или съ цѣлью похищенія имущества.

Нарушеніе же условій существованія безъ противообщественныхъ побужденій, продолжаетъ онъ (p. 11.), образуетъ эволютивную преступность, обусловленную политическимъ или социальнымъ фанатизмомъ [*la criminalité évolutive (par fanatisme politique ou social)*]. Подъ именемъ эволютивной преступности Ферри разумѣетъ преступность, способствующую социальному прогрессу. Сумасшедшіе и преступники (въ ихъ эволютивныхъ формахъ), говоритъ Ферри (p. 11.), точно такъ же, какъ и геніи, но только въ совершенно иной степени, всегда были и будутъ факторами социального прогресса, благодаря ихъ любви къ новизнѣ, благодаря ихъ готовности къ жертвамъ, благодаря ихъ моноидеизму т. е. беззавѣтной преданности и повиновенію одной руководящей идеѣ, однимъ словомъ, — благодаря ихъ разнымъ особенностямъ, потрясающимъ консервативный мизонеизмъ т. е. консервативную цѣпкую привязанность къ старому, свойственную среднему нормальному челоуѣку. Каждое общество (господствующій классъ), добавляетъ Ферри (p. 11.), имѣетъ право защищаться противъ нападеній эволютивной преступности, но не имѣетъ права смѣшивать ее съ атавической преступностью.

Виновность, по ученію Ферри (*Das Verbrechen*. S. 274—326. — *La Justice Pénale*. p. 57; 62—63.), не входитъ въ составъ преступленія. Чтобы быть преступникомъ нѣтъ надобности быть виновнымъ въ нарушеніи условій существованія челоуѣческаго союза по противообщественнымъ побужденіямъ. Преступникомъ является не тотъ, кто виновенъ въ томъ, что, по увлеченію противообщественными побужденіями, нарушилъ условія существованія челоуѣческаго союза, а тотъ, кто по противообщественнымъ побужденіямъ нарушилъ эти условія. Находился ли этотъ нарушитель во время своего поступка въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, или былъ сумасшедшимъ, или идіотомъ, это — безразлично: онъ — все равно преступникъ.

1) Ferri — *La Justice Pénale*. p. 11. „Suivant Ferri, Berenini, etc., le crime est „tout acte déterminé par des motifs antisociaux, qui offense les conditions d'existence de la collectivité à telle ou telle époque et dans tel ou tel endroit““.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1894 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученые Записки распадается на два отдѣла: оффиціальный и научный.

Въ оффиціальномъ отдѣлѣ помѣщается годовой отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорныя лекціи и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Е. Пассежъ.**
